

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ТЕГЕРАНА
ЧЕРЕЗЪ ТУРМЕНСКУЮ СТѢНУ ПО ВОСТОЧНОМУ БЕРЕГУ КАСПІЙСКАГО МОРЯ
ВЪ ХИВУ, БУХАРУ И САМАРКАНДЪ,

СОВЕРШЕННОЙ ВЪ 1863 ГОДУ

АРМИНІЕМЪ ВАМБЕРИ,

ЧЛЕНОМЪ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМІИ.

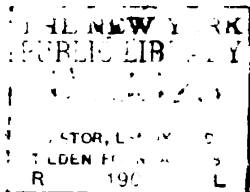
Съ картою Средней Азійи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1865.

KG. NO. 8322/04

Дозволено цензурою. 30 Сентября 1865 года.

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Книга г. Вамбери заняла одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ между европейскими изданіями нынѣшняго года и въ особенности интересна для насъ, Русскихъ.

Имя Арминія Вамбери будетъ включено въ число тѣхъ немногихъ героевъ науки и любознанія, которые отваживались проникнуть въ невѣдомыя страны и оканчивали съ успѣхомъ свое предпріятіе. Еще свѣжи въ памяти Европы имена Конолли и Стоддарта, пытавшихся проникнуть туда же, куда направлялся и Вамбери, и заплатившихъ жизнью за смѣлую попытку. Вамбери—единственный Европейецъ нашего времени, успѣвшій обойти Среднюю Азію, съ ея пустынными степями и полудикими ордами кочевниковъ и грабителей, и передавшій намъ результаты своего отважнаго предпріятія. Невозможно безъ чувства глубочайшаго уваженія отнестись къ этому благородному искателю знанія. Отказавшись отъ всѣхъ удобствъ Европейской жизни, въ рубищѣ, босой, полуголодный, покрытый корою грязи, въ толпѣ нищихъ бродягъ—онъ идетъ по путямъ, съ трудомъ доступнымъ для самихъ туземныхъ кочевниковъ, проникаетъ въ отдаленнѣйшія и мрачнѣйшія тущобы Татарскаго варварства, сопровождаемый всюду подозрѣніями кровожадныхъ фанатиковъ и корыстолюбцевъ, — и проходитъ вездѣ невредимо, благодаря своему мужеству и наукѣ, которая дала ему возможность отречься отъ себя самаго и принять образъ той полуварварской среды, съ которою онъ рѣшился ознакомиться непосредственно. Въ этомъ заключается тотъ общій интересъ книги г. Вамбери, который снискалъ ей и ея автору общій почетъ. Его путевыя записки, составляющія первую часть книги, отрывочны и неполны, но они дышатъ свѣжестью, искренностью и живостью изображеній, что придаетъ имъ увлекательность, не ослабѣвающую отъ начала до конца; а если принять въ соображеніе, какъ мало было писано о Средней Азіи, то замѣтки очевидца пріобрѣтаютъ тѣмъ большую цѣну. Во второй части книги представленъ цѣльный и связный очеркъ территорій Средне-Азіатскихъ государствъ, ихъ политическаго и гражданскаго устройства и быта, исторіи и т. п., въ которомъ безъ сомнѣнія найдутъ для себя полезныя свѣдѣнія даже люди, специально изучающіе все, что касается этихъ странъ.

Но если книга г. Вамбери представляетъ живой интересъ вообще для читателя-Европейца, то для насъ Русскихъ она имѣетъ настолько большее значеніе, насколько Средняя Азія ближе къ Россіи, чѣмъ къ какой-либо другой Европейской націи, и по своему географическому положенію, и по той массѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ, которая постепенно и непрерывно стягивается въ тѣснѣйшій узелъ, привязывающій Средне-Азіатскія страны къ Россіи. Относительно этихъ странъ, Россіи предназначена историческими судьбами первенствующая роль въ дѣлѣ водворенія цивилизаціи и гражданственности, къ чему побуждаютъ ее какъ общечеловѣческіе интересы, такъ и

необходимость оградить прочно свои пограничныя владѣнія отъ той безурядицы, какая господствуетъ въ странахъ Туркестана и съ которыми подробно знакомитъ книга г. Вамбери. Читателямъ уже извѣстны изъ газетъ послѣднія событія въ тѣхъ странахъ, недавніе подвиги Русскаго оружія, которое безъ особенныхъ усилій упрочиваетъ тамъ положеніе, предоставляемое Россіи всѣми естественными и политическими условіями. Въ книгѣ г. Вамбери читатели найдутъ указанія и мнѣнія, вполне оправдывающія такое направленіе нашей политики, не смотря на то что онъ относится къ Россіи скорѣе недоброжелательно, чѣмъ дружелюбно. Будучи съ одной стороны Венгерцемъ по происхожденію и патриотизму, а съ другой—Англичаниномъ по образованію и симпатіямъ,—онъ относится къ Россіи какъ бы съ предубѣжденіемъ и нѣкоторымъ чувствомъ зависти. Но въ концѣ концовъ, сила вещей—хаотическое состояніе Туркестана и необходимость внести туда прочныя сѣмена гражданственности—такъ велики, что Вамбери находитъ совершенно естественнымъ, чтобы роль сѣятеля выпала на долю Россіи, которая имѣетъ къ тому большую возможность и поводы. Замѣтимъ, что къ тому же заключенію пришла и Англійская журналистика, подвергавшая весьма живому обсужденію наши дѣйствія въ Средней Азій. Впрочемъ все это читателямъ извѣстно изъ нашихъ журналовъ, обратившихъ на этотъ предметъ должное вниманіе и доселѣ продолжающихъ разсматривать со всѣхъ сторонъ вопросъ о значеніи для насъ Средней Азій. Намъ остается выразить увѣренность, что нашею періодическою прессой положенъ широкій путь для книгъ, подобныхъ книгѣ г. Вамбери, и что эта книга встрѣтитъ въ нашей публикѣ то же, вполне заслуживаемое ею вниманіе, какимъ встрѣтили ее, въ англійскомъ изданіи, почти всѣ наши газеты и журналы, посвятившіе ей болѣе или менѣе лестные отзывы.

Прибавимъ, что мы передавали показанія и сужденія Вамбери безъ всякихъ измѣненій, хотя, какъ замѣчено выше, онъ относится къ Россіи не всегда доброжелательно и справедливо: для мудрыхъ поучительны какъ похвалы, такъ и порицанія. Нѣкоторые факты, сообщаемые авторомъ, невѣрны, нѣкоторые подверглись измѣненіямъ въ послѣднее время,—но все это читателямъ извѣстно изъ газетъ и они безъ труда отличать невѣрности и искаженія.

Къ изданной нами книгѣ приложена карта Средней Азій, составляющая копію съ такой же карты, приложенной къ англійскому изданію этой книги. Карта эта представляетъ всѣ страны Туркестана, со всѣми необходимыми географическими подробностями; на ней обозначенъ и путь, которымъ шелъ Вамбери.

27 Сентября 1865 года.

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.
I—II.

Предисловіе автора.

ЧАСТЬ I:

- ГЛАВА I. *Путешествіе въ Персію.* Сонъ на лошади. Тегеранъ. Пріемъ въ Турецкомъ посольствѣ. Турція и Персія. Посѣщеніе Европы Феррукъ-Ханомъ. Война между Достъ-Мохаммедъ-Ханомъ и Султанъ-Ахмедъ-Ханомъ. Поездка въ Ширазъ 1.
- ГЛАВА II. Возвращеніе въ Тегеранъ. Содѣйствіе суннитовъ, дервишей и хаджи въ Турецкомъ посольствѣ. Авторъ знакомится съ караваномъ или съ Татарскими хаджи, возвращающимися изъ Мекки. Различные пути. Авторъ рѣшается присоеди- ниться къ хаджи. Хаджи-Билаль. Представленіе автора будущимъ его спутникамъ. Выборъ дороги черезъ Юмуть и Великую степь 7.
- ГЛАВА III. *Отъ Тегерана до Каспійскаго моря.* Отъѣздъ изъ Тегерана въ сѣверо-восточномъ направленіи. Описаніе членовъ каравана. Вражда между Ши- тамп и Суннитскими хаджи. Мазадеранъ, Зирабъ, Геотень. Тигры и шакалы. Сарп, Каратепе. 13.
- ГЛАВА IV. Каратепе. Разговоръ автора съ однимъ Афганомъ. Нуръ-Улла. Сомнѣніе въ моемъ дервишскомъ званіи. Хаджи приготавлиются къ путешествію черезъ пустыню. Афганская колонія. Надиръ-Шахъ. Первое впечатлѣніе на Каспій. Якубъ, Туркменскій лодочникъ. Талисманъ любви. Отъѣздъ въ Ашуръ-Адэ, путе- шествіе по Каспію, Русская часть Ашуръ-Адэ, Русскіе военные суда на Каспійскомъ морѣ. Туркменскій предводитель на Русской службѣ. Опасеніе быть узнаваемъ. Пріѣздъ въ Гемюштепе и къ устью Гургена 18.
- ГЛАВА V. *Отъ Каспія до Хивы.* Пріѣздъ въ Гемюштепе, гостеприимный пріемъ хаджи. Ханджанъ. Древняя Греческая стѣна. Вліяніе улемовъ. Первая ка- менная мечеть номадовъ. Татарскіе гайды, Персидскіе рабы. Поездка на сѣверо- востокъ Гемюштепе. Татарская невѣста и пиръ. Приготовленіе Хивинскаго кер- ванбаши къ путешествію черезъ пустыню. Верблюды. Илья-Бекъ, наемщикъ вер- блюдовъ. Сдѣлка съ Хульханомъ. Туркменская экспедиція на кражу лошадей въ Персію 25.
- ГЛАВА VI. Отъѣздъ изъ Гемюштепе. Туркменскія могилы. Неприятное приключеніе съ дикими кабанями. Plateau на сѣверъ Гемюштепе. Обычай номадовъ. Туркменское гостеприимство, послѣдній козелъ. Персидскій рабъ. Начало пустыни. Туркменская жена и раба. Этрекъ. Персидскіе рабы. Русскій матросъ. Предпола- гаемый союзъ Юмутьовъ съ Текке. Свиданіе съ керванбаши. Племя Кемъ. Проща- ніе съ Этрекомъ. Афганы затѣваютъ сорку. Описаніе каравана 38.
- ГЛАВА VII. Керванбаши требуетъ, чтобы авторъ не дѣлалъ замѣтокъ. Емъ-Мегемедъ и благородство его брата. Вожатый сбивается съ пути. Керентаги, древнія развалины, странно Греческія. Малый и Большой Балканъ. Древнее русло Оксуса. Вендетта. Странствіе отъ жадъ 48.
- ГЛАВА VIII. Громъ. Газели и дикіе ослы. Прибытіе на возвышенность Кастанкиръ. Древнее русло. Мирный лагерь. Всадники. Газаватъ. Въѣздъ въ Хи- ву. Дукавство Афгана. Свиданіе съ ханомъ. У автора требуютъ обрашника Турец- каго почерка. Почетная одежда, оцѣниваемая человѣческими головами. Ужасная казнь плѣнныхъ. Особая казнь женщинъ. Кунградъ. Послѣднее благословеніе хана. 60.
- ГЛАВА IX. *Отъ Хивы до Бухары.* Отъѣздъ изъ Хивы. Переправа че- резъ Аму-Дарью. Жары. Шураханъ. Вазаръ. Станный разговоръ съ Киргизской женщиной о кочевой жизни. Тююкюю. Аламанъ Текке. Караванъ въ слугуъ воз- вращается въ Тююкюю, принужденъ бѣжать въ степь. „Разрушитель жизни.“ Жажда. Смерть верблюдовъ. Смерть одного хаджи. Бурный вѣтеръ. Опасное со- стояніе автора. Гостеприимный пріемъ Персидскихъ рабовъ. Первое впечатлѣніе „благородной“ Бухары. 76.
- ГЛАВА X. Бухара. Пріемъ въ Текке, главнымъ глѣзъ исламизма. Рах- медъ-Би. Базары. Бага-эд-динъ, великій святой Туркестана. Шпіоны осаждаютъ автора. Судьба послѣднихъ путешественниковъ въ Бухарѣ. Близкий базаръ. Бо- лѣзнь червь. Водопроводы. Прегніе вмиры и настоящій. Гаремъ. Правительство. Семейство царствующаго вмира. Торговля рабами. Отъѣздъ изъ Бухары и посѣ- щеніе могилы Бага-эд-дина 87.
- ГЛАВА XI. *Отъ Бухары до Самарканда.* Маленькая степь Чель-Мелікъ. Пер- вый взглядъ на Самаркандъ. Хазрети-Шахъ-Зинде, Тимурская мечеть, цитадель (аркъ),

- пріемная Тимура, тронъ Тимура и его учителя. Авторъ осматриваетъ теперешнюю могилу Тимура въ подземельѣ. Боранъ, приписываемый Осману, секретарю Мохаммеда. Училища, старая обсерваторія, Греко-Армянская книжная торговля. Архитектура общественныхъ зданій. Современный Самаркандъ, его населеніе. Авторъ рѣшается возвратиться. Пріѣздъ, свиданіе автора съ нимъ. Разлука съ хаджи и отъѣздъ изъ Самарканда 101.
- ГЛАВА XII. *Отъ Самарканда до Герата.* До Барши черезъ степь. Номады. Барши, древній Нагзѣбъ. Торговля и мануфактура. Керки. Аму-Дарья. Бѣглый рабъ. Эрвари-Туркмены. Мезари-Шеріеъ. Балхъ. Авторъ присоединяется къ каравану изъ Бухары. Рабство. Андкуи. Іекегуть. Хайрабадъ. Маймене. Аккале 112.
- ГЛАВА XIII. Маймене, его политическое положеніе и важность. Правитель-ство. Соперничество Бухары и Кабула. Достъ-Мохаммедъ-Ханъ. Ишанъ-Эйюбъ и Молла-Хальмурадъ. Ханство и крѣпость Маймене. Бѣгле Русскіе преступники. Рѣка Мургабъ и Бала-Мургабъ. Джемшидъ и Аѳганъ. Разорительный таріеъ на товары. Лихоміства и дурная администрація Аѳгановъ 123.
- ГЛАВА XIV. *Гератъ.* Вѣдственное положеніе Герата. Базаръ. Нищета ав-тора. Сердаръ Мехеммедъ-Якубъ-Ханъ. Парадъ Аѳганскихъ войскъ. Свиданіе съ сердаромъ. Поведеніе Аѳганцевъ во время штурма Герата. Визиръ Назиръ-Наимъ. Майоръ Тоддъ. Мозалла и могила Султанъ-Гусейнъ-Мирзы. Могила Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Мохаммедъ-Хана 135.
- ГЛАВА XV. *Отъ Герата до Лондона.* Авторъ ѣдетъ въ Мешгедъ. Кушунъ, послѣдній Аѳганскій городъ. Ложная тревога изъ-за дивихъ ословъ. Спорная почва между Аѳганской и Персидской территоріей. Раздвоеніе дороги. Юсуфъ-Ханъ-Хезара. Феримонъ. Полковникъ Дольмаджъ. Султанъ-Мурадъ-Мирза. Авторъ открывається Гератскому сердару. Тегеранъ и встрѣча съ Турецкимъ chargé d'affaires Измаиль-Эсеиди. Радужный пріемъ м-ра Алисона и Англійскаго посольства. Сви-даніе съ шахомъ. Возвращеніе черезъ Трапезундъ и Константинополь въ Пештъ. Авторъ оставляетъ Хивинскаго мулла въ Пештъ и ѣдетъ въ Лондонъ. Радужный пріемъ въ Лондонъ 143.
- ЧАСТЬ II:**
- ГЛАВА XVI. *Туркмены въ политическомъ и общественномъ отношеніи.* Грани-цы и раздѣленіе на племена. Ни правителей, ни подданныхъ. Дебъ. Исламъ. Реформа, произведенная имъ, только внѣшняя. Вліяніе мулла. Постройка коче-выхъ палатокъ. Аламаны. Трусоетъ Персіанъ. Туркменскіе погты, трубадуры. Сва-дебный обрядъ. Лошади. Шотыны, когда и какъ онѣ образовались. Похороны. Нападенія Туркменъ. Общія черты ихъ исторіи. Ихъ политическое и географическое значеніе въ настоящее время 149.
- ГЛАВА XVII. *Хива.* Столица, главное раздѣленіе, ворота и кварталы го-рода; базары, мечети, медресе; какъ они основываются и чѣмъ существуютъ. По-лиція. Ханъ и его правительство. Такса, суды. Каналы. Политическое раздѣленіе ханства. Произведенія почвы, мануфактура и торговля, дороги. Населеніе—Узбеки, Туркмены, Каракалпаки, Касаки или Киргизы, Сартъ, Персіане. Исторія Хивы въ XIX столѣтіи. Ханы и ихъ генеалогія 162.
- ГЛАВА XVIII. *Бухара.* Городъ Бухара, ворота, кварталы, мечети, учили-ща, училище царицы Екатерины, базары. Политическая система. Ханство, жители: Узбеки, Таджики, Киргизы, Арабы, Мервы, Персіане, Индусы, Евреи. Правитель-ство. различные сановники. Политическое раздѣленіе. Армія. Краткій очеркъ исторіи 179.
- ГЛАВА XIX. *Коканъ.* Жители. Раздѣленіе. Города: Коканъ, Ташкентъ, Ход-жендъ, Мерголанъ, Эндиджанъ, Газнети-Турестана, Ушъ. Политическое положеніе. Послѣднія войны 188.
- ГЛАВА XX. *Китайская Татарія.* Приближеніе къ ней съ запада. Админи-страція. Жители. Города 203.
- ГЛАВА XXI. Сообщенія Средней Азіи съ Россіей, Персіей и Индіей. Доро-ги въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи 203.
- ГЛАВА XXII. *Общее обзорнѣе земледѣлія, мануфактуръ и торговли.* Зем-ледѣліе. Разныя породы лошадей, овцы, верблюды, ослы. Мануфактуры. Торговля и коммерческое вліяніе Россіи на Среднюю Азію 211.
- ГЛАВА XXIII. *Внутреннія и внѣшнія политическія отношенія Средней Азіи.* Внутреннія отношенія между Хивой, Бухарой и Коканомъ. Внѣшнія отношенія къ Турціи, Персіи, Китаю и Россіи 216.
- ГЛАВА XXVI. *Соперничество Русскихъ съ Англичанами въ Средней Азіи.* Положеніе Россіи и Англіи въ отношеніи къ Средней Азіи. Успѣхи Россіи на Яксартъ 221—223.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Я родился въ Венгріи, въ 1842 г., въ маленькомъ городѣ Дуна Шердахели, на одномъ изъ большихъ острововъ Дуная. Вслѣдствіе особенной склонности къ лингвистическимъ наукамъ, я въ ранней молодости принялся изучать различныя нарѣчія Европы и Азіи. Прежде всего предметомъ моихъ внимательныхъ изученій были различныя исторіи Восточныхъ и Западныхъ литературъ. Впослѣдствіи я сталъ интересоваться взаимными отношеніями между языками, и неудивительно, что по пословицѣ: *posce te ipsum*, я обратилъ преимущественное вниманіе на свойство и происхожденіе моего роднаго языка.

Что Венгерскій языкъ принадлежитъ племени, называемому Алтаническимъ, это давно извѣстно, но принадлежитъ ли онъ къ Финской или Татарской отрасли—это вопросъ, ожидающій разрѣшенія. Это изслѣдованіе, интересное для насъ, Венгерцевъ *), и въ научномъ отношеніи и съ національной точки зрѣнія, — было главной побудительной причиною моего путешествія по Востоку. Мнѣ хотѣлось опредѣлить, посредствомъ практическаго изученія живыхъ языковъ, положительную степень родства, существующаго, какъ мнѣ казалось, между нарѣчіями Венгерскимъ и Турко-Татарскимъ, когда я разсматривалъ ихъ при слабомъ свѣтѣ, раскрытомъ передо мною теоріей. Я сперва отправился въ Константинополь. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Турецкихъ домахъ и частыя посѣщенія Исламскихъ школъ и книжныхъ лавокъ скоро преобразили меня въ Турка, даже въ эфенди. Успѣхи моихъ лингвистическихъ изслѣдованій побуждали меня ѣхать дальше на Востокъ. Я рѣшился предпринять путешествіе въ Среднюю Азію и почелъ благоразумнымъ сохранить характеръ эфенди и посѣтить Востокъ въ качествѣ природнаго жителя Восточныхъ странъ.

Предыдущія замѣтки достаточно уяснили цѣль моего странствованія отъ Босфора до Самарканда. Геологическія или астрономическія изслѣдованія не входили въ мою программу и были бы несов-

*) Мнѣніе, что мы, Венгерцы, ищемъ въ Азіи остатки нашего племени, никогда не выселившихся отсюда, — ошибочно. Такая цѣль и по этнографическимъ и по филогическимъ причинамъ была бы совершенной невозможностью, могла бы послужить поводомъ къ обвиненію насъ въ грубомъ невѣжествѣ. Мы стремимся только узнать этимологическое строеніе нашего языка, и потому обращаемся за точными свѣдѣніями къ одноплеменнымъ нарѣчіямъ.

мѣстны съ принятымъ мною на себя характеромъ дервиша. Вниманіе мое было по большей части обращено на племена, живущія въ Средней Азіи, на ихъ общественные и политическіе отношенія, нравы, обычаи и привычки. Слабые очерки всего этаго читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ. Хотя, насколько позволяли обстоятельства и мои предварительныя занятія, я старался не терять изъ виду ничего касающагося географіи и статистики, но я все-таки смотрѣлъ на филологическія изслѣдованія—какъ на главный результатъ моего путешествія. Ихъ я намѣренъ предложить ученому міру послѣ зрѣлаго приготвленія. Эти изслѣдованія, а не факты, собранные на слѣдующихъ страницахъ, составляютъ въ моихъ глазахъ дѣйствительное вознагражденіе за странствованіе, въ которомъ мнѣ приходилось по мѣсяцамъ ходить въ рубищахъ, безъ необходимой пищи, подъ постоянной опасностью погибнуть жестокою, если не мученическою смертію. Меня можетъ быть упрекнуть за излишнюю сжатость и краткость изложенія, но имѣя опредѣленную цѣль, мы не должны терять изъ виду правила: *non omnia possumus omnes*.

Какъ новичекъ на поприщѣ, на которое меня вводитъ изданіе этаго разсказа, я считаю свою задачу вдвое труднѣе въ странѣ, какъ Англія, столь богатой описаніями путешествій. Цѣль моя была изложить ясно и просто все что я слышалъ и видѣлъ, все что сохранилось отчетливо въ моей памяти. Я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ и прошу снисхожденія публики. Читатели и критики найдутъ много погрѣшностей и свѣтъ, который я разолью можетъ быть на нѣкоторыя частности, почтется слишкомъ ничтожнымъ сравнительно съ понесенными мною трудами; но я умоляю не забывать, что я возвращаюсь изъ края, гдѣ смотрѣть считается безстыдствомъ, спрашивать преступленіемъ, записывать — смертнымъ грѣхомъ.

Сказаннаго достаточно для уясненія поводовъ и цѣлей моего путешествія. Что касается до слѣдующихъ страницъ, то во избѣжаніе перерывовъ, я раздѣлилъ книгу на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ путешествіе изъ Тегерана въ Самаркандъ и обратно, а вторая посвящена замѣткамъ о географическихъ, статистическихъ, политическихъ и общественныхъ подробностяхъ Средней Азіи. Я надѣюсь, что обѣ части будутъ равно интересны читателямъ, потому вопервыхъ, что я ѣздилъ по дорогамъ, на которыхъ еще не была нога Европейца, и вовторыхъ—мои замѣтки касаются предметовъ, только слегка или даже вовсе не затронутыхъ писателями о Средней Азіи.

Лондонъ, 28 сентября 1864 г.

А. Вамбери.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ГЛАВА I.

Путешествіе въ Персіи. — Сонъ на лошади. — Тегеранъ. — Приемъ въ турецкомъ посольствѣ. — Турція и Персія. — Посвященіе Евроимъ Феррукъ-Ханомъ. — Война между Достъ-Могаммедъ-Ханомъ и Султанъ-Ахмедъ-Ханомъ. — Поездка въ Ширазъ.

Je marchais et mes compagnons flottaient comme des branches par l'effet du sommeil. —
Victor Hugo, изъ Omaïah ben Aïedz.

Путешествовавшіе въ Персіи въ срединѣ іюля поймутъ, какъ я былъ радъ окончить переѣздъ отъ Тавриза до Тегерана. Это разстояніе всего въ пятнадцать или можетъ быть правильнѣе было бы сказать — въ тринадцать станцій каравана: не смотря на то, оно страшно утомительно, когда обстоятельства принуждаютъ тащиться медленно отъ станціи до станціи, подъ палящимъ солнцемъ, сидя на навьюченномъ мулѣ, и не видѣть ничего кромѣ сожженныхъ, бесплодныхъ пространствъ, характеризующихъ почти всю Персію. Какое горькое разочарованіе для того, кто изучалъ Персію только по Саади, Хакани и Гафизу, или еще хуже — составилъ себѣ идеальное понятіе о Востокѣ по прекраснымъ картинамъ: „Ost-Westlicher Divan“ Гёте, или по „Orientales“ Виктора Гюго, или по великолѣпнымъ описаніямъ Томаса Мура!

Не отъѣхали мы еще двухъ станцій отъ Тегерана, какъ джигитъ *) пришла идея продолжать путешествіе по ночамъ. Но и тутъ оказались неудобства: свѣжестъ ночей въ Персіи чрезвычайно располагаетъ ко сну; мѣрный шагъ животныхъ тоже дѣйствуетъ снотворно и нужно положительно цѣпляться за сѣдло или привязывать себя къ нему веревками, чтобы не быть сброшеннымъ на острые камни. Жители Востока, привыкшіе къ этимъ постояннымъ испытаніямъ, спятъ довольно спокойно на какомъ бы ни было сѣдлѣ и на чемъ угодно: на лошади, верблюдѣ, мулѣ или ослѣ; и меня не мало потѣшало видѣть, какъ высокіе, тощіе, долготелые Персіане вдуваютъ, почти касаясь земли ногами и положивъ головы на затылокъ терпѣливыхъ животныхъ. Въ такомъ положеніи Персіане дремлютъ какъ нельзя лучше и безсознательно про-

*) Тоже что керванбаша: содержатель верблюдовъ, муловъ, ословъ и пр.

ѣзжаютъ по нѣскольку станцій. Но въ то время, нужда, мать изобрѣтательности, еще не надѣлила меня необходимой опытностью, и пока большая часть моихъ спутниковъ ѣхали себѣ преспокойно, качаясь на сѣдлахъ въ сладкой дремотѣ, мнѣ оставалось только предаться всецѣло внимательному созерцанію Керванкуша или Первинса (Шлея); и я съ невыразимой тоской смотрѣлъ на край, откуда Сюгейль (Канопъ) и Ситарей-Сюбгъ (утренняя звѣзда) должны были возвѣститъ начало дня, приближеніе станцій и конецъ нашихъ мученій. Не удивительно, что я былъ близокъ къ состоянію полуразваренной рыбы, когда въ іюлѣ 1862 г. приближался къ столицѣ Персіи. Мы остановились въ двухъ англійскихъ миляхъ на берегу ручья, чтобы напоить нашихъ животныхъ. Остановка разбудила моихъ товарищей, они принялись протирать сонные глаза и указывать мнѣ на Тегеранъ, лежавшій передъ нами на сѣверо-востокъ. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ этомъ направленіи синеватый дымъ, поднимавшійся длинными струйками кверху; мѣстами сквозь дымъ видѣлись очертанія свѣтлыхъ куполовъ; наконецъ туманный покровъ исчезъ совершенно и я, какъ выражаются Персіяне, имѣлъ удовольствіе узрѣть передъ собою Дарюль Хилафе или мѣсто-пребываніе верховной власти—во всей его жалкой наготѣ.

Я вѣхалъ черезъ деравъ (ворота), но вѣроятно не скоро забуду препятствія, которыя мнѣ пришлось преодолѣть для проложенія себѣ пути. Ослы, верблюды и мулы, нагруженные ячменной соломой и тюками съ персидскими и европейскими товарами, тѣснились у вѣзда въ ворота въ самомъ страшномъ безпорядкѣ. Подложивъ ноги подъ себя на сѣдло и крича изо всѣхъ силъ, такъ же какъ и сосѣди мои: „Кабердаръ! кабердаръ!“ (берегитесь) мнѣ наконецъ удалось пробраться въ городъ, послѣ немалыхъ усилій. Я проѣхалъ черезъ базаръ и добрался до дома Турецкаго посольства, не получивъ ни одного серьезнаго поврежденія ни отъ давки, ни отъ ударовъ. Казалось бы, что было дѣлать въ Турецкомъ посольствѣ Венгерскому уроженцу, посланному Венгерской академіей съ ученою цѣлью въ Среднюю Азію? Это объяснено въ предисловіи, на которое я почтительно обращаю вниманіе читателей, не смотря на то, что принято считать всѣ предисловія и введенія скучными и ненужными.

Съ Гайдаръ Эфенди, представителемъ порты при Персидскомъ дворѣ, я познакомился еще въ Константинополѣ. Онъ былъ прежде посломъ въ Петербургъ и въ Парижъ. Но кромѣ личнаго знакомства съ нимъ, у меня были къ нему письма отъ его лучшихъ друзей; и рассчитывая на испытанное не разъ гостепріимство Турокъ, я былъ увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ. Потому я смотрѣлъ на Турецкое посольство, какъ на вѣрное пристанище въ будущемъ, и такъ какъ эти господа имѣютъ обыкновеніе на лѣто уѣзжать въ Джизеръ (въ двѣнадцать верстахъ отъ Тегерана), то я переодѣлся и отдохнувъ нѣсколько часовъ, чтобы вознаградить себя за безсонныя ночи, сѣлъ на осла, нанятаго для поѣздки за городъ, и черезъ два часа былъ у эфенди, въ великолѣпной шелковой палаткѣ, въ которой уже готовились сѣсть за обѣдъ, казавшійся мнѣ необыкновенно изящнымъ и привлекательнымъ.

Приѣмъ со стороны посланника и секретарей его былъ какъ нельзя болѣе радушень: мнѣ очистили немедленно мѣсто за столомъ и черезъ нѣсколько минутъ мы пустились разсуждать о Стамбулѣ и его прекра-

сныхъ видахъ, о султанѣ и его образѣ правленія. Ахъ! какъ освѣжительно дѣйствуетъ въ Тегеранѣ воспоминаніе о Воссорѣ! Что удивительнаго, что въ разговорѣ дѣлались частыя сравненія и между Персидскимъ и Турецкимъ образомъ жизни?

Для человѣка, легко поддающагося первымъ впечатлѣніямъ, Иранъ, тема столькихъ поэтическихъ восторговъ, въ сущности ничто иное какъ ужасающая пустыня, между тѣмъ какъ Турція въ самомъ дѣлѣ земной рай. Я признаю въ Персіанахъ вѣжливость приемовъ, находчивость и остроуміе, чего недостаетъ Османли; но отсутствіе этихъ свойствъ въ Османли съ избыткомъ вознаграждается честностью и благороднымъ прямотушіемъ, чѣмъ не могутъ похвалиться ихъ соперники. Персіане могутъ похвастать поэтической организаціей и древней цивилизаціей. Превосходство Османли доказывается ихъ вниманіемъ къ Европейскимъ языкамъ и стремленіемъ усвоить себѣ изслѣдованія Европейскихъ ученыхъ по химіи, физикѣ и исторіи.

Мы разговаривали до поздней ночи. Слѣдующій день былъ посвященъ представленіямъ другимъ Европейскимъ посланникамъ. Я нашелъ графа Гобино, императорскаго посла, въ маленькой палаткѣ въ саду, гдѣ было жарко, какъ въ котлѣ. Г. Алисонъ оказался болѣе комфортабельно помѣщеннымъ въ саду Гюлагекъ, занимаемомъ для него его правительствомъ. Онъ былъ очень любезенъ. Я имѣлъ часто случай, за его гостепріимнымъ столомъ, изучать вопросъ, отчего Англійскіе послы всюду отличаются въ семьѣ дипломатической — комфортомъ и роскошью своего образа жизни? Въ дополненіе къ Европейскому дипломатическому корпусу, я нашелъ тогда въ Тегеранѣ нѣсколько офицеровъ Французскихъ или Итальянскихъ, одного Австрійскаго инженера, фонъ Гастейгера, всѣхъ на службѣ у шаха, съ значительными оладами. Какъ я слышалъ, эти господа явились съ полною готовностью быть полезными и обладая всѣми необходимыми для этаго качествами; но всѣ ихъ попытки нейтрализуются совершенно систематическимъ недостаткомъ системы, характеризующимъ Персію, и низкими, тайными интригами Персіанъ.

Цѣль дипломатическаго путешествія Феррукъ-Хана по Европѣ была въ сущности та, чтобы показать нашимъ кабинетамъ, какъ Иранъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросъ о включеніи его въ группу благоустроенныхъ государствъ. Онъ просилъ помочь ему ввести въ его страну какъ можно скорѣе — чудотворный эликсиръ цивилизаціи. Вся Европа вообразила, что Персія готова принять всѣ европейскія начала и обычаи. Такъ какъ у Феррукъ-Хана была длинная борода, ходилъ онъ въ длинной одеждѣ и высокой шапкѣ, что придавало ему очень почтенный видъ, то наши министры по простодушію своему возымѣли къ нему неограниченное довѣріе. Изъ уваженія къ правительству, въ Персію начали стекаться толпами офицеры, артисты и ремесленники. Потомъ надобно было отдавать визиты чрезвычайному послу Шаха. Въслѣдствіе этаго Бельгія, съ немалыми издержками, отправила въ Персію посланника для изученія ея торговли, для заключенія торговыхъ трактатовъ и для другихъ безчисленныхъ штукъ политики. Онъ пріѣхалъ и я не думаю, чтобы его первое донесеніе могло начаться съ „Veni, vidi, vici“, или что ему хоть сколько нибудь захочется повторить визитъ въ „la belle Perse“. За Бельгіей явилась Пруссія. Ученый

дипломатъ, баронъ фонъ Минутоли, посвятилъ всю свою жизнь этому новому назначенію. Жажда науки побудила его начать съ южной Персіи и въ двухъ дняхъ разстоянія отъ „Небеснаго Шираза“, какъ его называютъ Персіяне, онъ палъ жертвой зачумленнаго воздуха и теперь покоится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Гафиза, сзади Баги-Тахта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, прибыло посольство изъ новаго Итальянскаго королевства, состоящее изъ двѣнадцати чело-вѣкъ, раздѣленныхъ на дипломатическій, военный и научный отдѣлы. Цѣль ихъ навсегда осталась для меня тайной. Я могъ бы не мало чего сообщить объ ихъ приѣмѣ, но предпочитаю отложить эти подробности до болѣе удобнаго случая и заняться исключительно приготовлениями, предпринятыми мною для собственнаго моего путешествія.

Благодаря доброй внимательности друзей моихъ въ Турецкомъ посольствѣ, я былъ въ положеніи, вовсе не соответствующемъ характеру нищенствующаго дервиша, который я избралъ для себя; комфортъ, который я пользовался, опротивѣлъ мнѣ до нельзя и мнѣ хотѣлось бы лучше, послѣ десяти-дневнаго отдыха въ Тегеранѣ, продолжать путь до Мешгеда и Герата; но явились препятствія, которыхъ я давно боялся. Еще до отъѣзда нашего изъ Константинополя, пресса возвѣстила о войнѣ, объявленной Достъ-Могаммедъ-Ханомъ его зятю и бывшему вассалу Гератскому, Султанъ-Ахмедъ-Хану, за то что тотъ измѣнилъ присягу, данную тестю, и подчинилъ себя покровительству Персидскаго шаха. Мнѣ казалось, что наши Европейскія газеты преувеличиваютъ это дѣло, и я не придавалъ ему того значенія, которое оно въ самомъ дѣлѣ заслуживало. Я считалъ всѣ затрудненія недѣйствительными и пустился въ путь. Но скоро, на разстояніи тридцати двухъ дней пути отъ сцены войны, я узналъ изъ несомнѣнныхъ источниковъ, къ крайнему своему сожалѣнію, что война въ этихъ краяхъ дѣйствительно прервала всѣ сношенія и что съ началомъ осады ни караваны, ни одиночные путешественники не могли ни пройти въ Герать, ни выйти изъ него. Сами Персіяне не осмѣливались рисковать жизнью своею и товарами, а еще гораздо больше причинъ опасенія было бы для Европейца: иноземный черты лица его, въ этихъ дикихъ странахъ Азіи, даже въ мирное время возбудили бы въ жителей Востока недовѣрчивость, а въ военное могли бы навлечь на него серьезныя непріятности. Казалось, что если бы я рѣшился отправиться туда, я былъ бы безъ церемоніи изрѣзанъ Афганями. Я принялся обдумывать свое настоящее положеніе и убѣдился въ невозможности, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, продолжать путешествіе при такихъ условіяхъ; и чтобы не быть застигнутымъ зимою въ пустыняхъ Средней Азіи, я немедленно рѣшился отложить путешествіе до слѣдующаго марта, когда у меня будетъ впереди самое лучшее время года: можетъ быть къ тому времени, думалъ я, прекратятся и существующія теперь политическія отношенія, отрѣзывающія всякое сообщеніе съ Гератомъ—воротами Средней Азіи. Я примирился съ этой необходимостью не раньше начала сентября. Очень понятно, какъ мнѣ было непріятно провести пять или шесть мѣсяцевъ въ странѣ, имѣвшей для меня только второстепенный интересъ и о которой въ послѣднее время появилось столько прекрасныхъ описаній. Что мнѣ было дѣлать? Я расстался съ своими гостеприимными Турецкими друзьями, нарядился полу-дервишемъ и отпра-

вился черезъ Испагань въ Ширазь, — не съ серьезной цѣлью изученія Персіи, но для того, чтобы избѣгнуть праздности, которая могла бы быть пагубной для моихъ дальнѣйшихъ видовъ. Такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе посѣтить всѣмъ извѣстные памятники древней цивилизаціи Ирана.

ГЛАВА II.

Возвращеніе въ Тегеранъ. — Содействіе суннитовъ, дервишей и хаджи въ Турецкомъ посольствѣ. — Авторъ знакомится съ караваномъ или съ Татарскими хаджи, возвращающимися изъ Мекки. — Различные пути. — Авторъ рѣшается присоединиться къ хаджи. — Хаджи Билаль. — Представленіе автора будущимъ его спутникамъ. — Выборъ дороги черезъ Юмуть (Yomuts) и Великую стѣну.

Паренне придерживались правила не пропускать иностранцевъ черезъ свои владѣнія. Геревъ. Руководство къ древней Исторіи.

Около половины января 1863 г. я очутился опять въ Тегеранѣ и на гостепріимномъ попеченіи моихъ Турецкихъ благодѣтелей. Во мнѣ совершилась перемѣна: нерѣшимости какъ не бывало, я хотѣлъ хватъ во что бы ни стало и спѣшилъ приготовленіями. Въ Турецкомъ посольствѣ есть старинное обыкновеніе выдавать небольшія субсидіи хаджи и дервишамъ, которые ежегодно проходятъ въ значительномъ числѣ черезъ Персію въ Турецкую имперію. Это чисто дѣло благотворительности въ отношеніи несчастныхъ Суннитскихъ нищихъ въ Персіи, которымъ Персіане-Шиты никогда не даютъ ни фартинга. Слѣдствіемъ этого было то, что въ посольскій домъ стекались пришельцы изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Туркестана. Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть этихъ дикихъ, оборванныхъ Татаръ въ своей комнатѣ. Они могли сообщить мнѣ положительныя свѣдѣнія о своемъ краѣ и бесѣды съ ними имѣли чрезвычайную важность для моихъ филологическихъ занятій. Они съ своей стороны были удивлены моей привѣтливостью, разумѣется не имѣя понятія о томъ, что было у меня въ виду. Скоро по каравансераю, къ которому всѣ они принадлежали, разнесся слухъ, что у Гайдаръ-Эфенди, посланника султана, — великодушное сердце; что Решидъ-Эфенди (это было имя, которое я себѣ присвоилъ) обходится съ дервишами, какъ съ братьями; что онъ вѣроятно самъ переодѣтый дервишъ. Такъ какъ слухи эти занимали народъ, то не удивительно, что дервиши, прибывавшіе въ Тегеранъ, приходили сперва ко мнѣ, а потомъ къ послу: послѣдняго не всегда можно было видѣть, а во мнѣ они находили — готовый способъ получить свои оболочки или удовлетвореніе своихъ другихъ желаній.

Такимъ образомъ 20 марта пришли ко мнѣ четыре хаджи съ просьбой представить ихъ султанскому послу, потому что имъ хочется пожаловаться на Персіанъ, которые на возвратномъ пути изъ Мекки, въ Гамаданъ, взяли съ нихъ Суннитскую подать — взиманіе которой не

только не одобряется Персидскимъ шахомъ, но давно уже запрещено султаномъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что добрые Татары думаютъ, что весь міръ обязанъ повиноваться главѣ изъ религіи, султану. (*)

„Мы не просимъ денегъ у его свѣтлости посланника, говорили они, мы просимъ только о томъ, чтобы впередъ нашимъ Суннитскимъ братьямъ можно было безпрепятственно посѣщать святые мѣста.“ Такое безкорыстіе въ жителѣ Востока очень удивило меня. Я сталъ всматриваться въ грубые черты своихъ гостей и признаюсь, не смотря на то, что по наружности они казались совершенными варварами, что одѣты они были прескверно, я нашелъ въ нихъ что-то честное, открытое и съ первой минуты расположился въ ихъ пользу. Я долго разговаривалъ съ ними, спрашивалъ подробно объ ихъ товарищахъ, о дорогѣ, которою они ходятъ въ Мекку, и о томъ, куда они намѣрены отправиться изъ Тегерана. Говорилъ по большей части одинъ изъ партіи — хаджи изъ Китайской Татаріи (называемой также Малой Бухарой), прятавшій рубище подъ новымъ, зеленымъ джуббѣ (верхней одеждой), съ огромной бѣлой чалмой на головѣ, гордымъ взглядомъ и быстро-подвижными глазами, выказывавшій свое превосходство надъ остальными товарищами. Сообщивъ мнѣ, что онъ придворный имамъ Ванга (Китайскаго губернатора), изъ Аксу (провинціи Китайской Татаріи), уже дважды посѣщавшій святые мѣста — и потому хаджи вдвойнѣ, — онъ познакомилъ меня съ своимъ другомъ, сидѣвшимъ возлѣ него, и объяснилъ, что всѣ присутствовавшіе — предводители маленькаго каравана хаджи, заключающаго въ себѣ двадцать четыре члена. „Наше общество, сказалъ ораторъ, состоитъ изъ молодыхъ и старыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, людей благочестивыхъ, ученыхъ и мірянъ; всѣ мы живемъ чрезвычайно просто, потому что всѣ мы изъ Коканда и Кашгара и между нами нѣтъ Бухарцевъ, нѣтъ ехиднъ этой породы.“ Враждебныя отношенія Узбеговъ (Татаръ) Средней Азіи къ Таджикиамъ (древнимъ Персидскимъ жителямъ) были мнѣ извѣстны еще прежде, потому я слушалъ ихъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, и ограничивался только распросами о планѣ ихъ дальнѣйшаго путешествія.

„Изъ Тегерана домой, говорили Татары, намъ четыре пути: во первыхъ черезъ Астрахань, Оренбургъ и Бухару; во вторыхъ черезъ Мешгедъ, Герать и Бухару; въ третьихъ черезъ Мешгедъ, Мервъ и Бухару; въ четвертыхъ черезъ Туркоманскія пустыни, Хиву и Бухару. Первые два пути очень дорого стоятъ и Гератская война тоже препятствіе не маловажное; послѣдніе два, правда, очень опасны, — но не смотря на то, мы должны избрать одинъ изъ нихъ и обращаемся къ вашему дружескому совѣту.“

Мы разговаривали уже около часа. Нельзя было не полюбить ихъ откровенность, и не смотря на странныя черты, избличавшія ихъ иноземное происхожденіе, на бѣдное платье и безчисленные слѣды, оста-

*) По мнѣнію всѣхъ Суннитовъ, законный каиѣъ (преемникъ) Могаммеда — тотъ, кто владѣетъ безцѣннымъ наслѣдіемъ, которое заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ, всѣ мощи, хранящіяся въ Стамбулѣ, въ Геркал-Сидѣ, а именно: часы, бороду и зубы пророка, потерянные имъ въ одномъ сраженіи; предметы одежды, коранъ и оружіе, принадлежавшіе первымъ четыремъ каиѣамъ; во 2-хъ, обладаніе Меккой и Мединой, Иерусалимомъ и другими мѣстами палgrimства, посѣщаемыми мусульманами.

вленные на них долгимъ и утомительнымъ странствованіемъ, я не могъ удержаться отъ мысли: что бы мнѣ поѣхать съ этими пилигримами въ Среднюю Азію? Какъ туземцы, они будутъ мнѣ отличными менторами; сверхъ того все они знаютъ меня за дервиша Решидъ-Эфенди, видѣли меня въ этой роли въ Турецкомъ посольствѣ и отлично знакомы съ Бухарой, единственнымъ городомъ Средней Азіи, котораго я дѣйствительно боялся, зная несчастную участь путешественниковъ, предшествовавшихъ мнѣ тамъ. Я рѣшился, не раздумывая долго. Я зналъ, что меня стануть спрашивать о поводахъ, побуждающихъ меня къ такому путешествію. Я зналъ, что Восточному жителю *pure sang* невозможно говорить объ ученой цѣли. Они сочли бы смѣшнымъ, можетъ быть даже подозрительнымъ для эфенди — то-есть господина съ отвлеченными цѣлями — еслибъ онъ вздумалъ по такому поводу подвергать себя столькимъ опасностямъ и безпокойствамъ. Жители Востока не понимаютъ жажды знанія и не очень вѣрятъ въ ея существованіе. Верхомъ невѣжества было бы стараться разубѣждать фанатиковъ мусульманъ. Необходимость моего положенія однако побуждала меня прибѣгнуть къ уловкѣ, къ обману, передъ которыми я въ другомъ случаѣ призадумался бы. Обманъ этотъ долженъ былъ во первыхъ льстить моимъ спутникамъ, а во вторыхъ способствовать цѣли, которую я имѣлъ въ виду. Я говорилъ имъ, на примѣръ, что я давно тайно, но пламенно желалъ посѣтить Туркестанъ (Среднюю Азію), не только для того, чтобы видѣть единственный источникъ исламитской добродѣтели, вѣдрящійся тамъ въ первобытной чистотѣ, но и для того, что бы насладиться созерцаніемъ святыхъ Хивы, Бухары и Самарканда. Это желаніе, увѣрялъ я ихъ, побудило меня покинуть Румъ (Турцію). Я теперь прождалъ годъ въ Персіи и благодарю Бога, что онъ наконецъ ниспослалъ мнѣ спутниковъ, подобныхъ имъ (тутъ я указалъ на Татаръ), съ которыми я бы желалъ продолжать свой путь и выполнить свое желаніе.

Когда я окончилъ свой спичъ, добрые Татары были искренно изумлены, но они скоро пришли въ себя отъ этаго изумленія и замѣтили, что они теперь вполне увѣрились въ томъ, что сперва только подозревали, а именно — что я дервишъ. Они говорили, что имъ безконечно пріятно, что я считаю ихъ достойными дружбы, необходимой для совершенія вмѣстѣ такого отдаленнаго и опаснаго путешествія. „Мы готовы быть не только друзьями вашими, но и слугами, сказалъ Хаджи-Билаль (такъ звали ихъ оратора, о которомъ я уже говорилъ выше), но мы должны обратить ваше вниманіе на то, что дороги въ Туркестанъ не такъ удобны и безопасны, какъ въ Персіи и Турціи. На этихъ дорогахъ путешественнику часто приходится по цѣлымъ недѣлямъ скитаться безъ крова, безъ хлѣба, иногда безъ капли свѣжей воды; сверхъ того, ему угрожаетъ опасность быть убитымъ, или взятымъ въ плѣнъ и рабство, или быть зарытымъ живою подъ песчаными ураганами. Обдумайте хорошенько этотъ шагъ, эфенди! Вы можетъ быть въ послѣдствіи не разъ раскастесь въ немъ и мы неумышленно сдѣлаемся причиною вашего несчастія. Прежде всего, вы должны не забывать, что наши соотечественники далеко отстали отъ насъ въ опытности и знаніи свѣта и что, не смотря на все ихъ гостепріимство, они постоянно смотрятъ подозрительно на пріѣзжихъ издалика; и сверхъ

того — какъ вы безъ насъ и одни возвратитесь изъ этого дальняго страствованія?“

Не трудно представить себѣ, что эти слова произвели сильное впечатлѣніе на меня, но они не поколебали моей рѣшимости. Я старался успокоить опасенія моихъ друзей, сказалъ имъ, что я привыкъ ко всякаго рода утомленіямъ, что я терпѣть не могу всѣ земныя удобства и особенно тѣ Франкскіе предметы роскоши, которыми мнѣ придется пожертвовать.

„Я знаю, сказалъ я, что эта жизнь на землѣ похожа на гостиницу *), въ которую мы заходимъ на нѣсколько дней, и скоро опять должны уйти и уступить мѣсто другимъ; и мнѣ смѣшны современные мусульмане, рассчитывающіе не на минуты, а на десятки лѣтъ впередъ. Милые друзья мои, возьмите меня съ собою; мнѣ хочется поскорѣе оставить это отвратительное царство грѣха, оно мнѣ уже слишкомъ надоѣло!“

Мои убѣжденія преодолѣли все; они не въ силахъ были противиться мнѣ: предводители каравана дервишей немедленно избрали меня въ товарищи-спутники: мы обнялись и поцѣловались. Я не безъ отвращенія исполнилъ этотъ обрядъ. Мнѣ противно было такое близкое прикосновеніе къ ихъ личностямъ и платьямъ, пропитаннымъ всякаго рода запахами. Но дѣло мое было покончено. Мнѣ оставалось только повидаваться съ моимъ благодѣтелемъ, Гайдаръ-Эфенди, сообщить ему о своихъ намѣреніяхъ и просить его покровительства для хаджи, которыхъ я хотѣлъ немедленно представить ему.

Я разумѣлся рассчитывалъ на большую оппозицію и приготовилъся къ настойчивости, которая доставила мнѣ репутацію фанатика, во что бы ни стало желающаго предпринять путешествіе къ мѣстамъ, откуда возвратились не многіе изъ предшествовавшихъ ему смѣльчаковъ. Такъ какъ все это не испугало меня, то они стали рассказывать, что мнѣ придется брать въ вожатые людей, которые будутъ готовы уничтожить меня за самыя ничтожныя деньги; стали рисовать мнѣ самыя ужасныя картины; но видя, что всѣ старанія разубѣдить меня — бесплодны, они принялись давать мнѣ совѣты и серьезно обдумывать, чѣмъ бы они могли быть мнѣ полезны въ моемъ предпріятіи. Гайдаръ-Эфенди принялъ хаджи, говорилъ имъ о моихъ намѣреніяхъ въ томъ же смыслѣ, какъ и я самъ, просилъ ихъ расположенія для меня, говорилъ, что они могутъ рассчитывать на вознагражденіе за всякую услугу, оказанную ими эфенди, слугѣ султана. Я не присутствовалъ при этомъ свиданіи, но мнѣ сообщили, что они обѣщали свято исполнять всѣ свои обѣщанія.

Читатели увидятъ, насколько мои достойные друзья сдержали свое слово и какъ покровительство добраго Турецкаго посланника не разъ спасало мнѣ жизнь. Честность и преданность моихъ благочестивыхъ спутниковъ спасли меня въ самыхъ критическихъ положеніяхъ. Во время переговоровъ, Гайдаръ-Эфенди осуждалъ образъ дѣйствій эмира, когда зашла рѣчь о Бухарѣ **). Затѣмъ онъ потребовалъ полный спи-

*) Мн'манханеи-пенджрузи—пяти дневный постой, какъ называютъ Восточные еялосовы наше земное пребываніе.

**) Эмиръ—титулъ правителей Бухары, между тѣмъ какъ правители Хивы и Бобанда называются ханами.

со съ всѣхъ бѣдныхъ путешественниковъ, роздалъ имъ оволо пятнадцати дукатовъ — великолѣпный подарокъ для люда, у котораго хлѣбъ да вода — самая большая роскошь.

Наше путешествіе должно было начаться черезъ недѣлю. Между тѣмъ Хаджи-Билалъ познакомилъ меня съ своими соотечественниками изъ Аксу, Ярканда и Кашгара. Они показались мнѣ, по правдѣ сказать, скорѣе похожими на страшно-безобразныхъ искателей приключеній, чѣмъ на благочестивыхъ пилигримовъ. Онъ выказывалъ особенное участіе къ своему приемышу, Абдуль-Кадеру, олуху лѣтъ двадцати пяти, и представилъ его мнѣ какъ *famulus*. „Онъ, сказалъ Хаджи-Билалъ, славный малый; немножко неуклюжій, но отъ васъ онъ многому выучится; распорядитесь имъ во время дороги; онъ будетъ для васъ печь хлѣбъ и дѣлать чай: онъ на это мастеръ“. Но настоящею цѣлью Хаджи-Билала было не столько то, чтобы онъ пекъ мнѣ хлѣба, сколько то, чтобы онъ помогалъ мнѣ ихъ ѣсть; у него былъ съ собою еще одинъ приемышъ, и двое этихъ ребятъ, съ аппетитами, изощренными пѣшеходнымъ странствованіемъ, были слишкомъ тяжелой обузой для ресурсовъ моего друга. Я обѣщалъ согласиться и на это условіе и они были въ восторгѣ. Говоря откровенно, чистыя посѣщенія Хаджи-Билала показались мнѣ немножко подозрительными: я началъ думать — ужъ не считаетъ ли онъ меня выгодной добычей, — такъ онъ хлопоталъ о томъ, чтобы я непременно поѣхалъ съ ними, такъ онъ боялся, чтобы я не отказался отъ своихъ намѣреній. Но я не смѣю и не хочу думать ничего дурнаго объ немъ; и чтобы убѣдить его въ моемъ безусловномъ довѣрїи, я показалъ ему маленькую сумму денегъ, которую намѣренъ былъ взять съ собою на путевыя издержки, и просилъ его научить меня, какъ нужно одѣться и держать себя, чтобы сдѣлаться какъ можно больше похожимъ на моихъ спутниковъ и такимъ образомъ, не навлекая на себя ничего вниманія, остаться незамѣченнымъ. Эти доказательства довѣрія были ему очень прїятны, и не трудно представить себѣ, какія странныя наставленія я получилъ отъ него.

Прежде всего онъ посоветовалъ мнѣ обрить голову и перемѣнить Турко-Европейскій костюмъ на костюмъ Бухарскій; затѣмъ прїучиться обходиться безъ постели, безъ бѣлья и тому подобныхъ предметовъ роскоши. Я въ точности слѣдовалъ его предписаніямъ и сборы мои, весьма несложные, были скоро окончены; за три дня до назначеннаго дня, я былъ совершенно готовъ къ долгому странствованію.

Между прочимъ, я однажды отправился въ каравансарай, гдѣ жили мои спутники, чтобы отдать имъ визитъ. Они занимали двѣ маленькія кельи; въ одной было четырнадцать, въ другой десять человекъ. Кельи эти показались мнѣ какими-то отвратительными нищенскими притонами. И это впечатлѣніе осталось во мнѣ навсегда. У немногихъ были кой-какія средства для совершенія путешествія; но для большинства единственнымъ ресурсомъ былъ нищенскій посохъ. Я нашелъ ихъ за туалетнымъ занятіемъ, котораго не желаю сообщить читателю, боясь оскорбить его деликатныя чувства, хотя впоследствии необходимость заставляла и меня самого прибѣгать къ тому же.

Они приняли меня какъ нельзя радушнѣе, предложили мнѣ зеленого чая и мнѣ пришлось испытать муку до конца и выпить безъ сахара большую Бухарскую чашу зеленоватой воды. Они-было приня-

лись уговаривать меня выпить еще и вторую чашу, но я просилъ уволить меня. Тогда я былъ допущенъ къ цѣлованію съ моими новыми товарищами; каждый изъ нихъ привѣтствовалъ меня, какъ брата, и преломивъ хлѣбъ особенно съ каждымъ изъ нихъ, мы усѣлись въ кружокъ, чтобы посоветоваться насчетъ избранія пути. Какъ я замѣтилъ прежде, намъ предстоялъ выборъ между двумя дорогами: обѣ были опасны и вели черезъ пустынные области Туркомановъ; единственная разница состояла въ племенахъ, кочующихъ по тому или другому пути. Дорога черезъ Мешгедъ, Мервъ и Бухару была самая короткая, но шла черезъ кочевья племени Текке, самаго дикаго изъ всѣхъ Туркомановъ, не щадящаго людей, которое не остановилось бы и передъ поработченіемъ самаго пророка, если бы онъ попалъ къ нимъ въ руки. На другомъ пути жили Юмуть-Туркоманы, народъ честный и гостеприимный. Но зато здѣсь пришлось бы проходить сорокъ станцій черезъ степь, безъ малѣйшаго источника прѣсной воды. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, мы выбрали дорогу черезъ Юмуть, Большую степь, Хиву и Бухару. „Лучше бороться со злобою стихій, чѣмъ съ людскою злобою, друзья мои. Богъ милосердъ, мы на Его пути; Онъ конечно не оставитъ насъ.“ Чтобы скрѣпить это рѣшеніе, Халжи-Вилаль произнесъ благословеніе; пока онъ говорилъ, мы всѣ подняли руки вверхъ, а когда онъ окончилъ, всѣ мы взяли за свои бороды и сказали громко: Аминь! Потомъ мы встали съ мѣстъ и они просили меня придти черезъ два дня, рано утромъ, чтобы отправиться всѣмъ вмѣстѣ. Я возвратился домой и въ теченіе этихъ двухъ дней вынесъ страшную борьбу съ собою. Я думалъ объ опасностяхъ, окружающихъ мой путь, и о результатѣ, который можетъ быть принести мое путешествіе. Я старался допытываться причинъ, побуждавшихъ меня на это дѣло, чтобы обсудить, насколько онѣ оправдываютъ мою рѣшимость; но я былъ точно заколдованъ и лишенъ всякой способности разсуждать. Тщетно старались убѣдить меня, что мои будущіе спутники носятъ маску передо мною, чтобы скрыть отъ меня свой настоящій развратъ; тщетно старались остановить меня несчастными примѣрами Конолли, Стоддарта и Муркрафта и болѣе близкимъ къ намъ несчастіемъ Блоквилля, который попалъ въ руки Туркомановъ и былъ выкупленъ изъ рабства цѣною 10,000 дукатовъ: я смотрѣлъ на эти примѣры, какъ на случайности, и они меня очень мало тревожили. Меня пугала только мысль: хватить ли у меня физическихъ силъ, чтобы перенести невзгоды стихій, непривычную пищу, плохую одежду, отсутствіе крова и ночной защиты? и какъ я пойду пѣшкомъ при своей слабости, при такой неспособности переносить усталость? И въ этомъ казался мнѣ главный рискъ моего предпріятія. Нужно ли говорить, чѣмъ кончилась эта душевная борьба?

Наканунъ вечеромъ я простился съ своими друзьями въ Турецкомъ посольствѣ; тайна моего путешествія была извѣстна только двумъ; остальные думали, что я отправляюсь въ Мешгедъ, тогда какъ я оставилъ Тегеранъ, чтобы продолжать путь по направленію къ Астрабаду и Каспійскому морю.

ГЛАВА III.

Отъездъ изъ Тегерана въ сѣверо-восточномъ направленіи — Описание членовъ каравана — Вражда между Шитами и Суннитскими хаджи — Мазандеранъ — Зирабъ — Гефтенъ — Тигры и шакалы — Сари — Каратвпе.

Beyond the Caspian's iron gates. — Моове.

Утромъ, 28 марта 1863 г., на зарѣ, я отправился на условленное свиданіе, въ каравансарай. Тѣ изъ моихъ друзей, которымъ средства позволяли имѣть муловъ или ословъ до Персидской границы, спѣшили обуться; а тѣ, которымъ приходилось идти пѣшкомъ. уже надѣли джаруки (обувь, принятая въ пѣхотѣ) и стояли съ посохами изъ финиковаго дерева въ рукахъ, повидимому ожидая съ большимъ нетерпѣніемъ сигнала къ отходу. Къ великому моему удивленію, я увидѣлъ, что дрянное платье, которое они носили въ Тегеранѣ, было дѣйствительно ихъ лучшимъ, праздничнымъ костюмомъ. Они не надѣвали его въ обыкновенныхъ случаяхъ; всѣ они теперь замѣнили его настоящей своей дорожной одеждой, состоявшей изъ тысячи тряпокъ, связанныхъ у пояса веревкой. Вчера мнѣ казалось, что я одѣтъ какъ нищій; сегодня посреди ихъ я оказывался царемъ въ царскомъ облаченіи. Наконецъ Хаджи-Билаль поднялъ руку для напутственнаго благословенія и только-что мы успѣли взяться за бороды и сказать „аминъ,“ какъ всѣ пѣшеходы бросились изъ воротъ, спѣша скорымъ шагомъ опередить насъ, ѣхавшихъ верхами. Нашъ путь, шелъ на сѣверо-востокъ отъ Тегерана къ Сари, до котораго мы должны были добраться въ восемь станцій. Мы обогнули Джаджерудъ и Фирузкухъ, оставили влѣвъ Таушантепе, маленькій охотничій дворъ государя, и черезъ часъ очутились у входа въ гористый проходъ, откуда уже не было видно ни равнины, ни города Тегерана. Я обернулся вслѣдствіе непреодолимаго побужденія. Солнце, какъ говорятъ на Востокѣ, было на высотѣ копья, и лучи его освѣщали не только Тегеранъ, но и отдаленныя позолоченныя главы Шахъ-Абдуль-Азима. Въ эту пору года природа въ Тегеранѣ блестящею роскошью зелени; и я долженъ сознаться, что городъ этотъ, годъ тому назадъ произведшій на меня такое непріятное впечатлѣніе, теперь казался мнѣ обольстительно прекраснымъ. Этотъ взглядъ былъ моимъ прощаніемъ съ послѣднимъ аванпостомъ Европейской цивилизаціи. Теперь мнѣ предстояло увидѣть крайніе предѣлы дикаго и варварскаго быта. Я былъ глубоко взволнованъ, и чтобы скрыть волненіе отъ товарищей, я повернулъ лошадь въ сторону, въ гористое ущелье.

Между тѣмъ спутники мои принялись громко повторять отрывки

изъ корана и пѣть телькины (гимны), какъ подобаеть настоящимъ пилигримамъ. Они снисходительно смотрѣли на то, что я не участвовалъ въ этомъ благочестивомъ занятіи, потому что знали, что Румы (Османли) далеко не такъ строго и религіозно воспитаны, какъ народъ въ Туркестанѣ; и сверхъ того они надѣялись, что ко мнѣ снизойдетъ необходимое вдохновеніе свыше, вслѣдствіе пребыванія въ ихъ обществѣ. Я послѣдовалъ за ними тихимъ шагомъ....

Я считаю необходимымъ описать всѣхъ ихъ, во первыхъ потому, что мы такъ долго путешествовали вмѣстѣ, а во вторыхъ потому, что въ сущности всѣ они были такіе честные и славные люди, что едва ли много найдется подобныхъ имъ въ тѣхъ краяхъ. Вотъ ихъ имена и описаніе:

1) Хаджи-Билаль изъ Аксу (Китайской Татаріи), придворный имамъ Китайско-мусульманскаго губернатора этой провинціи; съ нимъ были его племянники:

2) Хаджи-Иза, мальчикъ по шестнатцатому году, и

3) Хаджи-Абдуль-Кадеръ, о которомъ я уже говорилъ; оба они были безотлучно при Хаджи-Билалѣ и такъ сказать подъ его покровительствомъ. Кромѣ того тамъ были:

4) Хаджи-Юсуфъ, богатый крестьянинъ изъ Китайской Татаріи съ племянникомъ,

5) Хаджи Али, мальчикомъ по десятому году, съ маленькими, узенькими, Киргизскими глазками. У обоихъ ихъ было по восьмидесяти дукатовъ на путевыя издержки и потому они слыли богачами; но они старались держать это въ тайнѣ и наняли лошадей на двоихъ: пока одинъ ѣхалъ, другой шелъ пѣшкомъ.

6) Хаджи-Ахмедъ, бѣдный мулла, совершившій весь путь, опираясь на нищенскій посохъ. Сходенъ съ нимъ по характеру и положенію былъ:

7) Хаджи-Гасанъ, отецъ его умеръ въ дорогѣ и онъ теперь возвращался на родину сиротой.

8) Хаджи-Якубъ, нищій по ремеслу, завѣщанному ему отцомъ.

9) Хаджи-Курбанъ (старшій), крестьянинъ родомъ, въ качествѣ точильщика прошелъ всю Азію, былъ въ Константинополѣ и Меккѣ, въ Тибетѣ и Калькуттѣ, два раза былъ въ Киргизскихъ степяхъ, въ Оренбургѣ и Таганрогѣ.

10) Хаджи-Курбанъ (младшій), тоже потерявшій въ дорогѣ отца и брата.

11) Хаджи-Саидъ; и

12) Хаджи-Абдуръ-Рахманъ, больной мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Онъ отморозилъ себѣ ногу въ снѣгахъ Гамадана и страшно мучился всю дорогу до Самарканда.

Вышеупомянутые пилигримы были изъ Коканда, Ярканда и Аксу, двухъ смежныхъ областей; стало-быть они были изъ Китайской Татаріи и принадлежали къ свитѣ Хаджи-Билала, который кромѣ того былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ:

13) Хаджи-Шейкъ-Султанъ-Махмудомъ изъ Кашгара, молодымъ, восторженнымъ Татаринкомъ, изъ семьи знаменитаго святаго, Хазрети-Афакъ, погребеннаго въ Кашгарѣ. Отецъ моего друга Шейка-Султанъ-Махмуда былъ поэтъ; Мекка была цѣлью его стремленій: послѣ дол-

голтннхъ страданій онъ достигъ до святаго города и тамъ умеръ. У сына была слѣдовательно двойная цѣль: побывать на могилахъ своего пророка и отца. Съ нимъ были:

14) Хаджи-Хусейнъ, его родственникъ, и

15) Хаджи-Ахмедъ, бывший Китайскій солдатъ изъ Шиванскаго полка. Солдаты этаго полка носятъ ружья и набираются изъ мусульманъ.

Изъ ханства Кокандскаго были:

16) Хаджи-Сали-калифедъ, кандидатъ на ишана (титულъ шейха), стало-быть принадлежащій къ полу-религіозному ордену; отличный человекъ, о которомъ намъ придется еще не разъ говорить. При немъ былъ сынъ его:

17) Хаджи-Абдуль-Баки и его братъ:

18) Хаджи-Абдуль-Кадеръ-Меджубъ, что значитъ: „вдохновенный любовью Божіей“. Онъ, прокричавъ двѣ тысячи разъ къ ряду „Аллахъ!“ начиналъ испускать пѣну изо рта и впадалъ въ состояніе восторженнаго блаженства (въ Европѣ это состояніе называется—падучею).

19) Хаджи-Кари-Мессудъ (кари въ Турціи называются хафизы, то-есть люди, знающіе весь коранъ наизусть). Онъ былъ съ своимъ сыномъ:

20) Хаджи-Гайассединомъ.

21) Хаджи-Мирза-Али, и

22) Хаджи-Ахраркули; у этихъ двухъ пилигримовъ были въ мѣшкахъ нѣсколько монетъ въ числѣ прочихъ дорожныхъ припасовъ; и у нихъ была нанята лошадь на двоихъ.

23) Хаджи-Нуръ-Могаммедъ, купецъ, бывший уже два раза въ Меккѣ, но не на свой собственный счетъ, а въ качествѣ представителя другаго.

Мы двигались по склону цѣпи Эльбурскихъ горъ, подымавшемуся все выше и выше. Упадокъ духа моего не ускользнулъ отъ вниманія моихъ друзей и они всячески старались ободрить и утѣшить меня. Больше всѣхъ старался успокоить меня Хаджи-Сали увѣреніемъ, что всѣ они будутъ любить меня какъ брата, и надеждой, что мы съ помощью Божіей будемъ на свободѣ, за предѣлами Шіитскихъ еретиковъ, и заживемъ преблагополучно въ странахъ, подчиненныхъ Суннитскимъ Туркоманамъ, которые исповѣдываютъ одинаковую съ нами вѣру. Хорошо утѣшеніе! подумалъ я и поѣхалъ скорѣе, чтобы присоединиться къ бѣднымъ странникамъ, шедшимъ впереди насъ пѣшкомъ. Черезъ полчаса я ихъ догналъ. Они шли чрезвычайно бодро и весело; все это былъ людъ, ходившій пѣшкомъ изъ далекаго угла Туркестана до Мекки и обратно. Одни пѣли веселыя пѣсни, напѣвами очень похожія на Венгерскія; другіе рассказывали приключенія, случившіяся съ ними на пути; рассказы эти доставляли мнѣ большое удовольствіе, потому что знакомили меня съ образомъ мыслей тѣхъ отдаленныхъ племенъ, такъ что въ моментъ отъѣзда изъ Тегерана я уже воображалъ себя, такъ сказать, посреди Средне-Азіятской жизни.

Днемъ было довольно тепло, но къ утру стало сильно морозить, особенно въ гористыхъ мѣстахъ, и сидя верхомъ, я не могъ выносить холода, по милости скудной одежды, и принужденъ былъ сойти съ лошади, чтобы согрѣться. Я передалъ свою лошадь одному изъ пѣше-

ходовъ. Онъ отдалъ мнѣ взаимѣнъ свой посохъ и такимъ образомъ я долго шелъ съ ними пѣшкомъ, слушая ихъ оживленные рассказы о родинѣ; и когда ихъ энтузіасмъ достаточно разогрѣвался воспоминаніями о садахъ Мергодана, Наменгана и Коканда, они принимались хоромъ пѣть телькинъ (гимнъ), въ которомъ участвовалъ и я, крича изъ всѣхъ силъ: „Аллахъ, ай Аллахъ!“

Каждое подобное приближеніе къ ихъ чувствамъ и дѣйствіямъ съ моей стороны было передаваемо мелодыми путешественниками старымъ пилигримамъ, къ великому удовольствію послѣднихъ, не перестававшихъ повторять: „Хаджи-Решидъ (мое имя въ кругу ихъ)—настоящій дервишъ; въ немъ будетъ прокъ“.

Послѣ довольно долгаго дневнаго перехода, на четвертыя сутки мы дошли до Фирузкуха, лежащаго на значительной возвышенности. Дорога къ нему вела прегадкая. Городъ расположенъ у подножія горы, увѣчанной стариннымъ укрѣпленіемъ, теперь превратившимся въ развалины; городъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь оканчивается область Арак-Аджеми и начинается область Мазандеранъ. На слѣдующее утро путь нашъ пошелъ прямо на сѣверъ и мы часа черезъ три или четыре достигли огромнаго ущелья, Мазандеранъ, простирающагося до береговъ Каспія. Лишь только путешественникъ двинется на нѣсколько шаговъ впередъ изъ каравансерая вверхъ по горѣ, какъ обнаженные, бесплодные пространства какъ будто волшебствомъ превращаются въ страну необыкновенно богатую и роскошную. Можно забыть, что это Персія, видя вокругъ себя роскошь первобытныхъ лѣсовъ и всю эту великолѣпную зелень. Но зачѣмъ медлить на Мазандеранѣ и всѣхъ его красотахъ: они такъ всѣмъ извѣстны, благодаря мастерскимъ очеркамъ Фразера, Конолли и Берне!

Когда мы проходили Мазандеранъ, онъ былъ въ полномъ блескѣ весны. Чарующая природа согнала послѣднія тѣни тревоги съ моихъ мыслей. Я пересталъ думать объ опасностяхъ своего предпріятія и увлекся сладкими грезами о предѣлахъ, куда лежитъ мой путь, о разнообразныхъ племенахъ, обычаяхъ и нравахъ, которые мнѣ придется увидѣть. Мнѣ придется наглядѣться, по правдѣ сказать, и на сцены совершенно противоположныя этимъ: придется проходить черезъ огромныя, страшныя пустыни и равнины, предѣлы которыхъ недоступны человѣческому глазу и гдѣ мнѣ придется цѣлыми днями страдать отъ недостатка воды. И прелесть этой мѣстности казалась мнѣ вдвойнѣ пріятнѣе при мысли, что такъ скоро придется сказать прости всѣмъ лѣснымъ сценамъ.

Мазандеранъ не остался безъ вліянія и на моихъ спутниковъ. Они разсыпались въ сожалѣніяхъ о томъ, что этотъ прелестный дженнетъ (рай) подпалъ подъ владычество еретиковъ Шитовъ. „Странно, сказалъ Хаджи-Билаль, что всѣ красивыя мѣстности попадаютъ въ руки невѣрныхъ! Пророкъ былъ правъ, говоря: этотъ міръ — темница для вѣрующихъ и рай для невѣрныхъ“. Въ доказательство онъ привелъ Индостанъ, гдѣ господствуютъ „Ингилизы“, красоты Россіи и Френгистанъ, котрый онъ описывалъ, какъ земной рай. Хаджи-Султанъ вздумалъ утѣшать товарищей ссылкой на гористыя области между Оопемъ (на границѣ Коканда) и Кашгаромъ. Онъ увѣрялъ меня, что эта мѣстность гораздо красивѣе Мазандерана, но мнѣ плохо вѣрилось.

На станціи Зирабъ мы достигли самой сѣверной оконечности гористаго ущелья Мазандеранъ. Тутъ начинаются огромные лѣса, окаймляющіе Каспійское море. Мы ѣхали вдоль плотины, сдѣланной Шахъ-Аббасомъ, но теперь почти разрушившейся. Ночлегомъ нашимъ долженъ былъ служить Геотенъ, въ срединѣ прекраснаго буковаго лѣса. Мы добрались до него въ срокъ. Наша молодежь бросилась на поиски воды для чая; но вдругъ мы услышали страшный крикъ. Они возвратились назадъ бѣгомъ и рассказали намъ, что видѣли у источника животныхъ, ускакавшихъ большими прыжками въ лѣсъ при ихъ приближеніи. Сначала я подумалъ, что это львы, и со шпагой въ рукахъ нашелъ въ указанномъ ими направленіи, но гораздо дальше, двухъ великолѣпныхъ тигровъ, пестрѣвшихъ своими красивыми формами сквозь чащу лѣса. Въ этомъ лѣсу, говорятъ, множество дикихъ звѣрей, но они очень рѣдко нападаютъ на людей. Зато намъ не давали покоя шакалы, которые хотя и боятся палки, но такъ многочисленны здѣсь, что мы насилу могли справиться съ ними. Шакаловъ множество во всей Персіи; они не рѣдкость и въ Тегеранѣ, гдѣ по вечерамъ бываетъ слышно ихъ завываніе. Но однако они тамъ не подходятъ къ людямъ, какъ здѣсь. Они мѣшали мнѣ всю ночь напролетъ. Я долженъ былъ пускаться въ ходъ обѣ руки и обѣ ноги, чтобы предупредить ихъ нападенія на мѣшокъ съ припасами или на сапоги.

На слѣдующій день мы должны были добраться до Сари, главнаго города Мазандерана. Неподалеку отъ дороги, въ сторонѣ лежитъ Шейкъ-Таберси, мѣсто, долго защищаемое Бабидами (религіозными энтузіастами, отвергающими Могаммеда и проповѣдывающими социализмъ), которые сдѣлались предметомъ ужаса для сосѣдей. Здѣсь тоже прекрасные сады, изобилующіе апельсинами и лимонами. Желтые и красные плоды составляли прелестный контрастъ зелени деревьевъ. Сари самъ по себѣ не красивъ, но говорятъ, ведетъ замѣчательную торговлю. Когда мы ѣхали черезъ базаръ этаго послѣдняго Персидскаго города, насъ осыпали послѣдней струей всевозможныхъ нападовъ и проклятій; но и я вынесъ всѣ ихъ дерзости безотвѣтно, потому что было бы неумѣстно грозить палкой или шпагой посреди базара и сотенъ Шіитовъ.

Мы останавливались въ Сари только для того, чтобы нанять лошадей на переѣздъ по берегу моря. Дорога идетъ тамъ черезъ множество топей и болотъ и идти пѣшкомъ нѣтъ никакой возможности. Отсюда есть нѣсколько дорогъ до береговъ Каспія, можно ѣхать и черезъ Ферагабадъ (Парабадъ, какъ его называютъ Туркоманы), Гезъ и Каратепе. Мы предпочли путь черезъ Каратепе, потому что онъ ведетъ на Суннитскую колонію, гдѣ мы могли смѣло рассчитывать на гостепріимный пріемъ, познакомившись съ нѣкоторыми изъ этихъ колонистовъ въ Сари и найдя въ нихъ очень добрыхъ людей.

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Сари, мы отправились въ Каратепе. Къ вечеру, послѣ труднаго, девятидневнаго перехода, мы подѣхали къ городу. Здѣсь Туркоманы впервые стали для насъ предметомъ ужаса. Разбойничьи шайки ихъ разъѣзжали вдоль берега, забирались на нѣсколько миль внутрь страны и часто возвращались на берегъ, влача за собою плѣннаго Персіянина.

ГЛАВА IV.

КАРАТЕПЕ. — Разговоръ автора съ однимъ Афганомъ. — Нур-Улла. — Сомнѣнiе въ моемъ дервишскомъ званiи. — Хаджи приготавлиются къ путешествiю черезъ пустыню. — Афганская колонiя. — Надиръ-Шахъ. — Первое впечатлѣнiе на Каспiя. — Якутъ, Туркменскiй лодочникъ. — Талисманъ любви. — Отъездъ въ Ашуръ-Адэ. — Путешествiе по Каспiю. — Русская часть Ашуръ-Адэ. — Русскiе военные суда на Каспiйскомъ морѣ. — Туркменскiй предводитель на Русской службѣ. — Опасенiе быть узаннымъ. — Пръздъ въ Гемюштупе и къ устью Гергена.

Ultra Caspium sinum quidnam esset, ambiguum aliquamdiu fuit. — Помрокис Мела, De Situ Orbis.

Нур-Улла, Афганъ знатнаго рода, съ которымъ я познакомился въ Сари, повелъ меня въ свой домъ послѣ нашего пръзда въ Карате-пе; и такъ какъ я не хотѣлъ отдѣляться отъ товарищей, то онъ пригласилъ и Хаджи-Вилала и не успокоился до тѣхъ поръ, пока мы не приняли его приглашенiя. Я сначала не могъ отгадать причины этой необыкновенной любезности, но скоро обнаружилось, что онъ слышалъ, на какой ногъ я принятъ въ Турецкомъ посольствѣ въ Тегеранѣ, и желалъ отъ меня, взаменъ своей доброты и любезности, — получить рекомендательное письмо; я обѣщалъ и очень охотно исполнилъ свое обѣщанiе передъ отъездомъ.

Не успѣлъ я еще оглядѣться въ своемъ новомъ жилищѣ, какъ въ комнату набралось множество гостей; всѣ они усѣлись по стѣнамъ, посматривали на меня широко раскрытыми глазами, потомъ сообщали другъ другу результаты своихъ замѣчанiй и наконецъ громко высказали свое мнѣнiе о дѣли моего путешествiя. „Дервишъ? говорило большинство,—онъ вовсе не дервишъ, вовсе не похожъ на дервища; бѣдность его одежды слишкомъ сильно противорѣчить чертамъ и цвѣту его лица. Судя по тому, что намъ говорили хаджи,—онъ должно быть родственникъ посланника, представляющаго нашего султана въ Тегеранѣ.“ И тутъ всѣ они встали: „Одному Аллаху извѣстно, что нужно чловѣку такого высокаго происхожденiя посреди Туркменъ въ Хивѣ и Бухарѣ?“

Это безстыдство испугало меня немножко. Имъ хотѣлось сразу сорвать съ меня маску; но я продолжалъ разыгрывать роль настоящаго жителя Востока, сидѣлъ какъ будто погруженный въ задумчивость, съ видомъ чловѣка, ничего не слышащаго. Такъ какъ я не принималъ участiя въ разговорѣ, то они обратились къ Хаджи-Вилалу. Тотъ ихъ увѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ ѳенди, служащiй султану, но вслѣдствiе Божественнаго вдохновенiя, удалился отъ суеты мiра сего и теперь предпринялъ зiаретъ (путешествiе къ святымъ мѣстамъ); на это многiе покачали головами, но больше уже ничего не возражали. Истинный мусульманинъ никогда не долженъ высказывать сомнѣнiя, когда

заходить рѣчь о Божественномъ вдохновеніи; и хотя иногда говорящій и слушающій убѣждены въ томъ, что это ложь, обманъ, но они обязаны изъяснять свое удивленіе восклицаніями: „Мапшаллахъ! Мапшаллахъ!“ Эта первая сцена однако доказала мнѣ ясно, что хотя я еще на Персидской почвѣ, но уже переступилъ дѣйствительныя границы Средней Азии. Слушая недовѣрчивые распросы этихъ Суннитовъ — распросы, не дѣланные никогда и нигдѣ въ самой Персіи, — я легко могъ представить себѣ великолѣпную перспективу, ожидающую меня въ настоящемъ гнѣздѣ этого народа. Эта болтовня и распросы заняли около двухъ часовъ, затѣмъ посѣтители удалились, а мы сдѣлали чай и отправились на покой. Я ложился спать, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ человекъ въ Туркменской одеждѣ, котораго я считъ сначала за члена семейства, и принялся рассказывать мнѣ, по секрету, что онъ ѣздилъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ по различнымъ дѣламъ въ Хиву и обратно; что онъ родился въ Кандагарѣ, но отлично знаетъ Узбегъ и Бухару; потомъ предложилъ мнѣ дружбу и пригласилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ черезъ Великую Степь. Я отвѣчалъ: „всѣ вѣрующіе — братья,“ поблагодарилъ его за дружбу, замѣтилъ, впрочемъ, что дервиши, подобные мнѣ, очень привязаны къ своимъ спутникамъ. Ему повидимому хотѣлось продолжать разговоръ; но я далъ ему замѣтить, что мнѣ очень хочется спать, и онъ ушелъ.

На слѣдующее утро Нуръ-Улла сообщилъ мнѣ, что этотъ человекъ — тириаки (опіумодѣ), отъявленный мошенникъ, и что мнѣ слѣдуетъ по возможности избѣгать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупредилъ меня, что Каратепе — единственное мѣсто, гдѣ можно достать все что намъ необходимо для двухмѣсячнаго странствованія, такъ что даже Туркмены — и тѣ здѣсь же запасаются всѣмъ въ дорогу. Онъ совѣтовалъ намъ запастись хлѣбомъ на всякій случай по крайней мѣрѣ до Хивы. Я предоставилъ Хаджи-Билалу позаботиться и обо мнѣ, а самъ отправился на Черный холмъ, отъ котораго происходитъ названіе Каратепе. На одной сторонѣ живутъ Персіане, на другой 125 или 150 Афганскихъ семействъ. Говорятъ, что эта Афганская колонія въ началѣ этого столѣтія была гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, и была основана послѣднимъ великимъ завоевателемъ Азіятскаго міра, Надиръ-Шахомъ, который, какъ извѣстно, выполнялъ свои самыя геройскія подвиги во главѣ Афганъ и Туркменъ. Здѣсь мнѣ указали на мѣсто на холмѣ, гдѣ онъ сидѣлъ и дѣлалъ смотръ тысячамъ дикихъ всадниковъ, на бойкихъ коняхъ и съ ненасытными саблями, собиравшихся изъ отдаленнѣйшихъ угловъ пустыни подъ его знамена. Въ подобныхъ случаяхъ Надира описываютъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Такимъ образомъ и у Каратепе были праздничные дни. Я не знаю, какая была первоначальная цѣль поселенія этой Суннитской колоніи, но теперь она оказывается чрезвычайно полезною въ томъ отношеніи, что Афганы служатъ посредниками между Туркменами и Персіанцами, и безъ нихъ не одинъ Персіанинъ томился бы по мѣсяцамъ въ рабствѣ у Туркменъ, не имѣя возможности найти посредника для составленія условій выкупа. На востокъ Персіи подобныя услуги оказываютъ Сунниты Кафа, Джама и Бахирза, но имъ приходится имѣть дѣло съ Текками, гораздо болѣе опаснымъ племенемъ, чѣмъ Юмуты.

Съ вершины Чернаго холма было видно Каспійское море. Не все

море, но часть его, отрѣзанная полосой земли, на оконечности которой стоит Ашуръ-Адэ. Эту часть моря называютъ Мертвымъ моремъ. Полоса земли, раздѣляющая два моря, издали кажется тонкой полосой воды, съ выглядывающимъ изъ нея однимъ длиннымъ рядомъ деревьевъ, за которымъ можно долго, долго слѣдить взглядомъ. Въ картинѣ этаго обложеннаго, безмолвнаго берега было что-то вдохновляющее. Я горѣлъ желаніемъ добраться до восточнаго берега и возвратился домой, чтобы посмотрѣть, насколько подвинулись наши сборы и есть ли въ виду какое нибудь средство перебраться на Туркменскій берегъ. Нуръ-Улла взялъ на себя всѣ необходимые хлопоты по этому дѣлу. Наканунѣ вечеромъ намъ говорили, что за кронъ (франкъ) съ головы можно доѣхать до Ашуръ-Адэ на Афганскомъ суднѣ, снабжающемъ Русскихъ провизіей, а что оттуда мы, при помощи Туркменъ, можемъ въ нѣсколько часовъ достигъ до Гемкюштепе. Въ Ашур-Адэ, говорили, есть Хидръ-Ханъ, Туркменскій предводитель (глава племени), состоящій на Русской службѣ и помогающій бѣднымъ хаджи. Мы стало-быть тоже отправимся къ нему. Мы были въ восхищеніи отъ этой перспективы и приняли это извѣстіе съ громкими возгласами. Но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что Афганъ готовъ къ отъѣзду, приглашаетъ всѣхъ хаджи съ собою, но не хочетъ брать меня, считая меня тайнымъ эмиссаромъ султана: онъ рискуетъ потерять средства къ жизни, доставляемыя ему Россіей, если возьметъ къ себѣ на судно подобную личность. Это меня не мало изумило. Я радъ былъ услышать, что товарищи мои отказались ѣхать безъ меня и предпочли дожидаться другаго случая. Мнѣ передалъ все это съ приличной напыщенностью опиумоѣдъ, Эмиръ-Мегеммедъ. Позже однако же пришелъ и самъ Афганъ (его звали Анаханъ) съ заявленіями о своемъ сожалѣніи, общая молчать и прося дать ему рекомендательное письмо къ Гайдаръ-Эфенди. Я счелъ полезнымъ не сказать ни слова для успокоенія его подозрѣній, посмѣялся отъ души надъ его идеями и обѣщавъ оставить для него и для Нуръ-Улла нѣсколько строкъ въ Тегеранъ и не забылъ этаго обѣщанія. Я считалъ совершенно необходимымъ скрывать свое настоящее званіе и происхожденіе подъ покровомъ сомнѣнія и тайны. Восточники и особенно Исламиты безпрестанно лгутъ и обманываютъ, всегда вѣрятъ совершенно противоположному тому, въ чемъ люди стараются ихъ увѣрить, и малѣйшій протестъ съ моей стороны послужилъ бы къ подтвержденію ихъ подозрѣній. Больше не было сдѣлано ни малѣйшаго намега по этому предмету и въ тотъ же вечеръ мы услышали, что одинъ Туркменъ, отправляющійся въ Гемкюштепе, готовъ, изъ благочестія и безъ всякаго вознагражденія, взять съ собою всѣхъ хаджи; что намъ только надобно быть на берегу рано утромъ, чтобы воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ. Хаджи-Билаль, Хаджи-Сали и я, признанный тріумвиратъ нищенскаго каравана, немедленно отправились съ визитомъ къ Туркмену, котораго звали Якубомъ; онъ былъ молодъ, съ необыкновенно смѣлыми глазами, перецѣловалъ всѣхъ насъ и согласился подождать день, чтобы дать намъ время окончить наши приготовленія. Онъ попросилъ благословенія у Хаджи-Билаля и Хаджи-Сали. Мы собрались уйдти, какъ вдругъ онъ отозвалъ меня въ сторону и попросилъ остаться съ нимъ наединѣ на нѣсколько минутъ. Я остался. Тогда онъ, не безъ нѣкоторой застѣнчивости, сказалъ мнѣ, что онъ долго питалъ несчастную страсть къ одной

дѣвущицъ изъ его племени и что одинъ Жидъ, удивительный чародѣй, находящійся въ настоящую минуту въ Каратепе, обѣщалъ приготовить для него отличный талисманъ (нусха), если онъ ему доставить тридцать капель розовой эссенціи, прямо изъ Мекки.

„Я знаю, сказали Якубъ, что хаджи приносятъ изъ святыхъ городовъ розовую и другія эссенціи, и такъ какъ вы самый молодой изъ предводителей, то я обращаюсь къ вамъ и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ“.

Суевѣріе этаго сына пустыни не такъ еще изумило меня, какъ вѣра его въ слова лукаваго Израилѣянина, и такъ какъ у моихъ спутниковъ оказалась дѣйствительно розовая эссенція, то желаніе его было скоро удовлетворено. Онъ выразилъ почти ребяческую радость.

На второй день послѣ этаго, рано утромъ, мы собрались на берегу моря, всѣ съ мѣшками съ мукою за плечами, кромѣ остальныхъ нищенскихъ припасовъ. Прошло не мало времени, пока лодка (называемая теимиль), доставила всѣхъ насъ на маленькое судно, называемое Турками „мауна“. Судно это, вслѣдствіе мелководья у берега, стояло въ морѣ, на разстояніи около англійской мили. Я никогда не забуду этаго переѣзда. Небольшой древесный стволъ, въ выдолбленной пустотѣ котораго помѣщались пассажиры, вмѣстѣ съ мукою и другими вещами, въ самомъ разнообразномъ смѣшеніи, — ежеминутно угрожалъ пойдти ко дну. Мы должны благодарить судьбу, что сухими доѣхали до судна.

У Туркменъ три рода судовъ:

- 1) кизбой, съ одной мачтой и двумя парусами, однимъ большимъ, другимъ маленькимъ, преимущественно для перевоза клади;
- 2) каюкъ — съ однимъ парусомъ, обыкновенно употребляемый для хищническихъ предпріятій, и
- 3) теимиль или перевозное судно.

Судно, предоставленное въ наше распоряженіе Якубомъ, было кизбой, только-что доставившее грузъ нефти, смолы и соли на Персидскій берегъ съ острова Черекена и теперь отправлявшееся обратно, нагруженное хлѣбомъ.

Такъ какъ у этаго судна не было палубы и стало-быть не было возможности распределить мѣста, то каждый руководствовался своимъ усмотрѣніемъ и усаживался, гдѣ ему было угодно. Якубъ, однако, замѣтилъ, что этотъ безпорядокъ можетъ мѣшать управленію судномъ и мы должны были опять взять въ руки свои мѣшки и сидѣть двумя рядами одинъ возлѣ другаго, на подобіе соленыхъ сельдей, такъ что середина судна осталась свободной для команды, расхаживавшей взадъ и впередъ. Наше положеніе было не изъ самыхъ пріятныхъ. Днемъ еще было сносно, но ночью стало ужасно неудобно: сонъ клонилъ сидѣвшихъ изъ перпендикулярнаго положенія направо и налево и я долженъ былъ по цѣлымъ часамъ выносить бремя сладко-храпѣвшаго хаджи. Часто случалось, что сосѣди справа и слѣва падали другъ на друга и на меня: я не осмѣливался будить ихъ, потому что это считается гнуснымъ грѣхомъ, ведущимъ за собою нескончаемыя страданія.

Около полудня 10 апрѣля 1863 г. благопріятный вѣтеръ расправилъ наши паруса и погналъ передъ собою маленькое судно, какъ стрѣлу. Слева у насъ была узенькая полоса земли; справа, густо покры-

тая лѣсомъ, простирившимся до самаго моря, высилась гора и на ней дворець Эшрефъ, построенный Шахъ-Аббасомъ, величайшимъ изъ Персидскихъ государей. Прелесть нашей аргонавтической экспедиціи увеличивала прекрасная весенняя погода; и не смотря на малое пространство, въ которое я былъ поневолѣ заключенъ, я былъ въ отличномъ расположеніи духа. Я могъ бы думать, что простившись сегодня съ Персидскимъ берегомъ, я наконецъ достигъ точки, съ которой нѣтъ возврата и гдѣ были бы бесполезны всякія сожалѣнія. Но нѣтъ! Ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову. Я былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что мои спутники, сначала пугавшіе меня своей дикой наружностью, искренно преданы мнѣ и что подъ ихъ руководствомъ я могу преодолѣть величайшія опасности.

Къ вечеру наступилъ штиль; мы бросили якорь близъ берега и намъ позволили поочереды напиться чаю у маленькаго очага судна. У меня было спрятано нѣсколько кусковъ сахара въ поясъ и я приглашалъ Якуба на чай. Хаджи-Сали и Султанъ-Махмудъ тоже подѣлились намъ; молодой Туркменъ былъ большой болтунъ и принялся рассказывать объ аламанѣ (какъ называютъ Туркмены свои разбойничьи экспедиціи)—любимая тема этаго люда. Глаза его, всегда оживленные, теперь соперничали съ звѣздами его роднаго неба; его подзадоривало желаніе возбудить удивленіе въ Суннитскихъ муллахъ рассказами о стычкахъ, въ которыхъ онъ встрѣчался съ еретиками Шіитами, и о числѣ еретиковъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Друзья мои скоро принялись дремать; только я одинъ слушалъ его неумоимо и мы разошлись не прежде полуночи. При прощаньи онъ сказалъ мнѣ, что Нуръ-Улла просилъ помѣстить меня гостемъ въ палатку Ханджана, Туркменскаго предводителя; и онъ прибавилъ, что Нуръ-Улла правъ, потому что я не похожъ на остальныхъ хаджи и заслуживаю лучшаго обращенія. „Ханджанъ, сказалъ Якубъ, — аксакалъ (предводитель) могущественнаго племени и даже при его отцѣ ни одинъ дервишъ или хаджи или какой нибудь другой иностранецъ не смѣлъ проходить черезъ Гемюштепе, не попробовавъ его хлѣба и не испивъ его воды. Такъ какъ вы изъ дальняго Рума (Турціи), то онъ конечно приметъ васъ хорошо и вы будете мнѣ благодарны.“

На слѣдующее утро погода была неблагоприятная и мы двигались очень медленно; былъ почти уже вечеръ, когда мы добрались до Ашуръ-Адѣ, самаго южнаго пункта Русскихъ владѣній въ Азіи. Ашуръ-Адѣ или просто Ашурадъ приобрѣтенъ Россією лѣтъ двадцать пять назадъ: можетъ быть правильнѣе было бы сказать, что онъ подпалъ подъ власть Россіи съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе пароходы стали внушать надлежащую степень страха смѣлымъ аламанамъ — крейсерамъ Туркменскихъ пиратовъ. Имя Ашурада—Туркменскаго происхожденія; онъ былъ необитаемъ — и служилъ станціей для ихъ частыхъ, необузданныхъ пиратскихъ экспедицій. Ашурадъ въ настоящее время производилъ отрадное впечатлѣніе на путешественника, ѣдущаго изъ Персіи. Не много, правда, домовъ на восточномъ краю полосы земли; но Европейскій ладъ построекъ и церковь, бросающаяся сразу въ глаза, поразили меня чрезвычайно пріятно. Особенно военные пароходы живо напомнили мнѣ Европейскій образъ жизни, и я не могу выразить, съ какимъ живымъ участіемъ слѣдилъ я вечеромъ глазами за паро-

ходомъ изъ Геца (портъ Астрабада), гордо проскользнувшимъ мимо насъ. Русскіе содержатъ здѣсь три военные парохода (два большіе и одинъ маленькій), безъ покровительства которыхъ ни одно изъ Русскихъ судовъ, отправляющихся изъ Астрахани, не безопасно отъ нападений Туркменъ. Пока купеческое судно въ открытомъ морѣ, ему бояться нечего, но оно рѣдко рѣшается подойти къ берегу безъ сопровожденія парохода. Эти же пароходы провожаютъ ихъ и обратно. Русское правительство разумѣется всячески старается парализовать разбойничьи привычки Туркменъ. И въ самомъ дѣлѣ нападений значительно уменьшились; но полная безопасность невозможна и не одинъ несчастный Персидецъ, а иногда при случаѣ и Русскій, увозятся въ цѣпяхъ въ Гемюштене. Русскіе суда развѣзжаютъ безпрестанно день и ночь по Туркменскимъ водамъ, и каждое Туркменское судно, ѣдущее съ восточнаго берега на Персидскій, на югъ, должно имѣть паспортъ, за который судовладелецъ платитъ въ годъ по 8, 10 или 15 дукатовъ. Паспортъ этотъ возобновляется въ концѣ каждаго года и долженъ быть предъъявляемъ всякій разъ, когда судно проходитъ мимо Ашурада, гдѣ его осматриваютъ Русскіе чиновники, чтобы убѣдиться, что на немъ нѣтъ ни пистолетовъ, ни оружія, ни другихъ предметовъ контрабанды. Слѣдствіемъ этой благотворной мѣры оказывается то, что большая часть Туркменскихъ торговыхъ судовъ не уходитъ отъ осмотра, а остальные стараются ѣздить неправильными путями, и при встрѣчѣ съ ними Русскіе ловятъ ихъ и топятъ въ случаѣ сопротивленія. Пока съ одной стороны принимаются подобныя мѣры необходимой строгости, съ другой политика старается установить дружескія отношенія съ однимъ племенемъ, чтобы воспользоваться имъ противъ другаго, въ случаѣ надобности.

Когда я проѣзжалъ черезъ Ашурада, дерьябеги или начальникомъ судоходства былъ тамъ Хидръ-Ханъ, изъ племени Газили-Керъ, состоящій уже тридцать лѣтъ на Русской службѣ и получающій около сорока дукатовъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ онъ отдаетъ десять своему мирзѣ или писарю. Хидръ-Ханъ все еще продолжаетъ жить въ палаткѣ среди полу-Европейской колоніи: обязанности его должны были состоять въ томъ, чтобы пользуясь вліяніемъ на Туркменъ, предупреждать ихъ набѣги или наконецъ сообщать Русскимъ о всякой предполагаемой экспедиціи, такъ какъ его подчиненные по зоркости и расторопности особенно способны къ обязанностямъ шпионовъ. Но не смотря на то, это ему не удавалось. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хорошій мусульманинъ, онъ давно познакомился съ Русской водкой—и вслѣдствіе этаго и днемъ и ночью былъ пьянъ; а сыновья его, которымъ придется со временемъ наследовать ему,—стакнулись съ каракчи (разбойниками) и нисколько не заботятся извѣщать Русскихъ о предполагаемыхъ грабежахъ.

Нашъ другъ Якубъ былъ обязанъ предъявить свой паспортъ и нашему маленькому судну тоже престоить осмотръ. Такъ какъ мы приближились къ Ашураду почти ночью, посѣщеніе властей было отложено до утра. Мы стали на якорь невдалекѣ отъ земли. Друзья мои повидимому очень сожалѣли о невозможности представиться Хидръ-Хану, меценату дервишей и хаджи. Но я былъ искренно радъ этому, потому что не могъ бы не поѣхать къ нему и знаніе Хидра европейскихкихъ

лицъ и приемовъ—весьма можетъ быть и изобличило бы меня или во всякомъ случаѣ поставило бы меня въ затруднительное положеніе. Меня немного пугала мысль, что утромъ, при осмотрѣ судна, мои европейскія черты, странно контрастировавшія съ чертами моихъ товарищей, и мой цвѣтъ лица, еще не дошедшій до азіатскихъ оттѣнковъ, могутъ измѣнить мнѣ и заставить Русскихъ подозрѣвать истину. Я вовсе не боялся какого-либо безчеловѣчнаго поступка съ ихъ стороны, но не безъ ужаса думалъ, что они могутъ открыть меня, счесть долгомъ отговаривать меня отъ моего предпріятія, что все это можетъ распространиться и Туркмены тоже узнаютъ о моемъ инкогнито. Я обдумывалъ, насколько больше Блоквилля придется мнѣ платить за выкупъ изъ такого страшнаго рабства! Эти мысли повергли меня въ мрачную тревогу и я былъ такъ смущенъ, что не могъ созерцать съ удовольствіемъ эту послѣднюю картину Западной жизни.

На слѣдующее утро я проснулся въ величайшемъ волненіи; изъ Ашурата неслись звуки колокола; мои спутники говорили, что сегодня Воскресенье—праздникъ невѣрныхъ. Я не зналъ, что это именно было за Воскресенье *). Мы стояли возлѣ одного военнаго корабля, на которомъ въ этотъ день были вывѣшены всѣ флаги. Вдругъ мы увидѣли моряковъ въ полной формѣ, въ лодкѣ, приближавшейся мѣрнымъ движеніемъ весель; офицеръ въ полной формѣ всталъ и былъ принятъ на бортъ военнаго корабля. Не прошло десяти минутъ, какъ велѣли намъ приблизиться и я увидѣлъ на ихъ палубѣ нѣсколькихъ офицеровъ. Сердце мое начало сильно биться; мы подъѣжали ближе; всѣ мои усилія были теперь направлены на то, чтобы держать себя какъ можно незамѣтно и избѣгнуть по возможности страшнаго tête-à-tête. По волѣ судьбы, наше судно приближаясь къ Русскимъ, повернулось именно тою стороною, на которой сидѣлъ я, такъ что всѣ офицеры могли видѣть мой затылокъ.

По случаю торжественнаго дня осмотръ былъ поверхностный и формальный. Переводчикъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Якубомъ; наша нищая братья обратила на себя вниманіе офицеровъ. Между прочими замѣчаніями, я услышалъ: „Смотрите, какой бѣлый этотъ хаджи!“

Рѣчь шла вѣроятно обо мнѣ, еще не усвоившемъ себѣ оттѣнка нецивилизованной жизни. Если такъ, то это было единственное замѣчаніе на мой счетъ; они скоро покончили съ Якубомъ и черезъ минуту мы были уже далеко отъ Русскихъ судовъ.

Тогда только я вышелъ изъ своего наклоннаго и полусоннаго положенія и испустилъ глубокой вздохъ. Тревога моя кончилась. Вскорѣ затѣмъ начался сильный западный вѣтеръ. Теперь наступила пора распустить паруса и спѣшить въ Гемюштепе, лежавшій всего въ трехъ миляхъ; но Якубъ не сводилъ глазъ съ бѣлой точки, виднѣвшейся въ нѣкоторомъ разстояніи, и принялся совѣтоваться съ своей командой; и только тогда, когда ужасающій призракъ совершенно исчезъ, наши большіе паруса были распущены и мы пустились къ востоку съ быстротою стрѣлы.

*) Я только послѣ узналъ, что это было Воскресенье Пасхи по Русскому стилю.

Въ полумили отъ Ашурата, мы проѣхали мимо нѣсколькихъ длинныхъ, раскрашенныхъ вѣхъ. Якубъ сообщилъ мнѣ, что ихъ разставили здѣсь „Ингилизы“ (Англичане), чтобы обозначить границы Русскихъ водъ,—такъ какъ другая сторона принадлежитъ Туркменамъ, которыхъ „Ингилизы всегда будутъ защищать отъ нападковъ Русскихъ“. Для меня всегда было загадкой: кто внушилъ этимъ дикимъ сынамъ пустыни такія дальновидныя политическія идеи? Но не мое дѣло разсуждать о смыслѣ этихъ морскихъ знаковъ или взвѣшивать степень симпатіи Англіи къ Туркменамъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ, Турменскій берегъ раскинулся передъ нами длинной полосой, съ небольшими возвышенностями тамъ и сямъ. Мы шли слѣдомъ за другимъ, маленькимъ судномъ, бѣжавшимъ передъ нами; паруса скоро упали; мы добрались до предѣла судоходныхъ водъ и стояли въ полуторахъ миляхъ отъ устья Гѣргена. На обоихъ берегахъ его мы увидѣли Гемюштепе, похожіей формой на сотню ульевъ, плотно лежащихъ другъ возлѣ друга.

И здѣсь то же мелководье, какъ въ Каратепе: самыя плоскодонныя суда не могутъ подѣхать прямо къ берегу или войти въ Гѣргень. Поэтому мы должны были ждать на значительномъ разстояніи, пока Якубъ не съѣздитъ на берегъ и не прислалъ нѣсколько теймилей помочь намъ разгрузиться. Ихъ явилось три и они ѣздили взадъ и впередъ, пока не перевезли всѣхъ насъ на берегъ.

Хаджи-Билалъ и я пріѣхали послѣдними и я былъ въ самомъ дѣлѣ въ восхищеніи, когда, подѣхавъ къ берегу, услышалъ, что Ханджанъ, извѣщенный о моемъ пріѣздѣ добрымъ другомъ моимъ Якубомъ, поспѣшилъ выйдти навстрѣчу мнѣ. Я нашелъ его на берегу, въ позѣ, принимаемой при совершеніи вечерней молитвы (ашр-намази).

ГЛАВА V.

Пріѣздъ въ Гемюштепе, гостеприимный пріемъ хаджи.—Ханджанъ.—Древняя Греческая стѣна.—Вліяніе улемовъ.—Первая каменная мечеть номадовъ.—Татарскіе *raids*.—Персидскіе рабы.—Поездка на сѣверо-востокъ Гемюштепе.—Татарская невеста и пиръ и.др.—Приготовление Хивинскаго кербанбани къ путешествію черезъ пустыню.—Верелюды.—Илья Бекъ, наемщикъ верелюдовъ.—Сдѣлка съ Хульханомъ.—Туркменская экспедиція на кражу лошадей въ Персію.—Возвращеніе ихъ.

Ad introeuntiam dextram Scythoe nomades, freti litoribus, insident. Pompon. MELA, De Situ Orbis, l. iii. c. v.

По окончаніи молитвы, Ханджанъ всталъ. Онъ оказался красивымъ, высокимъ и стройнымъ челоувѣкомъ, лѣтъ сорока, очень скромно одѣтымъ, съ длинной бородой до груди. Онъ подошелъ ко мнѣ, поспѣшно обнялъ меня и привѣтствовалъ какъ нельзя радушнѣе; при этомъ онъ

назвалъ меня по имени. Онъ принялъ точно такъ же и хаджи Билали и Сали; и когда караванъ разгрузилъ свои мѣшки и весь выбрался на берегъ, мы отправились къ палаткамъ. Извѣстіе о нашемъ пріѣздѣ распространилось повсюду: женщины, дѣти и даже собаки высыпали въ странномъ смятеніи изъ палатокъ, поглазѣть на приближающихся пилигримовъ и прикосновеніемъ къ нимъ (какъ увѣряють муллы) пріобрѣсти частицу заслугъ и вознагражденія за нихъ, согласно съ божественнымъ предписаніемъ о пилигримахъ. Эта первая картина Средне-Азіатской жизни такъ поразила меня, что я не зналъ, удивляться ли странной постройкѣ войлочныхъ палатокъ и женщинамъ въ шелковыхъ рубашкахъ до пятъ, или сперва удовлетворить ихъ желанію, выражаемому протянутыми руками. Странно! Молодые и старые, безъ различія пола или званія, всѣ желали прикоснуться къ хаджи, на которыхъ опочилъ святой прахъ Медины и Мекки. Посудите о моемъ удивленіи, когда женщины замѣчательной красоты и даже дѣвушки бросились меня обнимать! Мы были утомлены, измучены этими изъявленіями уваженія, происходившими отъ смѣшенія чувства религіознаго съ гостепріимствомъ, когда прибыли къ палаткѣ предводителя ишана (духовнаго лица), гдѣ собрался весь нашъ маленькій караванъ: тогда началось самое интересное представленіе, какое мнѣ когда-либо случилось видѣть.

Тутъ начались распоряженія о помѣщеніи прибывшихъ гостей. Меня поразила странность и пылкость споровъ изъ-за чести и права принять къ себѣ большее или меньшее число этихъ бѣдныхъ странниковъ. Я, правда, слыхалъ о гостепріимствѣ номадовъ, но никогда не воображалъ, чтобы оно доходило до такой степени.

Ханджанъ успокоилъ споры, возникшіе между женщинами, возстановилъ порядокъ и назначилъ каждому по гостю, предоставивъ самому себѣ Хаджи-Билали и меня, со всѣми нашими принадлежностями. Онъ повелъ насъ съ собой въ свою ова (палатка). Такъ-какъ онъ жилъ почти на краю Гемюштепе, то намъ пришлось пройти черезъ весь станъ, расположенный по обоимъ берегамъ Гѣргена *) и состоявшій изъ палатокъ, плотно поставленныхъ одна возлѣ другой. Солнце было уже на закатѣ, когда, совершенно измученные, мы добрались наконецъ до его жилья, въ полной увѣренности найти тамъ наконецъ отдыхъ; но насъ ожидало печальное разочарованіе. Наше новое помѣщеніе состояло изъ складной палатки, въ двухъ шагахъ отъ берега; но только-что мы вступили въ нее, съ обычнымъ церемоніаломъ (двоекратнымъ обходомъ ея окружности и заглядываніемъ во всѣ четыре угла), какъ вдругъ она наполнилась посѣтителеми, протомившими насъ до поздней ночи и такъ надобѣвшими намъ тысячью вопросовъ, что даже Хаджи Билаль, восточникъ *par excellence*, началъ постепенно терять терпѣніе.

*) Эта рѣка, начинающаяся въ Курдистанскихъ горахъ, протекаетъ большую часть области, населенной Іомутами, на разстояніи около тридцати нѣмецкихъ географическихъ миль (120 миль). На лошади можно провѣхать ее въ бродъ гораздо дальше Пызарака; и даже ниже Атабега глубина ея вовсе незначительна и только за одинадцать географическихъ миль отъ Гемюштепе оба ея берега становятся совершенными болотами. Она узка на всемъ своемъ протяженіи и баснословно изобилуетъ рыбою въ четырехъ или пяти географическихъ миляхъ отъ устья, такъ что воды ея кажутся окрашенными и лѣтомъ почти не годятся для питья. Вымывъ ею разъ или два руки и лицо, я замѣтилъ, что они сильно пахнутъ рыбою.

Вечеромъ Баба-Джанъ *), сынъ Ханджана, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, подалъ намъ ужинъ. Ужинъ этотъ состоялъ изъ вареной рыбы и кислаго молока и былъ поданъ на большомъ деревянномъ блюдѣ. Персидскій рабъ, тяжело обремененный цѣпями, по первому требованію подносилъ блюдо, Баба-Джанъ принималъ его изъ его рукъ, ставилъ передъ нами, потомъ отходилъ и садился рядомъ съ отцомъ, неподалеку отъ насъ, и оба смотрѣли съ очевиднымъ удовольствіемъ, какъ мы принялись истреблять блюдо за блюдомъ съ невѣроятнымъ аппетитомъ. По окончаніи ужина была произнесена молитва, Хаджи-Билаль поднялъ руки и за нимъ всѣ присутствовавшіе, потомъ, когда онъ произнесъ: „Бисмиллахъ, Аллахъ Эверъ“, всѣ взяли за бороды и поздравили Ханджана съ гостями.

13 апрѣля—я въ первый разъ проснулся въ Туркменской палаткѣ, называемой Юмутами чатма, а другими племенами — аладжа. Сладкій сонъ и сносный пріютъ подѣйствовали на меня какъ нельзя благотворнѣе: мнѣ стало легко и весело на душѣ: прелесть новизны очаровала меня и восторгу моему не было предѣловъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Хаджи-Билала, и онъ пригласилъ меня пройти съ нимъ; когда мы отошли немного отъ чатмы, онъ замѣтилъ мнѣ, что теперь пора сложить совершенно характеръ эфенди и сдѣлаться дервишемъ душой и тѣломъ. „Вы вѣроятно замѣтили уже, сказалъ мой добрый другъ, что и я и мои товарищи раздаемъ публикѣ фатиха (благословенія),— вы должны дѣлать то же. Я знаю, что это не принято въ Румъ, но здѣсь народъ требуетъ и любитъ это. Очень странно будетъ, если вы, называя себя дервишемъ, не выдержите вполнѣ характеръ свой. Вы знаете форму благословенія: примите серьезный видъ и раздавайте фатиха; можете также давать нефесъ (святое дыханіе). если васъ призвуть къ больному, только не забывайте вытягивать при этомъ руку, потому что намъ дервишамъ существенно необходимо пускать въ ходъ такіа проявленія благочестія при людяхъ.“ Хаджи-Билаль говорилъ съ желаніемъ принести мнѣ пользу, научить меня; потомъ онъ прибавилъ, что я вѣроятно слышалъ о путешественникѣ, который приѣхавъ въ страну одноглазой націи, и самъ сталъ закрывать одинъ глазъ, чтобы быть въ уровень со всѣми. Я горячо благодарилъ его за совѣты; онъ сказалъ мнѣ еще, что Ханджанъ и многіе Туркмены много распрашивали обо мнѣ и что ему стоило много труда и увѣреній, чтобы убѣдить ихъ въ томъ, что мое путешествіе вовсе не имѣетъ официальнаго характера. Туркмены конечно склонялись къ мысли, что я посланъ султаномъ въ Хиву и Бухару съ какимъ нибудь анти-Русскимъ порученіемъ; онъ не разувѣрялъ ихъ въ этомъ отношеніи, такъ-какъ они питаютъ величайшее уваженіе къ султану. Результатомъ всего этого было то, что я не долженъ ни на минуту слагать съ себя характеръ дервиша, потому что народъ этотъ прельщается всего больше загадочнымъ и двусмысленнымъ. Послѣ этой бесѣды, мы возвратились домой, гдѣ насъ ждали хозяева, со многими своими друзьями и родными. Сперва хозяинъ представилъ намъ свою жену и старую мать и просилъ для

*) Баба-Джанъ — душа отца, ласковое названіе, даваемое Туркменами старшему сыну.

нихъ нашего могущественнаго заступничества и благословенія, потому мы познакомились съ остальными близкими членами его семьи. По окончаніи всѣхъ требуемыхъ обрядовъ, Ханджанъ замѣтилъ, что у Туркменовъ принято смотрѣть на гостя, какъ на самаго дорогаго члена семьи; что мы можемъ безпрятственно ходить, гдѣ угодно, не только по собственному его владѣнію, но и по всѣмъ Юмукскимъ станамъ, и если кто осмѣлится прикоснуться къ волоску гостей его, Кельтъ (такъ звали его общину) потребуеть удовлетворенія. „Вамъ придется остаться здѣсь недѣли двѣ, пока не соберется караванъ въ Хиву; отдохните немного, побывайте потомъ въ отдаленныхъ ова. Туркмены не отпустятъ дerviшесъ съ пустыми руками. Вамъ не вредитъ наполнить ваши мѣшки— у васъ впереди долгій путь, на которомъ не откуда вамъ ожидать помощи, такъ какъ вы намѣрены дойти до Хивы и Бухары.“

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось подвигаться на свободѣ и читателю не трудно представить себѣ мой восторгъ при этихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось остаться въ Гемюштепе, пока я не освоюсь немного съ этимъ народомъ и не научусь совершенно бѣгло говорить на его нарѣчій. Въ первые дни я ходилъ съ Ханджаномъ, его братомъ или другими, близкими его. Потомъ я сталъ сопровождать Хаджи-Бидая, въ его религиозныхъ обходахъ для благословеній, или съ Хаджи-Сали, который дѣятельно упражнялъ свои медицинскія способности. Въ этихъ случаяхъ онъ давалъ лекарство, а я громко произносилъ благословеніе; за это мнѣ давали маленькую войлочную циновку или сушеную рыбу или какую нибудь другую бездѣлицу. Вслѣдствіе ли этой совмѣстной дѣятельности или изъ любопытства къ Турецкому хаджи (хаджи Руми) какъ они меня звали, — я никакъ не могъ догадаться, — но друзей моихъ очень удивило, что послѣ пятидневнаго пребыванія въ Гемюштепе, у меня оказалось множество больныхъ, или людей, воображающихъ себя больными и которымъ я раздавалъ благословенія или „дыханіе“ или писалъ маленькія изреченія для талисмановъ, и получалъ непремѣнно приличный гонорарій за это. Порою случалось мнѣ встрѣчаться съ упорными политиками, во что бы ни стало желавшими видѣть во мнѣ политическаго эмиссара и подозрительно относившимися къ моему дerviшескому характеру. Это меня, разумѣется, немного смущало, хотя въ сущности настоящая маска, усвоенная мною, все-таки оставалась неприкосновенною: никому и въ голову не приходило подозрѣвать во мнѣ Европейца. Посудите же, какъ мнѣ было пріятно думать, что я могу безпрятственно двигаться по почвѣ, такъ мало извѣстной Европейцамъ!

Число моихъ знакомыхъ росло быстро. Скоро я насчитывалъ между ними самыхъ значительныхъ и вліятельныхъ. Я нашелъ особенно полезной дружбу Кизиль-Ахонда (настоящее его имя было Молла-Мюрэдъ), замѣчательнаго Туркменскаго ученаго, съ которымъ я былъ въ отличныхъ отношеніяхъ; благодаря его рекомендаціи, я былъ вхожъ всюду рѣшительно. Кизиль-Ахонду, во время пребыванія въ Бухарѣ, попалась книга на Турецкомъ языкѣ, родъ комментарія или объясненія сеитенцій и выраженій корана. Онъ ее не совсѣмъ хорошо понималъ. Мое содѣйствіе доставило ему величайшее наслажденіе; онъ повсюду рассказывалъ въ самыхъ высокыхъ выраженіяхъ о моемъ знаніи Исламской литературы. Я тоже дружески сошелся съ Сатликъ-Ахон-

домъ, высоко чтимымъ духовнымъ лицомъ и человѣкомъ немалого образованія. Когда я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ, онъ формально принялся благодарить провидѣніе за случай видѣть лицомъ къ лицу мусульманина изъ Румы, изъ этаго чистаго источника вѣры; и когда кто-то изъ окружавшихъ его замѣтилъ, что у меня бѣлое лицо, онъ сказалъ, что именно это и есть истинный свѣтъ Ислама, что этой лучезарностью—Божіимъ благословіемъ—могутъ похвастать только вѣрующіе Запада. Я старался также сблизиться съ Молла-Дурдисомъ, носившимъ званіе кази-келана (верховнаго судьи), потому что скоро убѣдился, что только улемы имѣютъ вліяніе на этотъ дикій народъ и что вліяніе аксакаловъ — съдыхъ бородъ—преобладающее по мнѣнію Европы, въ сущности весьма ничтожно.

Увеличивающееся довѣріе Туркменъ ко мнѣ доказало, что путь, избранный мною, есть самый благоразумный; и когда зашла рѣчь о постройкѣ мечети изъ остатковъ древнихъ Греческихъ развалинъ, давшихъ Гемюштепе имя, меня просили назначить мѣсто для жертвенника, потому что Кизиль-Ахондъ указалъ на меня, какъ на самаго свѣдущаго и опытнаго дервиша.

Во всемъ Гемюштепе не было до сихъ поръ ничего, что хоть сколько нибудь напоминало бы стѣну, исключая постройки, приписываемой Грекамъ и теперь превратившейся въ развалину; и конечно идею воздвигнуть зданіе для богослуженія въ этомъ центрѣ Іомутовъ слѣдуетъ отнести къ положительному проявленію прогресса цивилизаціи. Каждый благочестивый Туркменъ считалъ своею обязанностью принести на назначенное мѣсто по нѣсколькимъ сотнямъ прекрасныхъ четверугольныхъ камней съ укрѣпленій, построенныхъ Александромъ; и такъ-какъ матеріала оказалось достаточно, то пригласили Туркменскаго архитектора. Ему приходилось бывать по дѣламъ въ Астрахани и онъ слылъ человѣкомъ, опытнымъ въ этомъ отношеніи. Ему было поручено выполненіе всей постройки. Я указалъ имъ, при помощи компаса, на направленіе, въ которомъ лежитъ Мекка, и они принялись строить стѣны, безъ всякаго фундамента: забывчивость, обѣщающая весьма мало гарантій прочности постройки, и можетъ быть къ лучшему; — можетъ быть не пройдетъ еще много времени — и Русскіе воспользуются этими начатыми работами для своихъ укрѣпленій.

По прошествіи недѣли, и благодаря вышеупомянутой протекціи, я былъ знакомъ рѣшительно со всѣми въ Гемюштепе. Я теперь могъ проникнуть въ тайны ихъ общественныхъ отношеній, изучить безчисленные колѣна и роды, на которыхъ раздѣляется это племя, и по возможности составить понятіе о связи, сдерживающей элементы, повидимому такіе разнообразныя и противорѣчащія. Трудъ оказался больше, чѣмъ я предполагалъ. Стоило мнѣ только затронуть вопросъ объ обыденной жизни или выказать любопытство въ томъ или другомъ отношеніи, какъ меня начинали спрашивать съ удивленіемъ, къ чему дервишу спрашивать о дѣлахъ этаго переходящаго міра? его дѣло — только Богъ и религія. Стало-быть мнѣ приходилось добиваться желаемаго косвенными путями, такъ-какъ я не смѣлъ предлагать прямыхъ вопросовъ. Къ счастью, Туркмены, проводящіе жизнь, за исключеніемъ участія въ раз-

бойничьихъ экспедиціяхъ, въ величайшей праздности, — готовы по цѣлымъ часамъ болтать о политикѣ, и я ограничивался молчаливымъ слушаніемъ; и сидя между ними съ соннымъ видомъ, съ четками въ рукахъ, я изучалъ исторію ихъ разбоевъ (аламановъ), ихъ отношеній къ Персіи, къ Хивинскому хану и другимъ номаднымъ націямъ.

Въ теченіи этаго времени мнѣ удалось побывать съ Кизиль-Ахондомъ у Атабеговъ, Юмутскаго племени, живущаго дальше на востокъ, и у Гекленъ-Туркменовъ; эта экскурсія была для меня въ высшей степени интересна, потому что дала мнѣ возможность увидѣть большую часть стѣны, построенной Александромъ для защиты отъ страшныхъ нападений племенъ, населявшихъ окрестныя пустыни.

Цѣль поѣздки Кизиль-Ахонда была сопряжена съ отправленіемъ юстиціи: ему нужно было собрать свѣдѣнія по одному тяжбному дѣлу. Вслѣдствіе этаго мы останавливались въ нѣсколькихъ мѣстахъ и употребили четыре дня на объѣздъ, который можно было бы сдѣлать въ два дня. Мы ѣхали на востокъ, но принуждены были часто сворачивать съ дороги, чтобы избѣгнуть болотъ, заросшихъ тростникомъ, и избавитися отъ сотенъ дикихъ кабановъ, бродящихъ посреди ихъ.

Волота эти образуются вслѣдствіе наводненій Гѣргена весною, когда онъ часто расширяетъ берега свои на цѣлыя мили. Вѣроятно это бывало и въ прежнія времена и отчасти то же послужило поводомъ для постройки вышеупомянутой большой стѣны, какъ защиты, въ разстояніи отъ четырехъ до шести Англійскихъ миль отъ сѣвернаго берега рѣки, и такъ какъ стѣна эта была выстроена на самыхъ возвышенныхъ точкахъ равнины, то и теперь дорога, ведущая близъ стѣны, самая надежная во всякое время года. И по этой же причинѣ, тутъ же тѣснится и большая часть населенія: не проходило часа, чтобы мы не встрѣтили большей или меньшей группы строей. Я не видѣлъ западнаго края этой древней постройки, и потому не придавалъ никакого значенія баснословнымъ рассказамъ, которыми меня подчивали. На восточномъ концѣ я дѣйствительно убѣдился, что стѣна начинается двумя концами: однимъ на сѣверо-востокѣ Гемюштепе, гдѣ обильное количество развалинъ, близъ морскаго берега, доказываетъ, что тутъ было начало стѣны, и другимъ въ двадцати англійскихъ миляхъ южнѣе рѣки Этрека, тоже близко къ морю; обѣ эти линіи соединяются не много выше, у Алтинъ-Токмака. Линію, начинающуюся у Гемюштепе, я слѣдилъ въ теченіе двухъ дней, на разстояніи десяти географическихъ миль отъ запада на сѣверо-востокъ. Ее не трудно различить по возвышенности на два или три фута надъ поверхностью земли. Стѣна эта очень похожа на длинную линію ретраншементовъ, между которыми, на разстояніи тысячи шаговъ, возвышаются развалины древнихъ башенъ; размѣры ихъ кажется повсюду одинаковы.

Вдоль этихъ стѣнъ видны тоже другія большія насыпи, изслѣдованіе которыхъ я охотно предоставляю кому нибудь другому, не чувствуя въ себѣ способности дать удовлетворительныя объясненія или достовѣрныя предположенія насчетъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были разрушаемы Туркменами, и, какъ мнѣ сказывали, въ нихъ находили, посреди четырехугольной постройки, колоссальный горшокъ, въ тонину бумаги, и въ немъ пепель синевага цвѣта, нѣсколько золотыхъ монетъ и другихъ драгоценностей. Вслѣдствіе этаго стѣну называютъ на

всемъ ея протяженіи: „хранилищемъ золота“ (Кизиль-аланъ). Валъ, о которомъ я теперь говорю, необходимо отличать отъ возвышенностей Юска, воздвигасмыхъ Туркменами въ память тѣхъ изъ ихъ соплеменниковъ, которыхъ они особенно желаютъ почитать. Ученый спутникъ мой, Кизиль-Ахондъ, удивлялся, отчего меня такъ интересуесть стѣна Александра (Седди Искендеръ) *).

По мнѣнію Кизили, стѣна была сооружена геніями (джинами) по повелѣнію могущественнаго повелителя Александра. „Александръ, говорилъ онъ, былъ болѣе благочестивымъ мусульманиномъ, нежели мы, и потому ему повиновались всѣ подземные духи“. Онъ принялся мнѣ рассказывать всею извѣстную басню о схожденіи Александра въ царство тьмы, и вдругъ замолчалъ, увидѣвъ, что я занялся отдѣленіемъ одного изъ кирпичей: ярко-красные кирпичи казались точно спаянными и составляли такую плотную массу съ цементомъ, сдерживавшимъ ихъ, что легче было разбить ихъ на двое, нежели отдѣлать отъ общей массы.

Вся эта окрестность представляетъ высокій интересъ для археологовъ, такъ-какъ здѣсь не только множество остатковъ Греческаго владычества, но есть и памятники древней Иранской цивилизаціи; арабскіе историки много говорятъ о значеніи нижняго Гѣргена, о развалинахъ Шегри-Джорджана. Даже Кумбези-Каузъ (куполь Кауза), развалина, о которой мнѣ рассказывали, но которой я самъ не видѣлъ, тоже по всей вѣроятности заслуживаетъ большаго вниманія, нежели сколько способенъ дать быстро путешествующій Англичанинъ.

Меня чрезвычайно удивило то, что у Кизиль-Ахонда, котораго я считалъ ученымъ и вовсе не богатымъ человѣкомъ, оказались въ различныхъ мѣстахъ палатки, жены и дѣти, различныя части семьи, происшедшей отъ трехъ браковъ. И когда онъ представилъ меня, въ различныхъ мѣстахъ, новымъ женамъ и дѣтямъ, я началъ подозрѣвать, что его маленькій объѣздъ можетъ быть имѣть инныя цѣли, а не простое только юридическое изслѣдованіе. Но приемъ его въ чужихъ палаткахъ не много рознился отъ приема, которымъ онъ пользовался въ своихъ собственныхъ палаткахъ; онъ былъ мулла *par excellence*, а муллы вездѣ въ Туркменскихъ палаткахъ какъ у себя дома, вездѣ полные хозяева. Даже въ поселеніяхъ враждебныхъ племенъ съ нимъ не только обращались почтительно, но осыпали подарками, — даже меня, разыгрывавшаго роль ученика его, не забывали при раздачѣ милостей: мнѣ подарили намджи (маты для стоянія на козльняхъ) изъ войлока, Туркменскую верхнюю одежду, широкую войлочную шапку—обыкновенный головной уборъ этихъ номадовъ. Я надѣлъ эту шапку, обвязалъ ее вокругъ легкимъ шарфомъ, на подобіе тюрбана, и превратился въ настоящаго Туркменскаго муллу!

По возвращеніи въ Гемюштепе, я нашелъ своихъ товарищей хаджи, не одобравшихъ моей поѣздки, очень встревоженными моимъ

*) Исторія великаго Македонянина облечена жителями Востока всеми принадлежностями религіознаго міеа; хотя многіе изъ ихъ писателей отдѣляютъ Искендеръ-Зуль-Карлейна (двурогого Александра), героя ихъ басни, отъ Искендеръ-Руи (Греческаго Александра), но мнѣ вездѣ случалось слышать, что на этихъ двухъ личностей смотрятъ какъ на одну и ту же.

продолжительнымъ отсутствіемъ. Я успѣшилъ освѣдомиться о здоровьи каждаго изъ нихъ. Я узналъ, что Хаджи-Сали продолжалъ лечить съ блистательнымъ успѣхомъ, что Хаджи-Кари-Мессуда обокрали въ мечети, то-есть въ палаткѣ, служившей мечетью, и въ которой онъ поселился на житье. Послѣ долгихъ розысковъ во всѣхъ направленіяхъ и безъ всякаго успѣха, ишанъ (священникъ) объявилъ, что онъ произнесетъ проклятіе надъ воровъ, если тотъ не возвратитъ украденнаго. Еще не прошло двадцати четырехъ часовъ, какъ явился терзаемый совѣстью преступникъ и принесъ съ собою не только украденную собственность, но еще подарокъ въ знакъ примиренія. Осмѣливаюсь предложить этотъ способъ открыванія воровъ въ Лондонѣ, взамѣнъ существующей системы.

Мнѣ сообщили также утѣшительныя извѣстія о караванѣ, отправляющемся въ Хиву. Друзья мои сказали мнѣ, что Хивинскому хану доктора предписали употреблять буйволовое молоко и что онъ отправилъ нарочно въ Гемюштепе своего керванбаши *) для пріобрѣтенія двухъ паръ этихъ животныхъ. Посланный отправился въ Астрабадъ, и по его возвращеніи можно будетъ предпринять поѣздку съ полной гарантіей успѣха подъ непосредственнымъ руководствомъ человѣка, не имѣющаго соперника въ знаніи пустыни. Меня удивило, что многими изъ моихъ спутниковъ, бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ, не смотря на благородное гостепріимство, которымъ они пользовались здѣсь, Туркмены успѣли уже опротивѣть; они говорили, что нѣтъ человѣческой возможности смотрѣть дольше на страшныя муки, претерпѣваемыя здѣсь несчастными персидскими рабами. „Правда, Персіяне—еретики и страшно мучать насъ, когда мы ѣдимъ по ихъ землѣ; но что несчастнымъ жертвамъ приходится здѣсь выносить — превосходить всякую мѣру“. Состраданіе, выражаемое моими спутниками, на родинѣ которыхъ еще не уничтожена торговля рабами, и проклятія каракчи (разбойникамъ) за безчеловѣчіе, лучше всего передаютъ впечатлѣніе мукъ, претерпѣваемыхъ бѣдными невольниками. Представьте себѣ чувства Персіяннина, хотя бы самаго бѣднаго, когда на него нападаютъ ночью, увлекаютъ далеко отъ его семьи плѣнникомъ, часто израненнымъ. Ему приходится замѣнить свое платье старымъ Туркменскимъ тряпьемъ, едва прикрывающимъ тѣло, члены его изнемогаютъ подъ тяжелыми цѣпами, отрывающимися страшной болью при каждомъ его шагѣ; онъ принужденъ цѣлые дни, иногда недѣли ограничиваться самой скудной діетой. Во избѣжаніе попытокъ къ побѣгу, его на ночь прикрѣпляютъ затылкомъ къ желѣзному кольцу, такъ что бряцанье цѣпи изобличаетъ малѣйшее его движеніе. Единственный исходъ изъ этихъ страданій — уплата выкупа друзьями; а если этаго не воспослѣдуетъ, онъ превращается въ раба и можетъ быть отправленъ въ Хиву и Бухару.

Я никакъ не могъ пріучить своего слуха къ бряцанью этихъ цѣпей; оно раздается въ палаткахъ всѣхъ Туркменъ, мало-мальски претендующихъ на почтливость или общественное значеніе. Даже у на-

*) Керванбаши—предводитель каравана. Онъ получаетъ жалованье отъ хана и очень свѣдущъ во всякаго рода дорогахъ. У всякаго караваннаго пути есть свой керванбаши, называемый по имени своего особаго пути.

шего друга Ханджана были два раба, мальчики лѣтъ осьмнадцать и двадцати, и видъ этихъ несчастныхъ, во цвѣтъ лѣтъ влачившихъ свою жизнь въ оковахъ, причинялъ во мнѣ невыразимо болѣзненное ощущение, всякой день подновляемое, повторяемое. Въ добавокъ, я былъ принужденъ молча выслушивать брань и смотрѣть на побои, которыми подчивали этихъ несчастныхъ. Малѣйшее заявленіе состраданія пробудило бы подозрѣнія. Между тѣмъ, они очень часто обращались ко мнѣ вслѣдствіе того, что я зналъ по персидски. Младшій изъ нашихъ домашнихъ рабовъ, красивый, черноволосый Иранецъ, просилъ меня написать письмо къ его роднымъ, умолять ихъ именемъ Бога продать все свое имущество и выплатить требуемый за него выкупъ. Письмо это я написалъ. Разъ какъ-то мнѣ захотѣлось, когда мы были совершенно одни, дать ему чашку чая, но къ несчастію, въ ту самую минуту, когда онъ протягивалъ руку за чашкой, кто-то вошелъ въ палатку. Я сдѣлалъ видъ, что подзываю его, и вмѣсто того, чтобы дать ему чаю, былъ принужденъ ударить его слегка нѣсколько разъ. Во время моего пребыванія въ Гемюштепе не проходило ночи безъ выстрѣла со стороны моря, что обозначало прибытіе разбойничьяго судна съ добычею. На слѣдующее утро я отправлялся къ ночнымъ героямъ за десятиной, отдѣляемой въ пользу дервишей, а вѣрнѣе сказать—отдаваемой Персіанамъ для облегченія первыхъ минутъ ихъ несчастія. Сердце мое обливалось кровью при этихъ ужасныхъ сценахъ и мнѣ пришлось такимъ образомъ не мало насмотрѣться на нихъ, привыкнуть къ самой разительной противоположности добродѣтели и порока, гуманности и тиранніи, щепетильной честности и крайней степени плутовства и низости.

Не прошло двухъ недѣль, какъ и мнѣ, подобно многимъ товарищамъ, опротивѣло наше мѣстопробываніе и глаза мои смотрѣли съ невыразимой тоской на границы Персіи.

Нѣсколько миль раздѣляютъ эти двѣ страны, а обычаи, нравы и образъ мыслей Туркменъ такъ различны, какъ будто бы эти двѣ націи жили въ тысячѣ миль одна отъ другой. Какъ удивительно вліяніе религіи и историческихъ преданій на человѣчество! Я не могу удержаться отъ смѣха при мысли, что эти Туркмены, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такіе жестокие и безчеловѣчныя, именно въ это время постоянно задавали пиршества „Лилла“ (съ благочестивой цѣлью), на которыхъ должна была непременно присутствовать вся наша компанія дервишей. Эти приглашенія повторялись нѣсколько разъ въ теченіе дня. Я согласился принять только первое и второе; что же касается до третьяго, я всячески старался извиниться; но мой настойчивый хозяинъ заставилъ меня выдти изъ моей палатки нѣсколькими толчками въ спину. Сообразно съ законами Туркменскаго этикета, „чѣмъ сильнѣе толчекъ, тѣмъ душевнѣе, радушнѣе приглашеніе“. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, амфитріонъ разстилалъ передъ своею палаткою нѣсколько кусковъ войлока—или, если позволяли средства, коверъ, на которыхъ усаживались кружками по пяти или шести, и каждому кружку подавалось большое деревянное блюдо, пропорціональное по достоинству и содержанію съ количествомъ и возрастомъ членовъ кружка. Каждый гость погружалъ въ блюдо полуоткрытую ладонь, пока она не наполнилась совершенно. Достоинство и укладка блюдъ этихъ не были бы

способны заинтересовать наших „гастрономов“. Замѣчу только мимоходомъ, что конина и верблюжина были непремѣнной принадлежностью этихъ пировъ; что же касается до другихъ блюдъ, особенно до тѣхъ, которыя должны были изображать дичину,—то я не стану описывать ихъ, чтобы мое описаніе не заподозрили въ лживости.

Во время моего пребыванія у Ханджана, онъ женилъ сына своего (двѣнадцати-лѣтняго мальчика, о которомъ я уже говорилъ выше) на дѣвочкѣ десяти лѣтъ. Событіе это сопровождалось пиромъ, отъ котораго мы, въ качествѣ его гостей, никакъ не могли отбоариться. При входѣ въ далатку невѣсты, мы нашли ее за вышиваньемъ шали. Она какъ будто не замѣчала присутствія постороннихъ и въ теченіе двухъ часовъ, которые мы провели у нея, она только одинъ разъ украдкой взглянула на насъ и держала себя такъ, что очевидно было, что ей до насъ вовсе не было дѣла. Во время угощенія, состоявшаго въ честь мнѣ изъ риса, развареннаго въ молокѣ, Ханджанъ замѣтилъ, что этотъ праздникъ былъ назначенъ на слѣдующую осень, но что ему захотѣлось воспользоваться нашимъ присутствіемъ и совершить этотъ обрядъ подъ нашимъ руководствомъ и съ нашего благословенія.

Позвольте мнѣ, чтобы не забыть, упомянуть здѣсь о томъ, что на этомъ праздникѣ мы познакомились съ однимъ каракчи, который, одинъ и цѣшій, не только взялъ въ цѣнѣ трехъ Персіянъ, но еще велъ ихъ за собою въ неволю цѣлыхъ одиннадцать миль. Онъ далъ намъ десятину, слѣдующую духовнымъ и состоявшую всего изъ двухъ еронъ; и какъ онъ былъ счастливъ, когда мы хоромъ затянули фети-ха — благословеніе ему!

Продержавъ насъ въ Гемюштепе, совершенно противъ моего желанія, цѣлыхъ три недѣли, гостепріимный Ханджанъ наконецъ изъявилъ желаніе помогать намъ готовиться къ отъѣзду. Мы разсудили, что наемъ верблюдовъ потребуеъ слишкомъ много расходовъ, и рѣшили нанять одного на двухъ, для того чтобы навьючить на него нашу воду и муку. Наемъ этотъ очень затруднилъ бы насъ, еслибъ Илья-Бегъ, нашъ поставщикъ, не помогъ намъ. Онъ, правда, не былъ особенно религіозенъ, ни особенно уважалъ въ насъ званіе хаджи; не смотря на это, онъ строго выполнялъ законы гостепріимства и былъ готовъ на всевозможныя жертвы, чтобы удовлетворить насъ. Илья—Хивинскій Туркменъ, изъ племени Юмугъ; онъ ежегодно по дѣламъ ѣздитъ черезъ пустыню въ Гемюштепе и здѣсь пользуется покровительствомъ Ханджана, иначе его положеніе было бы такъ же не надежно, какъ всякаго другаго иностранца. Онъ обыкновенно пріѣзжалъ осенью и возвращался весною, съ двадцатью или тридцатью верблюдами, навьюченными товарами, его собственными или чужими. Ему пришлось въ этомъ году взять съ собою обратно нѣсколько лишнихъ верблюдовъ, и небольшая добавочная сумма за наемъ ихъ была для него совершенно неожиданной прибылью. Ханджанъ поручилъ насъ ему самымъ радужнымъ образомъ и слова: „Илья, вы отвѣтите мнѣ за нихъ своею жизнью“, ясно доказывали, какъ высоко цѣнилъ насъ хозяинъ. Илья уставилъ глаза внизъ, въ землю, какъ всегда дѣлаютъ номады въ важныхъ случаяхъ, и отвѣтъ его, тихимъ голосомъ, исходившимъ изъ него какъ будто безъ всякаго движенія губъ, прозвучалъ: „Вы, вѣроятно, не знаете меня!“ Это странное *sang-froid* переговоровъ двухъ

Туркменъ начали раздражать мой полу-европейскій характеръ, и забывая, что Хаджи-Билаль и другіе мои спутники были тутъ же и стояли безслownie и неподвижно, я позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній; но скоро имѣлъ случай раскаяться, потому что на мои нѣсколько разъ повторенныя слова не воспослѣдовало отвѣта: на нихъ не обратили никакого вниманія. Переговоры окончились тѣмъ, что мы рѣшились нанять верблюда за два дуката до Хивы, съ тѣмъ чтобы воду и муку нашу Илья взялъ съ собою бесплатно.

Маленькой суммы денегъ, позапрятанной мною въ различныхъ частяхъ моего нищенскаго костюма, вмѣстѣ съ обильной жатвой, собранной мною съ Туркменъ въ качествѣ хаджи, было для меня за глаза довольно, такъ что я могъ бы нанять верблюда для себя одного; но Хаджи-Билаль и Султанъ-Махмудъ не совѣтовали мнѣ дѣлать этого, говоря, что мнимая бѣдность, рассчитывающая на состраданіе, — самое лучшее ручательство въ безопасности посреди этихъ номадовъ, между тѣмъ какъ малѣйшіе признаки достатка способны пробудить въ нихъ корыстолюбіе, жадность. Подозрѣніе въ богатствѣ можетъ превратить лучшаго друга во врага.

Они называли нѣсколькихъ хаджи со средствами, которые изъ предосторожности путешествовали въ лохмотьяхъ и пѣшкомъ. Я подчинился необходимости и вступилъ въ долю съ другими при наймѣ верблюда, выговоривъ только себѣ позволеніе пользоваться кеджеве (парой деревянныхъ корзинъ, висящихъ по обѣимъ сторонамъ верблюда) въ случаѣ усталости. Я рассчитывалъ на сильную усталость при своей хромои ногѣ и при непрестанной ѣздѣ днемъ и ночью, въ теченіе сорока станцій, при чемъ нужно было тѣсниться вмѣстѣ съ другими на деревянномъ сѣдлѣ. Сначала Илья не соглашался, говоря (и совершенно справедливо), что кеджеве въ пустынѣ будетъ двойною тяжестью для бѣднаго животнаго. Однако Ханджанъ убѣдилъ его и онъ согласился. Такимъ образомъ мнѣ предстояла утѣшительная возможность немного поспать время отъ времени на пути въ Хиву, который долженъ былъ длиться двадцать дней и о которомъ всѣ отзывались такъ, что въ насъ невольно заговорили и опасенія и тревога... Всего больше утѣшало меня то, что моимъ vis-à-vis и уравновѣшивателемъ въ другомъ кеджеве будетъ Хаджи-Билаль, мой добрый другъ, общество котораго постепенно дѣлалось все необходимѣе для меня. По окончаніи переговоровъ, мы заплатили, сообразно съ обычаемъ, наемныя деньги впередъ. Хаджи-Билаль произнесъ фетиha, Илья провелъ пальцами по бородѣ, состоявшей, по правдѣ сказать, только изъ нѣсколькихъ спутанныхъ волосковъ; намъ больше нечего было дѣлать на мѣстѣ и мы стали просить ускорить по возможности отъѣздъ. Но онъ не могъ обѣщать намъ ничего, потому что все зависѣло отъ керван-баши хана, который долженъ былъ предводительствовать караваномъ, въ сопровожденіи своихъ буйволовъ. Черезъ нѣсколько дней мы были совершенно готовы къ отправленію въ Этрекъ, нашъ rendez-vous съ этимъ господиномъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ оставить Гемюштепе, во первыхъ потому, что мы въ немъ совершенно напрасно тратили время, а жаркая пора года все близилась да ближалась и мы боялись не найти въ пустынѣ дождевой воды; а во вторыхъ, мнѣ было очень неловко посреди всѣхъ смѣшныхъ, странныхъ слуховъ, носившихся на

мой счетъ. Многіе видѣли во мнѣ просто благочестиваго дервиша, но зато другіе не могли отдѣлаться отъ мысли, что я человѣкъ съ вѣсомъ, посланникъ султана, въ перепискѣ съ Турецкимъ посломъ въ Тегеранъ, который привезъ съ собою тысячу ружей и предпринимаетъ заговоръ противъ Персіи и Россіи. Если бы это дошло до слуха Русскихъ въ Ашурадѣ, они, конечно, посмѣялись бы, но можетъ быть стали бы наводить справки о странномъ дервишѣ; открытіе моей личности повлекло бы за собою тяжкую, можетъ быть пожизненную неволю. Я поэтому просилъ неуступно Хаджи-Билала уѣхать поскорѣе изъ Гемюштепе, но его прежняя нетерпѣливость уступила мѣсто безусловному равнодушію съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ присоединился Илья; на мои просьбы онъ постоянно отвѣчалъ, что смѣшно такъ рѣбачиться и предугадывать опредѣленія судьбы. „Твоя носпѣшность, говорилъ онъ мнѣ, ни къ чему не поведетъ; ты долженъ оставаться на Фергенскихъ берегахъ, пока Назибъ (фатушъ) не поведитъ тебѣ пить воду въ иномъ мѣстѣ; и никому не извѣстно, когда это будетъ — скоро или не скоро!“ Представьте себѣ, какое впечатлѣніе такой восточный отвѣтъ могъ произвести на умъ, не безъ причины возмнужанный нетерпѣніемъ! Я видѣлъ, однако, очень хорошо невозможность какого бы то ни было исхода и покорился своей участи.

Въ это время разнесся слухъ, что какой-то каракчи, въ одну изъ своихъ разбойничьихъ поѣздокъ, измѣннически захватилъ пятерыхъ Персіанъ. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ съ состояніемъ. Разбойники подѣхали къ Каратепе, какъ будто бы для того, чтобы купить владѣ въ Персидской деревнѣ. Торгъ скоро состоялся и какъ только несчастные Персіане появились на берегу моря съ своими товарами, ихъ схватили, связали по рукамъ и по ногамъ, зарыли въ ихъ же собственную пшеницу и насильно отвезли въ Гемюштепе. Я присутствовалъ при выгрузкѣ (если такъ можно выразиться) этихъ несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ опасно раненъ, и я слышалъ, что сами Туркмены называли этотъ поступокъ постыднымъ. Даже Русскіе въ Ашурадѣ заинтересовались этимъ дѣломъ и угрожали высадкой въ случаѣ, если плѣнниковъ не освободятъ немедленно. Такъ какъ разбойники сначала на отрѣзъ отказались отпустить свою добычу, то я полагалъ, что остальнымъ Туркменамъ, опасаящимся такой же участи отъ Русскихъ, удастся уговорить своихъ сотоварищей на уступку. Вовсе нѣтъ; они бѣгали взадъ и впередъ, раздавали оружіе, чтобы встрѣтить Русскихъ горячимъ отпоромъ. Интересно то, что и мнѣ дали ружье на плечо, и я сильно недоумѣвалъ, какъ мнѣ стрѣлять въ Русскихъ. Къ счастью, угроза осталась угрозой, не больше *). На слѣдующее утро подѣхалъ къ берегу Русскій пароходъ, но все окончилось политическимъ маневромъ: Туркмены дали зарокъ не дѣлать подобныхъ вещей въ будущемъ, а Персіане остались въ цѣпяхъ. Богатый плѣнникъ заплатилъ 100 дукатовъ выкупа; другой, калѣва, не стойвшій и четы-

*) Да не удивляется читатель двусмысленному положенію Русскихъ властей. Персія смотритъ на всякую высадку Русскихъ силъ на берега, какъ на враждебное посягательство на ея собственную почву, и готова лучше терпѣть неметовство Турименъ, нежели прибѣгнуть къ Русской силѣ, которая хотя и была бы ей полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но вообще не замедлила бы нанести ей и существенный ущербъ.

рехъ дукатовъ, былъ освобожденъ въ честь Русскимъ; но три остальные—здоровые, сильные люди—были закованы еще въ болѣе тяжелыя цѣпи и отправлены въ обычное мѣсто пытки для рабовъ, въ Этрекъ. Названіе Этрека, придаваемое и рѣкѣ и всей окрестности ея, наводитъ страхъ и ужасъ на несчастныхъ жителей Мазандерана и Табаристана. Персіянинъ только въ сильномъ гнѣвѣ говоритъ: „Этрекъ бѣотти!“ (попадешься ты въ Этрекъ). Такъ какъ тамъ было назначено сойтись нашему каравану, то мнѣ скоро пришлось заглянуть поближе въ это гнѣздо ужасовъ. Ханджанъ весьма обязательно рекомендовалъ меня, въ качествѣ гостя, Кюльханъ-Пиру, бывшему каракичи. Это было очень кстати. У стараго грѣшника была мрачная, отталкивающая физиономія. Онъ вовсе не привѣтливо отнесся ко мнѣ, когда меня поручили его гостепріимству. Онъ долго смотрѣлъ на мое лицо, нашептывая что-то на ухо Ханджану, и казалось рѣшился открыть во мнѣ что-то, чего другіе не видѣли и не подозрѣвали. Я скоро узналъ причину этой недоувѣрчивости. Кюльханъ въ молодости бывалъ въ южной Россіи, вмѣстѣ съ Хидръ-Ханомъ, состоявшемъ у Царя на службѣ. Онъ тоже долго жилъ въ Тиолисѣ и освоился съ нашимъ Европейскимъ образомъ жизни. Онъ замѣтилъ, что ему случалось видѣть много разныхъ народовъ, но что Османи онъ никогда не видывалъ. Но онъ слышалъ, что будто бы они происходятъ отъ одного Туркменскаго племени и даже похожи на Туркменъ во всѣхъ отношеніяхъ, и его очень удивляетъ, что я вовсе не похожъ на Туркмена. Хаджи-Билаль замѣтилъ, что эти его свѣдѣнія не вѣрны, что онъ самъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Румѣ и никогда ничего подобнаго не видывалъ. Затѣмъ Кюльханъ объявилъ намъ, что онъ намѣренъ, черезъ два дня возвратиться въ свою ову въ Этрекъ, и совѣтовалъ намъ быть готовымъ къ путешествію, потому что безъ него намъ ни за что не доѣхать до Этрека, хоть туда не болѣе двѣнадцати миль. Онъ прибавилъ, что ждетъ только возвращенія сына своего Кольмана изъ аламана (разбоя) на Персидской границѣ, гдѣ тотъ промышляетъ отличныхъ коней. Возвращеніе сына съ этого разбоя и грабежа сопровождалось въ Кюльханъ точно такими чувствами, съ какими у насъ отцы ждутъ дѣтей съ геройскаго подвига или изъ какогонибудь благороднаго, достойнаго предпріятія. Онъ сказалъ намъ, что мы можемъ отправиться немного впередъ вдоль береговъ Гергена, потому что сынъ его долженъ скоро возвратиться и мы увидимъ нѣчто, на что стоитъ посмотреть. Такъ какъ мнѣ дѣлать было нечего, то я охотно принялъ приглашеніе и присоединился къ толпѣ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидавшей появленія возвращающихся. Наконецъ на противоположномъ берегу появилось восемь Туркменъ съ десяткомъ подручныхъ лошадей. Я думалъ, что ожидающая толпа выразитъ восторгъ своей громкими возгласами, но они молчали и пристально глядѣли на приближавшихся. Тѣ бросились въ Гергенъ и поплыли къ нашему берегу. Выйдя на берегъ, они протянули руки къ своимъ роднымъ съ невыразимой серьезностью. Старики съ величайшимъ вниманіемъ разсматривали добычу, молодые герои занимались приведеніемъ въ порядокъ своей одежды. Снявъ тяжелыя мѣховыя шапки, они отирали потъ съ головы и лица.

Картина была великолѣпная. Не смотря на презрѣніе къ этимъ разбойникамъ и ихъ гнуснымъ дѣяніямъ, я съ большимъ удовольствіемъ

смотря на эту молодёжь, въ короткой верховой одеждѣ, съ смѣлыми взглядами, съ волосами, рассыпавшимися кудрями по плечамъ, и въ полномъ вооруженіи. Они служили предметомъ всеобщаго удивленія. Даже мрачный Кюльханъ казался умиленнымъ: онъ подвелъ сына къ намъ и когда Хаджи-Билаль благословилъ его, мы расстались. На слѣдующее утро мы выѣхали изъ Гемюштепе въ Этрекъ, съ Кюльханомъ, его сыномъ и украденными лошадьми.

ГЛАВА VI.

Отъездъ изъ Гемюштепе. — Характеръ бывшего нашего хозяина. — Туркменскія мотыги. — Неприятное приключеніе съ дикими бабавами. — Plateau на сѣверъ Гемюштепе. — Обычаи номадовъ. — Туркменское гостепримство. — Последний козелъ. — Персидскій рабъ. — Начало пустыни. — Туркменская жена и раба. — Этрекъ. — Персидскіе рабы. — Русскій матросъ. — Предполагаемый союзъ Юнатовъ съ Текке. — Свиданіе съ Керванбаши. — Племя Кемъ. — Прощаніе съ Этрекомъ. — Афганъ затѣваетъ ссору. — Описаніе каравана.

Gens confinis Hyrcaniae, cultu vitae aspera et Introciniis assueta. — Q. Curtii Ruf. lib. vi. cap. 5.

На слѣдующій день въ полдень я выѣхалъ изъ Гемюштепе съ своими добрыми товарищами и съ Ханджаномъ. Ханджанъ шелъ за нами пѣшкомъ около мили, такъ принято у номадовъ провожать почетныхъ гостей. Я нѣсколько разъ упрасивалъ его возвратиться, но напрасно: онъ настаивалъ на точномъ выполненіи всѣхъ обычаевъ древняго Туркменскаго гостепримства, чтобы не подать намъ ни малѣйшаго повода пожаловаться на него въ какомъ бы то ни было отношеніи. Сказать правду, мнѣ было очень тяжело, когда пришлось обнять его въ послѣдній разъ, потому что я нашелъ въ немъ почтеннаго, достойнаго человѣка. Безъ всякаго корыстнаго побужденія, онъ не только содержалъ въ своемъ домѣ меня и еще пять другихъ пилигримовъ, но еще снабдилъ меня всѣми необходимыми объясненіями. Мнѣ даже теперь жаль, что я ничѣмъ не могу отблагодарить его за его доброту, жаль, что я долженъ былъ невольно ввести въ обманъ такого задушевнаго человѣка.

Путь нашъ лежалъ на сѣверо-востокъ, все дальше и дальше отъ берега моря, въ направленіи двухъ большихъ валовъ, изъ которыхъ одинъ называется Кере-софи, а другой Алтинъ-Токмакъ. Кромѣ этихъ валовъ, здѣсь и тамъ видѣлось множество юсска (Туркменскихъ мотыгъ); за этими исключеніями, мѣстность эта совершенно плоска. Въ

четверти мили отъ Гемюштепе, мы очутились посреди великолѣпныхъ пастбищъ, съ ароматической травою по колѣна. Луга и поля эти явнута безъ всякаго употребленія, потому что жители Гемюштепе—чому (то-есть не скотоводы). Какія славныя селенія могли бы процвѣтать въ этой обильной водами долинѣ; какая кипучая жизнь могла бы здѣсь воцариться вмѣсто смертельной тишины и безлюдья! Нашъ маленькій караванъ состоялъ изъ верблюдовъ, принадлежавшихъ Ильѣ, и шести лошадей, связанныхъ вмѣстѣ, потому что Кюльханъ увѣрялъ, что здѣсь въ окрестности много каракчи, не состоящихъ подъ его началомъ и готовыхъ при первой возможности напасть на него. Ильѣ былъ радъ случаю избавить меня отъ ѣзды на верблюдѣ и взявъ у Кюльхана одну изъ украденныхъ лошадей, чтобы довести до Этрека. Къ несчастію Эмиръ - Мегеммедъ, Афганскій опиумоѣдъ изъ Каратепе, который присоединился также къ нашему каравану,—оказался пѣшимъ, и какъ намъ приходилось перебираться черезъ лужи или по болотамъ, я не могъ не брать его къ себѣ на сѣдло, и онъ всякій разъ такъ крѣпко цѣплялся за мою одежду, что я часто боялся упасть съ лошади. Эта ѣзда вдвоемъ надѣлала мнѣ не мало хлопотъ, когда намъ пришлось ѣхать по большимъ топямъ, поросшимъ тростникомъ, въ которомъ бродили цѣлыми стадами дикіе кабаны, въ невѣроятномъ количествѣ. Кюльханъ и Ильѣ ѣхали впередъ, прокладывая окольные дороги, чтобы обойти этихъ животныхъ, близость которыхъ мы подозрѣвали не только по ихъ непрерывному хрюканью, но и по треску, производимому ихъ движеніями въ тростникѣ. Я ѣхалъ, внимательно вслушиваясь, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась въ сторону и сдѣлала значительный прыжекъ. Я едва успѣлъ оглянуться, чтобы посмотреть, что было причиной ея испуга, какъ вдругъ я и товарищъ мой оба очутились на землѣ. Громкій смѣхъ товарищей смѣшался съ страннымъ воемъ. Я обернулся и увидѣлъ, что лежу на двухъ маленькихъ кабанахъ; мать ихъ спугнула нашу лошадь, но теперь, ожосточенная криками своихъ дѣтенышей, она стояла неподалеку отъ насъ, выставивъ изъ-за тростника свои клыки, и по всей вѣроятности бросилась бы на насъ, если бы Ширджанъ, братъ Ильи, не явился къ намъ на помощь и не загородилъ ей дорогу своимъ копьемъ. Испуганная ли отвагой молодого Туркмена, или успокоенная молчаніемъ своихъ кабанятъ, вышедшихъ изъ стѣснительнаго положенія,—она начала отступать къ своему логовищу, откуда мы не замедлили выбраться. Сынъ Кюльхана между тѣмъ поймалъ нашу лошадь, которая чуть было не убѣжала. Онъ возвратилъ мнѣ ее, сказавъ, что я долженъ считать себя счастливымъ, потому что смерть отъ пораненія дикимъ кабаномъ дѣлаетъ самаго благочестиваго мусульманина — неджи (нечистымъ) въ будущей жизни, и даже столѣтнее горѣніе въ чистилищномъ огнѣ не можетъ смыть эту нечистоту.

Проѣхавъ около четырехъ часовъ въ томъ же направленіи, посреди болотъ и луговъ, я замѣтилъ, что мы добрались до покатыхъ окраинъ нагорной равнины, простирающейся на сѣверъ отъ Гемюштепе; на этихъ окраинахъ начинаютъ постепенно исчезать возвышенія и въ большомъ разстояніи видѣются только нѣсколько группъ палатокъ, съ пасущимися около нихъ верблюдами. Со всѣхъ четырехъ сторонъ, самая прелестная зелень ласкала взоръ, но не смотря на это, восточная сто-

рона, которую я посетилъ съ Кизиль-Ахондомъ, населена гораздо гуще. Здѣсь нѣтъ рѣки, подобной Гергену, и хорошая вода, употребляемая людьми, исчезаетъ къ тому времени, когда стада ихъ достаточно откормятся на богатыхъ пастбищахъ. Вслѣдствіе этого палатки биваютъ здѣсь видны только въ маѣ и іюнь. Одна изъ этихъ группъ палатокъ, населенная подчиненными Кюльхана, должна была приютить насъ на эту ночь, такъ какъ до Этрека было еще шесть миль *) — цѣлый день ѣзды для нашихъ тяжело навьюченныхъ верблюдовъ. Мы дали вѣсть о своемъ приближеніи, и мои голодные товарищи скоро увидѣли въ поднимающемся дымѣ — перспективу хорошаго ужина. Хотя Гемюштепе всего въ четырехъ миляхъ отъ этого мѣста, поѣздка туда заняла почти восемь часовъ, и этотъ первый переѣздъ порядкомъ утомилъ и всадниковъ и животныхъ.

Молодой племянникъ Кюльхана выѣхалъ изъ палатокъ шаговъ на десять навстрѣчу намъ. Илья и Афганъ помѣстились у Кюльхана, а я съ хаджи — въ маленькой палаткѣ Аллаха-Назра. Старый Турименъ былъ въ себя отъ радости, что небо послало ему гостей; воспоминаніе объ этой сценѣ никогда не изгладится изъ моей памяти. Не смотря на наши убѣжденія, онъ убилъ единственнаго своего козла, чтобы хорошенько угостить насъ. На слѣдующій день къ обѣду онъ досталъ откуда-то хлѣба, котораго не видно было по цѣлымъ недѣлямъ въ его домѣ. Когда мы принялись за мясное блюдо, онъ сѣлъ противъ насъ и принялся плакать отъ радости, въ самомъ точномъ смыслѣ этого выраженія. Аллаха-Назръ не хотѣлъ оставить у себя ни кусочка козла, убитаго въ нашу честь. Рога и копыта были сожжены въ пепелъ и переданы Ильѣ, для намазыванія ссадинъ у верблюдовъ. Изъ черепа онъ непременно хотѣлъ сдѣлать для меня чашку для воды и вытеретьъ его хорошенько солью, высушилъ на солнцѣ и вручилъ мнѣ.

Прибытіе раба, одного изъ пяти, о которыхъ я говорилъ въ предшествующей главѣ, попавшихся въ сѣти, такъ предательски разставленныя передъ ними, задержало Кюльхана и нашихъ товарищей еще на одинъ день. Бѣдный Персіанинъ былъ отправленъ, въ наказаніе, къ Кюльхану, который пользовался репутаціей человѣка, отлично умѣющаго развѣдывать отъ плѣнника, имѣютъ ли его родные средства выкупить его, или, если у него нѣтъ ни родныхъ, ни собственности, — отправлять въ Хиву на продажу. Первый способъ сдѣлали всего больше нравятся Туркменамъ, потому что даетъ имъ возможность запрашивать сумму, какую имъ вздумается. Персіанинъ, лукавящій даже въ несчастіи, всегда старается скрыть свое настоящее положеніе; поэтому его подвергаютъ самымъ тяжкимъ мукамъ, чтобы заставить вытребовать съ родныхъ самый высокій выкупъ, и только на этомъ условіи мученія его прекращаются. Другаго рода сдѣлка хуже для обѣихъ сторонъ; разбойникъ послѣ столькихъ стараній получаетъ только плату, ходячую на рынкѣ, и несчастнаго Персіанина волочатъ за нѣсколько сотенъ миль отъ родины, которую ему рѣдко удастся видѣть послѣ этого. Кюльханъ, какъ я говорилъ уже, очень опытенъ въ этомъ отношеніи; его жертва прибыла около вечера и на слѣдующій день мы про-

*) Читателя просить здѣсь и вездѣ подразумѣвать нѣмецкія мили.

должны были путь: я горячо обнять Аллаха-Назра — Туркмена, какъ и Кюльханъ.

Въ этотъ день я впервые уѣхалъ въ деревянную корзину на верблюдъ, — въ другой корзинѣ для равновѣсія было положено нѣсколько мѣшковъ съ мукою, такъ какъ Хаджи-Билаль на этотъ разъ не пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ. Мы ѣхали все еще въ сѣверномъ направленіи и не проѣхали двухъ миль, какъ зелень прекратилась и мы очутились въ мрачной пустынѣ съ сильно-пахучей солонцеватой почвой: впереди возвышался Кара-Сенгеръ (черный холмъ), отстоящій на восемь миль на сѣверъ отъ Гемюштепе. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ этому холму, тѣмъ сырѣе становилась почва; у подножія его мы очутились въ настоящемъ болотѣ: губчатые ноги верблюдовъ безпрестанно скользили по влажной глинѣ и мы двигались съ большимъ трудомъ. Мой верблюдъ на каждомъ шагу угрожалъ сбросить меня и съ корзиной въ грязь. Я предпочелъ сойти proprio motu, и прошагавъ часа полтора по болоту, наконецъ добрался до Кара-Сенгера, а тамъ неподалеку оказалась и ова Кюльхана.

По прибытіи туда, меня крайне изумило, что Кюльханъ немедленно ввелъ меня въ свою палатку, прося серьезно не выходить изъ нея, пока онъ не позоветъ меня самъ. Я началъ подозрѣвать что нибудь нехорошее, услышавъ, что онъ за стѣною бранитъ жену, говорить, что она никогда не кладетъ цѣпей на мѣсто, и приказываетъ ей принести ихъ немедленно. Ища цѣпей, онъ по нѣскольку разъ заходилъ и въ палатку, мрачно поглядывая на меня, но не говоря мнѣ ни слова; сверхъ того и Хаджи-Билаль не показывался — а онъ такъ рѣдко оставлялъ меня одного. Меня взяло самое тревожное раздумье. Наконецъ послышалось приближающееся бряцанье цѣпей и въ палатку вошелъ прибывшій съ нами Персіанинъ, волоча за собою тяжелыя цѣпи на израненныхъ ногахъ: — всѣ приготовления Кюльхана относились къ нему. Скоро появился и самъ онъ и велѣлъ подать чаю. Когда мы напились, онъ попросилъ меня встать и повелъ въ палатку, только что раскинутую нарочно для меня; онъ желалъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ и этимъ объяснилъ все свое поведеніе. Не смотря на это, я никогда не могъ привязаться къ нему; разница между нимъ и Ханджаномъ уже обнаруживалась ясно въ томъ, что въ теченіе десяти дней, пока я у него гостилъ, онъ не нашелъ ничѣмъ поподчивать меня, кромѣ чая. Впоследствии я узналъ, что у него дѣйствительно были прековарные планы, но что онъ не привелъ ихъ въ исполненіе потому, что Кизиль-Ахондъ, котораго онъ особенно боялся, приказалъ ему обращаться со мною съ величайшимъ почтеніемъ.

Палатка, въ которой я помѣстился теперь съ десятью товарищами, принадлежала не Кюльхану, а другому Туркмену, который съ женою своею — рабою въ полномъ смыслѣ слова, изъ племени Каракалпакъ. присоединился къ намъ до Хивы. Я узналъ, что причина ихъ поѣздки въ Хиву была та, что жена эта, схваченная въ распахъ ночью и привезенная сюда, хотѣла узнать, живъ ли еще первый ея мужъ, котораго она оставила тяжело раненымъ; особенно тревожила ее участь дочери, дѣвочки по двѣнадцатому году и красоту которой она описывала мнѣ со слезами на глазахъ. Бѣдная женщина необычайной вѣрностью и трудолюбіемъ такъ обворожила своего новаго господина, что онъ со-

гласился вмѣстѣ съ нею отправиться на поиски. Я все спрашивалъ у него, что онъ будетъ дѣлать, если ея первый мужъ еще живъ, но онъ былъ твердо убѣжденъ, что законъ обезпечиваетъ его въ этомъ отношеніи. «Нассибъ (фатумъ), говорилъ онъ, даровалъ мнѣ Хейдгулъ (розу пира)—и ничто не можетъ идти противъ Нассиба!» Въ числѣ другихъ спутниковъ, только-что прибывшихъ для продолженія пути съ Ильей, былъ дервишъ по имени Хаджи-Сиддикъ, олицетворенное лице-мѣрие, расхаживавшій полуголымъ и предложившій свои услуги для ухода за верблюдами; только по прибытіи въ Вухару мы узнали, что у него въ тряпкахъ было зашито шестьдесятъ дукатовъ.

Вся компанія размѣстилась по палаткамъ, рассчитывая, что ханскій керванбаши скоро прибудетъ и мы вступимъ въ пустыню. Отсрочки надоѣли всѣмъ намъ. Меня встревожило замѣтное уменьшеніе моего мучнаго запаса и я сталъ уменьшать свою дневную порцію на двѣ пригоршни. Я также сталъ печь ее на горячихъ угольяхъ безъ заправки; такимъ образомъ масса оказывалась больше, дольше оставалась въ желудкѣ и не давала чувствовать голодь. Къ счастью оказалась возможность предпринимать еще нищенскіе обходы, и не было причины жаловаться на недостатокъ благотворительности въ Этрекскихъ Туркменахъ, не смотря на то, что они такіе извѣстные разбойники. Мы, правда, видѣли очень не много палатокъ безъ двухъ или трехъ Персіянъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ.

Здѣсь же, въ Этрекѣ, въ палаткѣ одного знатнаго Туркмена, Кочакъ-Хана, я встрѣтилъ одного Русскаго, бывшаго матроса изъ Ашуррада. Мы зашли къ Кочакъ-Хану въ полдень отдохнуть, и какъ только меня представили ему, какъ Руми (Османли), онъ сказалъ: „Я васъ сейчасъ угощу. Мы знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ Османли съ Русскими: вы сейчасъ увидите одного изъ вашихъ злыхъ враговъ въ цѣпяхъ. Я долженъ былъ выразить крайнее удовольствіе. Вѣднаго Русскаго ввели въ тяжелыхъ цѣпяхъ: у него былъ очень больной и печальный видъ. Я былъ глубоко тронутъ, но побоялся чѣмъ нибудь выразить свои чувства. „Что бы ты сдѣлалъ съ этимъ эфенди, если бы встрѣтилъ его въ Россіи, сказалъ Кочакъ-Ханъ. Ступай и поцѣлуй ему ноги“. Несчастный Русскій хотѣлъ-было подойти ко мнѣ, но я заявилъ, что я только-что началъ свой гюсль (великое очищеніе) и не желаю запачкать себя прикосновеніемъ къ невѣрному; что мнѣ даже пріятнѣе было вовсе не видѣть его, потому что я терпѣть не могу этотъ народъ.

Ему приказали выйти и уходилъ онъ пристально поглядѣлъ на меня. Я узналъ послѣ, это онъ былъ одинъ изъ двухъ матросовъ съ новой станціи въ Ашуррадѣ; другой умеръ въ заточеніи уже съ годъ. Они попали въ руки каракчи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одну изъ ночныхъ экспедицій. Правительство предложило за нихъ выкупъ, но Туркмены потребовали огромную сумму (пятьсотъ дукатовъ за каждого). Такъ-какъ во время переговоровъ Черкесь-Бей, братъ Кочакъ-Хана, былъ отправленъ Русскими въ Сибирь и тамъ умеръ, то освобожденіе несчастныхъ христіанъ стало еще затруднительнѣе и теперь можно сказать положительно, что и оставшіяся въ живыхъ скоро падеть подъ тяжестью своей доли, какъ уже палъ его товарищъ *).

*) Когда я впоследствии обратилъ вниманіе Русскихъ на этотъ случай, они старались

Таковы вѣчно измѣняющіеся впечатлѣнія гостепріимныхъ добродѣтелей и неслыханнаго варварства, производимыя этими номадами на умы путешественниковъ! Осыпанный ласками и подаяніями, я часто возвращался домой, гдѣ Персидскій рабъ Кюльхана молилъ о каплѣ воды: его цѣлыхъ два дня кормили соленой рыбой вмѣсто хлѣба и послѣ цѣлаго дня работы на дынныхъ грядкахъ, ему отказывали даже въ каплѣ воды. Хорошо еще, что я былъ одинъ въ палаткѣ; видъ взрослога человѣка, заливающагося слезами, заставилъ меня забыть о рискѣ: я подаль ему черепъ съ водою и онъ утолилъ жажду, пока я стоялъ на сторожѣ въ дверяхъ. Поблагодаривъ меня горячо, онъ поспѣшилъ выйти. Этого несчастнаго мучили рѣшительно всѣ, особенно же вторая жена Кюльхана, бывшая Персидская рабыня, желавшая доказать свою преданность новому отечеству.

Эти сцены жестокости возмущали меня еще и въ Гемюштепе: посудите, что долженъ былъ я чувствовать, убѣждаясь мало-по-малу, что Гемюштепе—крайній предѣлъ гуманности и цивилизаціи! Палатки и жилища ихъ сдѣлались для меня предметами глубокаго отвращенія.

О пріѣздѣ керванбаши еще ровно ничего не было слышно, хотя всѣ желавшіе присоединиться къ нашему каравану уже были въ сборѣ. Начались взаимныя представленія и новыя знакомства; очень часто возбуждался вопросъ о дорогѣ, которую выберетъ керванбаши. Мы были заняты однимъ изъ подобныхъ разговоровъ, когда одинъ изъ Этрекитовъ принесъ намъ пріятную вѣсть о томъ, что Текке, страхъ каравановъ на большемъ протяженіи пути до Хивы, предлагаютъ перемиріе Юмутамъ и нападеніе соединенными силами на общаго врага — Персіянъ.

Такъ-какъ я намѣренъ поговорить объ этихъ политическихъ переговорахъ въ слѣдующей главѣ, то здѣсь скажу только, что эта случайность была какъ нельзя болѣе выгодна для насъ. Мнѣ объяснили, что отъ Этрека до Хивы есть три различныя дороги и что выборъ изъ нихъ обусловливается численностью состава каравана.

Дороги эти слѣдующія:

1) Первая, по самому берегу Каспія, за Большимъ Балканомъ, вдоль котораго она ведетъ въ теченіе двухъ дней на сѣверъ, потомъ, послѣ десяти дней вѣды, нужно повернуть на востокъ, гдѣ лежитъ Хива. Эта дорога доступна только маленькимъ караванамъ, потому что она даетъ очень мало воды и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ мало опасностей: нападенія здѣсь бывають только во время необыкновенныхъ революцій, когда Кайсаки (Киргизы) или Каракалпаки отправляютъ туду аламановъ.

2) Средній путь ведетъ въ сѣверномъ направленіи только на протязненіи естественнаго, древняго русла Аму-Дарьи (Oxus), потомъ проходить между Большимъ и Малымъ Балканомъ и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ къ Хивѣ.

4) Третій путь самый прямой и короткій, потому что первый со-

объяснить его тѣмъ, что имъ не хотѣлось приучать Туркменъ къ такимъ большимъ выкупамъ, что и безъ этаго поощренія дерзкіе разбойники день и ночь посвящаютъ выгодному грабежу и хищничеству.

вершаютъ въ двадцать четыре дня, второй въ двадцать, а третій только въ четырнадцать. Онъ идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи тотчасъ за Этрекомъ, мимо Гекленъ и Текке-Туркменовъ. На каждой станціи изобиліе прѣсной воды для питья. Но каравану необходимо быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ вышеупомянутыми племенами и состоять изъ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ — иначе путь этотъ невозможенъ.

Какъ я былъ радъ, когда однажды вечеромъ посланный принесъ намъ извѣстіе, что керванбаши выступаетъ въ путь на слѣдующій день рано утромъ и встрѣтится съ нами на противоположномъ берегу Этрека, откуда мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ долгій путь черезъ пустыню! Илья приказалъ намъ всѣмъ готовиться какъ можно скорѣе. Мы въ тотъ же вечеръ напекли себѣ хлѣбовъ и просолили большіе куски верблюжины—дары номадовъ взамѣнъ нашихъ благословеній. Какъ я былъ неизмѣримо счастливъ, когда на слѣдующій день усѣлся съ Хаджи-Билалемъ въ скрипучій кеджеве и потянулся вдоль Этрека тихимъ, волнообразнымъ шагомъ верблюда.

Изъ предосторожности Кюльханъ нашелъ нужнымъ проводить насъ. Хотя у насъ было отъ пятнадцати до двадцати ружей, но очень можетъ быть, что намъ пришлось бы встрѣтиться съ значительнѣйшимъ отрядомъ разбойниковъ, и въ такомъ случаѣ присутствіе Кюльхана было бы намъ чрезвычайно полезно, потому что большая часть Этрекскихъ бандитовъ состоитъ подъ его нравственнымъ руководствомъ и слѣпо повинуется ему. Я совсѣмъ забылъ сказать, что нашъ Кюльханъ считался не только самымъ старымъ изъ каракчи, но еще и софи (аскетомъ), и этимъ титуломъ онъ не мало гордился. Кюльханъ, извѣстный неумолимою жестокостью и засѣдающій посреди своихъ духовныхъ учениковъ, представлялъ собою отличную картину лицемѣрія: разоритель счастья множества семей—разсуждалъ о предписаніяхъ святаго очищенія и о текстахъ, предписывающихъ бритье усовъ. И учитель и ученики казались вдохновенными въ одинаковой степени. И въ порывахъ самоувѣренной набожности, эти разбойники мечтали о сладкомъ возмездіи Рая!

Чтобы избѣгнуть болотъ, образуемыхъ наводненіями Этрека, путь нашъ поворачивалъ то на сѣверо-западъ, то сѣверо-востокъ, вдоль песчаной равнины, на которой было разсыпано нѣсколько палатокъ: на краю пустыни стояло 150 палатокъ Туркменскаго колѣна Кема. Я уже говорилъ, что это племя отдѣлилось съ незапамятныхъ временъ отъ Юмуть-Туркменовъ, съ которыми прежде составляло одно цѣлое, и поселилось на окраинахъ пустыни; ихъ неудержимая страсть къ воровству служить причиной тому, что всѣ остальные племена постоянно въ войнѣ съ ними и смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, отчего число ихъ нѣсколько не увеличивается. Тутъ къ намъ присоединилось нѣсколько бродягъ, не осмѣливавшихся пройти мимо ихъ стана безъ насъ, и по всей вѣроятности Кемиты напали бы и на насъ, еслибы не увидѣли передъ нами Кюльхана—могущественное пугало.

Въ четверти часа ѣзды отъ ихъ стана на сѣверъ, мы нашли маленкій рукавъ Этрека, уже съ замѣтнымъ соленымъ вкусомъ, — признакъ, что русло его скоро совершенно иссохнетъ. Промежутокъ между этимъ рукавомъ и вторымъ, еще болѣе узкимъ рукавомъ этой же рѣки состоитъ ихъ смѣси солонцеватой почвы съ прекрестными лугами,

густо поросшими чудовищнымъ укропомъ, черезъ который мы пробирались битый часъ. Этотъ глубокий рукавъ былъ похожъ на ровъ и переходъ черезъ него, по милости крутыхъ, глинистыхъ береговъ, былъ чрезвычайно затруднителенъ; нѣсколько верблюдовъ со всѣмъ грузомъ упали въ воду; вода оказалась неглубокою, но кладь смокла и намъ было очень тяжело взбираться на холмъ, высившійся на противоположной сторонѣ. Холмъ назывался Делили-Бурунъ. Въ два часа мы сдѣлали только четыре мили, не смотря на то что выѣхали утромъ рано; мы рѣшились остановиться здѣсь, такъ какъ встрѣча съ керванбаши на другой сторонѣ Этрека должна была произойти только на слѣдующій день въ полдень.

Холмъ, о которомъ я только-что упоминалъ, былъ родъ мыса, заканчивавшаго длинную цѣпь незначительныхъ холмовъ, которые тянутся къ юго-востоку и составляютъ очень красивый пейзажъ. На западѣ виднѣлось Каспійское море синей полоской; видны были тоже и Персидскія горы: но всего больше интересовала насъ горная возвышенность на югѣ, предѣлы которой не было возможности разсмотрѣть и на которой были мѣстами розсыпаны палатки, издали напоминавшія кротовыя норы. Передъ нами лежалъ весь Этрекъ, прорѣзанный рѣкою, похожею издали на рядъ озеръ. Когда мы были близъ стана Кемъ, Кюльханъ, рѣшившійся остаться съ нами еще на одну ночь, посоветовалъ намъ быть насторожѣ; подъ вечеръ мы разставили повсюду караульныхъ, которые смѣнялись время отъ времени и наблюдали за всѣмъ, что происходило вокругъ насъ.

Зная, что эта станція послѣдній форпостъ передъ Большою Степью, я воспользовался отъѣздомъ нашего эскорта и посвятилъ весь вечеръ письмамъ, пока мои товарищи спали. Кромѣ маленькихъ кусочковъ бумаги, спрятанныхъ за поясомъ для замѣтокъ, у меня было два листа чистой бумаги въ коранѣ, висѣвшемъ у меня на шеѣ, въ маленькой сумкѣ: на этихъ-то листахъ я написалъ два письма, одно къ Гайдеръ-Эфенди въ Тегеранъ, а другое къ Ханджану, прося доставить первое по адресу *).

На слѣдующее утро, черезъ четыре часа пути, мы прибыли на берега Этрека. Довольно много времени было посвящено отысканію удобнѣйшаго мѣста для перехода черезъ рѣку. Это оказалось весьма не легко, потому что обычная ширина рѣки всего въ двѣнадцать или пятнадцать шаговъ—теперь по случаю разлитія поднялась выше береговъ и мягкая, глинистая почва была истиннымъ мученіемъ для бѣдныхъ верблюдовъ, такъ-что наши Туркмены имѣли нѣкоторое основаніе такъ долго колебаться. Течение, по правдѣ сказать, было не очень сильно, но вода доходила до брюха верблюдовъ, и невѣрные, волнообразные шаги этихъ терпѣливыхъ животныхъ раскачивали нашу кеджеву съ права налѣво въ мутныхъ водахъ Этрека: одинъ неловкій шагъ — и я очутился бы въ грязи и тинѣ и не безъ риска выбрался

*) По возвращеніи я узналъ, что въ Турецкомъ посольствѣ было получено это письмо, извѣщавшее друзей обо всемъ, испытанномъ мною до начала путешествія по степи, равно какъ и письма, отправленныя мною изъ Гемюштепе. Мой добрый другъ Ханджанъ доставилъ ихъ съ величайшимъ усердіемъ.

бы впасть на противоположный берегъ. Къ счастью все обошлось благополучно и только-что мы добрались до мѣста, какъ показался давно ожидаемый караванъ керванбаши. съ тремя буйводами впереди (двумя коровами и однимъ быкомъ). Едва ли больной Хивинскій повелитель жаждалъ ихъ цѣлебной помощи съ большимъ нетерпѣнiемъ, чѣмъ я ожидалъ этой встрѣчи.

Я кажется уже говорилъ, что Хаджи-Билаль, Юсуфъ, нѣсколько пѣшеходовъ и я должны были отдѣлиться отъ главной группы нашего дервишскаго каравана, потому что другимъ не удалось такъ скоро нанять верблюдовъ. Такъ-какъ мы не видѣли ихъ при въѣздѣ въ Этрекъ, то стали бояться, что можетъ быть имъ не придется и продолжать съ нами путь. Повтому мы были очень рады увидѣть ихъ всѣхъ въ только-что прибывшемъ караванѣ. Мы перецѣловались и обнялись съ нѣжностью братьевъ послѣ долгой разлуки. Я былъ глубоко тронутъ, увидѣвъ снова возлѣ себя Хаджи-Сали и Султанъ-Махмуда и всѣхъ другихъ; да, всѣхъ своихъ нищихъ товарищей; потому что хотя я смотрѣлъ на Хаджи-Билала, какъ на лучшаго друга, но чувствовалъ горячую привязанность ко всѣмъ имъ безъ исключенiя.

Такъ-какъ рѣка Этрекъ была послѣднимъ хранилищемъ прѣсной воды на нашемъ пути и до Аму-Дарьи намъ придется еще ѣхать двадцать дней, то я посовѣтовалъ товарищамъ не упускать случая и въ послѣднiй разъ напиться чаю досыта. Мы вытащили чайные приборы, свѣже-испеченный хлѣбъ и послѣ вспоминали о роскоши и изобилiи этаго праздника въ честь нашей встрѣчи.

Между тѣмъ прiѣхалъ и керванбаши — нашъ защитникъ и покровитель въ степи. Такъ-какъ мнѣ хотѣлось представиться ему при самыхъ благопрiятныхъ условiяхъ, то я отправился на первое свиданiе со всѣми вмѣстѣ. Хаджи-Сали и Мессудъ назвали меня ему. Представьте мое удивленiе и тревогу, когда Амандурди (такъ его звали), толстый Туркменъ, привѣтствуя товарищей моихъ чрезвычайно радушно, встрѣтилъ меня отталкивающей холодностью; и чѣмъ больше старался Хаджи-Билаль повернуть разговоръ на меня, тѣмъ равнодушнѣе становился онъ: онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ: „Я уже знаю этаго хаджи“. Я старался скрыть свое смущенiе и хотѣлъ-было уйти, какъ вдругъ замѣтилъ сердитые взгляды Ильи на Эмиръ-Мехеммедди, опiумоѣда, обвинявшiе его такимъ образомъ въ томъ, что случилось.

Мы ушли и какъ только все было передано Хаджи-Билалу, онъ вышелъ изъ себя и вскричалъ: „Этотъ проклятый Афганъ уже успѣлъ разболтать въ Этрекѣ, что нашъ Хаджи-Решидъ, который могъ бы его поучить корану и Арабскому языку, — просто переодѣтый Френги (тутъ онъ прибавилъ трижды фразу: прости Боже мои прегрѣшенiя!), и не смотря на мои увѣренiя, что мы получили его изъ рукъ посланника нашего великаго султана и что у него есть паспортъ съ печатью халифе *), этотъ человекъ все-таки не вѣритъ и настаиваетъ на своей клеветѣ. Я вижу, что онъ нашепталъ уже въ уши и керван-

*) Намѣстникъ Мохаммеда, то-есть Константинопольскiй султанъ.

баши, но онъ поплатится за это въ Хивѣ, гдѣ есть кади и улемы, — мы покажемъ ему, чтѣ бываетъ съ клеветниками. выдающими правовѣрныхъ муссулманъ за невѣрныхъ!“

Теперь я началъ все понимать. Эмиръ-Мехеммедъ, уроженецъ Кандагара, послѣ занятія этаго города Англичанами, принужденъ былъ бѣжать изъ него, вслѣдствіе обвиненія въ какомъ-то преступленіи. Онъ часто видѣлъ Европейцевъ и узналъ во мнѣ Европейца по чертамъ лица. Вслѣдствіе этаго, съ самой первой минуты онъ сталъ смотрѣть на меня, какъ на эмиссара, путешествующаго съ скрытыми согражданинами подъ нищенской одеждой, и надѣялся, что ему удастся ограбить меня, запугавъ угрозой: выдачи, доноса. Не разъ уже онъ совѣтовалъ мнѣ отдѣлаться отъ этихъ нищихъ и отправиться съ нимъ; но я всегда отвѣчалъ, что дервишъ и купецъ — элементы слишкомъ противоположные во всѣхъ отношеніяхъ для хорошаго товарищества, что и рѣчи не можетъ быть о дружбѣ между нами, пока онъ не броситъ гадкой привычки ѣсть опиумъ и не посвятитъ себя благочестивымъ очищеніямъ и молитвамъ. Упорство, настойчивость моихъ отвѣтовъ — мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать — выводили его изъ терпѣнія; и такъ-какъ вслѣдствіе своего безвѣрія и своей порочности онъ былъ ненавистенъ всѣмъ хаджи, то я смотрѣлъ на эту вражду, какъ на особенное благополучіе для себя.

Часа черезъ два послѣ этаго, керванбаши, принявшій теперь на себя управленіе всѣмъ караваномъ, приказалъ всѣмъ намъ наполнить свои мѣхи водою, такъ-какъ придется ѣхать еще три дня до слѣдующаго рукава. Я отправился къ ручью вмѣстѣ съ другими. Никогда не испытывавъ особенной жажды, я наполнялъ свой мѣхъ довольно небрежно, но товарищи мои успѣли сообщить мнѣ, что въ степи каждая капля воды стоитъ жизни и что ее тамъ берегутъ какъ зѣницу ока. Окончивъ эти приготовленія, мы навьючили окончательно верблюдовъ, керванбаши пересчиталъ ихъ и у насъ оказалось восемьдесятъ верблюдовъ, сорокъ путниковъ, изъ которыхъ двадцать шесть были хаджи безъ оружія, остальные — порядочно вооруженные Туркмены изъ племени Юмуть, одинъ Узбекъ и одинъ Афганъ. Стало-быть насъ слѣдовало отнести къ тѣмъ маленькимъ караванамъ, которые полагаются на авось, по Восточному обычаю.

Когда мы всѣ усѣлись по мѣстамъ, наступилъ моментъ разлуки съ Турменскимъ эсиртомъ, провожавшимъ насъ до окраинъ степи. Прощальное фетиха затянулъ съ одной стороны Хаджи-Вилаль, а съ другой Кюльханъ.

Послѣ амины и неизбежнаго глаженія бородъ, мы развѣхались въ противоположныя стороны, и когда нашъ бывшій эскортъ перебрался за Этрекъ и потерялъ насъ изъ виду, онъ послалъ намъ на прощанье нѣсколько выстрѣловъ. Отсюда мы поѣхали прямо къ сѣверу. Волѣе подробныя свѣдѣнія о политическихъ и общественныхъ условіяхъ Туркменъ помѣщены во второй части этой книги.

ГЛАВА VII.

Керванбаши требуетъ, чтобы авторъ не дѣлалъ замѣтокъ. — Ейдъ-Мегеммедъ и благородство его брата. — Вожатый сбивается съ пути. — Керентаги древнія развалины и вѣроятно Греческія. — Малый и Большой Балканъ. — Древнее русло Оксуса. — Вендетта. — Страданіе отъ жажды.

C'étais une obscurité vaste comme la mer, au sein de laquelle le guide s'égarait... où périt le voyageur effrayé.—Victor Hugo, изъ *OMALAN BEN ALÉDZ.*

Не имѣя возможности различить ни малѣйшаго слѣда ногъ верблюдовъ или копытъ другихъ животныхъ, нашъ караванъ двигался къ сѣверу, руководствуясь днемъ солнцемъ, а ночью полярною звѣздою. Полярную звѣзду по ея неподвижности Туркмены называютъ Темиръ-казикъ (железный гвоздь). Верблюды были привязаны одинъ къ другому длиннымъ рядомъ и ихъ велъ человекъ пѣшкомъ, и хотя въ этомъ ряду не было опредѣленнаго почетнаго мѣста, но все-таки считалось нѣкоторымъ почетомъ сидѣть ближе къ керванбаша. Земля по ту сторону составляетъ уже начало Великой Степи и называется Богдайла. Часа два спустя послѣ заката солнца, мы очутились на песчаномъ грунтѣ съ волнообразной поверхностью и небольшими возвышенностями. Мало-по-малу песокъ исчезъ, и около полуночи подъ ногами нашими оказалась такая плотная, глинистая почва, что правильный шагъ верблюдовъ въ тишинѣ ночной отбивался въ тактъ. Туркмены называютъ такія мѣста такиръ и такъ какъ то мѣсто, по которому мы ѣхали, имѣетъ красноватый оттѣнокъ, то его называютъ кизиль-такиръ. Мы шли непрерывно почти до разсвѣта, не смотря на то подвинулись не болѣе какъ на шесть миль, не потому чтобы мы боялись съ самаго начала намучить верблюдовъ, но потому что самыми важными особами въ нашей компаніи были безспорно буйволы, изъ которыхъ одна буйволица была въ интересномъ положеніи и никакъ не могла поддѣлаться своей неуклюжей фигурой даже къ обыкновенному шагу верблюдовъ; вслѣдствіе этаго была остановка для отдыха до восьми часовъ утра и пока верблюды ѣли ворсянку и другія степныя растенія, мы имѣли время позавтракать еще довольно роскошнымъ образомъ, потому что наши мѣхи были еще полны свѣжей воды, а тяжелый прѣсный хлѣбъ, смачиваемый прѣсною водою, проглатывался довольно легко. Когда мы сошли на землю, я замѣтилъ, что керванбаша, Илья и предводители моихъ спутниковъ, разговаривая, искоса поглядывали на меня. Не трудно было догадаться, о чемъ они говорили; я впрочемъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и усердно переворачивалъ страницы корана, потомъ притворился, что желаю вступить съ ними въ разговоръ. Когда я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, честный Илья и Хаджи-Сали выш-

ли ко мнѣ на встрѣчу, отозвали меня въ сторону и сказали, что керванбаши ни за что не хочетъ брать меня въ Хиву, что наружность моя кажется ему подозрительною и что онъ особенно боится гнѣва хана, потому что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ провесть одного френги въ Хиву и этотъ френги успѣлъ во время переѣзда снять вѣрную копию со всего пути и съ дьявольскимъ искусствомъ счумѣлъ начертить всѣ горы и пригорки на бумагѣ. Это ужасно разсердило хана; онъ велѣлъ казнить двухъ вожатыхъ и самъ керванбаши избѣгнулъ смерти, только благодаря заступничеству влиятельныхъ особъ. „Послѣ многихъ споровъ, сказали мои друзья, и послѣ того какъ мы объявили, что не можемъ же оставить тебя одного въ пустынь, онъ согласился взять тебя съ собой, только съ условіемъ, что ты во первыхъ позволишь обыскать себя и убѣдиться, что у тебя нѣтъ ни рисунковъ, ни деревянныхъ перьевъ (свинцовыхъ карандашей), какія бываютъ обыкновенно у френги, а во вторыхъ, что ты обѣщаешь не писать никакихъ замѣтокъ о горахъ и дорогахъ, а въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ бросить тебя, хотя бы это было посреди самой степи“.

Я выслушалъ это съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и когда они кончили, притворился ужасно взбѣшеннымъ, обратился къ Хаджи-Сали и сказалъ такъ громко, чтобъ керванбаши могъ слышать: „Хаджи! ты видѣлъ меня въ Тегеранѣ и знаешь, кто я; скажи Аманъ-Дурди (имя предводителя нашего каравана), что вовсе не рекомендуетъ его какъ честнаго человѣка то, что онъ слушаетъ извѣты пьянаго бинамаза (человѣка не читающаго молитвъ), этаго Афгана. Мы не должны шутить съ религіей и ему не пройдутъ даромъ эти безсовѣстные нападки на невиннаго; онъ узнаетъ въ Хивѣ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло!“ Послѣднія слова, произнесенныя съ большимъ жаромъ, были услышаны всѣмъ караваномъ и очень разгорячили моихъ товарищей, особенно самыхъ бѣдныхъ, и еслибы я не удержалъ ихъ, они бы бросились на Эмиръ-Мегеммеда, хитраго Афгана. Этими усердіемъ товарищей моихъ больше всѣхъ былъ удивленъ самъ керванбаши и я слышалъ, какъ онъ на различные увѣщанія, предлагаемыя ему, отвѣчалъ одними и тѣми же словами: „Богъ знаетъ!“ Онъ былъ чрезвычайно честный, добродушный человѣкъ, но какъ всѣ жители Востока, ужасно пристрастный къ тѣлственности и потому хотѣвшій во что бы то ни стало открыть во мнѣ переряженнаго иностранца, даже не смотря на то, что онъ уже обращался ко мнѣ съ различными вопросами о религіи и еще въ Гемюштепе слышалъ, что я хорошо знаю всѣ ихъ книги. Мой искусный маневръ, какъ я уже замѣтилъ, уменьшилъ опасность; но все-таки я видѣлъ къ крайнему своему сожалѣнію, что оскорбительная подозрительность увеличивалась съ каждымъ шагомъ и было бы чрезвычайно трудно дѣлать даже самыя краткія замѣтки. Меня не мало сердила и невозможность спрашивать названія различныхъ станцій; не смотря на обширность степи, номады, живущіе въ различныхъ оазисахъ, имѣютъ особыя названія для каждой мѣстности, для каждаго холма и долины, такъ что съ точными указаніями я могъ бы отмѣтить каждое обитаемое мѣсто на картѣ Средней Азии. Хитрость всегда вызываетъ тоже хитрость, и снудныя замѣтки, собранныя мною на пути, были плодомъ уловокъ, подробностями которыхъ я не хочу утомлять

читателей. Какое горькое разочарованіе, какую досаду испытывает путешественникъ, когда послѣ долгихъ ожиданій и серьезныхъ опасностей, наконецъ достигаетъ источника, къ которому давно стремился, и не можетъ утолить въ немъ свою жажду!

Черезъ восемь часовъ мы опять двинулись съ мѣста; но послѣ двухъ часовъ непрерывной ѣзды, движеніе наше постепенно замедлилось. Нѣсколько Туркменъ сошли на землю и принялись внимательно осматривать маленькіе холмы, попадавшіеся съ права и съ лѣва. Я узналъ послѣ, что одному изъ нашихъ спутниковъ, Еидъ-Мегеммеду, хотѣлось отыскать могилу своего брата, погибшаго здѣсь въ прошломъ году въ битвѣ. Онъ взялъ съ собою и гробъ, чтобы перевезти тѣло въ Хиву. Часа въ два по полудни мы остановились. Они нашли могилу и принялись ее разрывать. Полусгнившій трупъ уложили въ гробъ и обернули въ войлокъ, сопровождая эту операцію чтеніемъ молитвъ и цитатъ изъ Корана, въ которыхъ я также принималъ участіе. Потомъ одинъ очевидецъ разсказалъ намъ подробности этого сраженія. Цѣль разсказчика была одать почестъ умершему, потому что воздаваемая имъ похвалы могли бы только относиться къ благороднѣйшему изъ людей. „У насъ въ караванѣ, говорилъ разсказчикъ, было нѣсколько Персіянъ, ѣхавшихъ изъ Хивы въ Астрабадъ, и въ числѣ ихъ былъ одинъ очень богатый купецъ, по имени Молла-Кашимъ, изъ Астрабада. Онъ давно уже участвовалъ въ торговлѣ между Хивой и Персіей и посѣщая часто Хиву, всегда останавливался у покойнаго и пользовался покровительствомъ его гостепріимства и въ Хивѣ и въ степи. Случилось ему въ прошломъ году возвращаться домой съ значительной суммой денегъ, и хотя онъ былъ одѣтъ Туркменомъ и отлично владѣлъ нашимъ языкомъ, присутствіе его посреди насъ было открыто Этрекскими разбойниками. Они поспѣшили къ намъ навстрѣчу и напали на насъ. Числомъ они далеко превосходили насъ, не смотря на то мы выдерживали битву въ теченіе восьми часовъ. Когда намъ удалось убить двоихъ изъ нихъ, они стали просить насъ выдать имъ жирную Персидскую собаку, подразумѣвая Молла-Кашима, и обѣщали прекратить сраженіе, потому что имъ ничего не нужно отъ насъ, кромѣ его. Само собой разумѣется, что никто изъ насъ, и менѣе всѣхъ покойникъ, — не хотѣлъ согласиться на подобное условіе; и хотя самъ Персіанинъ, боясь пуля, летавшихъ во всѣхъ направленіяхъ, просилъ кончить битву и изъявлялъ готовность отдаться въ плѣнъ, но мы продолжали драться. Вскорѣ потомъ его (и онъ указалъ на трупъ) поразила пуля. Онъ упалъ съ лошади и немногими словами, вырвавшимися изъ ослабѣвшихъ устъ, онъ поручалъ своего гостя, Персіанина, рыдавшаго отъ страха какъ ребенокъ, брату своему Еидъ-Мегеммеду. Подъ руководствомъ Еида мы продолжали битву до утра, и только тогда разбойники отступили, съ урономъ. Похоронивъ покойника, мы отправились дальше и черезъ три дня Персіанинъ былъ доставленъ въ Астрабадъ.“

Въ воспоминаніе этого горестнаго событія, Еидъ-Мегеммедъ испекъ здѣсь хлѣбъ и раздѣлилъ его между нами. Потомъ мы опять двинулись въ путь на сѣверъ, черезъ большую, бесплодную равнину. Чтобы вознаграждать себя за потерю времени на могилѣ, мы должны были ѣхать всю ночь безъ перерывовъ. Погода была отличная, и лежа въ корзинѣ,

я долго любовался на прекрасное звѣздное небо, прекраснѣе и величественнѣе въ пустынѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Наконецъ меня взяла дремота. Я проспалъ можетъ быть около часа, какъ вдругъ меня разбудили тревожные крики, поднявшіеся со всѣхъ сторонъ: „Хаджи! посмотри на кибленума (компасъ),—кажется мы сбились съ пути!“ Я проснулся и при свѣтѣ горящаго трута увидѣлъ, что мы идемъ на востокъ, вмѣсто того чтобы идти на сѣверъ. Встревоженный керванбаши, боясь попасть въ непроходимыя болота, отдалъ приказаніе не двинуться съ мѣста до разсвѣта. Къ счастью мы сбились съ дороги не болѣе получаса, въ ту минуту, когда небо заволокло тучами. Не смотря на остановку, мы добрались до предполагаемой станціи и усталыхъ животныхъ пустили пастись въ ворсянку и тернъ. Я увидѣлъ съ удивленіемъ, что на мѣстѣ нашей стоянки товарищи мои собираютъ множество моркови, величиною въ полфута и толщиною въ большой палецъ и чрезвычайно сладкую и ароматную. Внутренность ея, правду сказать, была тверда, какъ дерево и не годилась въ пищу, также какъ и дикій чеснокъ, котораго здѣсь тоже множество. Я воспользовался случаемъ и сдѣлалъ себѣ праздникъ: наварилъ моркови на завтракъ и спряталъ часть въ мѣшокъ.

Сегодня (15 мая) мы ѣхали черезъ пустынную мѣстность, прорѣзанную рвами. Я слышалъ, что рвы эти очень часто измѣняютъ видъ и представляютъ различныя затрудненія по множеству обрывовъ и крутизнь. Вѣдныя верблюды, тяжело навьюченные, страдали невыразимо; сухой песокъ раздавался подъ ихъ ногами, такъ-что при безпрестанныхъ спускахъ и восхожденіяхъ, они съ трудомъ держались на ногахъ. Замѣчательно, что здѣсь принято привязывать этихъ животныхъ за веревку, одинъ конецъ которой прикрѣпляется къ хвосту верблюда, идущаго впереди, а другой къ выдающемуся носу слѣдующаго; и нельзя безъ сожалѣнія видѣть, если одинъ изъ верблюдовъ въ линіи остановится на минуту, какъ передняя часть линіи продолжаетъ двигаться, пока не сорвется веревка съ остановившагося животнаго, которое вслѣдствіе этого терпитъ страшныя муки. Чтобы падить несчастныхъ животныхъ, мы постоянно сходили съ нихъ, когда дорога была дурна, какъ сегодня; и каково мнѣ было идти по глубокому песку почти четыре часа пѣшкомъ, хотя тихо, но безъ остановки! Во время этого тяжелаго шествія, я нѣсколько разъ сталкивался съ керванбаши, который послѣ моей послѣдней выходки, относился ко мнѣ съ учтивостью; племянникъ его, молодой, прямодушный Туркменъ изъ Хивы, казалось былъ особенно радъ моему знакомству. Онъ не видѣлъ своей молодой жены уже съ годъ и разговоръ его постоянно вращался около его овы (палатки), какъ законы исламитской учтивости предписываютъ ему называть предметъ его любви *). Хали-Молла (такъ его звали)

*) Согласно съ правилами ислама, неприлично говорить о чьей-нибудь женѣ, и по тому употребляются метафоры для выраженія идеи и берется цѣлое для обозначенія частнаго. Такъ Турокъ въ обществѣ называетъ жену свою гаремомъ, семьей; Персіянинъ — выраженіемъ, подразумевающимъ домъ; Туркмены — ова; жители средней Азии — балашага (дѣти).

безусловно вѣрилъ, что я дервишъ. Меня очень поразила просьба его отыскать въ коранѣ фяль — предсказаніе о его семействѣ. Я сдѣлалъ обычные *hocus rosus*, закрылъ глаза и къ счастью моему книга открылась на мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о женщинахъ, — и мое объясненіе Арабскаго текста, въ чемъ и состоитъ все искусство, — восхитило молодого Туркмена. Онъ поблагодарилъ меня и я былъ въ восторгѣ, что приобрьлъ его дружбу.

До настоящей минуты неизвѣстно было, которую изъ трехъ дорогъ изберетъ караванъ. Храненіе въ тайнѣ предположеній особенно необходимо въ этомъ краѣ, потому что никогда нельзя поручиться за безопасность отъ нападенія; но хотя ничего не было сказано, всѣмъ стало ясно, что мы поѣдемъ по среднему пути, потому что наши запасы воды замѣтно истощались и намъ необходимо было не позже какъ завтра прибѣгнуть къ помощи колодца, что было бы возможно только въ такомъ случаѣ, если мирныя отношенія позволяли Юмутскимъ пастухамъ проникнуть сюда изъ Атабаза. Вечерній переходъ былъ очень успѣшенъ; верблюжья цѣпь прерывалась не часто, а если это и случалось, то было замѣчаемо черезъ нѣсколько минутъ и отсталымъ подавалась немедленная помощь. Караванъ продолжалъ свой путь, и чтобы шедшій впереди не могъ заблудиться въ темнотѣ, на особой обязанности одного изъ шедшихъ сзади каравана было поддерживать съ переднимъ вожатымъ разговоръ: направленіе звука словъ, печально раздававшихся въ мрачной ночи, служили ему указаніемъ; бѣда, если противный вѣтеръ не донесетъ слова до цѣли!

На слѣдующее утро (мая 16) мы открыли, въ сѣверо-восточномъ направленіи, гористую цѣпь, называемую Керентаги. Буйволица заставляла всѣхъ насъ идти тихимъ шагомъ, и только послѣ полудня мы приблизились достаточно, чтобы различить очертанія нижней части горъ. Еще въ Этрекѣ намъ говорили, что въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе преобладанія мирныхъ чувствъ, мы встрѣтимъ Юмутовъ; но мы не были вполне въ этомъ увѣрены и съ величайшей тревогой ждали, подтвердятся ли мирныя извѣстія или, если горы оставлены, насъ ожидаетъ нападеніе какого нибудь враждебнаго племени. Одною отважнаго Туркмена послали разузнать и всѣ нетерпѣливо ждали его возвращенія. Къ счастью, когда мы приблизились, стали видны различныя палатки, тревога разсѣялась и единственнымъ желаніемъ было узнать поскорѣе, къ какому племени принадлежитъ станъ. Пока мои спутники восхищались видомъ Керентаги и его зеленыхъ долинъ, сердце мое забилось радостно, когда я увидѣлъ вдали развалины, вѣроятно Греческаго происхожденія, находившіяся въ западномъ направленіи отъ вышеупомянутой горы. Когда гора стала вполне видна, я замѣтилъ на юго-западъ отдѣльный столбъ, издали казавшійся живую, колоссальною фигурою. Когда мы поднимались на возвышенность все выше и выше, я замѣтилъ въ томъ же направленіи вторую колонну, немного толще первой, но не такую высокую и плотно прилегавшую къ горѣ. Развалины эти, извѣстныя подъ названіемъ Мешгеди-Мисрианъ, были теперь такъ близко, что я могъ явственно различать самыя мелкія подробности ихъ. Такъ-какъ мы узнали, что станъ принадлежитъ Юмутамъ, то рѣшено было остановиться на отдыхъ и принятыя за покупку еще нѣсколькихъ верблюдовъ. Это какъ нельзя лучше со-

гласовалось съ моиими собственными желаніями, потому что открывалась возможность разсмотрѣть развалины вблизи.

На слѣдующее утро (мая 17) я отправился туда съ Ильей и еще нѣкоторыми пилигримами. Я долженъ былъ прибѣгнуть къ различнымъ уловкамъ, чтобы побудить ихъ посѣтить мѣсто, которое они скорѣе готовы избѣгать, какъ жилище джиновъ (духовъ). Развалины были въ полумилѣ отъ нашего стана, хотя высокія стѣны квадратнаго зданія и двѣ цѣльныя и двѣ полуразрушенныя башни въ формѣ куполовъ казались ближе къ намъ. Высокая стѣна имѣетъ отъ шести до восьми футовъ ширины и отъ сорока до пятидесяти вышины и вокругъ нея тянется другая стѣна, пониже и почти разрушенная, вѣроятно служившая наружнымъ укрѣпленіемъ форта, когда-то твердаго; я считаю все зданіе — древней крѣпостью и думаю, что для полноты оборонительной системы, строители ея вѣроятно сдѣлали водопроводъ, простирающійся на юго-западъ до Персидскихъ горъ и доставлявшій нѣкогда воду въ крѣпость на разстояніи 150 англійскихъ миль.

По недостаточности археологическихъ и архитектурныхъ познаній, я не могъ составить яснаго понятія объ этихъ развалинахъ, чрезвычайно любопытныхъ безъ сомнѣнія. Я только убѣжденъ въ ихъ Греческомъ происхожденіи, потому что находилъ тамъ квадратные кирпичи совершенно такого же достоинства, вида и цвѣта, какъ въ Гемюштепе и у Кизиль-Азана (Александровской стѣны) *).

Кромѣ этого я замѣтилъ группу другихъ развалинъ на сѣверной возвышенности Керантаги. Мы проходили мимо нея ночью, и на сколько я могъ видѣть въ темнотѣ, онѣ состоятъ изъ шести отдѣльныхъ и еще цѣлыхъ куполовидныхъ зданій.

Сегодня караванъ нашъ посѣтили толпы номадовъ, живущихъ въ окрестности. Сладили кой-какія дѣла, завязался торгъ между купцами и барышниками нашего каравана, и въ кредитъ къ тому же. Они просили меня составлять и писать имъ расписки. Меня удивило то, что должникъ, вмѣсто того чтобы вручить свою подпись кредитору для успокоенія его, клалъ расписку въ собственный свой карманъ; и такимъ образомъ дѣлаютъ Туркмены всѣ свои дѣла. Когда я спросилъ у кредитора объясненія этого удивительнаго образа дѣйствія, онъ отвѣчалъ: „На что мнѣ бумага? А должнику она будетъ напоминать о долгѣ“.

Вечеромъ, когда мы были готовы къ отъѣзду, случилось нѣчто задержавшее насъ: madame буйволица сдѣлала намъ честь увеличить наше число прибавленіемъ здороваго маленькаго теленка, предмета безпредѣльнаго восторга для керванбаши. Когда мы наконецъ пустились въ путь, ему показалось, что маленький, бѣдный теленокъ еще не довольно силенъ, чтобы идти за нами на ногахъ, и что ему можно устроить удобное помѣщеніе на одномъ изъ верблюдовъ. Такъ-какъ единственными кедевами были два, занятые Хаджи-Вилалемъ и мною, то

* По поводу этихъ развалинъ Туркмены рассказываютъ, что Богъ, по особой любви къ храбрымъ Туркменамъ, поставилъ Кааба сперва здѣсь, вмѣсто того чтобы перевозить ее въ Аравію, но что зеленый хромой чародѣй, по имени Гекленгъ (зеленый хромой), отъ котораго происходятъ Геклены, разрушилъ ее. Наглій поступокъ ихъ предка, прибавляютъ ученые этимологи, причиною тому, что мы живемъ во враждѣ съ этимъ племенемъ.

всѣ взгляды обратились на насъ. Насъ попросили уступить мѣсто новорожденному. Другъ мой изъявилъ немедленно готовность быть полезнымъ и сказалъ, что онъ уступаетъ охотно свое мѣсто изъ дружбы ко мнѣ, такъ-какъ мнѣ съ хромою ногою неудобно было бы другое сидѣнье. Какъ только на его мѣсто уложили теленка, чрезвычайно неприятный запахъ моего новаго vis-à-vis изобличилъ мнѣ настоящую причину уступчивости моего друга. Ночью это еще было сносно, если бы мнѣ не мѣшало спать частое мычаніе теленка; но днемъ, особенно въ сильный жаръ, положеніе мое стало невыносимо. Къ счастью мученія мои не долго продолжались: теленокъ палъ на второй день путешествія по степи.

Съ этаго дня (18 мая) мы считали два дня до Большаго Балкана и двѣнадцать дней до Хивы (всего четырнадцать дней). Въ теченіе всего этаго времени намъ предстояло встрѣтить всего только четыре колодца съ горько-соленой водою и не видать ни одной человѣческой души.

Такъ-какъ мы были въ половинѣ мая, наши проводники надѣялись найти въ низменныхъ, глухихъ мѣстахъ немного дождевой воды (называемой какъ). Мы наполнили свои мѣхи грязной водою изъ жалкой систерны въ Керентаги.

Тряска на верблюдахъ превратила ее въ нѣчто, очень похожее на грязь, съ преотвратительнымъ запахомъ, и мы должны были, не смотря на то, употреблять ее очень экономно, потому что не было никакой надежды найти какъ до станцій по ту сторону Большаго Балкана.

Съ каждымъ днемъ мы все больше и больше привыкали къ трудностямъ путешествія нашего и потому оно складывалось все въ болѣе и болѣе правильныя формы. Мы каждый день дѣлали по три остановки, каждую часа въ полтора или два: первую до восхода солнца, когда мы пекли хлѣбъ на цѣлый день, вторую въ полдень, чтобы дать отдохнуть людямъ и животнымъ отъ палящаго зноя, и третью до заката солнца, для того чтобы съѣсть ужинъ, состоявшій изъ тѣхъ же хлѣба и воды, каждая капля которой была теперь на счету. У друзей моихъ и у Туркменъ было въ добавокъ къ этому баранье сало. Они ѣли его съ хлѣбомъ и предлагали и мнѣ, но я отказывался, вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что только величайшее воздержаніе можетъ уменьшить мученія отъ жажды и дать человѣку возможность переносить усталость. Мѣстность, по которой мы теперь ѣхали, состояла изъ плотной глинистой почвы, только изрѣдка поросшей немногими и жалкими растеніями, но по большей части совершенно безплодной, съ разсѣянными, похожими на вены, разбѣгающимися во всѣ стороны и представляющими самыя прихотливыя изгибы. И какъ эта вѣчная грусть равнины, безъ всякаго слѣда жизни — надоѣдаетъ путешественнику! И какъ приятно ему, пріѣхавъ на станцію, избавиться хоть на нѣсколько минутъ отъ волнообразнаго движенія верблюда.

На слѣдующее утро (19 мая) мы увидѣли на сѣверѣ что-то похожее на темно-синее облако. То былъ Малый Балканъ, до котораго мы должны были добраться на слѣдующій день. О его высотѣ, красотѣ и минеральныхъ богатствахъ Туркмены рассказывали мнѣ часто и подробно. Къ несчастью, въ эту же самую ночь, нашъ обыкновенно чуткій и неутомимый керванбаши заснулъ и вожатый во главѣ линіи

верблюдовъ завелъ насъ въ такое опасное мѣсто, что мы чуть всё не поплатились жизнью. Необходимо замѣтить, что у подножія Малаго Балкана множество непроходимыхъ соленыхъ болотъ, покрытыхъ плотной бѣлой корой и которыя поэтому нельзя отличить отъ твердаго грунта, здѣсь тоже покрытаго слоемъ соли, толщиной въ палецъ. Мы двигались въ этомъ направленіи, пока ноги верблюдовъ не начали тонуть и они перестали двигаться, не омотря ни на какія увѣщанія. Мы сошли на землю — и посудите о моей тревогѣ, когда я, сошедши съ верблюда; почувствовалъ подъ ногами не твердую почву, а точно зыблющуюся лодку! Всѣ были въ страшномъ смятеніи. Керванбаша приказалъ всѣмъ не двигаться съ мѣста, потому что нечего было и думать выбраться на настоящій путь до разсвѣта. Рвзкій запахъ соды былъ невыносимъ; и мы должны были прождать три часа, пока не появились первые лучи аугога liberatrix. Обратное движеніе было тоже сопряжено съ многими затрудненіями; но все-таки мы были очень довольны. потому что небо было очень милостиво къ намъ, — если бы мы двинулись еще немого впередъ, мы пупали бы на мѣсто, гдѣ твердой почвы нѣтъ уже вовсе и гдѣ мы всё, или по крайней мѣрѣ часть нашего каравана — непременно погибла бы. Въ этомъ были убѣждены всѣ Туркмены.

Было десять часовъ утра 20 мая, когда мы добрались до Малаго Балкана. Онъ простирается отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. Параллельно съ нимъ виднѣлись слабо-обрисованныя вершины Большаго Балкана. Мы расположились станомъ у подножія Малаго Балкана. Онъ состоитъ изъ почти непрерывной цѣпи горъ одинаковой высоты, на разстояніи болѣе двѣнадцати миль. Эти горы не такъ бесплодны и обнажены, какъ горы въ Персіи, мѣстами виднѣется трава и все остальное — синевато-зеленаго колорита. Высота ихъ, по глазомѣру, кажется около 3000 футовъ.

Дорога въ этотъ день и на слѣдующее утро (мая 21) вела вдоль этихъ горъ; къ вечеру мы приблизились къ подножію Большаго Балкана. Хотя мнѣ была видна только часть его, я все-таки убѣдился, что его справедливо называютъ Большимъ Балканомъ: онъ гораздо выше и объемистѣе Малаго. Мы оказались у отрасли его, идущей въ восточномъ направленіи. Настоящій Большой Балканъ тянется вдоль берега Каспія, въ сѣверо-восточномъ направленіи. Если вѣрить тому, что я слышалъ въ Хивѣ и отъ Туркменъ, — то онъ изобилуетъ драгоценными минералами; но факту этому нельзя придавать значенія безъ подтвержденія компетентныхъ судей.

Въ сущности, мѣсто, гдѣ мы расположились станомъ, не было лишено прелести; заходящее солнце бросало лучи на прелестную долину Малаго Балкана, и можно было вообразить себя въ гористой мѣстности. Окрестность была и характеристична и прекрасна; но мысль о странномъ зауствннн, о безпредѣльной мертвенности — покрываетъ все какъ будто траурнымъ покрываломъ. Мы озирались со страхомъ, боясь ежминутно появленія враждебныхъ человѣческихъ лицъ, которыя заставятъ насъ взяться за оружіе, потому что всякое человѣческое лицо здѣсь должно быть встрѣчаемо съ оружіемъ въ рукахъ.

Черезъ часъ послѣ заката солнца мы перешли черезъ Балканъ и керванбаша объявилъ намъ, что съ этой точки начинается настоящая

степь; что, хотя мы всё повидимому опытные путешественники, всё все-таки считаетъ нелѣпнымъ, чтобы, насколько возможно, мы избѣгали громкихъ разговоровъ, ни въ какомъ случаѣ не кричали до солнечнаго заката, такъ-какъ здѣсь никто не осмѣливается разводять огонь ночью, если не желаетъ выдать своего положенія непріятелю; и что наконецъ мы должны, въ молитвахъ нашихъ, постоянно молить Аманджлига о безопасности, а въ часы опасности не вести себя какъ женщины.

Нѣсколько сабель, одно копьѣ и два ружья были розданы между нами; и такъ-какъ меня считали особенно храбрымъ, то мнѣ поручили огнестрѣльное оружіе и порядочный запасъ пороху и пуль. Откровенно говоря, всё эти приготовленія не были способны внушить мнѣ особенное довѣріе.

По переходѣ черезъ Балканъ, компасъ не оставлялъ больше никакого сомнѣнія въ томъ, что не смотря на всё старанія скрывать отъ каравана намѣренія вожатыхъ, мы избрали среднюю дорогу. Въ Керентаги намъ дали знать, что пятьдесятъ каракчи изъ племени Тезке бродятъ около горъ, и керванбаши счелъ нужнымъ сдѣлать большой обходъ. Было около полуночи — мы сдѣлали около двухъ миль и достигли крутаго склона, когда послышалось приказаніе всѣмъ сходить съ сѣдель, потому что мы были въ Деденѣ (такъ номады называютъ древнее русло Оксуса) и бури и ливни прошлой зимы смыли совершенно всё слѣды дороги, которые еще за годъ передъ тѣмъ были довольно явственны. Мы отправились черезъ древнее русло рѣки кривою линіей, рассчитывая найти дорогу на противоположномъ берегу, болѣе возвышенномъ и крутомъ; только къ разсвѣту удалось намъ, послѣ сильнаго утомленія, достигнуть высокой равнины. Номады въ преданіяхъ своихъ смѣшиваютъ древнее русло Оксуса съ развалинами Мешгеди Мисрианъ и увѣряютъ, что Оксусъ прежде протекалъ близъ стѣнъ завія, называемаго Кааба, и только впоследствии, по грѣхамъ Гекленовъ, повернулъ на сѣверъ.

Балканъ мало-по-малу исчезалъ въ синихъ облакахъ позади насъ и величіе безпредѣльной степи становилось все очевиднѣе и страшнѣе. Я прежде думалъ, что пустынная степь должна пробудить въ умѣ идеи о величіи и что фантазія и энтузіямъ только окрашиваютъ и заканчиваютъ картину. Но я ошибался. Я видѣлъ въ равнинахъ дорогой родины своей миниатюрное изображеніе пустыни, — очеркъ того, что впоследствии я увидѣлъ въ большихъ размѣрахъ, когда проѣзжалъ въ Персіи, часть соленой степи (Дешти Кувиръ): но какая разница съ тѣмъ, что я здѣсь увидѣлъ и почувствовалъ! Нѣтъ, не воображеніе, какъ ошибочно думаютъ люди, а сама природа, разжигаетъ воображеніе. Я часто старался разъяснить мрачный колоритъ пустыни, рисуя мысленно на ней города, полные кипучей жизни, но тщетно; безконечные песчаные холмы, грозное молчаніе смерти, багрово-красный отблескъ солнца при восходѣ и закатѣ, — все говорило, что мы въ огромной, можетъ быть самой огромной степи, на поверхности нашей земли.

Около полудня (мая 22) мы остановились у Йети-Сири, называемомъ такъ потому, что прежде здѣсь было семь колодезевъ; въ трехъ еще до сихъ поръ есть очень соленая, вонючая вода, но остальные

четыре совершенно высохли. Такъ какъ керванбаши надѣялся, что въ этотъ же вечеръ мы найдемъ дождевую воду, то хотя остававшаяся у меня въ мѣху вода была очень похожа на грязь, но я не хотѣлъ мѣнять ее на горькую, отвратительную жидкость этихъ колодезь. Верблюды и нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ, однако, напились изъ нихъ. Меня удивляло, что товарищи мои соперничали въ утоленіи жажды съ своими четвероногими друзьями; они смѣялись надъ моими совѣтами о воздержаніи, но впоследствии раскаялись, что не послушались меня.

Послѣ непродолжительной остановки мы опять пустились въ путь, перешли черезъ холмъ, казавшійся выше другихъ песчаныхъ холмовъ, и увидѣли на немъ два пустые кеджеве. Мы сазали, что путешественники, останавливавшіеся здѣсь, погибли въ пустынѣ и что все служившее человѣку считается святыней у Туркменъ и уничтоженіе подобныя вещей равняется грѣху. Странное суевѣріе! уводить насильно людей въ рабство, разорять цѣлыя страны — считается подвигомъ добродѣтели, а деревянной корзинѣ воздаютъ почести потому только, что въ ней когда-то сидѣли люди! Степь и ея жители въ самомъ дѣлѣ странны и необыкновенны. Читатель будетъ еще больше удивленъ, когда я передамъ ему, что мы увидѣли въ тотъ же вечеръ. Когда стало холоднеѣе, я отправился съ керванбаши и съ нѣсколькими другими Туркменами на поиски дождевой воды. Всѣ мы были вооружены и разбрелись по разнымъ направленіямъ. Я пошелъ съ керванбаши и не прошли мы сорока шаговъ, какъ вдругъ спутникъ мой замѣтилъ слѣды на пескѣ и съ величайшимъ изумленіемъ вскричалъ: „Здѣсь долженъ быть человѣкъ!“ Мы приготовили ружья и идя по слѣдамъ, становившимся все болѣе и болѣе явственнымъ, наконецъ достигли отверстия въ въ какую-то пещеру. Такъ-какъ по слѣдамъ видно было, что человѣкъ былъ одинъ, то мы подошли къ входу въ пещеру и я увидѣлъ съ невыразимымъ ужасомъ полудикаго человѣка, съ длинными волосами и бородой, одѣтаго въ газелью шкуру; онъ высочилъ изъ пещеры и съ поднятымъ копьемъ бросился на насъ.

Я смотрѣлъ на эту сцену съ величайшимъ нетерпѣніемъ, а лицо моего спутника выражало величайшее спокойствіе. Увидѣвъ полудикаго человѣка, онъ опустилъ оружіе и прошепталъ вполголоса: „Аманболъ“ (миръ съ тобою!) и отошелъ отъ пещеры. „У него кровь на головѣ“, сказалъ керванбаши, не дожидаясь моего вопроса. Впоследствии я узналъ, что этотъ несчастный человѣкъ бѣжалъ отъ неумолимой мести и цѣлые годы, зиму и лѣто — скитается въ пустынѣ; онъ не долженъ и не смѣетъ встрѣчать человѣческаго лица *)!

Меня очень взволновало это жалкое явленіе и я вздохнулъ при мысли, что на поискахъ за прѣсной водою мы только нашли слѣды крови. Товарищи мои тоже возвратились безъ успѣха и я содрогнулся

*) Местъ здѣсь тоже допускается религіе! Я былъ свидѣтелемъ въ Отрентъ, какъ одинъ сынъ, въ присутствіи матери, мстилъ за смерть отца—убійствомъ отца, который на ней женился и, какъ оказалось, былъ соучастникомъ въ его смерти. Характеристично то, что народъ, присутствовавшій при его похоронахъ, соболъзновалъ съ его матерью и въ то же время коздравлялъ сына съ совершеннымъ имъ актомъ благочестія.

при мысли, что въ этотъ вечеръ мнѣ предстоитъ проглотить послѣднія капли „сладкаго ила“. „О! думалъ я,—вода, драгоценнѣйшая изъ стихій, отчего я прежде не цѣнилъ тебя какъ слѣдовало! Люди расточаютъ тебя такъ безпечно, а теперь чего бы я не отдалъ за двадцать или тридцать капель твоей божественной влаги!“

Я питался только небольшимъ количествомъ хлѣба, размачивая его въ горячей водѣ, потому что я слышалъ, что при кипѣніи она теряетъ горькій вкусъ. Я приготовился ко всевозможнымъ лишеніямъ, пока мы не найдемъ хотя немного дождевой воды, — меня ужасала участь моихъ спутниковъ, страдавшихъ сильнымъ поносомъ. Мы подозревали, что нѣкоторые Туркмены, особенно керванбаши, утаили часть необходимой воды; но кто бы осмѣлился высказать свои подозрѣнія, когда каждый умыселъ на мѣхъ съ водой равносильнъ покушенію на жизнь владѣтеля его, и когда на человѣка, который бы осмѣлился спросить у другаго взаймы или въ подарокъ воды, — посмотрѣли бы какъ на сумашедшаго? Въ этотъ вечеръ я лишился аппетита. Я не могъ проглотить ни кусочка хлѣба и ослабъ до крайности, тѣмъ болѣе что жаръ во время дня былъ невыносимъ. Силы мои упали и я лежалъ въ растяжку, какъ вдругъ замѣтилъ, что всѣ толпятся около керванбаши и знаками приглашаютъ и меня подойти. Слова: „вода, вода,“ придали мнѣ бодрости. Я вскочилъ и какъ былъ удивленъ и радъ, когда увидѣлъ, что керванбаши раздаетъ всѣмъ членамъ каравана по два стакана драгоценной влаги! Честный Туркмень сообщилъ намъ, что онъ обыкновенно при перѣздѣ черезъ степь припрятываетъ значительное количество воды и выдаетъ ее тогда, когда она оказывается всего необходимымъ; что это великій севабъ (подвигъ благочестія) и что Туркменская пословица говоритъ: капля воды для человѣка жаждущаго въ пустынѣ—смываетъ сотню лѣтъ грѣховъ.

Невозможно и представить себѣ нашу радость, вслѣдствіе этой неожиданной помощи! Я былъ совершенно счастливъ и считалъ себя вполне обезпеченнымъ дня на три! Но я потерялъ изъ виду недостатокъ хлѣба. Слабость и недостатокъ аппетита сдѣлали меня какимъ-то безпечнымъ и я вообразилъ себѣ, что могу воспользоваться для топлива не деревьями, росшими въ нѣкоторомъ разстояніи, а верблюжьимъ навозомъ. Я не могъ собрать достаточнаго количества. Я положилъ тѣсто на горячую золу и только черезъ полчаса убѣдился въ недостаткѣ топлива. Я хотѣлъ было отправиться за дровами, но уже стемнѣло и керванбаши, подзвавъ меня, спросилъ: ужь не хочу ли я выдать караванъ разбойникамъ? Я былъ принужденъ загасить огонь и снять хлѣбъ, только еще въ половину испеченный.

На слѣдующее утро, мая 23, мы остановились у Каймать-Ата. Это былъ колодезь, еще не изсякшій, хотя впрочемъ не велика была бы бѣда, еслибы онъ и изсякъ, потому что вода въ немъ для питья не годится. Къ несчастью зной, особенно въ первую половину дня, былъ совершенно невыносимъ. Лучи солнца раскаляли сухой песокъ на глубину фута и грунтъ становился такъ горячъ, что даже самые дикіе жители Средней Азіи, пренебрегающіе всякаго рода обувью, здѣсь должны подкладывать кусочикъ дерева подъ подошвы, на подобіе сандалій. Не удивительно, что вчерашній освѣжающій напитокъ былъ забытъ и меня снова начала мучить страшнѣйшая жажда. Около полу-

дня Керванбаши сообщилъ намъ, что мы теперь близко отъ достославнаго мѣста поклоненія и станціи, называемой Хариманъ-Ата, и чтобы исполнить благочестивый долгъ, мы должны сойти съ сѣделъ и пройти пѣшкомъ съ четверть часа до могилы святаго. Предоставляю читателю судить о моихъ страданіяхъ. Слабый, обезсиленный зноемъ и жаждой, я долженъ былъ выйти изъ своего сидѣнья и присоединиться къ шествію пилигримовъ, чтобы подойти къ могилѣ, помѣщавшейся на возвышеніи. въ разстояніи пятнадцати минутъ, гдѣ долженъ былъ изсохшей глоткой бормотать телькинъ и отрывки изъ корана. О! думалъ я, жестокой святой! не могъ ты развѣ найти себѣ могилу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и избавить меня отъ страшныхъ мукъ этаго поклоненія?

Совершенно выбившись изъ силъ, я упалъ передъ могилой, имѣвшей тридцать футовъ длины и украшенной бараными рогами—знакомъ верховной власти въ Средней Азіи. Керванбаши разсказалъ намъ, что святой, покоившійся въ этой могилѣ, былъ великанъ во всю длину могилы *), что онъ въ незапамятныя времена защищалъ всѣ окрестныя колодцы отъ нападеній злыхъ духовъ, хотѣвшихъ во что бы ни стало засыпать ихъ каменьями. Кругомъ этой большой могилы было разсыпано нѣсколько маленькихъ, послѣднихъ убѣжищъ бѣдныхъ путешественниковъ, погибшихъ въ различныхъ мѣстахъ въ степи отъ рукъ разбойниковъ или отъ ярости стихій. Извѣстіе о близости колодезь, уцѣлѣвшихъ благодаря покровительству святаго, обрадовало меня несказанно. Я надѣялся найти воду, которую можно будетъ пить. Я такъ торопился, что дѣйствительно первый достигъ назначеннаго мѣста и скоро замѣтилъ колодезь, казавшійся издали бурой лужею. Я зачерпнулъ въ руку—точно кусокъ льду. Я поднесъ руку съ жидкостью къ губамъ. О! какая мука!—нельзя проглотить ни капли — такъ горька, такъ солоня, такъ вонюча была эта холодная, какъ ледъ жидкость. Отчаянію моему не было предѣловъ: въ первый разъ я почувствовалъ тревогу за будущее.

*) Жители Востока любятъ возвеличивать своихъ святыхъ атрибутами тѣлесной силы. Въ Персіи я видѣлъ множество огромныхъ могилъ и даже въ Константинополѣ, на Азіатскомъ берегу Босфора, на такъ называемой горѣ Іисуса Навина, есть длинная могила, которую Турки считаютъ могилой Іисуса Навина, а Греки—могилой Геркулеса.

ГЛАВА VIII.

Громъ.—Газели и дикие ослы. — Привытѣ на возвышенность Кафтанбергъ.— Древнее русло.— Мирный лагерь. — Привлечение всадниковъ.— Газавать.— Вѣздъ въ Хиву.— Лукавство Афгана. — Свиданіе съ хапомъ. — У автора тревожатъ обрашкя турецкаго почерка. — Почетная одежда, одѣваемая человѣческими головами. — Ужасная казнь плѣнныхъ.— Особая казнь женщинъ.— Кунградъ.— Последнее благословеніе хана.

On n'y verra jamais que l'heroisme et la servitude. — Montesq. Esprit des Loix, 1. XVII. c. 6.

Chiefs of the Usbek race
Waving their heron crests with martial grace.
Moons, Veiled Prophet.

Громъ, слышимый уже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ издали, достигшій до насъ около полуночи и только тогда принесшій нѣсколько тяжелыхъ капель дождя, былъ герольдомъ, возвѣстившимъ конецъ нашихъ страданій. Къ утру 24 мая мы добрались до окраины песковъ, въ которыхъ мы бѣдствовали въ теченіе трехъ дней; мы теперь были увѣрены, что найдемъ дождевую воду, какъ только набредемъ на глинистую почву. Керванбаши напелъ подтвержденіе этой надежды въ многочисленныхъ сѣздахъ газелей и дикихъ ословъ; онъ бросился впередъ и имѣлъ счастье первымъ увидѣть и указать каравану маленькое озерко дождевой воды. Су! Су! (вода, вода), закричало все въ радости и отрадное зрѣлище, еще не освѣживъ губы и не утоливъ томительной жажды, уже успокоило нашу тревогу. Въ полдень мы были на мѣстѣ. Впоследствии мы нашли еще нѣсколько ямъ съ прѣсной водой. Я одинъ изъ первыхъ бросился къ естественному резервуару съ своей чашкой и съ мѣхами, — не для того, чтобы пить, но скорѣе для того, чтобы зачерпнуть воды, пока она не превратится въ грязь, отъ неосторожнаго, частаго зачерпыванія. Черезъ полчаса всѣ сидѣли за завтракомъ; почти невозможно составить себѣ понятіе объ общемъ удовольствіи. Начиная съ этой станціи, называемой Дели-Ата, до Хивы наши мѣхи были постоянно полны и наше путешествіе сдѣлалось если не совсѣмъ пріятнымъ, то по крайней мѣрѣ и не мучительнымъ. Вечеромъ мы добрались до мѣстечка, гдѣ царилъ весна во всей своей прелести. Мы остановились посреди безчисленныхъ маленькихъ озерокъ, окруженныхъ зелеными лугами, какъ гирляндами; это казалось сновидѣніемъ въ сравненіи съ нашимъ лагеремъ въ прошедшій день. Къ довершенію удовольствія, мы узнали, что теперь миновали всякія опасенія нападеній, чего мы особенно боялись, но насъ все-таки просили воздержаться отъ огней еще на одну ночь. Нельзя не замѣтить, что

сыны пустыни приписывали неожиданное обилие воды единственно нашему благочестию, какъ хаджи. Мы наполнили мѣха и отправились дальше въ отличномъ расположеніи духа.

Въ тотъ же вечеръ мы были у рва, котораго такъ давно ожидали. По другую сторону его начинается Кафланкирь (тигровое поле). Ровъ этотъ служитъ началомъ территоріи, составляющей Хивинское ханство.

Тяжело было для людей и животныхъ взбираться на равнину, возвышавшуюся почти на 300 футовъ. Равнина эта представляетъ собою необыкновенное зрѣлище: пространство, на которомъ мы стояли, на сколько могъ окинуть глазъ, какъ будто возвышалось подобно острову изъ моря песковъ. Нѣтъ возможности рассмотреть окончаніе глубокаго рва и поэтому нельзя не повѣрить увѣреніямъ Туркменъ, что это — древнее русло *Аму-Дарьи* и что Кафланкирь былъ когда-то островомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ этими каналами. Несомнѣнно то, что вся эта мѣстность рѣзко отличается отъ остальной пустыни и почвой и растительностью и изобиліемъ животныхъ. Мы прежде встрѣчали порою газелей и дикихъ ословъ, отдѣльно или по нѣсколько вмѣстѣ, но какъ я былъ удивленъ, увидѣвъ ихъ здѣсь сотнями, цѣлыми стадами. Кажется на второй день пребыванія въ Кафланкирь, около полудня, мы замѣтили громадное облако пыли на сѣверѣ. Карванбаши и всѣ Туркмены взяли за оружіе; чѣмъ ближе подвигалось грозное облако, тѣмъ сильнѣе становилась наша тревога. Наконецъ мы могли различить всю двигавшуюся массу; она походила на правильную колонну вскадроновъ, готовыхъ къ атакѣ. Наши предводители опустили оружіе. Я старался быть вѣрнымъ восточному характеру и не выказывать ни малѣйшаго любопытства, но нетерпѣнію моему не было границъ; облако двигалось ближе и ближе; на разстояніи пятидесяти шаговъ мы услышали шумъ, какъ будто бы тысяча искусныхъ всадниковъ остановилась по слову команды. Мы увидѣли безчисленное множество дикихъ ословъ, здоровыхъ и бодрыхъ, выстроенныхъ въ правильную линію. Они пристально посмотрѣли на насъ нѣсколько минутъ, потомъ, убѣдившись, что мы существа совершенно иного рода, опять пустились въ путь, устремившись съ быстротою стрѣлы на западъ.

Если смотрѣть со стороны, выходящей къ Хивѣ, то возвышенность Кафланкира напоминаетъ правильную стѣну; ея окраины параллельны съ горизонтомъ и такъ ровны и гладки, какъ будто бы вода сошла съ нихъ только вчера. Черезъ день, утромъ 28 мая, мы были у озера Шоръ-Гель (соленое озеро), образующаго прямоугольникъ и имѣющаго двѣнадцать англійскихъ миль въ окружности. Мы рѣшили остановиться здѣсь на шесть часовъ, чтобы совершить гюсъ*), обязательный для магометанъ, тѣмъ болѣе что въ этотъ день былъ праздникъ Ейди-Курбанъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ праздниковъ ислама. Товарищи мои развязали свои пожитки, вынули чистыя рубашки; у

*) Гюсъ — общее омовеніе, необходимое только въ особенныхъ случаяхъ. Обыкновенное омовеніе передъ каждою изъ пяти молитвъ дня называютъ Абдестъ по Турецки, Вуду по Арабски и Тегаретъ въ Средней Азіи.

меня одного не было ничего въ запасѣ. Хаджи-Билаль предлагалъ мнѣ одну изъ своихъ, но я отказался отъ обязательнаго предложенія, въ полномъ убѣжденіи, что чѣмъ больше будетъ моя мнимая бѣдность, тѣмъ меньше риска для меня. Я не могъ удержаться отъ смѣха, увидѣвъ въ зеркалѣ свое лицо, покрытое толстой корою грязи и песку. Правду сказать, я могъ бы вымыться не разъ во время перехода пустыни, но я нарочно не мылся, полагая, что грязь защититъ меня отъ палящаго зноя; но средство оказалось недѣйствительнымъ, и много знаковъ останется у меня на всю жизнь на память о моихъ страданіяхъ. Не я одинъ, но и всѣ мои товарищи были обезображены тежемюномъ *), потому что правовѣрные обязаны мыться пескомъ и пылью и такимъ образомъ еще больше пачкаться. Окончивъ туалетъ, я замѣтилъ, что друзья мои въ сравненіи со мною похожи на джентльменовъ. Они сожалѣли обо мнѣ и настойчиво предлагали мнѣ различныя части одежды; я отказывался съ благодарностью, говоря, что подожду, пока самъ Хивинскій ханъ не одѣнетъ меня.

Теперь мы часа четыре ѣхали по лѣсу, называемому здѣсь Уильгинъ, и встрѣтили Узбека изъ Хивы, который сообщилъ намъ о положеніи дѣлъ тамъ. Какъ ни былъ пріятенъ всѣмъ намъ видъ всадника, ничего нельзя сравнить съ чувствомъ, испытанномъ нами, когда мы послѣ обѣда набрали на нѣсколько заброшенныхъ домиковъ; потому что съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Каратепе, на границахъ Персіи, мы не видѣли даже ничего напоминающаго домъ. Эти домики были населены нѣсколько лѣтъ назадъ и составляли часть Медемина, деревни, лежавшей на востокъ. Край этотъ былъ въ совершенномъ запустѣніи, когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ Мегеммедъ-Эминъ взялъ его въ руки, обработалъ и обстроилъ его и назвалъ своимъ сокращеннымъ именемъ. Последняя война разрушила и опустошила и эту деревню, подобно многимъ другимъ въ Туркестанѣ.

Въ это утро (29 мая) мнѣ показалось, что, вмѣсто того, чтобы ѣхать на сѣверо-востокъ, гдѣ лежала Хива, мы перемѣнили путь прямо на сѣверъ. Я сталъ спрашивать и узналъ, что мы пошли въ обходъ для большей безопасности. Узбекъ, котораго мы встрѣтили вчера, посоветовалъ намъ быть на сторожѣ, потому что Чодоры бунтуютъ противъ хана и ихъ аламанъ часто дѣлаютъ нападенія на границы.

Въ этотъ же вечеръ мы продолжали нашъ путь впередъ, не безъ опасеній, и на слѣдующее утро съ восторгомъ завидѣли съ права и лѣва группы палатокъ и вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, насъ встрѣчали радостными восклицаніями: Аманъ гельдингизъ! (добро пожаловать). Товарищъ нашъ Илья, дружный со многими изъ здѣшнихъ поселенцевъ, отправился немедленно на поиски горячаго хлѣба и другихъ праздничныхъ принадлежностей. Онъ возвратился съ обильными дарами и принялся одѣвать насъ мясомъ, хлѣбомъ и кумысомъ. Не прошло часа, какъ насъ обступили благочестивые номады, жаждавшіе пріобщиться святыни прикосновеніемъ къ нашимъ рукамъ. За четыре или пять благословеній мнѣ дали немного хлѣба и нѣсколько кусковъ мяса верблюжьяго, лошадинаго и бараньяго.

*) Замѣна Абдеста, предписываемая пророкомъ въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ воды.

Мы встрѣчали по дорогѣ нѣсколько япъ (искусственныхъ рововъ для орошенія полей) и пріѣхали около полудня въ пустую крѣпость Ханабадъ: ея высокія, квадратныя стѣны были видны еще мили за три. Мы провели тамъ весь день и весь вечеръ. Солнце жгло. Какъ было пріятно дремать подъ тѣнью стѣны, хотя постелью была голая земля, а подушкой—камень! Мы выѣхали изъ Ханабада до восхода солнца и удивлялись, что не встрѣтили ни одной палатки въ теченіе цѣлаго дня, хотя Ханабадъ отстоялъ отъ Хивы всего только въ двадцати пяти миляхъ. Вечеромъ мы опять очутились передъ огромными песчаными холмами и я опять вообразилъ себя въ пустынѣ. Мы сидѣли за чаемъ, какъ вдругъ верблюды, пущенные на пастбище, тревожно забѣгали около насъ; мы подумали, что вѣроятно кто нибудь испугалъ ихъ, и дѣйствительно скоро показались пять всадниковъ по направленію къ нашему лагерю. Мы въ одну минуту замѣнили чайный приборъ ружьями и выстроились въ правильную линію; всадники между тѣмъ приближались медленно и мы скоро убѣдились, что это вовсе не смертельные враги, какъ мы предполагали сначала, а покровительственный отрядъ, посланный сопровождать насъ до Хивы.

На слѣдующее утро (30 мая) мы пріѣхали въ Узбекскую деревню, гдѣ уже положительно оканчивается степь между Гемюптепе и Хивой. Жители этой деревни были первыми Узбеками, которыхъ я видѣлъ, и они оказались отличными людьми. По обычаю страны, мы обошли всѣ дома и набрали множество подавій своими фатиха. Тутъ я опять увидѣлъ нѣсколько предметовъ съ дорогаго Запада и сердце мое дрогнуло отъ радости. Мы могли бы еще въ тотъ же день доѣхать до дома Ильи, потому что тутъ начинается деревня *), населенная Хивинскими Юмутами и называемая Акіапъ; но другъ нашъ былъ немножко лѣнивъ или не хотѣлъ, чтобы мы пріѣхали неожиданными гостями; и потому мы провели ночь въ двухъ миляхъ отъ его дома, въ домѣ дяди его, Алланазра-Бея **), человѣка очень богатаго и встрѣтившаго насъ очень привѣтливо и гостепріимно. Илья между тѣмъ отъправился увѣдомить жену свою о нашемъ пріѣздѣ. Мы формально въѣхали къ нему на слѣдующее утро (1 іюня); безчисленное множество его родныхъ и знакомыхъ успѣли встрѣтить и привѣтствовать насъ. Онъ предложилъ мнѣ очень миленькую, чистенькую палатку для житья, но я предпочелъ его садъ, потому что тамъ были деревья, а душа моя тосковала по тѣни! Я такъ давно не видѣлъ тѣни!

Въ теченіе двухдневнаго пребыванія посреди полуосѣдлыхъ Туркменъ — я называю таковыми тѣхъ, которые только временно живутъ въ своихъ домахъ—больше всего удивляло меня отвращеніе этихъ номадовъ ко всему, что напоминаетъ домъ или правильный образъ жизни. Хотя они уже нѣсколько столѣтій живутъ бокъ о бокъ съ Узбеками, они терпѣть не могутъ ихъ нравовъ и обычаевъ, избѣгаютъ ихъ об-

*) Деревню называютъ аулъ или брамъ; это вовсе не отвѣчаетъ нашему понятію о деревнѣ—какъ о рядѣ домовъ. Это мѣстность, населенная однимъ ауломъ съ домиками, разсыпанными посреди полей и лѣсовъ.

**) Бай или Би; въ Турціи бай значитъ особа знатнаго происхожденія.

щества и не смотря на тождество происхожденія и языка, Узбекъ такъ же чуждъ имъ, какъ намъ Готтентотъ.

Отдохнувъ немного, караванъ отправился по дорогѣ къ столицѣ. Мы проѣхали черезъ Газаватъ, гдѣ бываетъ ярмарка каждую недѣлю и гдѣ уже вполне господствуетъ Хивинскій образъ жизни. Мы провели ночь на лугу, передъ Шейкларъ-Калези. Тутъ я увидѣлъ комаровъ больше и злѣе всѣхъ, до тѣхъ поръ мною видѣнныхъ. Они мучили всю ночь на смѣрть и людей и животныхъ, и я былъ далеко не въ хорошемъ расположеніи духа, когда пришлось опять утромъ сѣсть на верблюда, не закрывъ глазъ ни на минуту въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Къ счастью великолѣпные весны скоро заставило насъ забыть страданія отъ бессонницы. Растительность становилась все болѣе и болѣе роскошной, по мѣрѣ приближенія къ Хивѣ. Я сперва думалъ, что Хива кажется такой прекрасной вслѣдствіе контраста съ пустыней, ужасный видъ которой все еще носился передъ моими глазами. Но нѣтъ! окрестности Хивы съ маленькими хавли *), похожими на укрѣпленія, отънесенными высокими тополями, съ прекрасными лугами и роскошными полями,—и послѣ посѣщенія прекраснѣйшихъ мѣстностей Европы кажутся мнѣ прекрасными попрежнему. Восточные поэты нашли бы здѣсь болѣе достойныя темы для вдохновенія, чѣмъ въ безобразныхъ степяхъ Персіи.

Хива, высающаяся посреди этихъ садовъ, съ куполами и минаретами, производитъ благоприятное впечатлѣніе даже на нѣкоторомъ разстояніи. Больше всего бросается въ глаза узкая полоса обнаженной земли, составляющая продолженіе Мервской песчаной степи: она длиною до одной мили и тянется здѣсь какъ будто для того, чтобы какъ можно полнѣе обрисовать рѣзкій контрастъ между жизнью и смертью. Этотъ песчаный языкъ извѣстенъ подъ названіемъ Тойесичти и его силуэтъ видѣлся даже тогда, когда мы были у воротъ столицы.

Читателю не трудно представить себѣ, что я испытывалъ передъ стѣнами Хивы, — стоитъ ему подумать объ опасностяхъ, угрожавшихъ мнѣ, еслибы явилось хотя малѣйшее подозрѣніе вслѣдствіе моего Европейскаго лица. Я былъ вполне увѣренъ, что Хивинскій ханъ, ненавидимый даже Татарами за жестокость, обличивъ мое передѣванье, поступилъ бы со мною жестоко, чѣмъ другіе Туркмены. Я слышалъ, что этотъ Ханъ имѣетъ обыкновеніе обращать въ рабовъ всѣхъ подозрительныхъ иностранцевъ и что еще недавно онъ надѣлъ цѣпи на Индостанца княжескаго рода, который теперь, вмѣстѣ съ другими рабами возитъ артиллерійскія орудія. Нервы мои были напряжены до крайности, но я былъ спокоенъ съ виду. Постоянное опасеніе перестало наконецъ имѣть на меня вліяніе. Смерть, послѣдній изъ серьезныхъ результатовъ моего предпріятія, постоянно носилась передъ моими глазами въ послѣдніе три мѣсяца, и вмѣсто того чтобы дрожать и робѣть, я придумывалъ средства обмануть бдительность и подозрительнаго тирана. По дорогѣ я старался собирать свѣдѣнія обо всѣхъ Хивинскихъ

*) Хавли значить собственно радіусъ, но такъ называются такъ нѣчто въ родѣ нашихъ дворовъ. На нихъ помѣщаются наметки, конюшни, кладовые, погреба и тому подобныя предметы принадлежності Узбекскаго хозяйства.

вельможатъ, бывавшихъ при Константинопольскомъ дворѣ. Они называли мнѣ чаще другихъ одного Шюкрюлла-Бея, который провелъ десять лѣтъ при дворѣ султана. Я самъ его немного помнилъ, потому что видѣлъ его нѣсколько разъ въ домѣ Али-Паши, теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ Шюкрюлла-Бей, думая я, знаетъ Стамбуль и его языкъ, его обычаи и его сановниковъ; я постараюсь познакомиться съ нимъ и надѣюсь, что онъ, бывший посолъ Хивинскаго хана при Стамбульскомъ дворѣ, не захочетъ лишить меня своего докровительства, если я явлюсь къ нему въ качествѣ жителя Стамбула.

Въ воротахъ насъ встрѣтили нѣсколько благочестивыхъ Хивинцевъ и поднесли намъ сухихъ фруктовъ и хлѣба. Уже давно не приѣзжало въ Хиву такое множество хаджи. Всѣ смотрѣли на насъ съ удивленіемъ и со всѣхъ сторонъ доносились до нашего слуха восклицанія: „Добро пожаловать! Ахъ! мой соколъ! мой левъ!“ При въѣздѣ на базаръ, Хаджи-Билаль затянулъ тельгинъ. Голосъ мой раздавался громче всѣхъ, благодаря внутреннему волненію, и я былъ глубоко тронутъ, когда народъ бросился цѣловать мои руки и ноги—да—и лохмотья, висѣвшія съ моего пояса. По обычаю страны, мы сошли съ верблюдовъ у каравансера, который служилъ въ то же время и таможеней, гдѣ вновь приѣзжающіе и товары подвергаются строгому осмотру. Само собой разумеется, что ручательство предводителей каравана имѣетъ огромный вѣсъ при завѣщиваніи относительныхъ достоинствъ. Обязанности начальника таможи несетъ въ Хивѣ главный мехремъ (родъ камергера и секретаря хана). Какъ только онъ обратился съ обычными вопросами къ нашему берванбашу, Афганъ вышелъ впередъ и воскричалъ громко: „Мы привезли въ Хиву двоихъ интересныхъ четвероногихъ и одного не менѣе интереснаго двуногаго!“ Первая часть этой шутки относилась къ буйволамъ, животнымъ, до тѣхъ поръ невиданнымъ въ Хивѣ; а такъ-какъ вторая часть указывала на меня, то не удивительно, что многіе тотчасъ же обратились ко мнѣ и шепотъ я явственно слышалъ слова: Джансизъ (шпіонъ), Френгъ и Ерусъ (русскій). Я сдѣлалъ усиліе, чтобы не покраснѣть и хотѣлъ было уйдти, но мехремъ приказалъ мнѣ остаться. Онъ ваялъ мою сторону, пустивъ въ ходъ крайне невѣжливыя выраженія. Я хотѣлъ отвѣчать, но тутъ хаджи Сали съ своей почтенной наружностью выступилъ впередъ и совершенно не зная, что произошло, представилъ меня таможенному начальнику въ самыхъ лестныхъ краскахъ, такъ-что тотъ чрезвычайно удивился и пригласилъ меня съ улыбкой сѣсть возлѣ себя. Хаджи Сали знакомъ приказалъ мнѣ принять приглашеніе, но я притворился глубоко оскорбленнымъ и ушелъ бросая гнѣвные взоры на мехрема. Я отправился прежде всего къ Шюкрюлла-Бею, который, не имея никакой обязанности, занималъ одною отдѣленіе въ медресе Мегеммедъ-Эминъ-Хана, самомъ красивомъ зданіи Хивы. Я велѣлъ доложить ему о себѣ, какъ объ эфенди изъ Стамбула, сказалъ ему, что видѣлся съ нимъ еще на своей родинѣ и желалъ теперь проѣздомъ черезъ Хиву возобновить съ нимъ знакомство. Приѣздъ эфенди въ Хиву—событіе такое неслыханное, что старикъ немного удивился. Онъ всталъ, чтобы встрѣтить меня, и удивился еще больше, увидѣвъ нищаго, страшно обезображеннаго и въ лохмотьяхъ: но это не помѣшало ему принять меня. Не успѣлъ я обмѣняться съ нимъ нѣсколь-

кими словами на Стамбульскомъ нарѣчїи, какъ онъ, съ возрастающимъ любопытствомъ, забросалъ меня вопросами о своихъ многочисленныхъ друзьяхъ въ Турецкой столицѣ и о положенїи дѣлъ въ Оттоманской имперїи со времени восшествїя на престолъ нынѣшняго султана. Я уже говорилъ, что роль, принятая мною на себя, была мною изучена какъ нельзя лучше. Шюкрулла-Бей не могъ скрыть радости, когда я принялся сообщать ему подробныя новости о его знакомыхъ. Онъ все продолжалъ удивляться. „Скажите, Бога ради, эфенди, что побудило васъ прїѣхать въ эту ужасную страну изъ земнаго рая, изъ Стамбула?“ Я отвѣчалъ со вздохомъ: „Ахъ, Пиръ (духовный руководитель) наложилъ руку мнѣ на глаза, въ знакъ послушанїя“... И добрый старикъ, довольно хорошо воспитанный мусульманинъ, не могъ ошибиться въ смыслѣ этого восклицанїя, то-есть понялъ, что я принадлежу къ какому нибудь дервишскому ордену и посланъ своимъ Пиромъ (начальникомъ ордена) въ путешествіе, которое обязательно для каждого мюрида (ученика дервишскаго ордена) во что бы то ни стало. Это объясненіе чрезвычайно понравилось ему; онъ спросилъ названїе ордена. Я назвалъ Накишбенди и онъ заключилъ изъ этого, что конечною цѣлью моего путешествїя должна быть Бухара. Онъ непременно хотѣлъ выхлопотать для меня помѣщенїе въ вышеупомянутой медресе, но я отказался, говоря, что я общалъ не отдѣляться отъ товарищей. На этомъ мы разстались, съ непремѣннымъ обѣщанїемъ увидѣться снова.

Возвратясь въ каравансерай, я узналъ, что товарищи мои нашли помѣщенїе въ теккіе — родъ монастыря, гдѣ останавливаются проѣзжающіе дервиши. Этотъ монастырь называется Тешебазъ. Оказалось, что они приготовили помѣщенїе и для меня. Увидѣвъ меня, они тотчасъ принялись спрашивать, отчего меня такъ долго не было видно; всѣ они сожалѣли, что меня не было, когда проклятый Афганъ, желавшій скомпрометировать меня, былъ принужденъ бѣжать, осыпавъ упреками и проклятіями, не только съ ихъ стороны, но и самими Хивинцами. Прекрасно, подумалъ я, теперь подозрительность народа успокоилась и не трудно будетъ сладить и съ ханомъ, потому что его вѣроятно извѣстятъ о моемъ прїездѣ Шюкрулла-Бей; и такъ-какъ правители Хивы всегда выказывали величайшее уваженїе къ султану, то и настоящій государь вѣроятно не откажетъ въ своихъ милостяхъ эфенди; не можетъ быть, чтобы первый человекъ, прїѣхавшій изъ Константинополя въ Харезмъ (политическое названїе Хивы), не удостоился здѣсь особенныхъ почестей.

Ожиданїя мои не обманули меня. На слѣдующій день явился есаулъ (придворный офицеръ), принесъ мнѣ небольшой подарокъ отъ хана съ приказанїемъ явиться вечеромъ въ аркъ (дворецъ), „такъ-какъ хазретъ (титулъ государя въ Средней Азїи, то же, что наше Величество) непременно хочетъ получить благословенїе отъ дервиша, рожденнаго въ Святой Землѣ.“ Я обѣщалъ явиться и отправился предварительно къ Шюкрулла-Бей; и такъ-какъ онъ непременно желалъ присутствовать при свиданїи, то отправился со мною самъ во дворецъ, бывший неподалеку отъ его собственнаго дома, и по дорогѣ давалъ мнѣ совѣты, какъ держать себя во время аудїенціи. Онъ сообщилъ мнѣ также, что онъ въ ссорѣ съ мехтеромъ (родъ министра внутрен-

них дѣлъ), который боялся его, какъ соперника, и не упускалъ случая оскорбить его и который, если узнаетъ, кто меня представилъ, непременно будетъ холоденъ со мною. Такъ-какъ Кушбеги и старшій братъ хана командовали войсками, отправленными противъ Чодоровъ, то мехтеръ исправлялъ должность перваго официального министра. И приличія и необходимость побуждали меня прежде всего отправиться къ нему на поклонъ, тѣмъ болѣе, что его канцелярія помѣщалась въ залѣ у самаго входа въ комнаты хана.

Такъ-какъ въ это время всякій день былъ арзъ (публичная аудіенція), то всѣ комнаты дворца были наполнены просителями всѣхъ классовъ, половъ и возрастовъ. Они были одѣты въ самыя простыя платья, многія женщины даже съ ребятами на рукахъ, въ ожиданіи доступа къ хану. Тутъ нѣтъ надобности записываться на очередь, а кто пробьетъ себѣ дорогу сквозь толпу силой, того и впускаютъ прежде. Толпа однако пропустила насъ безпрепятственно, и мнѣ было чрезвычайно пріятно слышать, какъ одна женщина сказала другой, указывая на меня: „Посмотри на дервиша изъ Константинополя, онъ идетъ благословлять нашего хана. Да услышитъ Господь его молитвы!“

Я нашелъ мехтера, какъ уже сказалъ, въ залѣ, окруженнымъ чиновниками, сопровождавшими каждое слово своего повелителя ободрительными улыбками. По смуглому лицу и длинной, густой бородѣ, падавшей на грудь, не трудно бы угадать, что онъ Сартъ (Персидскаго происхожденія). Грубая одежда и большая мѣховая шапка чрезвычайно шли къ его грубымъ чертамъ. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ нѣсколько словъ со смѣхомъ окружавшимъ его. Я подошелъ прямо къ нему, поклонился ему очень серьезно и усѣлся прямо на почетное мѣсто, принадлежащее по праву дервишамъ. Я произнесъ обычныя молитвы, заключилъ ихъ обычнымъ „аминъ“ и дерганьемъ бороды и обмѣнялся обычными вѣжливостями съ мехтеромъ. Министръ желалъ выказать свое остроуміе и замѣтилъ, что въ Константинополѣ даже дервиши—люди хорошо образованные и говорятъ по Арабски (хотя я говорилъ только на Стамбульскомъ нарѣчій). Онъ прибавилъ, что хазретъ (его величество)—при этомъ словѣ всѣ встали съ мѣстъ—желалъ видѣть меня и что ему было бы пріятно слышать, что я привезъ съ собою нѣсколько строкъ отъ султана или его посланника въ Тегеранъ.“ На это я отвѣчалъ, что путешествіе мое никакой особенной цѣли не имѣетъ, что я ничего и ни у кого просить не намѣренъ; но что для личнаго моего обезпеченія у меня есть фирманъ, съ печатью султана. И я вручилъ ему мой печатный паспортъ. Получивъ этотъ знакъ верховной власти, онъ почтительно поцѣловалъ его, поднесъ ко лбу, всталъ, чтобы вручить его хану, и возвратился почти тотчасъ же, прося меня войти въ приемную залу.

Впереди меня шелъ Шюкрулла. Меня заставили прождать у дверей нѣсколько минутъ, потому что еще не все было готово: хотя обо мнѣ доложили какъ о дервишѣ, но покровитель мой не упустилъ случая обратить вниманіе на то, что я знакомъ со всѣми знатными пашами въ Константинополѣ и что желательно произвести на меня самое поразительное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько минутъ меня подхватили подъ руки два есаула, съ величайшей почтительностью. Заня-

вѣсь поднялся и я увидѣлъ Сейдъ-Мегеммедъ-Хана, Падишахи-Харезма, или говоря проще — Хивинскаго хана, на возвышеніи, подъ багдахиномъ: лѣвая рука лежитъ на круглой бархатной подушкѣ, а въ правой—коротенькой золотой скипетръ.

Сообразно съ предписаннымъ церемоніаломъ, я поднялъ руки. ханъ повторилъ этотъ жестъ, а за нимъ всѣ присутствовавшіе, потомъ прочелъ коротенькій сура изъ Корана; потомъ два Аллахуму селла и обычную молитву, начинающуюся съ „Аллахуму раббена“ и оканчивающуюся громкимъ „аминъ“ и дерганьемъ бороды. Когда ханъ дернулъ себя за бороду, всѣ остальные воскликнули: „Кабуль боьгай!“ (Да будетъ услышана твоя молитва). Я подошелъ къ государю. онъ протянулъ ко мнѣ руки и исполнивъ музафеха, я отошелъ на нѣсколько шаговъ и церемоніаль кончился. Тогда ханъ началъ спрашивать меня о цѣли моего путешествія, о впечатлѣніи, которое произвели на меня степь, Туркмены и Хива. Я отвѣчалъ, что много страдалъ, но что теперь мои страданія щедро вознаграждены созерцаніемъ хазрети джемаль (красотъ его величества). „Благодарю Аллаха, прибавилъ я, за это высокое счастье и усматриваю въ этомъ особенное благоволеніе Кисмета (судьбы) и хорошее предзнаменованіе для предстоящаго мнѣ путешествія.“ Хотя я старался употреблять Узбекское нарѣчіе вмѣсто Стамбульскаго, котораго здѣсь не понимаютъ, государь все-таки принужденъ былъ довольно часто обращаться къ переводчику. Онъ спросилъ у меня, долго ли я намѣренъ остаться въ Хивѣ и есть ли у меня достаточно средствъ, чтобы продолжать путешествіе. Я отвѣчалъ, что желаю сперва посѣтить Суннитскихъ святыхъ, покоящихся въ Ханатской почвѣ, и что послѣ этаго пригтовлюсь къ дальнѣйшему путешествію. Затѣмъ я прибавилъ: „Что же касается до моихъ средствъ, то мы, дервиши, не обращаемъ вниманія на такіе пустяки. Святой Нефесъ (дыханіе), которымъ снабдилъ меня мой Пиръ на все время путешествія,—можетъ поддерживать меня четыре и пять дней безъ всякой пищи, и у меня нѣтъ никакого желанія, кромѣ того, чтобы Господь позволилъ его величеству жить еще сто двадцать лѣтъ!“

Слова мои кажется очень понравились, потому что его величество приказалъ дать мнѣ двадцать дукатовъ и осла. Я отказался отъ дукатовъ, говоря, что дервишу грѣшно имѣть деньги; но за вторую часть его милостей поблагодарилъ съ большимъ жаромъ. но просилъ позволенія обратить его вниманіе на святую заповѣдь, предписывающую благаго осла для пилигримовъ, и умолялъ его даровать мнѣ непременно благаго. Я хотѣлъ уже уйти, когда ханъ заявилъ, что ему хочется, чтобы я во все время пребыванія въ столицѣ былъ его гостемъ и согласился брать для ежедневнаго пропитанія по два тенге (около франка и пятидесяти сантимовъ) отъ его казначара. Я поблагодарилъ его отъ всего сердца, еще разъ благословилъ его и ушелъ. Я шелъ домой сквозь толпы народа и всѣ привѣтствовали меня почтительнымъ „селямъ алейкумъ.“ Когда я очутился дома, совершенно одинъ, посреди четырехъ стѣнъ своей кельи, — я глубоко вздохнулъ и порадовался, что ханъ, по виду такой развращенный и во всѣхъ чертахъ котораго отражается такъ явно глупый, нервозный и необузданный тиранъ,—обшелся со мною такъ вѣжливо и внимательно и что, вслѣд-

ствіе этаго, я могу ѣздить по ханату во всѣхъ направленіяхъ безпрепятственно. Въ теченіи цѣлаго вечера передъ моими глазами носился образъ хана съ впалыми глазами, съ полулысой головой, блѣдными губами и дрожащимъ голосомъ. „Какое счастье, повторялъ я самъ себѣ, что суевѣріе часто полагаетъ предѣлы власти и кровожадности подобныя тирановъ!“

Такъ-какъ я намѣревался предпринять довольно большія поѣздки во внутрь ханства.—мнѣ хотѣлось по возможности сократить мое пребываніе въ столицѣ. Все, что было достопримѣчательнаго, я осмотрѣлъ очень скоро, и только частыя приглашенія хана, сановниковъ и самыхъ значительныхъ представителей торговаго сословія отнимали у меня много времени. Какъ только узнали, что я пользуюсь милостями хазрета, всѣ желали непременно имѣть меня гостемъ, и вмѣстѣ со мною и всѣхъ остальныхъ хаджи. Что за мученіе было принимать въ день по шести, семи и восьми приглашеній, особенно при существующемъ тамъ обычаѣ непременно что нибудь съѣсть въ каждомъ домѣ! Волосы становятся дыбомъ при воспоминаніи о томъ, какъ часто я долженъ былъ садиться, между тремя и четырьмя часами утра, до восхода солнца, противъ колоссальнаго блюда риса, плавающего въ бараньемъ салтѣ и который я долженъ былъ глотать во что бы то ни стало. Какъ я тосковалъ тогда по сухомъ, неквашенномъ хлѣбѣ пустыни и какъ бы мнѣ хотѣлось перемѣнить это убійственное изобиліе на благотворную нищету!

Въ Средней Азіи принято, даже при обыкновенныхъ посѣщеніяхъ, стлать передъ гостемъ дестурханъ (скатерть изъ толстаго холста, различныхъ красокъ, по большей части грязную). На этой скатерти обыкновенно ставится хлѣбъ на двѣ персоны и гость долженъ непременно съѣсть нѣсколько кусковъ этаго хлѣба. „Не могу больше ѣсть“—выраженіе, не мыслимое въ Средней Азіи и служить доказательствомъ низкаго происхожденія. Мои товарищи всегда предъявляли блестящія доказательства своего бонтона. Я только удивлялся, какъ они могутъ переносить столько тяжелаго пилава, потому что я разъ насчиталъ, что каждый изъ нихъ съѣлъ по фунту бараньяго жира, по два фунта рису, не считая хлѣба, моркови, рѣпы и редисокъ: и все это было залито пятнадцатью или двадцатью глубокими суповыми тарелками зеленаго чая. Въ этомъ отношеніи я разумѣется оказался несостоятельнымъ и всѣ удивлялись, какъ я, такой ученый, въ книжномъ отношеніи, не имѣю ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ учтивости и приличія.

Другимъ источникомъ мученій для меня были beaux-esprits изъ улемовъ Хивы. Эти джентльмены, предпочитающіе Турцію и Константинополь всему на свѣтѣ, желали получить отъ меня, штандарта Турецко-исламитакаго ученія,—объясненіе многихъ мезеле (религіозныхъ вопросовъ). О! какъ жарко было мнѣ отъ этихъ толстоголовыхъ Узбековъ, съ ихъ колоссальными тюрбанами, когда они начинали бесѣду о способѣ мыть руки, ноги, лицо и затылокъ: о томъ, какъ долженъ человекъ, вѣрній заповѣдямъ религіи,—сидѣть, ходить, лежать, спать и т. д. Султанъ (признанный преемникъ Мохаммеда) и его приближенные считаются въ Хивѣ практическими примѣрами въ исполненіи всѣхъ этихъ важныхъ постановленій. Его величество Турецкій императоръ считается здѣсь мусульманиномъ—съ тюрбаномъ въ 50 локтей.

съ бородою до груди и въ платьѣ по пяты. Жизни моей угрожала бы опасность, еслибы я вздумалъ увѣрить, что у султана голова и борода подстрижены à la Fiesko и что платье для него шьетъ Dusetoye въ Парижѣ. Меня часто огорчала невозможность дать этимъ, часто очень молодымъ людямъ объясненія, которыхъ они требовали; да и какія я могъ бы имъ дать объясненія, при такой громадной разницѣ нашихъ понятій и воззрѣній!

Въ Тешебаазъ или монастырѣ, въ которомъ мы приютились, на дворѣ былъ большой резервуаръ воды и мечеть и вслѣдствіе этого онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ публичнаго мѣста, цѣлый день набитаго биткомъ посѣтителемъ обоихъ половъ. Узбеки въ своихъ круглыхъ, высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, въ большихъ, толстыхъ кожаныхъ сапогахъ, расхаживали по большей части въ одной, длинной рубашкѣ—любимый лѣтній туалетъ. Я самъ завелъ себѣ такую рубашку, потому что въ ней не считалось неприличнымъ даже появляться на базарѣ, пока она еще не утратила своей бѣлизны. Женщины ходятъ въ высокихъ, круглыхъ тюрбанахъ, состоящихъ изъ пятнадцати или двадцати русскихъ повойниковъ. Онѣ должны были, не смотря на томительный жаръ, въ широкихъ платьяхъ и толстыхъ сапогахъ таскать тяжелыя ведра съ водою. Ахъ! я еще теперъ вижу ихъ! Не разъ которая нибудь изъ нихъ останавливалась у моей двери, прося немножко хаки-шифа (праха здравія *) или нефеса (святаго дыханія) для дѣйствительной или мнимой немочи своей. У меня не хватало духа отказать этимъ несчастнымъ. Многія изъ нихъ поразительно похожи на нѣмокъ. Онѣ тѣснились у моихъ дверей: я шевелилъ губами, какъ будто произнося молитву, прикасался къ болящимъ членамъ ихъ и по три раза дулъ на нихъ. Многія изъ нихъ увѣрили, что чувствовали послѣ этого немедленное облегченіе!

Что для тунеедцевъ въ Европѣ — кофейные дома, то здѣсь, въ Хивѣ—дворы мечетей. По большей части посреди ихъ есть резервуаръ съ водою, отънесенный прекраснѣйшими пальмами и вязами. Въ началѣ іюня жаръ былъ уже невыносимъ, но не смотря на то я сидѣлъ почти безвыходно въ кельѣ, хотя она была безъ оконъ: какъ только я выходилъ изъ нея и отправлялся подъ манящую тѣнь, меня окружала толпа и невыразимо мучила глупѣйшими вопросами. Одинъ проситъ религиозныхъ наставленій, другой спрашиваетъ, есть ли на свѣтѣ что нибудь красивѣе Хивы; третій проситъ сообщить разъ навсегда, правда ли, что великому султану всякій день привозятъ обѣдъ и ужинъ изъ Мекки и что ихъ доставляютъ изъ Каабы въ его дворецъ въ одну минуту... Ахъ! еслибы добрые Узбеки знали, сколько Chateau Lafitte'a и Margotъ потребляется за императорскимъ столомъ въ государствѣ Абдуль-Меджида!

Между знакомыми, приобретенными мною здѣсь, подъ тѣнью язовъ, особенно интересенъ Хаджи-Измаилъ, котораго мнѣ рекомендовали, какъ настоящаго Стамбульца; и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ такъ

*) Прахъ или пыль, приносимая пилигримами изъ одного дома въ Мединѣ, гдѣ, говорятъ, жилъ когда-то пророкъ. Эта пыль употребляется правовѣрными, какъ лекарство въ различныхъ болѣзняхъ.

похожь на Стамбульца говорить, манерами и одеждой, что я долженъ былъ принять и нѣжно разцѣловать его, какъ *соотечественника!* Хаджи-Измаилъ провелъ двадцать пять лѣтъ въ Турецкой столицѣ, былъ хорошо принятъ во многихъ хорошихъ домахъ и увѣрялъ меня, что встрѣчался со мною въ такихъ и такихъ-то домахъ, въ такое и такое-то время. Онъ даже увѣрялъ, что знавалъ и помнить моего отца, бывшаго муллою въ Топханѣ *). Въмѣсто того, чтобы обличать его въ безстыдной лжи, я сталъ напротивъ увѣрять его, что онъ оставилъ по себѣ хорошую память въ Стамбулѣ и что всѣ тамъ ждутъ его возвращенія съ нетерпѣніемъ. Хаджи-Измаилъ рассказывалъ, что онъ исполнялъ, на берегахъ Босфора, обязанности попечителя, содержателя бань, каллиграфа, химика и даже колдуна. На родинѣ объ немъ имѣли очень высокое мнѣніе, особенно вслѣдствіе химическо-волшебныхъ его способностей; у него въ домѣ было нѣсколько маленькихъ аппаратовъ для дистилляціи и такъ-какъ онъ умѣлъ добывать масла изъ фруктовъ и другихъ различныхъ предметовъ, то само собою разумѣется, что соотечественники обращались къ нему за различными эликсирами. Мааджунъ (декоктъ), употребляемые при „безиліи“, любимѣйшія лекарства въ Турціи и Персіи, и здѣсь пользуются высокимъ уваженіемъ. Хаджи-Измаилъ долго снабжалъ произведеніями своего искусства хана, но его величество отказался наконецъ отъ этой діеты, по той простой причинѣ, что онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выносить такой способъ леченія. Онъ ослабъ, заболѣлъ подагрой, разсердился на придворнаго доктора, прогналъ его и вмѣсто него назначилъ матрону, пользовавшуюся громкой славой между своими паціентами.

Доброй женщиной пришла благая идея прописать больному хану пятьсотъ дозъ того лекарства, которое произвело такое благотворное вліяніе на знаменитаго поэта-монарха древней исторіи. Выполненіе этаго рецепта было бы довольно затруднительно въ Европѣ, но оказалось очень легкимъ въ Хивинской конституціи и бѣдный паціентъ, принявъ отъ пятидесяти до шестидесяти пилюль, началъ замѣчать, что онъ производитъ совершенно противоположное дѣйствіе. Дурной совѣтъ стоилъ совѣтнику головы. Это случилось не задолго до нашего пріѣзда. Последнимъ медицинскимъ предписаніемъ было вышеупомянутое буйвоволовое молоко. Во время моего пребыванія въ Хивѣ, хану хотѣлось возстановить Хаджи-Измаила въ его обязанностяхъ заклинателя, доктора и аптекаря, но Хаджи-Измаилъ отказался, за что онъ непременно поплатился бы жизнью, еслибы у суевѣрнаго монарха достало храбрости посягнуть на своего чудотворящаго подданнаго.

Между тѣмъ, въ Хивѣ мое званіе хаджи доставляло мнѣ и моимъ товарищамъ не мало прибыли. Я одинъ собралъ до пятнадцати дукатовъ. Хивинскіе Узбеки, хотя грубы по виду, въ сущности самые лучшіе люди Средней Азіи и я считалъ бы пребываніе свое посреди ихъ самымъ пріятнымъ временемъ въ своемъ путешествіи, еслибы соперничество между мехтеромъ и Шюкрулла не угрожало мнѣ нѣкоторой опасностью. Мехтеръ былъ всегда непрочъ подгадать мнѣ, изъ нена-

*) Одинъ изъ кварталовъ Константинополя.

вйти къ моему покровителю, и такъ-какъ не было возможности дальше сомнѣваться въ томъ, что я Турокъ, то онъ началъ увѣрять хана, что я мнимый дервишъ, посланный вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ отъ султана въ Бухару.

Я слѣдилъ за успѣхами этой шутки и потому нисколько не удивлялся, когда вскорѣ послѣ первой моей аудіенціи я получалъ и второе приглашеніе. Погода была невыносимо жаркая. Мнѣ очень не-пріятно было прервать свое обычное отдохновеніе, но еще не-пріятнѣе было проходить черезъ скверъ дворца, гдѣ содержатся плѣнные, взя-тые въ сраженіяхъ съ Чодорами, и гдѣ всѣхъ ихъ казнятъ. Ханъ, окруженный множествомъ приближенныхъ, сказалъ мнѣ, что до его слуха дошло, что я очень свѣдуущъ въ свѣтскихъ наукахъ, что у меня превосходный, цвѣтистый ииша (стиль), и прибавилъ, что ему хочется, чтобы я написалъ нѣсколько строкъ по Стамбульской модѣ. Зналъ, что желаніе это было ему внушено мехтеромъ, который славился краси-вымъ почеркомъ и слышалъ о моей образованности отъ хаджи, — я взялъ предложенные мнѣ матеріалы и написалъ слѣдующее:

(Буквальный переводъ:)

„Величайшій, Могуществѣннѣйшій, Грознѣйшій Государь и Пове-литель!

„Осыпанный твоими великими милостями, бѣднѣйшій и смирен-нѣйшій изъ твоихъ слугъ, помня непрестанно, что (Арабская посло-вица:) всѣ каллиграфы—дураки,—до сихъ поръ очень мало занимался изученіемъ каллиграфіи, и только потому, что онъ знаетъ, что (Пер-сидская пословица:) всякій недостатокъ, какъ только понравится госу-дарю, становится добродѣтелью,—онъ рѣшается поднести тебѣ почти-тельнѣйше эти строки.“

Необыкновенная высокопарность титуловъ, употребляемыхъ впро-чемъ въ Константинополѣ, привела хана въ восторгъ. Мехтеръ былъ слишкомъ глупъ, чтобы понять мой сарказмъ. Мнѣ было приказано сѣсть и послѣ угощенія чаемъ и хлѣбомъ, ханъ пригласилъ меня по-бесѣдовать съ нимъ. Предметъ разговора сегодня былъ исключительно политическій. Чтобы оставаться вѣрнымъ характеру дервиша, я застав-лялъ его добиваться каждаго слова отъ меня. Мехтеръ прислушивался къ каждому слову, желая увидѣть подтвержденіе его подозрѣній. Но все его старанія были тщетны. Ханъ, милостиво распростившійся со мною, приказалъ мнѣ взять денегъ на мое дневное содержаніе отъ казначея.

Когда я сказалъ, что не знаю, гдѣ онъ живетъ, мнѣ дали есаула въ провожатые, у котораго кромѣ этаго было еще нѣсколько поруче-ній; и до сихъ поръ волосы становятся дыбомъ при воспоминаніи о сценахъ, при которыхъ я присутствовалъ благодаря ему. На послѣд-немъ дворѣ я очутился посреди трехсотъ военноплѣнныхъ Чодоровъ, покрытыхъ рубищемъ; ихъ такъ мучилъ страхъ приближающейся уча-сти и голодъ, который они терпѣли уже нѣсколько дней, что они были похожи на мертвецовъ. Они были раздѣлены на двѣ части, а именно на недостигшихъ еще сороковаго года и годныхъ для продажи въ рабы или для подарковъ, и на сѣдовласыхъ (аксакалъ) или вождей, кото-рыхъ ожидала казнь. Первые, скованные вмѣстѣ желѣзными ошейни-ками по десяти и пятнадцати вмѣстѣ, были уведены прочь; остальные

ожогю ожидали казни. Они были похожи на агнцевъ въ рукахъ жертвоприносителей. Многие отвели уже на плаху или висѣлицу; я видѣлъ, какъ восемь стариковъ, по знаку палача, легли на спину на землю. Тогда ихъ связали по рукамъ и по ногамъ, и палачъ поочередно вырываетъ имъ глаза, становясь для этого колѣнами на грудь несчастныхъ; послѣ каждой операціи онъ вытираетъ ножъ, облитый кровью, о бѣлую бороду несчастнаго слѣпца.

Ахъ! ужасное воспоминаніе! По окончаніи каждаго страшнаго акта, жертву освобождали и она начинала разводить руками, ощупывать ногами землю. Многие тотчасъ же падали другъ на друга, сталкивались и снова падали на землю, испуская тихіе стоны, воспоминаніе о которыхъ заставитъ меня содрогаться до конца моей жизни.

Какъ ни ужасны покажутся эти подробности читателю, необходимо сказать, что эти жестокости были только возмездіемъ за неменѣе варварское обращеніе Чодоровъ въ прошлую зиму съ однимъ Узбекскимъ караваномъ. Караванъ былъ богатый, изъ двухъ тысячъ верблюдовъ, и по дорогѣ отъ Оренбурга въ Хиву на него напали Чодоры и совершенно уничтожили. Жадные Туркмены отняли всѣ русскіе товары, сняли съ путешественниковъ (по большей части Хивинскихъ Узбековъ) всю одежду, всѣ съестныя припасы, такъ-что они всѣ замерли въ степи отъ голода и холода: только восьми человѣкамъ изъ шестидесяти удалось спасти свою жизнь.

Такое обращеніе съ плѣнными, при которомъ я присутствовалъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно; но на него не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на что исключительное. Въ Хивѣ, какъ и во всей Средней Азии, преднамѣренная жестокость неизвѣстна; всю процедуру считаютъ совершенно естественной и обычаи, законы и религія освящаютъ ее. Нынешній Хивинскій ханъ хотѣлъ-было выказать себя покровителемъ религіи и вздумалъ наказывать всѣ отступленія отъ ея постановленій съ величайшей строгостью. Одного взгляда на женщину подъ платнымъ вуалемъ было достаточно для того, чтобы подвергнуться наказанію сообразно съ церковными предписаніями. Мужчинъ вѣшали, а женщинъ зарывали по грудь около висѣлицъ и побивали камнями. Такъ-какъ въ Хивѣ нѣтъ камней, то употребляютъ кезекъ (твердые земляные шары). За третьимъ залпомъ, несчастная жертва совершенно покрыта землею, страшно обезображена, окровавлена, и только смерть можетъ положить конецъ этимъ мученіямъ.

Ханъ назначалъ смертную казнь не только за предубодѣніе, но и за преступленія противъ религіи, такъ-что въ первые годы его царствованія, улеме были даже принуждены охлаждать его религіозное рвеніе; не проходило дня безъ того, чтобы ктонибудь не выходилъ изъ аудіенціи отъ хана, не услышавъ роковыхъ словъ: *Алибъ барнишъ* (прочь его!)

Я забылъ упомянуть, что есаулъ отвелъ меня къ казначею, чтобы получить сумму, опредѣленную мнѣ на дневное пропитаніе. Требованіе мое было немедленно удовлетворено, но казначея мы застали за такимъ страннымъ занятіемъ, что я не могу не упомянуть объ немъ. Онъ сортировалъ хилаты (почетныя одежды), которые нужно было отправить въ лагерь, для награды отличившимся въ сраженіи. Хилаты эти состояли изъ четырехъ сортовъ шелковыхъ одеждъ ярихъ красокъ и

съ большими золотыми цвѣтами, затканными по фону. Я слышалъ, что ихъ называли четырехголовыми, двѣнадцатоголовыми, двадцатоголовыми и сорокаголовыми платьями. Сколько я видѣлъ, на нихъ не было вовсе головъ, ни рисованныхъ, ни затканныхъ, и я спросилъ о причинѣ этаго названія. Мнѣ отвѣчали, что самое простое платье было наградою за четыре головы неприятелей, а самое красивое за сорокъ головъ. Кто-то сообщилъ мнѣ, что если этаго обычая не существуетъ въ Румѣ, то я могу отправиться на слѣдующее утро въ главный свьеръ, гдѣ могу видѣть это распределение. На слѣдующее утро я дѣйствительно увидѣлъ около сотни всадниковъ, возвращавшихся изъ лагеря и покрытыхъ пылью. Каждый изъ нихъ везъ съ собою плѣнника, часто дѣтей и женщинъ, привязанныхъ къ лошадиному хвосту или къ сѣдлу. Къ сѣдлу же были привязаны огромные мѣшки съ неприятельскими головами—свидѣтельствомъ ихъ геройскихъ подвиговъ. Плѣнниковъ они дарили хану или какимъ нибудь сановникамъ, потомъ развязывали мѣшки, брали ихъ за два нижние конца, какъ будто шло дѣло о томъ, чтобы вытрясти картофель, и вынатывали бородатыя или безбородыя головы передъ счетчикомъ, который пересчитавъ, отбрасывалъ ихъ ногой въ сторону, гдѣ скоро образовалась огромная куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый изъ героевъ получалъ отъ него по роспискѣ въ количествѣ доставленныхъ головъ и черезъ нѣсколько дней наступилъ день расплаты.

Не смотря на эти варварскіе обычая, на эти раздрающія сцены, дни, проведенные мною въ Хивѣ и ея провинціяхъ, были самыми отрадными днями моего путешествія. Хивинцы были очень добры къ хаджи, а ко мнѣ они были еще гораздо добрѣе и внимательнѣе. Стоило мнѣ появиться на улицѣ, какъ прохожіе, безъ всякаго повода съ моей стороны, задаривали всякой всячиной. Я только никогда не соглашался брать большихъ суммъ. Всѣ приношенія я раздѣлялъ между моими товарищами, менѣе меня счастливыми, отдавая имъ все лучшее и красивѣйшее и оставляя себѣ, какъ истому дервишу, все, что ни было побѣднѣе и попроще. Не смотря на то, въ моемъ положеніи произошла большая перемѣна, и признаюсь откровенно, я не безъ радости сознавалъ, что у меня теперь есть хорошій осель, деньги, одежда и провизія и что я снабженъ всѣмъ необходимымъ для путешествія.

Что было со мною во время моихъ поѣздокъ по окрестностямъ,—разсказъ объ этомъ увеличилъ бы мою книгу еще на двѣ главы.

Въ четыре съ половиною дня, я достигъ до Кунграта, отправившись внизъ по Аму-Дарѣ *), а возвращеніе сухимъ путемъ заняло вдвое больше времени. Оба берега, за исключеніемъ той части лѣваго берега, гдѣ, противъ Канли, возвышается гора Овейсъ-Карайнъ, — плоски и по большей части хорошо обработаны и населены. Между Канли и Кунгратомъ есть степь, на три дня ѣзды; противоположный берегъ, напротивъ того, особенно тамъ, гдѣ живутъ Каракалпаки, покрытъ дѣвственными лѣсами. По возвращеніи въ Хиву, я нашелъ друзей, утомленныхъ ожиданіемъ. Они уговаривали меня выѣхать изъ

*) Поѣзда вверхъ по Аму Дарѣ изъ Кунграта въ Хиву требуетъ до 18 дней.

Хивы на другой же день, такъ-какъ жаръ, все болѣе и болѣе увеличивавшійся, внушалъ справедливыя опасенія за наше путешествіе въ Бухару. Я отправился прощаться къ Шюкрулла-Бею, который былъ такъ любезенъ со мною во все время моего пребыванія въ Хивѣ. Я былъ глубоко тронутъ, видя, какъ добрый старикъ старался отговорить меня отъ моего намѣренія, рисуя мнѣ Бухару Шерифъ (благородную Бухару) самыми черными красками. Онъ описалъ мнѣ полицію эмира подозрительной и коварной, — полиціей, враждебной не только къ Англичанамъ, но и ко всѣмъ другимъ иностранцамъ, — и потомъ сказалъ мнѣ подъ большимъ секретомъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ Османли, посланный Решидь-Пашею въ Бухару въ качествѣ военнаго учителя, былъ измѣнически убитъ по приказанію эмира, когда спустя два года ему вздумалось вернуться въ Стамбуль.

Эти горячія увѣренія Шюкрулла-Бея, прежде вполне довѣрившаго моему званію дервиша, удивили меня чрезвычайно. Видѣвъ меня часто, онъ вѣроятно если не вполне убѣдился въ моемъ подлогѣ, то по крайней мѣрѣ сильно заподозрѣлъ мое incognito и возымѣлъ теперь совершенно противоположныя идеи и подозрѣнія. Добрый старикъ въ дни молодости былъ посланъ въ 1839 г. въ Герать къ майору Тодду и былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ. Въ Константинополѣ онъ часто бывалъ въ обществѣ Френги, что доставляло ему большое удовольствіе. Быть можетъ, получивъ нѣкоторое понятіе о нашемъ настоящемъ образѣ мыслей, о нашихъ научныхъ занятіяхъ и трудахъ, — онъ не безъ тайнаго сочувствія взялъ меня теперь подъ свое покровительство. Когда я съ нимъ прощался, я замѣтилъ слезы на его глазахъ, — слезы, Богъ вѣсть какимъ чувствомъ вызванныя?

Хану я далъ тоже послѣднее благословеніе. Онъ убѣждалъ меня возвратиться въ Хиву, потому что желалъ отправить со мною письмо въ Константинополь съ просьбой къ новому султану объ утвержденіи обычной инвеституры его ханства. Я отвѣчалъ „Кизметъ“, то-есть грѣхъ думать о будущемъ. Что оно принесетъ — увидимъ въ свое время. Простясь со всѣми друзьями и знакомыми, я уѣхалъ изъ Хивы, проведя тамъ около мѣсяца.

ГЛАВА IX.

Отъ Хивы до Бухары.

Отъездъ изъ Хивы. — Переправа чрезъ Аму-Дарью. — Жары. — Шураханъ. — Базаръ. — Страшный разговоръ съ Киргизскою женщиною о кочевой жизни. — Тююкюю. — Аламанъ Теке. — Караванъ въ испугѣ возвращается въ Тююкюю, принужденъ бѣжать въ степь, «разрушитель жизни». — Жажда. — Смерть верблюдовъ. — Смерть одного ладж. — Бурный вѣтеръ. — Опасное состояніе автора. — Гостеприимный примъ персидскихъ рабовъ. — Первое впечатлѣніе благородной Бухары.

Et nous marchions à l'heure de midi traversant les souffles brûlants et empestés, qui mettent en fusion les fibres du cerveau...
Je m'enfonce dans une plaine poussiéreuse, dont le sable agité ressemble à un vêtement rayé. — Victor Hugo. Омаган век айедъ.

Наконецъ, приготовивъ все для нашего путешествія, мы мало-помалу собрались на тѣнистомъ дворѣ Тѣшебаза. Я въ этотъ день въ первый разъ оцѣнилъ вполнѣ вліяніе, которое имѣла набожная благотворительность Хивинцевъ на нашъ нищенствующій караванъ. Только на самыхъ скупыхъ изъ насъ видны были слѣды прежнихъ лохмотьевъ: вмѣсто истасканныхъ войлочныхъ шляпъ, употребляемыхъ Юмутами, друзья мои облачились въ снѣжно-бѣлые тюрбаны; всѣ мѣшки были набиты биткомъ; и что было всего пріятнѣе видѣть, — у самыхъ бѣдныхъ пилигримовъ было по маленькому ослу. Мое положеніе измѣнилось значительно, потому что у меня былъ въ распоряженіи оселъ и право на половину верблюда; на первомъ я могъ ѣхать, а на втораго положить дорожный мѣшокъ съ одеждой и провизіей. Я взялъ съ собою не черной муки, какъ бывало въ степи, но бѣлые погача (маленькіе хлѣба, печеные на барапьемъ салѣ), рисъ, масло и даже сахаръ; я впрочемъ разсудилъ остаться въ томъ же платьѣ. У меня, правда, была рубашка, но я ее не надѣлъ; она пріучила бы меня къ изнѣженности, а теперь было еще слишкомъ рано позвотять себѣ подобныя роскоши. Отъ Хивы до Бухары намъ предстоялъ выборъ между тремя дорогами: а) черезъ Гезареспъ и Фитнекъ, чрезъ Аму-Дарью при Кюкуртли; б) черезъ Ханка и Шураханъ по правому берегу, съ двумя днями степи отъ Аму-Дарьи до Каракѣля; и в) водой до Эльчига, а оттуда степью до Каракѣля.

Такъ-какъ мы рѣшили ѣхать сухимъ путемъ, то таджикъ нашего керванбаши изъ Бухары, по имени Аймедъ, предоставилъ намъ выборъ между первыми двумя дорогами. Мы вмѣстѣ съ однимъ торговцемъ платьемъ изъ Хивы наняли верблюда у Аймеда и этотъ же Аймедъ

рекомендовалъ намъ путь чрезъ Ханку, какъ самую покойную и безопасную въ это время года.

Поздно вечеромъ въ понедѣльникъ мы покончили обязанности раздавателей благословеній, вырвались изъ объятій, которыя казалось должны были продолжаться безконечно, и выѣхали изъ Хивы черезъ Ургентскія ворота. Многие жители, обуреваемые трансцендентальнымъ рвеніемъ, бѣжали за нами около полмили; благочестивыя чувства вызвали слезы изъ ихъ глазъ и мы слышали ихъ отчаянныя восклицанія: „Кто знаетъ, когда Хивѣ придется опять имѣть счастье пріютить въ своихъ стѣнахъ столько благочестивыхъ мужей!“ Товарищей моихъ, усѣвшихся высоко на верблюдахъ, трудно было потревожить, но меня, сидѣвшаго на низенькомъ ослѣ, постоянно осаждали изъясненіями дружки, такъ-что осель мой вышелъ изъ терпѣнія и къ величайшему моему удовольствію пустился въ галопъ и только тогда, когда я потерялъ ихъ изъ виду, я счелъ возможнымъ успокоиться. Мнѣ пришлось правда довольно долго тянуть за узду, пока не удалось заставить моего долгоухаго гиппогрифа перемѣнить стремительный бѣгъ въ болѣе умѣренную, хотя все-таки быструю рысь. Когда я принялся укрощать его, онъ началъ артачиться и въ первый разъ испустилъ пронзительный крикъ, о звонкости, гибкости и полнотѣ котораго я не прочь былъ бы судить на болѣе значительномъ разстояніи. Мы провели первую ночь въ Годже, въ двухъ миляхъ отъ Хивы; не смотря на его незначительность, въ немъ есть калентерханъ (постой для дервишей); подобные же калентерханы мы встрѣчали въ Хивѣ и въ Коканѣ, даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ. Отсюда до Ханки мы ѣхали по странѣ, всюду обработанной; вдоль всей дороги мы видѣли великолѣпныя туковыя деревья, и такъ-какъ мой осель продолжалъ храбриться и ѣхалъ впереди каравана, то я имѣлъ время, проѣзжая мимо, угостить себя ягодами толщиною въ мой большой палець.

Такимъ образомъ я первый доѣхалъ до Ханки; тамъ былъ ежедневный базаръ. Я сошелъ съ сѣдла у калентерхана, на самомъ краю города и на берегу рѣчки. по обыкновенію густо отѣненной тополями и вязами. Я встрѣтилъ тутъ двухъ полуногихъ дервишей, готовившихся проглотить полуденную дозу опиума; они предложили мнѣ тоже небольшую частицу этаго снадобья и были очень удивлены моимъ отказомъ; тогда они приготовили для меня чай, и пока я его пилъ, они приняли свой ядовитый опіатъ. Черезъ полчаса они были въ царствѣ блаженства: на лицѣ одного изъ нихъ видны были слѣды глубокаго наслажденія, судорожное движеніе другаго напоминало предсмертную агонію. Мнѣ хотѣлось остаться, услышать отъ нихъ самихъ, по пробужденіи рассказъ о ихъ снѣ, но караванъ нашъ въ это самое время шелъ мимо и я долженъ былъ присоединиться къ нему: отсюда до берега Аму-Дарьи часть ѣзды и время было дорого, такъ-какъ мы непременно хотѣли пріѣхать туда въ тотъ же день. Къ несчастію для насъ, эта часть дороги весьма дурна и мы до самаго вечера тащились по вязкой, болотистой почвѣ, такъ что намъ пришлось провести ночь на берегу рѣчки, на открытомъ воздухѣ.

Ширина Аму-Дарьи здѣсь такъ значительна, что оба берега можно было очень трудно различить въ одно и то же время; отчасти это происходило вслѣдствіе времени года: весенній разливъ былъ во всей

силѣ и покрывалъ значительную часть береговъ; желтыя, быстро катившіяся волны представляли картину, живо меня интересовавшую. Влижайшій берегъ покрытъ деревьями и фермами; на другой сторонѣ рѣки, далеко во внутрь страны, также видѣются признаки земледѣлія, а на сѣверѣ виситъ перпендикулярно гора Овейсь-Карайнъ. Воды Аму-Дарьи въ собственномъ ея руслѣ не такъ хороши, какъ въ каналахъ и притокахъ, гдѣ песокъ имѣетъ время осѣсться. Въ этомъ мѣстѣ вода хруститъ на зубахъ, какъ будто вы взяли въ ротъ кусокъ песочнаго теста; ей нужно дать время отстояться. Что же касается до ея качества, то-есть сладости и пріятности вкуса, то жители Туркестана увѣрены, и не совсѣмъ безъ основанія, что на свѣтѣ нѣтъ рѣки, подобной этой, не исключая даже Нила—Мюбарекка (благословеннаго). Я сперва думалъ, что эта пріятность вкуса происходитъ собственно отъ воображенія, отъ преувеличенія, весьма естественнаго при достиженія ея береговъ послѣ перехода черезъ безводную степь; но потомъ убѣдился въ противномъ и сознаю, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ водъ, самая вкусная—вода Аму-Дарьи.

На слѣдующее утро рано мы нашли бродъ. Здѣсь въ Герленъ-Гезареспѣ и другихъ мѣстахъ броды составляютъ частную собственность правительства и отдаются въ аренду частнымъ лицамъ. Арендаторы имѣютъ право перевозить на противоположный берегъ только такихъ людей, у которыхъ окажется ханскій петекъ (паспортъ)*), который можно получить за ничтожную плату. У хаджи былъ одинъ общій паспортъ, но я досталъ себѣ отдѣльный и вотъ его содержаніе:

(Буквальный переводъ):

„Объявляется смотрителямъ границъ и сборщикамъ податей, что разрѣшеніе дано Хаджи-Мулла-Абдуръ-Решидъ-Эфенди и что никто не долженъ его беспокоить.“

И дѣйствительно полиція не беспокоила насъ нисколько; документъ пригодился еще и въ томъ отношеніи, что насъ, какъ хаджи, перевозили даромъ черезъ Аму-Дарью въ лодкѣ, принадлежащей хану. Мы начали переправу въ десять часовъ утра и только на закатѣ солнца добрались до плоскаго берега, образующаго съ права Шураханскій каналъ. Черезъ большую рѣку мы шли полчаса, насъ отнесло теченіемъ далеко въ сторону и мы въ цѣлый день насилу выбрались на желаемый пунктъ. Между тѣмъ день былъ такой знойный, какихъ я помню не много. На большой рѣкѣ было еще довольно спосно, но въ притокахъ на каждахъ десяти шагахъ мы завязали въ песокъ, и люди и ослы должны были стаскивать лодку съ мели. Тутъ не мѣшаетъ забывать, что справляться съ ослиами, переводя ихъ на лодку и обратно, было чрезвычайной затруднительно, вслѣдствіе ихъ упрямства; ихъ можно было бы сравнить съ капризными ребятами, и я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить, какъ мой долговязый другъ Хаджи Якубъ бралъ своего осла на плечи, держа крѣпко за переднія ноги, висѣвшія по обѣимъ сторонамъ его головы, а бѣдное маленькое животное въ невыразимомъ страхѣ толкало его въ затылокъ. Мы при-

*) Буквально — письмо.

нуждены были прождать верблюдовъ цѣлый день на берегу въ Шураханъ и наконецъ, когда они прибыли, мы усѣлись и отправились черезъ Ябкенари — берегъ, прорѣзанный каналами. Ябкенари образуетъ оазисъ, 8 миль длиною, 5 или 6 шириною; онъ довольно порядочно обработанъ. Вслѣдъ за нимъ начинается степь, окраины которой, Ак-камишъ, состоятъ изъ отличныхъ пастбищъ и населены Киргизами. Въ Ак-камишѣ караванъ началъ потихоньку уклоняться отъ своего пути. Керванбаши со мною и двумя другими, готовыми не отставать отъ насъ, свернули съ дороги къ Шурахану, чтобы пополнить наши мѣшки съ провизіей на тамошнемъ базарѣ, или говоря по правдѣ, чтобы доставить себѣ развлеченіе. Шураханъ окруженъ небольшимъ земляномъ валомъ. Въ немъ очень немного домовъ для жилья, но зато 300 лавокъ. Онѣ бывають открыты два раза въ недѣлю и усердно посѣщаются всѣми сосѣдними кочевниками и осѣдыми жителями. Шураханъ — собственность Эмиръ-Уль-Умера или старшаго брата хана. Предоставивъ товарищамъ моимъ заботу о провизіи, я отправился въ балентерханъ, находившійся у городскихъ воротъ. Тамъ я нашелъ нѣсколько дервишей, похожихъ на скелетовъ по милости бенга — опіума, приготовляемаго изъ льна: они лежали страшно обезображенные на голомъ полу своихъ темныхъ келій.

Когда я вошелъ, они привѣтствовали меня очень радушно и предложили мнѣ хлѣба и фруктовъ. Я давалъ имъ денегъ, но они отказались со смѣхомъ и сказали, что многіе изъ нихъ не видали денегъ уже лѣтъ съ двадцать. Ихъ содержитъ окрестное населеніе и я видѣлъ въ самомъ дѣлѣ въ теченіе дня нѣсколькихъ Узбекскихъ всадниковъ, привозившихъ разныя приношенія и получавшихъ взаменъ растеніе, изъ котораго они извлекають свой любимый ядъ. Въ Хивѣ бенгъ — самое любимое наркотическое средство, и многіе поддаются этому искушенію, потому что вино и спиртные напитки запрещены Кораномъ и всякое отступленіе отъ закона считается грѣхомъ и наказывается правительствомъ смертью.

Немного погодя, я отправился на базаръ посмотрѣть на друзей, и мнѣ стоило не мало труда пробраться сквозь волнующуюся толпу. Всѣ были верхами, продавцы и покупатели; и пресмѣшно было видѣть, какъ киргизскія женщины, съ большими кожаными сосудами, наполненными кумысомъ *), сидя на лошадяхъ и держа отверстіе мѣха надъ ртомъ желающихъ, поили ихъ такимъ образомъ. Тутъ необходима ловкость съ обѣихъ сторонъ, и очень рѣдко питье не достигало цѣли.

Я нашелъ своихъ товарищей и мы отправились вмѣстѣ къ каравану, находившемуся теперь въ пяти миляхъ разстоянія. День былъ необыкновенно жаркій, но къ счастью, не смотря на песчаную мѣстность, намъ часто попадались киргизскія палатки, изъ которыхъ при приближеніи нашемъ выглядывали женщины съ мѣхами и поднимали

*) Очень кислый напитокъ, приготовляемый Киргизами изъ молока кобылицъ или верблюдовъ. Кочевники Средней Азіи употребляютъ его, какъ опьяняющій напитокъ. Онъ имѣетъ свойство опьянать. Я нѣсколько разъ его пробовалъ, но никогда не могъ выпить больше нѣсколькихъ капель, потому что ядкая кислота раздражала мнѣ ротъ и набивала осколки.

страшный крикъ, если я отказывался отвѣдать изъ каждаго мѣха. На-
поить жаждущаго путника въ лѣтній зной, считается верхомъ госте-
пріимства и вы окажете услугу Киргизу, доставивъ ему возможность
исполнить этотъ обычай. Караванъ ожидалъ насъ съ величайшимъ не-
терпѣніемъ: всѣ были готовы пуститься въ путь, такъ-какъ съ этихъ
поръ мы рѣшились путешествовать только по ночамъ, что было больш-
шимъ облегченіемъ и для насъ и для животныхъ. Какъ только мы по-
дошли, караванъ тронулся. Какую очаровательную картину предста-
влялъ при ясномъ лунномъ свѣтѣ караванъ, извивавшійся впередъ;
Аму-Дарья, катившаяся съ глухимъ шумомъ съ права, и страшная та-
тарская степь съ лѣва! На слѣдующее утро мы стали лагеремъ на вы-
сокомъ берегу той же рѣки. Мѣстность эта носитъ названіе верблю-
жьаго затылка, вѣроятно отъ кривой линіи, описываемой берегомъ; на
ней Киргизы проводятъ по нѣскольکو мѣсяцевъ въ году. Въ теченіе де-
сяти часовъ, въ сосѣдствѣ нашемъ перебивали три Киргизскія семьи;
оцѣ по очереди подходили къ намъ не болѣе какъ на три часа и по-
томъ опять уходили дальше, и ничто не могло бы мнѣ дать болѣе яс-
наго понятія о кочевой жизни; когда я впоследствии спросилъ у одной
Киргизской женщины о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать
съ мѣста на мѣсто, она отвѣчала со смѣхомъ: „Мы не такъ лѣнивы,
какъ вы, мола! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ!
Человѣкъ долженъ двигаться; потому что посудите сами: солнце, мѣ-
сяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы — все движется, только
земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“ Я было хотѣлъ сдѣлать нѣко-
торыя возраженія на эту философію кочующей дамы, какъ вдругъ по-
слышались не вдалекѣ отъ меня крики: „Бюри! бюри!“ (волъгъ.) Она
бросилась какъ стрѣла къ стаду, пасшемуся не вдалекѣ, и подняла та-
кой крикъ, что волкъ ограничился только жирнымъ хвостомъ одной ов-
цы и пустился вспять. Мнѣ очень хотѣлось спросить у нея, когда она воз-
вратилась, въ какомъ отношеніи полезно передвиженіе волка, но она была
слишкомъ взволнована понесенной потерей и я возвратился къ каравану.

До заката солнца мы опять пустились въ путь и шли безъ
остановокъ вдоль берега. Низкій берегъ почти сплошь поросъ ивами,
гигантской травой и тростниками. Хотя мнѣ говорили, что дорога ме-
жду Хивой и Бухарой очень людная, но мы не встрѣтили ни одного
путешественника, кромѣ пограничныхъ сторожей и номадовъ, бродив-
шихъ по окрестности, и потому мы были очень удивлены, когда около
полуночи увидѣли пять всадниковъ, приближавшихся во весь опоръ.
Это были Хивинскіе купцы, ѣхавшіе изъ Бухары черезъ Каракель.
Они сообщили намъ пріятное извѣстіе, что дороги безопасны, и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ сказали намъ, что мы черезъ день встрѣтимъ ихъ кара-
ванъ, оставленный ими назади. Уѣзжая изъ Хивы, мы слышали, что
Текке-Туркмены, пользуясь отсутствіемъ изъ Бухары эмира и его ар-
міи, разѣзжаютъ въ окрестностяхъ столицы, и нашъ керванбаши
былъ не совсѣмъ спокоенъ въ этомъ отношеніи; но то что мы услы-
шали теперь, совершенно его успокоило. Мы надѣялись достигъ конца
своего путешествія въ восемь дней, изъ которыхъ только два угрожали
быть безъ воды, то-есть два дня по степи, между Аму-Дарьей и Кара-
кель. На слѣдующее утро мы расположились лагеремъ въ Тююкюлю,
развалинахъ старинной крѣпости на небольшомъ возвышеніи, у подножія

котораго протекаетъ Аму-Дарья и которое сплошь покрыто прекраснѣйшею зеленью. Съ этой точки есть путь на сѣверо-востокъ черезъ печаную степь Халата-Чели, иначе называемую Джанъ-Батирдиганъ (разрушитель жизни), но по этому пути ѣздить только зимой во время обильныхъ снѣговъ или когда Каракельская дорога запружена Туркменами, которые въ это время года по замерзшей Аму-Дарьѣ развѣзжаютъ безпрепятственно во всехъ направленіяхъ.

Между тѣмъ жаръ становился все сильнѣе и сильнѣе, но онъ не особенно насъ тревожилъ, потому что мы всякій день отдыхали на берегу огромной рѣвки, полной прѣсной воды, и съ какой радостью и благодарностью вспоминали мы тогда Кариманъ-Ата и другія мѣстности въ большой степи между Хивой и Гемюштепе. Къ несчастію наши пріятныя воспоминанія были скоро нарушены и мы по милости нѣсколькихъ Туркменскихъ искателей приключеній были поставлены въ такую опасность, которая привела бы насъ къ ужасному исходу, еслибы намъ не помогъ случай или судьба.

Въ сумеркахъ мы встрѣтили двухъ полуголыхъ людей, еще издали что-то кричавшихъ намъ. Подойдя ближе, они бросились на землю, крича: „кусокъ хлѣба! кусокъ хлѣба!“ Я одинъ изъ первыхъ подалъ имъ кусокъ хлѣба и бараньяго сала; поѣвъ немного, они начали намъ рассказывать, что они были посланы гонцами изъ Гѣзареспа, что ихъ ограбилъ аламанъ Текке, отнялъ у нихъ лодку, платье и хлѣбъ и погубилъ только жизнь; что разбойниковъ былъ сто пятьдесятъ человекъ и что они дѣлаютъ поборы со стадъ окрестныхъ Киргизовъ. „Ради Бога, сказалъ одинъ изъ нихъ, бѣгите или спрячьтесь, или черезъ нѣсколько часовъ вы ихъ встрѣтите и не смотря на то, что вы благочестивые пилигримы, они отнимутъ у васъ животныхъ и съѣстные припасы, потому что Текке на все способенъ“. Нашъ керванбаши, который былъ уже два раза ограбленъ, съ большимъ вниманіемъ выслушалъ рассказъ и какъ только услышалъ слова: Текке и аламанъ, немедленно отдалъ приказаніе повернуть и принялся отступать со всею поспѣшностью, на какую были способны бѣдныя, тяжело нагруженные верблюды. Вѣзять съ этими животными отъ Турменъ на лошадяхъ было бы верхомъ безумія. Но по нашему расчету сто пятьдесятъ всадниковъ не могли бы переправиться черезъ рѣку раньше утра, а мы между тѣмъ успѣемъ доѣхать до Тююкюлю, и наполнивъ наши мѣхи водою, пуститься въ степь, гдѣ насъ гораздо труднѣе было бы найти. Наши бѣдныя животныя пришли въ Тююкюлю въ совершенномъ изнеможеніи. Тутъ необходимо было дать имъ немного отдохнуть и поѣсть, иначе нельзя было достигъ даже первой станціи въ пескахъ. Мы поневолѣ остались на мѣстѣ около трехъ часовъ, хотя для приготовленій къ страшному путешествію вовсе не требовалось столько времени. Торговецъ платьями изъ Хивы, котораго уже однажды ограбили Туркмены, успѣлъ между тѣмъ убѣдить нѣкоторыхъ хаджи — именно тѣхъ, у которыхъ были плотно набитые мѣшки, но мало храбрости, — лучше спрятаться вмѣстѣ съ нимъ въ прибрежныхъ кустарникахъ, чѣмъ пускаться въ степь во время саратана (собакихъ дней), когда имъ будетъ угрожать не только смерть отъ жажды, но и теббадъ, знойный вѣтеръ съ востока. Онъ описывалъ опасность такими живыми красками, что многіе отдѣлились отъ нашей партіи; и когда именно въ эту минуту подъѣхала пустая лодка къ берегу и лодочникъ предложилъ перевезти насъ въ Гѣзареспъ,

началось всеобщее колебаніе и скоро осталось только четырнадцать человекъ, вѣрныхъ плану керванбаши. Это былъ самый критическій моментъ во время всего моего путешествія! Возвращеніе въ Хиву разрушило бы все мои планы (моей жизни, думалъ я, вездѣ одинаково угрожаетъ опасность; впередъ же въ такомъ случаѣ, — лучше погибнуть отъ ярости стихій, чѣмъ подъ игомъ тирановъ!) Я остался съ керванбаши вмѣстѣ съ Хаджи-Сали и Хаджи-Билалемъ. Грустно было наше прощаніе съ товарищами; когда они были уже въ лодкѣ, друзья наши единодушно предложили фаль на берегу *).

Камешки, обозначающіе количество стиховъ, которые нужно прочесть, были разбросаны вокругъ насъ, и какъ только Хаджи-Сали, окошъ знатока, удостовѣрился въ благопріятномъ исходѣ, почти все хаджи, выйдя изъ лодки, возвратились къ намъ, и чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ колебаній, отданъ былъ приказъ двинуться съ мѣста. Солнце еще не сѣло, когда мы выѣхали на дорогу Халата, оставивъ въ сторонѣ развалины Тююкюлю.

Не трудно представить себѣ, въ какомъ мы были расположеніи духа, я и мои товарищи, еще такъ живо помня ужасы степи! Изъ Гемюштепе въ Хиву мы ѣхали въ маѣ, а теперь былъ іюнь! Тогда у насъ была дождевая вода, — а тутъ не было въ виду ни малѣйшаго источника. Мы поглядывали на Аму-Дарью съ невыразимымъ сожалѣніемъ. Она все болѣе и болѣе отдалялась отъ насъ и въ лучахъ западающаго солнца казалась вдвое прекраснѣе. Даже верблюды, досыта напившіеся до нашего отъѣзда, смотрѣли долго-долго такими тоскливыми глазами въ одномъ и томъ же направленіи!

Нѣсколько звѣздъ показалось на небѣ, когда мы добрались до песчаной степи. Мы хранили мертвое молчаніе во время перехода и благодаря этому избѣгли вниманія Туркменъ, вѣроятно бродившихъ тутъ въ окрестностяхъ. Можетъ быть они не видѣли насъ, потому что ночь была очень темная и луна взошла очень поздно. Никакой звукъ не выдавалъ имъ насъ. На мягкомъ грунтѣ шаги верблюдовъ не производили звуковъ. Мы впрочемъ боялись, чтобы ослы наши не заревели со страху, потому что ихъ громкіе голоса далеко разнеслись бы въ ночной тишинѣ. Около полуночи мы достигли до мѣстности, гдѣ были принуждены все сойти съ сѣделъ, потому что и ослы и верблюды упали на колѣни въ мелкомъ пескѣ. Путь нашъ состоялъ изъ непрерывной цѣпи маленькихъ холмовъ. Свѣжей ночью можно еще было идти пѣшкомъ по этимъ безконечнымъ пескамъ, но къ утру рука моя начала пухнуть отъ постоянного опиранія на палку. Я переложилъ багажъ свой съ верблюда на осла и самъ сѣлъ на верблюда, который, не смотря на тяжелое дыханіе, былъ въ этихъ пескахъ больше въ своей стихіи, чѣмъ я съ хромою ногой.

Нашу утреннюю стоянку называли милымъ именемъ Адамкирильганъ (т. е. мѣсто, гдѣ погибъ человекъ), и стоило только бросить взглядъ на горизонтъ, чтобы убѣдиться въ умѣстности этого названія.

* Фаль (гаданіе) — когда открываютъ на удачу коранъ или какуюнибудь другую религіозную книгу и шрутъ на открывшейся страницѣ текстъ, относящійся къ данному случаю.

Пусть читатель вообразить себѣ необозримое море песку, съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на эту высоту страшными бурями, съ другой тѣ же волны, разбѣгавшіяся мелкой зыбью, — точно тихое озеро рябитъ западный вѣтеръ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни растенія, ни насѣкомаго, только мѣстами слѣды разрушенной, уничтоженной жизни, въ видѣ бѣлѣющихъ костей людей или животныхъ, собранныхъ прохожими въ груды, чтобы служить указаніемъ будущимъ путешественникамъ. Нужно ли говорить, что здѣсь мы были внѣ нападенія Турменъ. Тутъ нѣтъ никакой возможности проѣхать на лошади хоть одну станцію. Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, дадутъ ли намъ пройти дальше стихіи? И вопросъ этотъ былъ такъ теменъ и ужасенъ, что передъ нимъ покачнулось даже *sang froid* жителей Востока и мрачные взгляды моихъ товарищей изобличали ихъ внутреннюю тревогу.

Согласно съ показаніями керванбаши, мы должны были бы совершить путь отъ Тюньюкю до Бухары въ шесть дней, половину по пескамъ, а другую по ровной и твердой почвѣ, гдѣ мѣстами попадаетъ и трава. Освидѣтельствовавъ мѣхи, мы разочли, что намъ придется быть безъ воды только полтора дня, но въ первый же день я замѣтилъ, что воды Аму-Дарьи не достанетъ по нашему расчету; что эта драгоценная влага, не смотря на всевозможную экономію, уменьшалась съ каждой минутой, отчасти отъ зноя, отчасти отъ испареній или какихъ нибудь другихъ причинъ. Это открытіе побудило меня оберегать свой запасъ съ удвоеннымъ вниманіемъ; мнѣ стали подражать и другіе и не смотря на душевную тревогу, я не могъ не улыбаться, видя порою, какъ товарищи мои спали, крѣпко обнявъ мѣхъ съ водою.

Не смотря на палаящій зной, мы должны были, даже днемъ, ѣхать безостановочно по пяти и шести часовъ, потому что чѣмъ скорѣе мы выйдемъ изъ песковъ, тѣмъ меньше риску попасть подъ страшный вѣтеръ теббадъ *): на твердой почвѣ онъ можетъ угрожать только лихорадкой, тогда-какъ въ пескахъ онъ въ одинъ моментъ можетъ засыпать что угодно. Мы слишкомъ понадеялись на силы нашихъ верблюдовъ. Они вступили въ степь уже утомленные ночнымъ путешествіемъ; не удивительно, что нѣсколько изъ нихъ заболѣли отъ тяжелой ходьбы и зноя и двое пали въ тотъ же день, когда мы добрались до станціи. Станцію эту называютъ Шоркутукъ. Слово это значитъ соленый фонтанъ, и въ самомъ дѣлѣ говорятъ, что здѣсь есть родникъ, годный для утоленія жажды животныхъ, но теперь онъ былъ совершенно засыпанъ гихремъ и нужно было бы употребить цѣлый день, чтобы докопаться до него.

Но еще до теббада, томительный зной совершенно изнурилъ насъ и двое изъ нашихъ бѣднѣйшихъ товарищей, принужденныхъ идти пѣшкомъ возлѣ своихъ измуренныхъ животныхъ и истратившихъ весь свой запасъ воды, такъ захворали, что мы должны были привязать ихъ къ верблюдамъ, потому что они были совершенно неспособны сидѣть. Мы прикрыли ихъ и пока у нихъ были еще силы говорить, они без-

*) Теббадъ по Персидски значитъ лихорадочный вѣтеръ.

престанно повторяли: воды! воды!... Увы! даже лучшие друзья отзывали имя въ спасительномъ напитокѣ. И когда мы, на четвертый день, достигли до Медеминъ-Булага, одинъ забавился отъ страшныхъ терзаній жажды—посредствомъ смерти.

Это былъ одинъ изъ трехъ братьевъ, потерявшихъ отца въ Меккѣ. Я присутствовалъ при послѣднемъ издыханіи несчастнаго. Языкъ его былъ совершенно черный, полость рта сѣро-бѣлаго цвѣта; губы раскрыты и зубы обнажены. Едва ли въ такомъ положеніи вода при несла бы ему пользу; да и кто согласился бы дать ему воды теперь?

Страшно было видѣть какъ отецъ пряталъ свой запасъ воды отъ сына, братъ отъ брата; каждая капля—жизнь, и когда человѣку угрожаютъ муки жажды, — это не то, что другія опасности, угрожающія жизни,—тутъ исчезаетъ всякое стремленіе къ самоотверженію, всякое чувство великодушія.

Мы пробыли три дня въ песчаной пустынѣ. Теперь передъ нами была твердая равнина, въ виду горы Халата, видѣвшейся на сѣверѣ. Но намъ предстояло новое разочарованіе. Животныя наши были не въ силахъ идти дальше и мы поневолѣ должны были провести въ пескахъ и четвертый день. У меня осталось около шести стакановъ воды. Я пилъ ихъ по каплѣ, ужасно страдая отъ жажды. Встревоженный тѣмъ, что языкъ мой началъ немножко чернѣть въ серединѣ, я немедленно выпилъ половину оставшаго запаса, думая помочь бѣдѣ, но невыносимое ощущеніе, сопровождаемое головою болью, стало еще сильнѣе къ утру пятаго дня, и когда, около полудня, горы Халата показались изъ-за окружавшихъ ихъ тумановъ, силы мои стали постепенно упадать. Чѣмъ ближе подвигались мы къ горѣ, тѣмъ тоньше становился песокъ и всѣ глаза съ жадностью искали слѣдовъ какаго нибудь жилища. Какъ вдругъ керванбаши обратилъ наше вниманіе на облако пыли приближавшееся къ намъ, и объявилъ, что нужно не теряя времени сходить съ верблюдовъ. Бѣдныя животныя, чуя приближеніе страшнаго теббада, испускали громкій крикъ, упали на колѣни, прилегли длинными шеями къ землѣ и старались зарыть головы въ песокъ. Мы спрятались за нихъ, какъ за стѣну, и какъ только мы опустили головы надъ нами пронесся вѣтеръ съ глухимъ шумомъ и свистомъ, покрывъ насъ слоемъ песку въ два пальца. Первые песчинки, коснувшіяся меня, показались мнѣ горячими, какъ искры. Еслибы мы попали подъ теббадъ шесть миль глубже въ степи, мы погибли бы всѣ безвозвратно. Мнѣ было некогда дѣлать наблюденія надъ расположеніемъ къ лихорадкѣ и рвотѣ, вслѣдствіе этаго вѣтра, но я замѣтилъ, что воздухъ сталъ тяжелѣе и душнѣе прежняго.

Когда пески совершенно окончились, передъ нами открылись три пути: первый (въ 22 мили) черезъ Каракель; второй (18 миль) черезъ равнины Бухарскія; третій (20 миль) черезъ горы, гдѣ есть вода, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ недоступны для верблюдовъ по крутизнѣ. Мы избрали, какъ и прежде предполагали, средній путь, самый короткій особенно потому что надѣялись найти воду у кочующихъ въ этихъ краяхъ. Около вечера мы достигли фонтановъ, гдѣ въ этомъ году не было пастуховъ; вода, негодная для людей, освѣжила по крайней мѣрѣ животныхъ. Всѣ мы были очень больны, очень похожи на умирающихъ.

рающихъ и насъ поддерживала только надежда на скорый конецъ этихъ мученій.

Я уже не могъ сходить съ сѣдла безъ посторонней помощи; страшный жаръ жегъ мои внутренности; головная боль довела меня почти до безумія. Перо мое слабо для того, чтобы дать хотя слабое понятіе о мучахъ жажды; мнѣ кажется, нѣтъ смерти мучительнѣе, чѣмъ смерть отъ этой причины. До сихъ поръ я выносилъ всѣ испытанія съ твердостью, но тутъ я совершенно изнемогъ. Мнѣ казалось, что жизнь моя ованчивается. Около полуночи я задремалъ, а проснувшись утромъ, увидѣлъ себя въ какой-то избушкѣ и меня окружалъ длиннородый людъ, въ которомъ я немедленно узналъ дѣтей Ирана. Они сказали мнѣ: „Шюма ки хаджи нистидъ“ (вы, конечно, не хаджи). Я не могъ ничего отвѣтить. Они дали мнѣ напиться чего-то теплаго, потомъ немного погодя—немного кислаго молока, смѣшаннаго съ водой и солью, называемаго здѣсь айранъ: это придало мнѣ новыхъ силъ.

Только теперь я и товарищи мои узнали, что мы въ гостяхъ у Персидскихъ рабовъ, посланныхъ за десять миль отъ Бухары пасти стада; владѣльцы ихъ дали имъ только небольшое количество хлѣба и воды, потому что большой запасъ того и другаго далъ бы имъ возможность бѣжать черезъ пустыню. И не смотря на то, эти несчастные имѣли великодушіе раздѣлить свой скудный запасъ воды съ своими смертельными врагами — Суннитскими молла! Они особенно ласковы были ко мнѣ, такъ-какъ я заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Въ Бухарѣ, правда, тоже говорятъ по Персидски, но Иранское нарѣчіе нѣсколько рознится отъ Бухарскаго.

Я былъ особенно тронуть, увидѣвъ между ними ребенка лѣтъ пяти, и чрезвычайно умнаго. Года два тому назадъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ вмѣстѣ съ отцомъ. Когда я спросилъ, гдѣ его отецъ, онъ отвѣчалъ мнѣ по секрету: „Отецъ мой выкупился; да и я буду рабомъ еще только два года, а къ тому времени отецъ мой накопитъ нужные деньги!“ На бѣдномъ ребенкѣ были какія-то лохмстыя вмѣсто одежды, чтобы покрыть его худенькое тѣлце; кожа у него была тверда и темна, какъ сафьянъ. Я далъ ему одно изъ своихъ платьевъ и онъ обѣщалъ дѣлать изъ него платье для себя.

Несчастные Персіане дали также намъ немного воды, чтобы взять съ собою. Я расстался съ ними съ признательностью и сожалѣніемъ. Мы пустились въ путь, съ тѣмъ чтобы остановиться вторично въ Коджа-Обанѣ, куда собираются благочестивые странники для поклоненія могилѣ святаго Ходжа-Обана. Мѣстечко это было, правда, не сосѣмъ по дорогѣ намъ, немного на сѣверъ, но мы, какъ хаджи, должны были непременно побывать тамъ. Къ великому сожалѣнію нашихъ путниковъ, мы сбились съ пути ночью между песчаными холмами, окаймляющими степь, изъ середины которыхъ Ходжа-Обанъ выдается подобно оазису; и когда послѣ долгихъ розысковъ наступилъ день, мы путились на берегу озера, полнаго прѣсной воды. Здѣсь ованчивается жепь и съ нею страхъ смерти отъ жажды, разбойниковъ, вѣтра или другихъ напастей. Мы теперь были положительно на границахъ Бухары (проѣхавъ 2 мили, прибыли въ Хакемиръ (деревня гдѣ жилъ нерваниши), лежащей въ довольно изрядно обработанной мѣстности. Весь

этотъ край снабжаетъ водой каналъ, проведенный изъ рѣки Зерешана.

Въ Хакемирѣ всего только двѣсти домовъ. Онъ въ двухъ миляхъ разстоянія отъ Бухары. Мы были принуждены провести здѣсь ночь, чтобы чиновники, извѣщенные о прибытіи нашемъ согласно съ законами, успѣли внести насъ въ дневное обозрѣніе города и его окрестностей за тотъ день. Въ тотъ же самый день явился одинъ посланный а на слѣдующій день очень рано поутру явились три офицера эмира съ официальной важностью и достоинствомъ на лицахъ, будто бы для того, чтобы взять съ насъ пошлины и подати, но въ сущности для того, чтобы узнать новости объ окружающихъ странахъ. Они прежде всего принялись разсматривать нашъ багажъ. У хаджи оказались по большей части въ дорожныхъ мѣшкахъ святыя четки изъ Мекки, финики изъ Мединны, медь изъ Персіи, ножики, ножницы, паперстки и маленькія зеркальцы изъ Френгистана. Хотя друзья мои объявили, что эмиръ („да подастъ ему Господь 120 лѣтъ жизни!“) ни за что не возьметъ таможенныхъ пошлинъ съ хаджи, но таможенный чиновникъ ни на волосъ не хотѣлъ отступить отъ своихъ обязанностей и записалъ каждый предметъ отдѣльно. Я съ двумя другими лицами остался послѣднимъ. Чиновникъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, засмѣялся и велѣлъ показать мой чемоданъ, „потому что у васъ (вѣроятно предполагая во мнѣ Европейца) всегда много хорошихъ вещей“. Я притворился очень веселымъ, нахлобучилъ свою дервишскую, дурацкую шапку и отвѣчалъ хитрому Бухарцу: „У меня въ самомъ дѣлѣ есть много прекраснѣйшихъ вещей и вы ихъ увидите, когда станете разсматривать мою собственность движимую и недвижимую“. Такъ-какъ онъ хотѣлъ самъ все видѣть, то я побѣжалъ на дворъ, хлеснулъ своего осла, заставилъ его взобраться по лѣстницѣ въ комнату и ведя его по коврамъ при громкомъ хохотѣ моихъ товарищей, я поспѣшно открылъ свой дорожный мѣшокъ и показалъ нѣсколько старыхъ лохмотьевъ и книги, собранныя мною въ Хивѣ. Въ слѣдъ за этимъ Хаджи-Сали принялся ему рассказывать о моемъ званіи, моемъ характерѣ, о цѣли моего путешествія: все это онъ тщательно записалъ, сопровождая этотъ актъ косвенными взглядами на меня и многозначительными покачиваніями головы. Когда таможенный смотритель и сборщикъ податей покончили съ нами, начались обязанности вакаювиша (описателя происшествій.) Онъ сперва записалъ имена всѣхъ путешественниковъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ личностей. Этотъ длинный рядъ вопросовъ о Хивѣ, странѣ родственной Бухарѣ по происхожденію, языку и религіи, показался мнѣ пресмѣшной процедурой: ихъ границы были смежны цѣлые вѣка и столѣтія ихъ лежали одна отъ другой только въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія!

Все было въ порядкѣ, только между нами возникли разныя мнѣнія, гдѣ намъ остановиться постоемъ. Таможенный чиновникъ предложилъ таможенню, надѣясь вѣроятно вывѣдать тамъ что нибудь отъ насъ и подвергнуть меня болѣе внимательному изслѣдованію. Хаджи-Сали какъ человѣкъ вліятельный въ Бухарѣ, взялъ на себя теперь обязанность распорядителя каравана и объявилъ напротивъ, что намъ слѣдуетъ остановиться въ Текке. Наконецъ мы выѣхали изъ Хакемира и черезъ полчаса ѣды, мимо садовъ и обработанныхъ полей, увидѣли Бу-

хару *шерифъ* (благородную, какъ ее называютъ жители Средней Азiи), съ множествомъ различныхъ зданiй, неуклюжими башнями, почти безъ исключенiя увѣнчанными аистовыми гнѣздами *).

Въ разстоянiи полуторыхъ миль отъ города мы перебрались черезъ Зерешанъ. Онъ течетъ въ южномъ направленiи и хотя теченiе его довольно сильно, верблюды и лошади довольно свободно переходятъ его въ бродъ. На противоположной сторонѣ была еще видна *tête du pont* когда-то прекраснаго каменнаго моста. Возлѣ него стоятъ развалины дворца, тоже каменнаго. Мнѣ сказали, что это созданiе извѣстнаго Абдулла-Хана-Шейбани. Вообще въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы Средней Азiи видно много остатковъ прежняго ея величiя.

ГЛАВА X.

БУХАРА — ПРИЕМЪ ВЪ ТЕККIЕ, ГЛАВНОМЪ ГНѢЗДѢ ИСЛАМИЗМА — РАХИЭДЪ-БИ — БАЗАРЫ — БАГА-ЭДЪ-ДИНЪ, ВЕЛИКIЙ СВЯТОЙ ТУРКЕСТАНА — ШПИОНЫ ОСАЖДАЮТЪ АВТОРА — СУДЬБА ПОСЛѢДНИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ ВЪ БУХАРѢ — КНИЖНЫЙ БАЗАРЪ — ЧЕРВЬ (РИШТЪ) — ВОДОПРОВОДЫ — ПРЕЖНЕ ЭМИРЫ И НАСТОЯЩII ЭМИРЪ — ГАРЕМЪ — ПРАВИТЕЛЬСТВО — СЕМЕЙСТВО ЦАРСТВУЮЩАГО ЭМИРА — ТОРГОВЛЯ РАБАМИ — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ БУХАРЫ И ПОСВѢЩЕНIЕ МОГИЛЫ БАГА-ЭДЪ-ДИНА.

Within earth's wide domains
Are markets for men's lives;
Their necks are galled with chains,
Their wrists are cramped with gyves.

Dead bodies, that the kite
In deserts makes its prey;
Mudders that with affright
Scare school-boys from their play!

LONGFELLOW.

Дорога привела насъ къ Дервазъ-Имаму, находящемуся на западѣ, но мы не проѣхали черезъ него, потому что, такъ-какъ нашъ Теккие лежалъ на сѣверо-востокъ, то мы должны были бы прокладывать себѣ путь сквозь толпы, кишачiя всегда около базаровъ. Мы предпочли объѣхать кругомъ городской стѣны. Стѣна эта оказалась во многихъ мѣстахъ въ плохомъ положенiи. Въѣхавъ въ ворота, называемыя Дервазъ-Мезаръ, мы быстро добрались до просторнаго Теккие. Онъ былъ

*) Въ Хивѣ множество соловьевъ, но нѣтъ аистовъ, въ Бухарѣ наоборотъ: нѣтъ ни одной башни и ни одного высокаго зданiя безъ аиста, стоящаго одноногомъ сторожемъ на крышѣ. Хивинцы смѣются надъ Бухарцами по этому поводу и говорятъ: ваши соловьиные пѣсли — стукотня аистовыхъ клювовъ по крышѣ.

обсаженъ красивыми деревьями, образовавшими правильный четырехугольникъ, и заключалъ въ себѣ сорокъ восемь келій въ нижнемъ этажѣ. Теперешній хальфа (настоятель) — внукъ Хальфа-Гусейна, извѣстнаго святаго, и самый Теккіе носить его имя. Уваженіе, которымъ пользуется его семейство, очевидно изъ того, что вышеупомянутый родственникъ его — имамъ или хатибъ (придворный священнослужитель) эмира. Меня представилъ Хаджи-Сали, бывший юридомъ (ученикомъ) святаго и слѣдовательно считавшійся членомъ семейства. Почтвенный „аббатъ,“ человекъ пріятной наружности и съ мягкими приѣмами, въ снѣжно-бѣломъ тюбанѣ и лѣтнемъ платьѣ изъ тонкаго шелка, принялъ меня какъ нельзя болѣе радушно, и когда я въ теченіи получаса проговорилъ съ нимъ на Тумидскомъ и Фарфетшскомъ нарѣчій, онъ пришелъ въ восторгъ и пожалѣлъ что Бадевлета *) (его величества эмира) нѣтъ въ Бухарѣ, а то онъ немедленно представилъ бы меня ему.

Онъ отвелъ мнѣ келью въ почетномъ мѣстѣ, то-есть гдѣ сосѣдями у меня были съ одной стороны очень ученый молла, а съ другой Хаджи-Сали: весь Теккіе былъ наполненъ знаменитостями. Я нечаянно попалъ въ самое гнѣздо Исламискаго фанатизма въ Бухарѣ. Самая эта мѣстность, еслибы только я могъ поддѣлаться подъ ея духъ, была бы самой лучшей и надежнѣйшей гарантіей противъ всякихъ подозрѣній и избавила бы меня отъ непріятныхъ столкновеній съ гражданскими властями. Описатель событій назвалъ мой пріѣздъ — „важнымъ событіемъ“; первый сановникъ эмира, Рахмедъ-Би, управлявшій Бухарой во время похода эмира въ Кокандъ, — рѣшилъ, что хаджи слѣдуетъ немедленно допросить хорошенько по поводу меня. Но приказанія эмира не дѣйствительны въ Теккіе, и рѣшеніе Рахмеда-Би было встрѣчено такимъ равнодушіемъ, что даже я самъ узналъ объ этомъ только впоследствии. Друзья мои отвѣчали на сомнѣнія законника: „Хаджи-Решидъ не только хорошій мусульманинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ученый молла, и подозрѣвать его—было бы смертнымъ грѣхомъ“. Но въ то же время, они совѣтовали мнѣ, какъ держать себя, и только благодаря ихъ совѣтамъ и неоцѣненнымъ внушеніямъ, я избавился отъ всякаго преслѣдованія въ Бухарѣ, не говоря уже о печальномъ концѣ путешественниковъ, предшествовавшихъ мнѣ въ этомъ городѣ; — я перебывалъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, не только для Европейцевъ, но и для всѣхъ иностранцевъ вообще, потому что правительство довело систему шпіонства до высокой степени совершенства, вполне соотвѣтствовавшей прогрессу населенія во всякаго рода гадостяхъ и гнустностяхъ.

На слѣдующее утро я съ Хаджи-Сали и четырьмя другими нашими друзьями отправился осматривать городъ и базары; и хотя бѣдность улицъ и домовъ далеко превосходила все, видѣнное мною въ большей части Персидскихъ городовъ, и пылъ, лежавшая повсюду на цѣлый футъ, давала очень неблагоприятное понятіе о благородной Бухарѣ, — я все-таки не могъ удержаться отъ удивленія, очутившись въ первый разъ на базарѣ и посреди волнующейся толпы.

*) Бадевлеть значить собственно: благоденствующій.

Базары въ Бухарѣ далеко не такъ великолѣпны и роскошны, какъ въ Тегеранѣ, Тавризѣ и Исфагани; но странное, разнообразное смѣшеніе расъ, одеждъ и обычаевъ — представляли поразительное зрѣлище для иностранца. Въ движущейся массѣ преобладалъ Иранскій типъ, съ головами, увѣнчанными турбанами, бѣлыми или синими (бѣлый цвѣтъ составляетъ принадлежность дворянскаго сословія или молаа, а синий носить купцы, ремесленники и слуги). Послѣ Персидскихъ, преобладаютъ Татарскія фizioноміи. Мы видѣли ихъ тамъ во всѣхъ степеняхъ, начиная съ Узбековъ, отличающихся сильнымъ смѣшеніемъ крови, до Киргизовъ, всецѣло сохранившихъ свою первобытную дикость. Имъ не нужно смотрѣть въ лицо, достаточно ихъ тяжелой, твердой поступи, чтобы отличить Турановъ отъ Ирановъ. Посреди этихъ двухъ отраслей двухъ главныхъ расъ Азіи, виднѣются нѣсколько Индійцевъ (Мултани, какъ ихъ здѣсь называютъ) и Евреевъ. Тѣ и другіе въ Польскихъ шляпахъ (?), подпоясанные веревкой. Индійцы съ красными мѣтками на лбу и желтыми, отвратительными лицами, — настоящія вороньи пугалы; Евреи, съ благородными, прекрасными очертаніями и великолѣпными глазами, годились бы въ модели мужской красоты для любого изъ нашихъ артистовъ. Тамъ были также Туркмены, отличившіеся отъ всѣхъ смѣлостью и блескомъ взглядовъ, думавшіе, быть можетъ, какой богатой жатвой могла бы послужить эта сцена для какого нибудь изъ ихъ аламановъ. Афгановъ было здѣсь очень немного и самаго низкаго сорта, въ длинныхъ, грязныхъ рубашкахъ, съ еще болѣе грязными волосами, разсыпавшимися по плечамъ, въ римскихъ тогахъ: они ужасно были похожи на людей, выскочившихъ изъ постелей на улицу во время пожара.

Этотъ разнообразный хаосъ Бухарцевъ, Хивинцевъ, Кокандовъ, Киргизовъ, Кипчаковъ, Туркменъ, Индійцевъ, Евреевъ и Афгановъ — встрѣчается на всѣхъ главныхъ базарахъ; но хотя все безпрестанно двигалось взадъ и впередъ, я все-таки не нашелъ здѣсь кипучей жизни, такъ разительно характеризующей Персидскіе базары.

Я не отходилъ отъ своихъ товарищей, поглядывая мимоходомъ на лавки, въ которыхъ было множество товаровъ Русскаго издѣлія, съ небольшимъ количествомъ произведеній другихъ Европейскихъ странъ. Все это не имѣетъ существенной привлекательности для Европейскаго путешественника, но не смотря на то, каждый кусокъ коленкора, каждый таможенный ярлычокъ, каждое клеймо, свидѣтельствующее о происхожденіи даннаго предмета, — возбуждаютъ такія же пріятныя чувства, какъ встрѣча соотечественника на чужой сторонѣ. Какъ билось мое сердце, когда я читалъ слова: *Манчестеръ* и *Бирмингамъ*, и какъ я боялся выдать себя неосторожнымъ восклицаніемъ! Большихъ товарныхъ складовъ и оптовыхъ торговцевъ очень мало, и я положительно утверждаю, что не только въ Рестен-Чить-Фуруши, гдѣ продаются бумажныя издѣлія и гдѣ 284 лавки, но и во многихъ другихъ мѣстахъ города — коленкору, кисей и другихъ бумажныхъ издѣлій несравненно меньше, чѣмъ у моихъ друзей Генгарта и К' въ Тавризѣ, у которыхъ въ одномъ складѣ гораздо больше товара, чѣмъ во всей Бухарѣ, не смотря на то, что Бухару называютъ столицей Средней Азіи. Самое интересное на этихъ базарахъ — отдѣленіе туземныхъ произведеній; напримѣръ бумажная матерія аладжа, съ широкими, двухцвѣтными

полосами; различные сорта шелковых издѣлій, отъ тонкихъ платковъ, напоминающихъ паутину, до тяжелого атреса; и особенно важными издѣлія. Кожанья издѣлія играютъ здѣсь главную роль. Сапоги для мужчинъ и женщинъ сдѣланы довольно сносно; мужскіе сапоги на высокихъ каблукахъ и съ заостренными носками. Женскіе — довольно толсты и часто вышиты разными шелками.

Я чуть не забылъ базара и лавокъ, гдѣ выставлены различные одежды для соблазна покупателей,—по большей части блестящихъ ир-нихъ красокъ.

Жители Востока, только здѣсь сохраняющіе свою первобытную чистоту и своеобразность, ужасно любятъ шумящія, шелестящія одежды. Я всегда съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ торговцы, примѣривая продаваемое платье, прохаживались въ немъ взадъ и впередъ, чтобы убѣдить покупателя въ томъ, что оно дѣйствительно издаетъ правильный звукъ. Всѣ принадлежности туалета—отечественной мануфактуры и очень дешевы; и на этомъ базарѣ платья — въ Бухарѣ снабжаются ошeneбелными нарядами всѣ „вѣрующіе“ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Татаріи. Даже Киргизы, Кичаки и Калмыки пріѣзжаютъ сюда черезъ степь и дикіе Татары, съ косыми глазами и выдающимися скулами, хохочутъ отъ радости, перемѣняя свое платье изъ лошадиныхъ шкуръ на легкое іектей (родъ лѣтней одежды): здѣсь для этихъ людей высшій идеалъ цивилизаціи,—Бухара для нихъ—Парижъ или Лондонъ.

Проходивъ около трехъ часовъ, я попросилъ моего вожатаго и друга Хаджи-Сали проводить меня куда нибудь, гдѣ бы можно было отдохнуть и освѣжиться. Онъ повелъ меня черезъ чайный базаръ къ знаменитому Леби-Гаузь-Диванбеги (резервуаръ Диванбеги). Это самое прелестное мѣсто въ Бухарѣ. Оно состоитъ изъ правильнаго квадрата, съ глубокимъ резервуаромъ въ серединѣ, въ 100 футовъ длины и 80 ширины; края состоятъ изъ квадратныхъ камней, съ восьмью ступеньками, ведущими къ поверхности воды. Квадратъ обсаженъ кругомъ прекрасными вязами и въ ихъ тѣни неизбѣжныя чайныя лавки и самовары, похожіе на колоссальныя пивныя бочки. Самовары эти дѣлаются въ Россіи нарочно для Бухары. Владѣльцы ихъ очень обязательно приглашаютъ на чашку зеленого чая. Съ остальныхъ трехъ сторонъ—хлѣбъ, фрукты и разныя варенья и другія кушанья холодныя и горячія разставлены для продажи въ тѣни циновокъ. Сотни лавокъ, импровизованныхъ на этотъ случай, вокругъ нихъ толпы голодныхъ, напоминающія жужжаніе пчелъ около ульевъ, — представляли намъ очень характеристичное зрѣлище. На четвертой сторонѣ, къ западу, образующей родъ террасы, помѣщалась мечеть Меджиди-Диванбеги. У ея входа тоже нѣсколько деревьевъ, а подъ ними дервиши и медда (публичныя чтецы) рассказываютъ въ прозѣ и стихахъ, а актеры представляютъ геройскіе подвиги знаменитыхъ воиновъ и пророковъ; и никогда не ощущается недостатка въ толпахъ любопытныхъ слушателей и зрителей.

Когда я пришелъ сюда, какъ будто нарочно проходили, недѣльной процессіей, дервешы ордена Накишбеиди. Я никогда не забуду, какъ эти дикіе фанатики, въ длинныхъ, коническихъ шапкахъ, съ развѣвающимися волосами и длинными палками, плясали какъ сумасшедшіе, распѣ-

вая въ то же время гимны, каждую строку которыхъ сперва пѣлъ передъ ними ихъ сѣдо-бородый предводитель. Все что я видѣлъ и слышалъ, заставило меня забыть усталость. Другъ мой былъ принужденъ заставить меня войти въ лавку, и когда драгоценный Шивинъ (сортъ чая) былъ разлитъ, онъ, желая воспользоваться моимъ восторженнымъ настроеніемъ, спросилъ у меня, потрепавъ меня по плечу: „Ну какъ, что вы скажете о Бухарѣ Шерифъ?“

„Она мнѣ очень нравится“ отвѣчалъ я, и житель Средней Азіи, хотя уроженецъ Коканда, въ настоящую минуту—воевавшего съ Бухарой, былъ тѣмъ не менѣе въ восхищеніи, что столица Туркестана произвела на меня такое впечатлѣніе, и обѣщалъ показать мнѣ всѣ ея прелести въ слѣдующіе дни.

Не смотря на костюмъ чисто Бухарскій, въ который я поспѣшилъ облачиться, не смотря на то, что я загорѣлъ такъ, что мать моя съ трудомъ могла бы узнать меня,—меня окружала толпа любопытныхъ всюду, куда я ни появлялся. Они трясли мнѣ руки, обнимали меня и надѣли мнѣ до смерти!

Огромный тюрбанъ покрывалъ мою голову *), объемистый Коранъ висѣлъ на моей шеѣ: я былъ какъ двѣ капли воды похожъ на ишана или шейка и волей-неволей долженъ былъ подчиниться толпѣ, составившейся вслѣдствіе моего появленія. Святость моей внѣшности избавила меня отъ многихъ распросовъ и я слышалъ, какъ народъ обращался съ вопросами къ друзьямъ моимъ и потомъ въ полголоса передавалъ другъ другу различныя замѣчанія и выводы. „Какое удивительное благочестіе! говорилъ одинъ,—пройти изъ Константинополя въ Бухару, только для того, чтобы поклониться нашему Бага-эд-Дину!“ **)

„Да, сказалъ другой, вѣдь и мы ходимъ въ Мекку, самое святое изъ всѣхъ святыхъ мѣстъ, тоже не безъ препятствій! Но вѣдь этимъ людямъ (и онъ указалъ на меня) нечего и дѣлать, какъ только молиться, поучать народъ, да странствовать по святымъ мѣстамъ.“ „Браво! вы угадали!“ подумалъ я про себя, въ восхищеніи отъ успѣха своего периодъванья. И дѣйствительно, во все время моего пребыванія въ столицѣ Туркестана, я ни разу не возбудилъ подозрѣнія въ народѣ, вообще очень смышленномъ и лукавомъ. Они подходили ко мнѣ подъ благословеніе, слушали, когда я на площадяхъ читалъ имъ исторію великаго шейка Багдадскаго, Абдуль-Кадръ-Гиляни. Они всячески восхваляли меня, но не дали мнѣ ни одного фартинга, и мнимая набожность этого народа представляла странную противоположность съ неподдѣльнымъ благочестіемъ и непритворнымъ радушіемъ Хивинскихъ Узбековъ.

Но не такъ легко было мнѣ провести правительство. Рахметъ-Би, о

*) Тюрбанъ, какъ извѣстно, изображаетъ саванъ, покровъ, который каждый благочестивый Мусульманинъ обязанъ носить на головѣ, какъ постоянное напоминаніе о смерти. Коранъ предписываетъ покровъ (кееень) въ 7 аршинъ, но благочестивое усердіе часто увеличиваетъ иѣру въ четверо и въ шестеро, что составляетъ до 28 и 42 аршинъ, впрочемъ тонкой кисей въ такомъ случаѣ.

***) Бага-эд-Динъ или какъ говорятъ бухарцы—Баведдинъ—знаменитый Исламскій отшельникъ и святой, основатель ордена Нолкишбенди, члены котораго распространены въ Индіи, Китаѣ, Персіи, Аравіи и Турціи. Онъ умеръ въ 1388 г. и монастырь съ мечетью надъ его могилкой въ деревнѣ Баведдинъ, были воздвигнуты въ 1490 году, по приказанію Абдуль-Азизъ-Хана.

которомъ я уже говорилъ, не имѣя возможности отнестись прямо ко мнѣ, безпрестанно подсылалъ шпионовъ. Эти господа, бесѣдуя со мною, старались объять какъ можно больше предметовъ, но всегда затрогивали и вопросъ о Френгистанѣ, надѣясь вѣроятно, что я выдамъ себя какимъ нибудь неосторожнымъ выраженіемъ. Замѣтивъ, что разставленные ими сѣти не были въ силахъ поймать птичку, они начали говорить о томъ, какъ принимаютъ Френги въ благородной Бухарѣ и какъ были наказаны ихъ шпионы, въ особенности Англичане: Конолли и Стодартъ. Они кромѣ того рассказывали мнѣ исторію Френги, прибывшихъ только нѣсколько дней тому назадъ и посаженныхъ въ тюрьму (несчастные Итальянцы); о томъ, что они привезли съ собою нѣсколько ящиковъ съ чаемъ, осыпаннымъ алмазнымъ порошкомъ, чтобы отравлять всѣхъ жителей святаго города, что они превращали день въ ночь и привезли съ собою множество другихъ искусныхъ штукъ. *)

Эти кровопійцы были по большей части хаджи, долго жившіе въ Константинополѣ и желавшіе подвергнуть испытанію мои познанія въ ихъ языкѣ и образѣ жизни. Послушавъ ихъ долго, съ терпѣніемъ, я обыкновенно дѣлалъ презрительную гримасу и просилъ ихъ не продолжать разговора о Френг. „Я уѣхалъ изъ Константинополя, говорилъ я, чтобы избавиться отъ этихъ Френги, явшающихся съ дьяволомъ. Благодаря Бога, я теперь въ „благородной“ Бухарѣ и не хочу отравлять своего пребывания здѣсь подобными воспоминаніями“. Въ этомъ же духѣ я отвѣчалъ хитрому моллѣ Шерефеддину, старшинѣ книгопродавцевъ, который показалъ мнѣ списокъ книгъ, оставленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ Русскимъ посланникомъ. Я небрежно взглянулъ на списокъ и сказалъ: „Слава Аллаху! моя память не осквернена науками и книгами Френги, что, къ несчастью, такъ часто случается съ Константинопольскими Турками!“

Однажды слуга визиря привелъ ко мнѣ маленькаго, сморщеннаго человѣчка, прося рассмотреть, разузнать, кто онъ такой и дѣйствительно ли онъ Арабъ изъ Дамаска, какъ онъ увѣряетъ. Когда онъ вошелъ, черты лица его чрезвычайно поразили меня,—мнѣ показалось, что онъ Европеецъ; когда онъ заговорилъ, мое удивленіе и недоумѣніе возрасли еще больше, потому что оказалось, что происхоженіе его далеко не Арабское. Онъ сказалъ мнѣ, что предпринялъ путешествіе на могилу Джафенъ-Бенъ-Садыка въ Хотенъ въ Китаѣ и намѣренъ снова пуститься въ путь въ тотъ же день. Лицо его во время разговора выражало очевидное смущеніе и мнѣ было очень жаль, что не удалось видѣть его во второй разъ, потому что я сильно расположенъ думать, что онъ игралъ роль, подобную моей.

Когда Рахмедъ-Би убѣдился, что нельзя посредствомъ его эмиссаровъ придратъя ко мнѣ и обвинить меня, онъ приказалъ мнѣ явиться къ нему. По этому случаю были вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены и всѣ Бухарскіе улемы. Войдя въ комнату, я замѣтилъ, что это свиданіе—ни болѣе ни менѣе какъ экзаменъ, что мнѣ предстоитъ не легкая

*) Участь двухъ вышеупомянутыхъ Англичанъ и этихъ Итальянцевъ известна читателямъ изъ газетъ .

задача и что мое инкогнито должно выдержать сильный огонь. Я впрочемъ во время замѣтилъ угрожавшую мнѣ опасность и чтобы избѣгнуть неожиданныхъ, коварныхъ вопросовъ, я самъ притворился крайне любопытнымъ и принялся усердно спрашивать этихъ господъ о различіи религиозныхъ принциповъ Фарза, Суннета, Ваджиба и Мустахаба *).

Мои распросы были приняты благосклонно и скоро завязался жаркій споръ о различныхъ пунктахъ Хидайета, Шерхи-Викайе и другихъ книгъ по этому вопросу; я принималъ въ этомъ спорѣ очень умѣренное участіе, громко восхваляя Бухарскихъ моллъ и признавая ихъ великое превосходство не только надо мною, но и надъ всѣми Константинопольскими улемами. Результатъ былъ тотъ, что я вышелъ побѣдителемъ изъ этаго испытанія. Друзья мои, моллы, дали Рахмету-Ви почувствовать знаками и словами, что шпионъ его жестоко ошибся, и что если я еще не замѣчательный молла, какъ они, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно близокъ къ свѣтлому сіянію истиннаго знанія.

Послѣ этаго предоставили мнѣ вести спокойную жизнь въ Бухарѣ. Я начиналъ день исполненіемъ различныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на меня званіемъ дервиша. Потомъ я отправлялся на книжный базаръ, состоявшій изъ двадцати шести лавокъ. Печатныя книги здѣсь рѣдкость. Въ этихъ лавочкахъ и на дому у книгопродавцевъ, гдѣ обыкновенно бываетъ главный складъ, есть много сокровищъ, которыя имѣли бы большую цѣнность въ глазахъ нашихъ историковъ и филологовъ. Но приобрѣтеніе ихъ не входило въ мои планы, во первыхъ потому, что у меня не было достаточно средствъ, а во вторыхъ потому, что всякое обнаруженіе свѣтскихъ познаній выдавало бы мое инкогнито. Я съ большимъ трудомъ добылъ нѣсколько рукописей въ Бухарѣ и Самаркандѣ, и сердце мое обливается кровью, когда я вспомню, что долженъ былъ оставить тамъ матеріалы, которые бы пополнили не одинъ пробѣлъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ Востока. Съ книжнаго рынка я обыкновенно шелъ на площадь, которая, хотя была шире и люднѣе Леби-Гауза, описаннаго мною прежде, но далеко не была такъ привлекательна, какъ этотъ дворикъ съ резервуаромъ. Здѣсь тоже есть резервуаръ, окруженный чайными лавками; отсюда видѣнъ аркъ (замокъ или дворецъ) эмира, находящійся на противоположной сторонѣ, на значительномъ возвышеніи. Главный входъ украшенъ часами; все зданіе кажется очень мрачнымъ. Я вздрогнулъ, проходя мимо этаго гнѣзда тираніи, гдѣ можетъ быть были убиты предшественники мои и гдѣ, даже въ эту минуту, томятся три несчастные Европейца, вдали отъ своей родины и отъ всякой помощи. Около воротъ лежало четырнадцать мѣдныхъ пушекъ, съ множествомъ украшеній. Эмиръ отправилъ ихъ домой изъ Коканда, какъ трофеи побѣды, одержанныхъ въ его походахъ. Съ правой стороны дворца высится Меджиди - Келанъ,

*) Это четыре степени заповѣдей Ислама. Фарзъ подразумѣваетъ заповѣди, переданныя Богомъ черезъ Пророка. Суннетъ—преданія, завѣщанныя самимъ пророкомъ, безъ вдохновенія свыше. Последнія два слова, Ваджибъ и Мустахабъ, значатъ уставы, постановленные позднѣйшими толкователями корана. Первые два степени—обязательны, а вторыя—предоставляются произволу каждаго.

самая большая мечеть въ Бухарѣ; она была построена Абдулла-Ханомъ-Шейбани.

Съ площади я отправлялся въ чайную лавку Китайца изъ Комула,*) человека, отлично знающаго Турко-Татарскій языкъ и слывущаго здѣсь за мусульманина. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, много разсказывалъ мнѣ о прекрасной землѣ своей, объ обычаяхъ ея и объ отличныхъ блюдахъ, изготовляемыхъ тамъ. Онъ особенно былъ свѣдущъ въ приготовленіи чая. Съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ о чайныхъ кустарникахъ, о разнообразіи ихъ цвѣта и достоинства! У него въ лавкѣ было до шестнадцати различныхъ сортовъ, которые онъ умѣлъ различать по одному прикосновенію **).

Я во все время путешествія отъ Тегерана до Бухары слышалъ такъ много различныхъ подробностей объ этомъ городѣ, что чрезъ недѣлю чувствовалъ себя совершенно дома. Сперва Хаджи-Сали показалъ мнѣ все сколько нибудь замѣчательное, потомъ я продолжалъ свои изслѣдованія одинъ, по городу, по базарамъ и училищамъ (медресе), сопровождая друзей своихъ только тогда, когда мы получали общее приглашеніе отъ одного Китайскаго Татарина, поселившагося здѣсь. Въ подобныхъ случаяхъ насъ обыкновенно подчивали національными блюдами, къ которымъ друзья мои (то-есть Хаджи-Билаль съ компаніей) долго не могли привыкнуть. Одно изъ нихъ я рекомендую моимъ европейскимъ читателямъ, какъ очень вкусную вещь. Его называютъ мантуй; это родъ пудинга изъ рубленаго мяса съ жиромъ и спеціями. Его варятъ особеннымъ способомъ. Ставятъ на огонь котелъ съ водою и закрываютъ его плотно, за исключеніемъ небольшого отверстія въ кулакѣ. Надъ этимъ отверстіемъ ставятъ три или четыре сита; какъ только вода начинаетъ закипать и въ сито проникло достаточное количество пара, мантуй кладутъ сперва въ верхнее сито, потомъ постепенно перекладываютъ все ниже и ниже. Въ нижнемъ ситѣ

*) Комулъ отстоитъ на 40 станцій отъ Кашгара и на 60 отъ Бухары.

**) Чай былъ слѣдующихъ сортовъ:

1. Кырма.
2. Ахбаръ.
3. Ак-Куйрукъ.

Эти три сорта, очень рѣдкіе въ Средней Азій и Китаѣ, въ большомъ употребленіи въ Россіи, Персіи и Европѣ.

4. Кара-Чай.
5. Сепеть-Чай.

Эти два сорта наготавлиются въ видѣ кирпичей, пьются только по утрамъ, со сливками и солью, и очень возбуждательнаго свойства.

6. Шябаглу.	12. Пу-Чай.
7. Гор-Шябаглу.	13. Тун-тей.
8. Шявинъ.	14. Гюльбуй.
9. Игъ-Келеси.	15. Мянш-гѣзъ.
10. Бенге.	16. Лонка.
11. Пошувъ.	

Это все зеленые чай, употребляемые на сѣверѣ Китая и въ Средней Азій. Лонка считается самымъ лучшимъ; одного листка достаточно для чашки, равняющейся двумъ нашимъ.

Покупателя судятъ о чаѣ по листу, обваренному кипяткомъ: чай хорошъ, если листъ чрезвычайно тонокъ и маловъ.

онъ остается, пока не поспѣетъ. Странно, что Китайцы употребляютъ паръ для приготовления кушаній! Мантуи часто послѣ кипяченія еще обжариваютъ въ жирѣ и въ такомъ случаѣ называютъ зенбузи (женскій поцѣлуй).

Во все время моего пребыванія въ Бухарѣ, погода стояла невыносимо жаркая; но страданія мои увеличивало еще опасеніе рикте (*filaria medinensis*), отъ которой многіе заболѣваютъ въ это время года. Во избѣжаніе ея, я пилъ постоянно теплую воду или чай. Болѣзнь эта здѣсь очень распространена и Бухарцы обращаютъ на нее не больше вниманія, какъ мы на насморкъ. Больной чувствуетъ сначала зудъ въ ногѣ или въ какойнибудь другой части тѣла, потомъ изъ болящаго мѣста выходитъ червь или глисть, похожій на нитку. Черви эти бывають до аршина длиною, и ихъ обыкновенно спустя нѣсколько дней вытаскивають изъ ранки. Этотъ способъ леченія очень простъ и не причиняетъ боли; но если червь порвется, то образуется воспаленіе и вмѣсто одного, является шесть и до десяти червей, что принуждаетъ больного пролежать въ постелѣ дѣльную недѣлю и съ страшными страданіями. Самые храбрые вырѣзываютъ рикте въ самомъ началѣ. Бухарскіе цирюльники довольно искусны въ этомъ отношеніи. Зудящее мѣсто вскрываютъ, вынимають червяка, а ранку заживляютъ. Кромѣ этой болѣзни, у Бухарцевъ есть еще много различныхъ недуговъ, происходящихъ отъ дурнаго климата и дурной воды. Замѣчательно, что женщины почти всѣ обезображены пятнами и прыщами, можетъ быть отъ постоянно сидячей жизни.

Бухару снабжаетъ водою Зерѣшанъ (раздаватель золота), текущій на сѣверо-востокъ. Русло его ниже самаго города и вода проходитъ въ городъ черезъ каналъ, довольно глубокій, но далеко не чистый. Появленіе воды, сначала очень грязной, всегда встрѣчается съ большою радостью жителями. Всѣ они, малые и старые, бросаются къ каналамъ и резервуарамъ совершать омовеніе; потомъ начинаютъ купаться лошади, коровы и ослы, и наконецъ собаки, послѣ чего входъ въ воду запрещается и водѣ даютъ время устояться, сдѣлаться свѣтлой и чистой, что впрочемъ не скоро достигается послѣ такого громаднаго пріема элементовъ грязи и всякихъ нечистотъ.

Я не могу забыть Бухары уже и потому, что мнѣ извѣстны усилія ея сохранить религію въ чистотѣ, которыми отличается и правительство и народъ. Я часто слышалъ, что Бухару называли истинной опорой Ислама. Титуль слишкомъ слабъ; ее слѣдовало бы лучше назвать Римомъ Ислама, тогда какъ Мекка и Медина его Іерусалимъ. Бухара гордится своимъ значеніемъ передъ другими мусульманскими народностями, даже передъ самимъ султаномъ, который считается официальнымъ представителемъ религіи, но ему не могутъ простить снисходительности къ Френги, наводнившимъ его территорию. Такъ-какъ меня считали Османли, то я долженъ былъ рѣшить слѣдующіе вопросы.

Во первыхъ: отчего султана не убиваетъ всѣхъ Френги, живущихъ въ его владѣніяхъ и даже не платящихъ подати? отчего онъ не предпринимаетъ ежегодно религіозной войны, такъ-какъ на всѣхъ его границахъ живутъ невѣрные?

Во вторыхъ: отчего Османли—Сунниты по религіи и принадлежащіе къ сектѣ Абуханифовъ,—не носятъ тюрбановъ и длинныхъ одеждъ

до пять, предписываемыхъ закономъ? отчего у нихъ не длинныя бороды и не короткіе усы, на подобіе славы всѣхъ человѣческихъ существъ, какъ называютъ пророка?

Въ третьихъ: отчего Сунниты, въ Константинополѣ и Меккѣ, гворятъ езанъ (призывъ къ молитвѣ) на распѣвъ, что считается страшнымъ грѣхомъ? отего они не всѣ хаджи, отчего они не живутъ близъ святыхъ мѣстъ? и т. д.

Я всѣми силами старался спасти религіозную честь Османли, а вдушѣ поздравлялъ Турокъ, сохранившихъ подѣ влияніемъ искаженнаго исламизма столько хорошихъ свойствъ, между тѣмъ какъ ихъ соплеменники, хвастающіе близостью къ источнику чистой вѣры, отличаются только безсовѣстнымъ нищенствомъ, лицемеріемъ и лживостью. Какъ часто я присутствовалъ при халька (кругъ), составленномъ изъ благочестивыхъ мужей, усѣвшихся тѣсно одинъ возлѣ другаго и предававшихся теvedжю—размышленію или, какъ выражаются западными магометане,—созерцанію величія Божія, славы пророка и ничтожности нашей смертной жизни! Если посмотрѣть со стороны на этихъ людей въ громаднхъ тюрбанахъ, съ поникшими головами,—нельзя не считать ихъ самыми чистыми, безхитростными натурами, желающими свалить съ себя земное бремя и сподобиться чистаго духа, такъ-какъ Арабская поговорка гласитъ, что „свѣтъ есть мерзость, и увлекаться имъ могутъ только—собаки“.

Но посмотрите на нихъ поближе, и вы увидите, что многіе изъ нихъ вслѣдствіе слишкомъ глубокихъ размышленій—дремлютъ и даже многіе храпятъ, какъ собаки послѣ утомительной охоты; но не вздумайте упрекать ихъ: Бухарцы озадачатъ васъ возраженіемъ: „эти люди даже храпя думаютъ о Богѣ и безсмертіи!“ Въ Бухарѣ спрашивается только одна вѣшность. Въ каждомъ городѣ есть свой реисъ (охранитель религіи), который съ кошачьимъ хвостомъ въ рукахъ ходитъ по улицамъ и площадямъ, экзаменуетъ всѣхъ встрѣчныхъ по правиламъ ислама и отправляетъ невѣждъ, если даже въ числѣ такихъ окажутся сѣдовласые старцы, въ школы на недѣлю или двѣ или въ мечеть на часъ молитвы. Но затѣмъ—станутъ ли они учиться въ школахъ или спать тамъ и станутъ ли они молиться въ мечети или думать о томъ, какъ неприятно и неожиданно прервались ихъ ежедневныя занятія,—это уже ни до кого не касается. Правительство требуетъ только вѣшности; а что за этой вѣшностью—извѣстно одному Богу.

Религіозныя убѣжденія имѣютъ огромное вліяніе на правительство и общество. Иранская кровь туземцевъ (двѣ трети жителей Бухары—Персіяне, Мервы и Таджики) придаетъ нѣкоторое подобіе жизни базарамъ и публичнымъ мѣстамъ, но что за скука и однообразіе въ частныхъ домахъ! Гнетъ формалистики религіозной и правительственной уничтожаетъ всякій слѣдъ веселья и радости. Шпіоны эмира проникаютъ даже въ семьи, и горе тому, кто осмѣлится возстать противъ формъ религіи или авторитета государя. Годы тиранніи такъ запугали народъ, что мужъ и жена, даже безъ свидѣтелей, не смѣютъ произносить имени эмира, не прибавляя словъ: „Да продлитъ ему Богъ жизни на 120 лѣтъ“. Нужно еще прибавить, что несчастный народъ не чувствуетъ ненависти къ своему правителю, потому что тиранническіе капризы не кажутся имъ чѣмъ нибудь удивительнымъ, но считаются

неизбѣжной принадлежностью государя. Эмиръ Назръ-Улла, отецъ теперешняго правителя Бухары, дошелъ въ послѣдніе годы своей жизни до послѣдней степени безобразія, онъ наказывалъ смертью преступленія противъ нравственности подданныхъ своихъ, а самъ посягалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ на честь своихъ подданныхъ. Не многія семья избѣгли безчестія, и не смотря на то, ни у кого не повернулся языкъ осудить виновника своего позора. Нынѣ царствующій эмиръ, Мозафаръ-эд-Динъ-Ханъ, къ счастью, человекъ очень добрый и строго преслѣдующій нарушенія законовъ религіи и нравственности, — самъ неповиненъ ни въ какомъ преступленіи; отсюда безпрерывныя восхваленія и прославленія его со стороны народа.

Я видѣлъ эмира послѣ въ Самаркандѣ; ему сорокъ второй годъ, росту онъ средняго и довольно гучень. Наружность у него очень приятная, прекрасные, черные глаза и небольшая борода. Въ молодости онъ одинъ годъ управлялъ Карши и восемнадцать лѣтъ Керминехомъ и всегда отличался пріятливостью и мягкостью пріемовъ. Онъ строго придерживается политическихъ принциповъ своего отца и въ качествахъ молвы и набожнаго мусульманина—отъявленный врагъ всякихъ нововведеній, какъ бы они ни были полезны. При восшествіи на престолъ онъ объявилъ своимъ девизомъ: *справедливость*, и до сихъ поръ строго слѣдовалъ ему. Это подтверждается множествомъ толковъ, ходящихъ объ немъ въ народѣ. Конечно, съ нашей точки зрѣнія справедливость эмира—преувеличена иногда, какъ на примѣръ однажды, когда онъ приказалъ казнить своего мехтера, втораго по чину изъ своихъ офицеровъ, за то, что онъ бросилъ нервѣшительный взглядъ на одного изъ царскихъ рабовъ (по крайней мѣрѣ въ этой формѣ дошло донесеніе до Коканда); по нашимъ понятіямъ государь, называющій себя справедливымъ, не долженъ былъ бы вести себя, такъ какъ онъ велъ себя въ Кокандѣ. Но всѣ эти промахи простительны Бухарскому хану. Онъ впрочемъ вообще очень строгъ къ высшимъ сановникамъ и наказываетъ смертью каждый, даже ничтожный ихъ проступокъ, тогда какъ въ отношеніи бѣдныхъ онъ гораздо снисходительнѣе. Оттого-то въ народѣ его называютъ убійцей слоновъ и защитникомъ мышей.

Странно, что эмиръ употребляетъ столько стараній для того, чтобы удержать своихъ подданныхъ въ теперешнемъ ихъ простомъ, скромномъ и по его убѣжденію счастливомъ быту. Введеніе въ употребленіе предметовъ роскоши или другихъ, не существенно необходимыхъ товаровъ, строго запрещено, равно какъ и употребленіе роскошныхъ вещей дома и въ одеждѣ. И запрещеніе это распространено на всѣ классы. Его сердари-куль (главнокомандующій) Шахрукъ-Ханъ, происходящій отъ побочной линіи царствующаго дома въ Персіи, желая жить на Персидскій ладъ, приказалъ построить съ большими издержками для себя одноэтажный домъ, въ подражаніе Тегеранскимъ домамъ, гдѣ кромѣ другихъ предметовъ роскоши, были вставлены стекла въ окна, что стоило около 15,000 тилла,—для Бухары огромная сумма. Эмиру сообщили объ этой постройкѣ въ самомъ ея началѣ, но онъ дождался, чтобы все было кончено, и тогда обвинилъ Шахрукъ-Хана въ преступленіи противъ религіи, посадилъ подъ арестъ и затѣмъ сослалъ въ ссылку. Домъ былъ конфискованъ въ пользу эмира: предлагали было продать его, и за сумму, превосходившую его стои-

мость, — но онъ приказалъ его разкомать и даже скрыть до основанія, а строевой дѣсь продать пекарю за 200 тилла, въ укоръ и поученіе всѣмъ, кто вздумаетъ позволить себѣ подобную роскошь. Этотъ эмиръ даже въ домашнемъ быту совершенно разнится отъ своего стца, и едва ли у него найдется половина свиты, видѣнной г. Ханыковымъ при дворѣ Назръ-Улла.

У Мозафаръ-эд-Динъ-Хана четыре законныхъ жены и до двадцати невольницъ, употребляемыхъ только для ухода за дѣтьми, которыхъ у него шестнадцать — десять дѣвочекъ и шесть мальчиковъ. Двѣ старшія принцессы замужемъ за губернаторами Серепуля и Акча; но такъ какъ эти два города были завоеваны Афганами, то зятя эмира гостятъ теперь у него, въ качествѣ министровъ безъ портфелей. Гаремомъ завѣдуетъ мать государя и строго смотритъ за нравственностью и порядкомъ. Входъ въ гаремъ мірянамъ запрещенъ подъ страхомъ смерти, и допускаются только благочестивые шейхи или моллы, нефесъ (дыханіе) которыхъ несомнѣнно свято; такъ на примѣръ другъ нашъ Хаджи-Сали былъ призванъ для того, чтобы дать приемъ хаки-шифа (цѣлебный порошокъ изъ Медины). Расходы гарема на одежду, столъ и другія потребности — весьма ничтожны. Женщины не только шьютъ сами себѣ платья, но шьютъ иногда одежду и для мужа — извѣстнаго экономиста, строго контролирующаго всякаго рода расходъ. Ежедневный кухонный расходъ дворца составляетъ отъ 16 до 20 тенге (немного больше 9 или 10 шилинговъ), что очень вѣроподобно, потому что столъ рѣдко состоитъ изъ какихъ нибудь приготовленій и вертится постоянно только на вареномъ пилавѣ съ бараньимъ жиромъ. Выраженіе „царскій столъ“ немыслимо въ Бухарѣ, потому что государь и сановники и купцы и крестьяне держатъ одинъ и тотъ же столъ.

Человѣкъ, прошедшій черезъ степи Средней Азіи, найдетъ въ Бухарѣ, не смотря на всѣ ея бѣдныя и грязныя стороны, нѣчто напоминающее столицу. Моя пища состояла изъ хорошаго хлѣба, чая, фруктовъ и вареныхъ кушаньевъ. У меня было двѣ рубашки, и удобства цивилизованной жизни сдѣлались мнѣ такъ пріятны, что я въ самомъ дѣлѣ былъ огорченъ, когда друзья мои объявили, что пора собираться въ путь, потому что имъ хотѣлось добраться до своей далекой родины до наступленія зимы. Я хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ ними до Самарканда, потому что я отчасти побаивался свиданія съ эмиромъ, и ихъ близость во многихъ отношеніяхъ могла быть мнѣ очень полезна. Въ Самаркандѣ мнѣ предстояло рѣшить — ѣхать ли мнѣ съ ними въ Кованъ и Кашгаръ или возвратиться одному черезъ Керки, Карпи и Герать. Мои добрыя друзья, Хаджи-Билалъ и Хаджи-Сали, не желая отклонять меня насильно отъ моего первоначальнаго намѣренія, постарались обезпечить меня на случай возвращенія. Съ этою цѣлью они познакомили меня съ керванбаши изъ Герата, жившимъ въ Бухарѣ и намѣревающимся возвратиться обратно въ Герать черезъ три недѣли. Его звали Молла-Земагъ и онъ былъ давнишнимъ знакомымъ моихъ друзей. Они поручили меня его покровительству, какъ будто бы я былъ ихъ родной братъ, и было рѣшено, что если я возвращусь изъ Самарканда, то мы встрѣтимся черезъ три недѣли въ Керки, на другомъ берегу Аму-Дарьи. Этотъ первый шагъ къ окончательной разлукѣ былъ для насъ очень прискорбенъ. Меня поддерживала и утѣшала перспектива

предстоящаго путешествія: поѣздка въ Кашгаръ, Аксу и Хотенъ, богатый мускусомъ, — въ страны, куда до меня не проникалъ ни одинъ Европейецъ, — имѣла для меня невыразимую прелесть и повѣстическую привлекательность.

Но я увлекся воспоминаніемъ о Молла-Земанѣ, отъ мѣста гдѣ я свидѣлся съ нимъ. Это былъ каравансерай, устроенный для торговли рабами. Я не могу не сказать объ немъ нѣсколькихъ словъ. Зданіе, образующее четырехугольникъ, заключаетъ въ себѣ отъ тридцати до тридцати пяти келій. Три оптовые торговца этой отвратительной отрасли коммерціи наняли это зданіе для того, чтобы помѣщать въ немъ несчастныхъ, отчасти составляющихъ собственность и отчасти переданныхъ имъ на коммисію. Какъ извѣстно, каракчи, не способные долго ждать, привыкли продавать своихъ рабовъ Туркменамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи больше средствъ. Эти Туркмены привозятъ ихъ въ Бухару и пользуются немалой прибылью при этомъ, потому что покупаютъ ихъ изъ первыхъ рукъ. Людей въ Бухарѣ и Хивѣ продаютъ отъ трехъ до шестидесяти лѣтъ, если только у нихъ нѣтъ какихъ нибудь существенныхъ недостатковъ или увѣчий. Сообразно съ правилами религіи, рабами могутъ быть только невѣрующіе; но Бухарецъ, только по внѣшности набожный, набираетъ рабовъ не только изъ Шитовъ Персіанъ, но даже многихъ учителей Суннитскаго толка, заставляя ихъ посредствомъ побоевъ и разныхъ притѣсненій — объявлять себя Шитами. Только одни Евреи считаются негодными, или лучше сказать, недостойными быть рабами, — способъ выраженія отвращенія, въ сущности вовсе не непріятный для сыновъ Израиля, потому что хотя Туркмены и завладѣваютъ ихъ собственностью, но ихъ самихъ не трогаютъ. Прежде и Индусы составляли исключеніе. Въ послѣднее время, когда они хлынули черезъ Гератъ въ Бухару, — Текке или Сарикъ постановили новые законы, несчастныхъ поклонниковъ Вишну сравнивали въ мусульманами Шитами и принялись сначала грабить ихъ, а потомъ и обращать въ рабовъ.

Рабъ при продажѣ подвергается публичному осмотру; продавецъ долженъ ручаться, что у него нѣтъ ни нравственныхъ, ни тѣлесныхъ недостатковъ. Для самаго раба нѣтъ счастливѣе того момента, когда онъ выходитъ изъ рукъ торговца рабами, потому что какое бы тяжкое обращеніе ни ожидало его у новаго хозяина, все же это лучше, чѣмъ быть предметомъ торга, выставленнымъ въ лавкѣ.

Цѣны на рабовъ измѣняются сообразно съ политическими обстоятельствами Туркменъ; на примѣръ, въ настоящее время самая высокая цѣна взрослому человѣку отъ 40 до 50 тилла (отъ 21 до 36 ф. стерл.), а послѣ побѣды, когда взято было въ плѣнъ 18,000 Персіанъ, человѣка можно было купить за 3 или 4 тилла.

Пробывъ двадцать два дня въ Бухарѣ, я нашелъ невозможнымъ задерживать долѣе друзей своихъ, и было рѣшено отправиться въ Самаркандъ. Пребываніе въ Бухарѣ, такъ-какъ жители, не смотря на любезность, не дали намъ ни одного фартинга, — очень поразстроило наши финансы. Все собранное нами въ Хивѣ было растрчено и мы должны были продолжать путь въ наемной двухколесной повозкѣ. Нѣкоторые члены нашего каравана, уроженцы Кокана или Ходженда, разстались съ нами и отправились по разнымъ путямъ одни. Оставшіеся были изъ

Эндигана или Китайской Татаріи. Но и они, чтобы добраться до Самарканда, избрали различные пути. ХаджиСали, Хаджи Билаль съ товарищами и я рѣшились избрать прямой путь; остальные, шедшіе пѣшкомъ, выбрали путь черезъ Гидждованъ, мимо могилы Абдуль-Халика *).

Многіе Бухарцы изъявили желаніе сопровождать меня до Мекки. Я долженъ былъ прибѣгать къ тонкой дипломатіи, чтобы отдѣлаться отъ ихъ общества, которое было бы для меня крайне стѣснительно во всѣхъ отношеніяхъ.

Я простился со всѣми своими друзьями и товарищами. Рахметъ-Би далъ мнѣ рекомендательныя письма въ Самаркандъ и я обѣщалъ дождаться тамъ эмира. Коканская повозка, нанятая нами до Самарканда, была отправлена впередъ, въ деревню Баведдинъ, куда мы, по обычаю страны, должны были зайти для поклоненія на прощанье. Эта деревня въ двухъ миляхъ отъ Бухары и, какъ я уже говорилъ, славится могилой знаменитаго Бага-эд-Динъ-Накишбенда, основателя ордена того же названія и главнаго источника всѣхъ нелѣпостей, отличающихъ Восточный исламизмъ отъ Западнаго. Не входя во многія подробности, достаточно замѣтить, что Бага-эд-Дина чтутъ, какъ народную святыню Туркестана, какъ втораго Могаммеда; и Бухарцы твердо убѣждены, что одного восклицанія: „О Бага-эд-Динъ, ты защита отъ всякаго зла!“ достаточно, чтобы оградить себя отъ всякаго бѣдствія. Въ эту деревню стекаются благочестивые даже изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Китая. Въ Бухарѣ принято ходить туда каждую нѣдѣлю; сообщеніе съ столицей происходитъ посредствомъ 300 ословъ, которыхъ отдають въ наемъ. Ослы эти стоятъ передъ Дервизъ-Мезаромъ и каждаго изъ нихъ можно имѣть за нѣсколько пуль (маленькихъ монетъ). Хотя дорога во многихъ мѣстахъ проходитъ по глубокимъ пескамъ, животныя эти бѣгутъ необыкновенно быстро до деревни и, что еще удивительнѣе, ихъ нельзя заставить безъ побоевъ возвратиться назадъ. Бухарцы приписываютъ это благочестію, вселяемому святымъ даже въ животныхъ, которыя будто бы охотно бѣгутъ къ его могилѣ и чрезвычайно неохотно разстаются съ нею.

Могила помѣщается въ маленькомъ саду. Съ одной стороны ея мечеть, къ которой нужно подходить черезъ дворъ, наполненный слѣпыми или увѣчными нищими, настойчивость которыхъ заставила бы устыдиться ихъ собратій по профессіи въ Римѣ или Неаполѣ. Въ головахъ могилы лежитъ знаменитый сенги-мюрадъ (камень желанія), сглаженный безчисленными прикладываніями благочестивыхъ пилигримовъ. Надъ могилой помѣщаются нѣсколько бараньихъ роговъ, знамя и метла, долго служившая для очищенія святилища въ Меккѣ. Нѣсколько разъ были дѣлаемы попытки покрыть все это сводомъ, но Бага-эд-Динъ, подобно многимъ другимъ святымъ въ Туркестанѣ, предпочитаетъ чистый воздухъ, и всякое зданіе разрушалось само собою черезъ три дня по возведеніи. Сказку эту рассказываютъ шейхи, потомки святаго, охраняющіе могилу и рассказывающіе при этомъ пилигримамъ, что пре-

*) Ходжа-Абдуль-Халикъ, умершій въ 1601 г., былъ современникомъ знаменитаго Пайенде-Замини и славился ученостью, аскетизмомъ и святостью.

докъ ихъ особенно любилъ число семь. На седьмомъ мѣсяцѣ онъ произошелъ на свѣтъ, на седьмомъ году онъ зналъ Коранъ наизусть, а на семнадцатомъ—умеръ. Поэтому и приношеніе на его могилу должно быть въ числѣ семи или помноженномъ на семь.

Въ четверти мили отъ могилы святаго, на открытомъ полѣ лежить Мири-Кулахъ — учитель и духовный наставникъ Бага-эд-Дина. Но учитель далеко не пользуется тѣми же почестями и славою, какъ ученикъ.

ГЛАВА XI.

Отъ Бухары до Самарканда.—Маленькая стѣнь Чель-Меликъ.—Оживленіе дороги вслѣдствіе войны.—Первый взглядъ на Самаркандъ.—Хазретп-Шахъ-Зинде.—Тимурскія мечеть.—Цитадель (Аркъ).—Приемная Тимура.—Тропъ Тимура.—Странная скамейка.—Могилы Тимура и могила его учителя.—Авторъ осматриваетъ теперешнюю могилу Тимура въ подземельѣ.—Фolio Коранъ, приписываемый Осману, секретарю Могаммеда.—Училища.—Старая обсерваторія.—Греко-армянская книжная торговля.—Архитектура общественныхъ зданій.—Современный Самаркандъ.—Его населеніе.—Дегвидъ.—Авторъ рѣшается возвратиться.—Привѣздъ эмира.—Свиданіе автора съ нимъ.—Разлука съ хаджи и отъѣздъ изъ Самарканда.

Hinc quarto die ad Maracanda perventum est... Scythiae confinis est regio, habitaturque pluribus ac frequentibus vicis, quia ubertas terrae non indigenas modo detinet, sed etiam advenas invitat.—Q. CURTII RUFII lib. b. vii et viii.

При выѣздѣ изъ Бухары, весь нашъ караванъ размѣстился въ двухъ повозкахъ. Въ одной помѣстился я съ Хаджи-Сали, въ другой Хаджи-Билаль съ братіей. Подъ защитой циновки, растянутой надъ головами, сидѣть спокойно на коврѣ было бы очень пріятно, но мечта эта оказалась несбыточной: наша первобытная колесница была невыносимо тряска и передвигала насъ поминутно съ мѣста на мѣсто, по своему благому усмотрѣнію; головы наши сталкивались какъ шары на бильярдѣ. Въ первые нѣсколько часовъ я чувствовалъ нѣчто въ родѣ морской болѣзни, страдая гораздо больше, чѣмъ бывало на верблюдѣ, кораблеподобныхъ движеній котораго я прежде такъ боялся. Бѣдная лошадь, впряженная въ широкую и тяжелую повозку, на неправильныхъ колесахъ, съ трудомъ тащила по глубокому песку или грязи и сверхъ того должна была еще тащить на себѣ извозчика и его мѣшокъ съ провизіей. Туркмены правы, сомнѣваясь въ томъ, будутъ ли Бухарцы когда нибудь способны оправдаться въ своемъ дурномъ обращеніи съ лошадью, благороднѣйшимъ изъ животныхъ. Такъ какъ мы выѣхали

изъ Бага-эдъ-Дина ночью, извощикъ (уроженецъ Кокана), недостаточно знакомый съ дорогой, сбился съ пути, такъ-что вмѣсто полуночи, мы подѣхали только утромъ къ маленькому городку Мезару. Онъ отстоятъ отъ Бухары на пять ташъ и считается первою станціей на пути къ Самарканду. Мы остановились тутъ не надолго и около полудня пріѣхали въ Шейхъ-Казимъ, гдѣ встрѣтились съ нѣсколькими изъ нашихъ братьевъ пилигримовъ. Они отправлялись въ Гидждованъ и мы провели съ ними весь вечеръ до поздней ночи.

Я слышалъ много удивительныхъ разсказовъ о процвѣтаніи края между Бухарой и Самаркандомъ, но во все время нашей дневной поѣздки я не видѣлъ ничего удивительнаго, ничего такого, что бы удовлетворило моимъ ожиданіямъ. Мы видѣли, впрочемъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, съ небольшими исключеніями, обработанныя земли. Но зато на слѣдующій день меня ожидалъ настоящій сюрпризъ. Мы проѣхали черезъ маленькую степь Чель-Меликъ (шесть миль длины и четыре ширины), гдѣ мы нашли каравансерай и резервуаръ съ водой и наконецъ достигли области Керминехъ, гдѣ находится станція третьяго дня. Тутъ намъ попадались по дорогѣ каждый часъ, а иногда каждые полчаса маленькіе базары съ нѣсколькими домами и лавками для провизіи и съ гигантскими Русскими самоварами, вѣчно кипящими, почему они и пользуются тамъ репутаціей *pes plus ultra* утонченнаго комфорта. Эти деревни вовсе не похожи на деревни въ Персіи и Турціи: тутъ постоянные дворы гораздо больше снабжены всякими земными благами и еслибы тутъ было немного больше деревьевъ, то можно было бы сказать, что этотъ путь есть единственная мѣстность, похожая на нашу, напоминающая нашъ далекій Западъ. Около полудня мы остановились въ Керминехъ въ прелестномъ саду, на берегу резервуара съ обильной тѣнью. Друзья мои привязывались ко мнѣ все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія момента нашей разлуки; они не могли безъ ужаса подумать, что мнѣ придется ѣхать одному изъ Самарканда въ Европу! Мы отправились изъ Керминеха послѣ солнечнаго заката, рассчитывая, что ночная свѣжестъ облегчитъ въ нѣкоторомъ отношеніи страданія нашей измученной лошади; въ полночь мы опять остановились на два часа, надѣясь добраться до станціи къ утру до дневнаго зноя. Я замѣтилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дорогѣ квадратные мильные столбы, одни цѣльные, а другіе уже развалившіеся *), воздвигнутые Тимуромъ. Мы этому не удивились, потому что Марко Поло во время Окталя нашелъ правильныя почтовые дороги въ Средней Азіи. Весь путь отъ Бухары до Капшгара носить на себѣ слѣды древней цивилизаціи. Теперешній эмиръ, желая тоже отличиться, устроилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькіе террасы для того, чтобы дать возможность прохожимъ исполнять какъ слѣдуетъ религіозные обряды. Вечеръ мы провели въ деревнѣ Миръ въ мечети. Эта мечеть помѣщается посреди хорошенькаго цвѣтника; я улегся спать возлѣ резервуара, но меня скоро разбудили крикъ и споры проѣзжихъ Туркменъ. То были всадники Текке, по-

*) Турецкое названіе мильныхъ столбовъ — ташъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ и милю.

могавшіе эмиру въ походѣ противъ Кокана и теперь возвращавшіеся въ Мервъ съ добычей, отнятой у Киргизовъ. Эмиръ, желая цивилизовать ихъ, подарилъ имъ всѣмъ по бѣлому тюрбану, надѣясь, что они бросятъ свои грубыя, мѣховыя шапки, но они носили эти тюрбаны, пока были на глазахъ у эмира, а потомъ продали ихъ.

Изъ Мира мы отправились въ Кетте-Курганъ (большая крѣпость); это центръ управленія и тутъ же живутъ самые лучшіе сапожники во всемъ ханствѣ. Крѣпость защищена большимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Ночью никто не смѣетъ ни входить, ни выходить изъ нея и поэтому мы остановились на дорогѣ въ каравансераѣ, внѣ форта. Всюду видѣлись повозки и дорога во всѣхъ направленіяхъ казалась чрезвычайно оживленной. Это нужно приписать войнѣ, сосредоточившей всю народную дѣятельность между Бухарой и Коканомъ. Отъ Кетте-Кургана есть путь черезъ степь до Карши и говорятъ, что онъ четырьмя милями короче, чѣмъ обыкновенный путь отсюда до Самарканда, но зато путешественники должны брать съ собою воду, потому что на этомъ пути нѣтъ колодезь, годныхъ для людей. Тутъ я слышалъ, какъ извозчики и крестьяне разсуждаютъ о политикѣ передъ чайными лавками. Бѣдные люди были въ восторгѣ отъ геройскихъ подвиговъ своего эмира; они разсказывали, что онъ проложилъ путь изъ Кокана въ Китай, и покоривъ весь Востокъ, завладѣвъ Ираномъ, Афганистаномъ, Индией и Френгистаномъ до самаго Рума, и тогда весь свѣтъ будетъ раздѣленъ между султаномъ и эмиромъ.

Оставивъ за собой Карасу, довольно большое мѣстечко, мы добрались до Даула, пятой станціи и послѣдней передъ Самаркандомъ. Путь нашъ лежалъ черезъ горы, съ которыхъ намъ были видны обширные лѣса, тянувшіеся съ лѣвой стороны; мнѣ сказывали, что они тянутся до половины пути къ Бухарѣ и служатъ убѣжищемъ Узбекскимъ племенамъ: Хитай и Кипчакъ, часто враждающимъ съ эмиромъ. Хорошо знакомые со всѣми закоулками своихъ лѣсовъ, они тамъ обезпечены отъ нападеній.

Все что я слышалъ въ Бухарѣ, значительно уменьшило въ моихъ глазахъ историческое значеніе Самарканда; не смотря на то, я не безъ любопытства ожидалъ появленія на Востокѣ горы Хобаната, у подножія которой лежала моя Мекка—цѣль моихъ давнишнихъ стремленій. Наконецъ, вѣхавъ на одну гору, я завидѣлъ городъ Тимура, посреди прекраснѣйшей мѣстности. Я долженъ сознаться, что первое впечатлѣніе всѣхъ этихъ разноцвѣтныхъ куполовъ и минаретовъ, облитыхъ лучами утренняго солнца,—было очень пріятное.

Такъ какъ Самаркандъ по своему прошедшему и по своей отдаленности считается чѣмъ-то необыкновеннымъ въ Европѣ, то мы стараемся по возможности описать все, что въ немъ заслуживаетъ вниманія. Я попрошу читателя сѣсть со мною въ повозку; онъ увидитъ тогда на востокѣ гору, о которой я выше говорилъ. На ея куполообразной вершинѣ видѣется маленькое зданіе, въ которомъ покоится Хобаната—святой покровитель пастуховъ. Внизу лежитъ городъ; онъ равенъ Тегерану по объему, но дома стоятъ далеко не такъ близко; зато большія зданія и развалины представляются въ гораздо болѣе выгодномъ свѣтѣ. Прежде всего глазъ останавливается на четырехъ высо-

кихъ зданіяхъ, фасадахъ медресе; надали кажется, какъ будто они стоятъ близко одинъ возлѣ другаго, но по мѣрѣ приближенія мы видимъ сперва только одинъ куполь, а потомъ дальше на югъ еще другою, болѣе высокой; въ первомъ могила, а во второмъ мечеть Тимура. На юго-западной окраинѣ города, на горѣ высится цитадель (аркъ), вокругъ которой группируются другія зданія, по большей части мечети и надгробные памятники. Представьте себѣ все это перемѣшанное множествомъ садовъ, и вы будете имѣть слабое понятіе о Самаркандѣ, — слабое потому, что какъ гласитъ Персидская пословица:—слушать далеко не то, что видѣть.

Но увы! я долженъ прибавить, что первое впечатлѣніе ослабѣваетъ по мѣрѣ приближенія и совершенно исчезаетъ при вѣздѣ въ самый городъ! Въ самомъ дѣлѣ, горько разочароваться въ такомъ городѣ, какъ Самаркандъ, куда такъ трудно добраться, который такъ трудно узнать; и когда мы вѣхали черезъ Дервазъ-Бухару и должны были проѣхать большую часть кладбища, чтобы добраться до этаго города, о которомъ восточные поэты говорятъ:

„Самаркандъ—фокусъ всего земнаго шара, — не смотря на весь мой энтузіасмъ, я громко расхохотался. Мы прежде всего отправились къ каравансераю, около базара, гдѣ одни хаджи пользуются правомъ дароваго постоя; но въ тотъ же самый вечеръ мы были приглашены въ частный домъ, близъ могилы Тимура, и мнѣ было очень пріятно узнать, что нашъ хозяинъ—офицеръ эмира и управляющій Самаркандскимъ дворцомъ.

Такъ какъ возвращеніе эмира изъ Кокана, гдѣ онъ только-что окончилъ блистательный походъ, ожидали черезъ нѣсколько дней, то товарищи мои рѣшили остаться въ Самаркандѣ, потому что мнѣ хотѣлось непременно видѣть эмира и сверхъ того имъ хотѣлось пріискать тутъ для меня другихъ хаджи, съ которыми я могъ бы возвратиться. Между тѣмъ я осматривалъ всѣ достопримѣчательности города, который, не смотря на жалкую внѣшность, богаче въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ городовъ средней Азіи.

Въ качествѣ хаджи, я, разумѣется, началъ со святыхъ; но такъ какъ все, даже исторически интересное, тѣсно связано съ какими нибудь священными легендами, то я счелъ себя обязаннымъ осмотрѣть рѣшительно все.

Здѣсь насчитываютъ до нѣсколькихъ сотенъ святыхъ мѣстъ, куда стекаются для поклоненія; но я упомяну только о самыхъ замѣчательныхъ:

Хазретц-Шахъ-Зинде (лѣтній дворецъ Тимура). Настоящее его имя Казимъ-бинъ-Аббазъ. Говорятъ, что онъ былъ Корейшитъ и пользовался здѣсь глубокимъ уваженіемъ, какъ глава Арабовъ, введшихъ исламъ въ Самаркандъ. Его могила находится внѣ города, на сѣверо-востокѣ, около вала и зданія, служившаго великому Тимуру лѣтней резиденціей. Въ этомъ дворцѣ до сихъ поръ сохранилось много прежней роскоши и великолѣпія. Онъ помѣщается на значительной возвышенности и къ нему ведутъ сорокъ, довольно широкихъ мраморныхъ ступеней. Самое зданіе находится въ концѣ маленькаго садика. Нѣсколько маленькихъ корридоровъ ведутъ къ большой комнатѣ, а отсюда малень-

кой, мрачной тропинкой можно пройти къ могилѣ святаго. Кромѣ вышеупомянутой комнаты, тамъ есть еще нѣсколько комнатъ съ пестрыми кирпичными стѣнами и мозаичными полами, потому комнаты эти нажутся и до сихъ поръ совершенно новыми.

Въ каждой комнатѣ мы должны были совершать два рикаатъ-намаза. У меня уже болѣли колѣни, когда ввели меня въ комнату, выстланную мраморомъ. Тутъ были выставлены три олага, старый мечъ и нагрудникъ, къ которымъ прикладываются, какъ къ реликвіямъ знаменитаго эмира. Противъ этаго зданія нынѣ царствующій эмиръ построилъ маленькую медресе, похожую на хлѣвъ.

Мечеть Тимура—помѣщается на южномъ краю города: по величинѣ и цвѣтной, кирпичной отдѣлкѣ, она очень похожа на мечеть шаха въ Испагани, построенную по приказанію Аббаса II. Въ куполѣ правда есть нѣкоторая разница; онъ сдѣланъ въ видѣ дыни, чего никогда не дѣлаютъ въ Персіи. Надписи изъ Корана, золотыми буквами, самыя изящныя изъ всѣхъ, когда либо мною видѣнныхъ.

Аркъ (цитадель—пріемная зала Тимура). Входъ къ цитадели довольно крутъ; она раздѣляется на двѣ части: одна состояла изъ частныхъ квартиръ, а другая служила только для пріемовъ эмира.

Мнѣ говорили, что дворецъ этотъ чрезвычайно любопытенъ во многихъ отношеніяхъ; но я, признаюсь, не нашелъ въ немъ ничего любопытнаго. Зданіе очень обыкновенное съ виду и не болѣе ста лѣтъ назадъ построенное. Мнѣ сперва показали комнаты эмира; между ними одна, айнеханъ, состояла вся изъ кусочковъ зеркалъ и слыла чудомъ свѣта; но мнѣ всего интереснѣе показалась Талари-Тимуръ или пріемная зала Тимура. Это длинный дворъ, окруженный крытой галлереей. Съ одной стороны помѣщается знаменитый ректашъ (зеленый камень), на которомъ помѣщался тронъ Тимура: сюда-то стекались вассалы со всѣхъ сторонъ на поклоненіе и ихъ выстраивали сообразно съ ихъ званіями; въ серединѣ, похожей на арену, стояло три герольда верхами, готовые разнести слова побѣдителя міра въ самыя отдаленныя углы залы. Такъ-какъ зеленый камень имѣетъ четыре фута съ половиной высоты, то всегда какой нибудь рабъ знаменитаго происхожденія служилъ вмѣсто скамеечки. Странно, что, судя по преданію, этотъ огромный камень (десять футовъ длины, четыре ширины и четыре съ половиною высоты) былъ перенесенъ сюда изъ Бруссы. По правую сторону этаго камня, въ стѣну вдѣланъ овальный кусокъ желѣза, похожій на половину кокосоваго орѣха; надъ нимъ Арабская надпись куфическими буквами. Говорятъ, что это подарокъ султана Баязида-Ильдирина, служившій калифамъ талисманомъ. Надъ камнемъ, на стѣнѣ, видѣются два фирмана, написанные золотыми буквами, одинъ Султанъ-Махмуда, а другой Султанъ-Абдуль-Меджида. Они были посланы Эмиръ-Санду и Эмиръ-Назр-Улла изъ Константинополя и оба заключали въ себѣ рузгати-намазъ (официальное позволеніе молиться) и введеніе въ *) обязанности реиса (охранителя религіи). Въ послѣднее время эмиры дозволяются при восшествіи на престолъ возданіемъ почести кѣк-

*) Молиться по пятницамъ, чего ни одинъ Суннитъ не смѣетъ сдѣлать безъ позволенія калифа или его преемника.

ташу, и камень употребляется теперь только въ этихъ случаяхъ. Благочестивые хаджи, являющіеся сюда для поклоненія, произносятъ три фатиха и съ особеннымъ умиленіемъ преклоняють головы передъ памятникомъ, откуда во время оно каждое слово ихъ достославныхъ монарховъ разносилось до самыхъ отдаленныхъ концовъ Азіи.

Могила Тимура, находится на юго-западѣ и состоитъ изъ хорошей часовни, съ великолѣпнымъ куполомъ, и окружена оградой. Въ этой оградѣ — высокія, сводчатыя ворота и по обѣимъ сторонамъ два маленькіе купола, миньютюрныя подражанія большому куполу. Пространство между стѣною и часовней наполнено деревьями и должно изобразять садъ, но теперь все это въ страшномъ запустеніи. Въ часовню входятъ съ запада, а фронтонъ ея, согласно съ законами, выходитъ на югъ. Входить нужно черезъ что-то въ родѣ сѣней, ведущихъ прямо въ самую часовню. Посерединѣ, подъ куполомъ, на такъ называемомъ почетномъ мѣстѣ — двѣ могилы, помѣщенныя головами по направленію къ Меккѣ. Одна изъ нихъ покрыта очень красивымъ камнемъ темно-зеленаго цвѣта. На другой лежитъ черный камень. Подъ зеленымъ камнемъ могила Тимура, а подъ чернымъ — Миръ-Сенда-Берке, учителя Тимура, возлѣ котораго признательный эмиръ непременно желалъ быть похороненнымъ. Вокругъ этихъ двухъ главныхъ могилъ есть много другихъ, большихъ и маленькихъ, — могилъ женъ, внуковъ и правнуковъ эмира; но эти могилы перенесены сюда уже впоследствии изъ различныхъ частей города. Надгробныя надписи на Персидскомъ и Арабскомъ языкахъ чрезвычайно просты.

Внутри часовни, алебастровые арабески составляютъ свою позолоту роскошнѣйшій контрастъ съ лазурью свода и производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Вообще все это зданіе залечатлѣно простотой и скромной прелестью. Въ изголовьи могилъ два рааля (столы, на которыхъ на Востокѣ кладутъ священныя книги), на которыхъ моллы день и ночь поочередно читаютъ Коранъ. Эти моллы получаютъ хорошее содержаніе и ихъ, такъ же какъ и мутевали (управляющихъ), вербуютъ изъ Ногайскихъ Татаръ, потому что эмиръ заявилъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ желаетъ, чтобы его могилу стерегли люди изъ племени, всегда особенно хорошо къ нему расположеннаго. Я сдѣлалъ визитъ управляющему и онъ заставилъ меня пробыть у себя цѣлый день. Въ знакъ особеннаго расположенія, онъ позволилъ мнѣ осмотрѣть теперешнюю гробницу — честь, которой рѣдко удостоиваются даже туземцы. Мы спустились по узкой, длинной лѣстницѣ внизъ и пришли въ комнату, находящуюся прямо подъ часовней и очень похожей на нее арабесками. Могилы и здѣсь расположены въ томъ же порядкѣ, но ихъ не такъ много. Говорятъ, что въ могилѣ Тимура много сокровищъ, но это невѣроятно, потому что это было бы противно законамъ. Тутъ опять есть рааль, съ Кораномъ *in folio*, написаннымъ на кожѣ газелей. Меня увѣрили, что это та самая копія, которую списалъ Османъ, секретарь Мохаммеда и второй калифъ, и что ее привезъ Тимуръ изъ сокровищницы Султана-Баязида, изъ Бруссы, и спряталъ здѣсь, какъ особенную драгоценность.

На фронтонѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, мы прочли надпись бѣлыми буквами по синему полю:

„Это произведеніе бѣднаго Абдулла, сына Махмуда Испаганскаго“.

Года я не помню. Шагахъ во ста отсюда высится другой куполь, болѣ простой архитектуры, но довольно древній, гдѣ похоронена одна изъ любимыхъ женъ Тимура, тоже чтимая, какъ святая. Тутъ висить сверху какая-то прядь, какъ говорятъ изъ бороды пророка.

Медресе. Многія изъ нихъ еще населены; другія опустѣли и быстро разрушаются. Довольно хорошо сохранилась Медресе-Ширударъ и Тиллакари, но она была построена гораздо позже Тимура. Тиллакари богато украшена золотомъ, отсюда и имя ея тиллакари (золотой); построена въ 1028 (1618) богатымъ Калмыкомъ, по имени Иеленктошъ, обращеннымъ въ исламъ. Совершенную противоположность этой медресе составляетъ Медресе-Мирза-Улугъ, построенная въ 828 году (1434) Тимуромъ, внукомъ великаго Тимура и страстнымъ любителемъ астрологии, и которая еще въ 1113 (1701) была въ такомъ плохомъ состояніи, что, говоря выраженіями историка, въ ней «вмѣсто учениковъ поселились совы, и на дверяхъ вмѣсто шелковыхъ занавѣсей — паутины». Въ этой медресе помѣщалась обсерваторія, извѣстная всему свѣту, начатая въ 832 (1440) году подъ руководствомъ различныхъ ученыхъ и оконченная при Али-Кушчи. Это была вторая и послѣдняя обсерваторія въ Средней Азіи. Первая была построена въ Марага, при Гелагу, ученымъ Неджмъ-эд-Диномъ. Мнѣ показывали, гдѣ она стояла, но я не могъ различить уже ни малѣйшаго слѣда.

Эти три медресе образуютъ главную часть, ригистанъ Самаркандъ; онъ, правда, меньше ригистана Бухары, но наполненъ лавками и и дѣятельной толпой.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда и около Дервазъ-Бухары, виднѣются развалины когда-то великолѣпной Медресе-Ганимъ, построенной Китайской принцессой, женой Тимура. Говорятъ, что тамъ нѣкогда было тысяча студентовъ и каждый изъ нихъ получалъ по сту тилла въ годъ. На развалинахъ сохранились еще нѣкоторые слѣды прежняго великолѣпія. Теперь сохранилось только три стѣны и фронтоны съ башенками и порталомъ и съ мостовою изъ глиняной мозаики, необыкновенно красиваго рисунка и разныхъ цвѣтовъ, и такой плотной, что я съ величайшимъ трудомъ успѣлъ вырѣзать себѣ на память одну чашечку цвѣтка. Теперь внутри стоятъ лошади, нанимаемыя въ Коканъ и Карши, —рядомъ съ развалинами мечети и гигантскаго рааля; и еще много вѣковъ придется Самаркандскому народу ломать и растаскивать, прежде чѣмъ окончится это дѣло уничтоженія.

Не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ открыть слѣдовъ когда-то знаменитой Армяно-Греческой библіотеки, которую, по общепринятому преданію, побѣдоносный Тимуръ перенесъ въ Самаркандъ, для украшенія своей столицы. Басня эта обязана своимъ происхожденіемъ чрезмѣрному патриотизму одного Армянскаго священника, по имени Гаджатора, который увѣрялъ, что прибылъ изъ Кабула въ Самаркандъ и нашелъ тамъ множество фоліантовъ на цѣпяхъ à la Faust, въ башняхъ, куда не смѣлъ войти ни одинъ мусульманинъ изъ страха джиновъ (геніевъ). Этой басней воспользовался впоследствии одинъ Французскій savant, въ своей исторіи Армянъ, и такъ какъ мы, Европейцы, не меньше жителей Востока любимъ предметы, на половину скрывающіеся во мракѣ, то многіе (изъ занимающихся древностями) повѣрили, что могущественный Азіятскій побѣдитель отпра-

вилъ въ свою столицу, за сто станцій, нѣсколько сотенъ муловъ, навьюченныхъ Армяно-Греческими рукописями, для того чтобы ознакомить своихъ Татаръ между прочимъ и съ иноземными языками и исторіей!

Я совершенно отвергаю даже существованіе подобной библіотеки, и вполнѣ убѣжденъ, что Самаркандскіе памятники вовсе не Китайскаго происхожденія. Политическія границы Китая, правда, всего въ разстояніи десяти-дневнаго путешествія, но до собственнаго Китая—шестидесять дней ѣзды и всѣ, хотя отчасти имѣющіе понятіе о строгости демаркаціонной линіи, ограждающей Небесную имперію, не повѣрятъ, чтобы у Китайцевъ могло быть что нибудь общее съ истинными магомеданами, съ своей стороны тоже сепаратистами. Надпись надъ фасадомъ могилы Тимура, на которую всѣ остальные зданія въ Самаркандѣ болѣе или менѣе походятъ по стилю и отдѣлкѣ, ясно доказываетъ, что артисты, создавшіе ихъ, были Персіяне: стоитъ только сравнить памятники этого города съ памятниками въ Гератѣ, Мешгедѣ и Испагани, чтобы убѣдиться въ томъ, что ихъ архитектура чисто Персидская.

Но довольно о древнемъ историческомъ Самаркандѣ. Въ новомъ городѣ, стѣны котораго высятся въ разстояніи мили отъ развалинъ старыхъ стѣнъ,—шестъ воротъ и нѣсколько базаровъ, сохранившихся еще отъ прежнихъ временъ; тутъ продаются по дешевымъ цѣнамъ кожаныя издѣлія высокаго достоинства и деревянныя сѣдла, отдѣлка которыхъ сдѣлала бы честь любому Европейскому мастеру. Во время моего пребыванія въ городѣ Тимура, базары и всѣ другія публичныя мѣста были постоянно запружены народомъ, потому что всюду были размѣщены войска, возвратившіяся изъ похода; но постоянныхъ жителей не болѣе 15 или 20 тысячъ, изъ которыхъ двѣ трети Узбековъ и одна треть Таджиковъ. Эмиръ, обыкновенно живущій Бухарѣ, лѣтомъ проводитъ два или три мѣсяца въ Самаркандѣ, потому что здѣсь мѣстоположеніе болѣе возвышенное, да и климатъ лучше. Въ Бухарѣ жаръ невыносимъ, но я нашель, что температура тамъ очень пріятная; только вода, прославляемая какъ аби-хайять (амвровія), показала мнѣ преотвратительной.

Чрезвычайно красивъ Дебидъ (десять ивъ), когда-то мѣсто поклоненія и прогулки, въ разстояніи мили отъ Самарканда, на другой сторонѣ Зерефшана; онъ населенъ потомками Макдумъ-Азама, умершаго въ 949 (1542) г. и здѣсь же похороненнаго. У мѣстныхъ жителей есть прелестный ханка (монастырь) и они чрезвычайно гостепріимно принимаютъ странниковъ. Въ настоящее время Дебидъ лежитъ выше Самарканда и потому, къ моему удивленію, я нашель здѣсь тутовыя ягоды въ половинѣ августа. Мнѣ было холодно даже въ полдень въ большой аллеѣ, посаженной въ 1632 г. по приказанію Незръ-Диванбеги, въ честь вышеупомянутаго святаго. На дорогѣ въ Дебидъ, мнѣ показали мѣста, гдѣ былъ знаменитый баги-чайнаранъ (тополевыи садъ). Теперь на мѣстѣ дворца—развалины и деревьяевъ вовсе не видно.

Хотя мы не можемъ такъ увлекаться, какъ жители Средней Азіи—примѣняющіе къ этимъ развалинамъ, даже въ настоящее время, выраженіе:

„Самаркандъ похожъ на рай!“

но не можемъ не признать, что древняя столица Средней Азіи, по своему положенію, по роскоши растительности,—самая красивая мѣстность во всемъ Туркестанѣ. Коканъ и Наменганъ, по отзывамъ народнымъ, стоятъ теперь выше, но иностранцу простительно не признавать лучшимъ того, чего онъ не видѣлъ еще своими глазами.

Пробывъ въ Самаркандѣ восемь дней, я наконецъ пришелъ къ окончательному рѣшенію и положилъ возвратиться на западъ вышеупомянутымъ путемъ. Хаджи-Билалю хотѣлось взять меня съ собою въ Аксу; онъ убѣждалъ меня отправиться и дальше, въ Мекку, или черезъ Яркандъ, Тибетъ и Кашемиръ, или, если судьба поблаприятствуетъ, черезъ Пекинъ; но Хаджи-Сали не одобрялъ этаго плана, отчасти потому, что разстоянія слишкомъ велики, отчасти и оттого, что средства мои были слишкомъ ограничены. „Вы можете быть пройдете до Аксу, даже и до Комула, пока будете встрѣчать мусульманъ и братьевъ, всегда готовыхъ воздать должныя почести дервишу изъ Рума, но дальше вы будете видѣть только невѣрныхъ, и если они не будутъ мѣшать вамъ идти, зато и не дадутъ ничего. По дорогѣ въ Тибетъ, вы пожалуй найдете попутчиковъ изъ Кашгара и Ярканда, но я не возьму на себя отвѣтственности за васъ въ настоящее время въ Коканѣ, гдѣ все въ страшномъ безпорядкѣ, вслѣдствіе недавней войны. Коканъ, правда, вамъ нужно видѣть, но позже, когда все успокоится; а теперь лучше возвратиться въ Тегеранъ черезъ Герать, съ друзьями, которыхъ мы вамъ рекомендовали“. Слова моего добраго друга сильно на меня подѣйствовали и я долго боролся съ собою. Путешествіе сухимъ путемъ въ Пекинъ, думалъ я, черезъ древнія жилища Татаръ, Киргизовъ, Калмыковъ, Монголовъ и Китайцевъ,—путь, по которому самъ Марко Поло не рѣшился бы проѣхать,—было бы дѣйствительно великимъ подвигомъ! Но умѣренность нашептывала мнѣ: пока довольно. Я припомнилъ все сдѣланное мною, всѣ страны, которыя я проѣхалъ, по дорогамъ, на которыхъ никто до меня не ѣздилъ, и сообразилъ, что было бы жаль пожертвовать всѣмъ вынесеннымъ мною изъ долгаго и труднаго пути для невѣрнаго и опаснаго предпріятія. Мнѣ всего только тридцать одинъ годъ; у меня еще много времени впереди, лучше теперь мнѣ возвратиться поскорѣй. Хаджи-Билалъ трунилъ надо моею трусостью и Европейскій читатель можетъ быть сойдется съ нимъ въ этомъ отношеніи, но мѣстный опытъ научилъ меня, что здѣсь по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ терять изъ виду Турецкой пословицы, гласящей:

„Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы“.

Я былъ въ самомъ разгарѣ приготовленій къ моему отъѣзду, когда эмиръ торжественно въѣхалъ въ городъ, что было уже объявлено за три дня и по случаю чего въ ригистанѣ собралось множество народа. Въѣздъ этотъ впрочемъ не ознаменовался особенной торжественностью: шествіе открыли двѣсти сарбазовъ, натянувшихъ сверхъ неуклюжихъ Бухарскихъ халатовъ кожаныя платья, что должно было возвести ихъ на степень регулярнаго войска. Сзади ихъ ѣхали всадники съ знаменами и литаврами. Эмиръ Мозафаръ-эдъ-Динъ и его свита изъ высшихъ сановниковъ, въ свѣжно бѣлыхъ тюрбанахъ и широкихъ шелковыхъ одеждахъ всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ, походили болѣе на хоръ

женщинъ въ оперѣ *Навохудоносоръ*, чѣмъ на Татарскихъ воиновъ. И остальные придворные офицеры, изъ которыхъ многие были съ бѣлыми палками и съ бердышами, нисколько не напоминали Туркестана и только послѣдніе ряды, состоявшіе по большей части изъ Кипчаковъ, остановили на себя мое вниманіе своими оригинальными Монгольскими чертами и вооруженіемъ, состоявшимъ изъ лука, стрѣлъ и щитовъ.

День въѣзда эмира былъ и народнымъ праздникомъ. Нѣсколько чудовищныхъ котловъ было принесено въ ригистанъ для варки «царскаго пиллава», который состоялъ изъ слѣдующихъ ингредиентов въ каждомъ котлѣ: мѣшокъ рису, три барана, разрѣзанные на куски, огромная кастрюля бараняго жира (достаточнаго для того, чтобы сдѣлать пудовъ пять свѣчей), небольшой мѣшокъ моркови; и все это варилось вмѣстѣ, или правильнѣе сказать, было подвержено броженію, и такъ-какъ чаю было также вдоволь, то всѣ ѣли и пили неутомимо. На слѣдующій день былъ объявленъ арзъ (публичная аудіенція). Я воспользовался случаемъ, чтобы представиться эмиру вмѣстѣ съ своими друзьями, но къ крайнему моему удивленію, при входѣ насъ остановилъ мехремъ и объявилъ мнѣ, что его высочество желаетъ видѣть меня отдѣльно отъ моихъ товарищей. Это былъ ударъ, и всѣ мы стали подозрѣвать что нибудь дурное. Я пошелъ за мехремомъ, и прождавъ цѣлый часъ, былъ введенъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ эмиръ на красномъ суконномъ оттоманѣ, окруженный рукописями и книгами. Съ большимъ присутствіемъ духа я прочелъ короткій сура съ обычной молитвой за здравіе государя, и послѣ аминя, на который онъ самъ отвѣчалъ, я, не дожидаясь позволенія, сѣлъ рядомъ съ его высочествомъ. Моя смѣлость, вполне соответствующая званію, которое я на себя принялъ, казалось, понравилась ему. Я давно разучился краснѣть и потому спокойно вынесъ пристальный его взглядъ, имѣвшій вѣроятно цѣлью сконфузить меня.

„Хаджи, ты, я слышалъ, пріѣхалъ изъ Рума посѣтить могилы Бага-эдъ-Дина и святыхъ Туркестана.

„Да, таксиръ (государь), но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы оживотворить себя созерцаніемъ твоей священной красоты!

„Странно! У тебя не было никакой другой цѣли?

„Нѣтъ, таксиръ; моимъ самымъ горячимъ желаніемъ всегда было посѣтить благородную Бухару и восхитительный Самаркандъ, на священной почвѣ которыхъ, какъ справедливо говорить Шейхъ-Джелаль, скорѣе хочется ходить на головѣ, чѣмъ на ногахъ. Но у меня нѣтъ никакихъ другихъ цѣлей въ жизни, и я давно перехожу съ мѣста на мѣсто, какъ джихангештъ (пилигримъ)!

„Какъ ты, съ своей хромой ногой,—джихангештъ?! Это право удивительно.

„Твоя жертва! (выраженіе, равносильное — извини). Государь, твой достославный предокъ — миръ его праху — страдалъ тѣмъ же недостаткомъ *), и не смотря на то, былъ джихангиромъ (побѣдителемъ вселенной).

*) Тимуръ, котораго Бухарскіе эмиры считаютъ своимъ предкомъ, былъ, какъ извѣстно, хромъ; оттого враги его называли Тамерланомъ — хромымъ Тимуромъ.

Отвѣтъ этотъ чрезвычайно понравился эмиру и онъ принялся меня спрашивать о моемъ путешествіи и о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Бухарой и Самаркандомъ. Замѣчаніи мои, перемѣшанныя Персидскими сентенціями и стихами изъ Корана, произвели на него очень пріятное впечатлѣніе, потому что онъ самъ былъ молла и довольно хорошо зналъ Арабскій языкъ. Онъ приказалъ мнѣ вручить серпай *) (одежда) и тридцать тенге и отпустилъ меня съ приказаніемъ посѣтить его еще разъ въ Бухарѣ.

Получивъ подарокъ, я бросился какъ съумасшедшій обратно къ своимъ друзьямъ, которые были въ восхищеніи отъ моей удачи. Я узналъ, что Рахмедъ-Би упомянулъ обо мнѣ въ своемъ рапортѣ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ и что вслѣдствіе этаго эмиръ возымѣлъ подозрѣніе. Я успѣхомъ своимъ былъ единственно обязанъ гибкости своего языка, въ самомъ дѣлѣ крайне безстыднаго, и не могъ не оцѣнить справедливости Латинской пословицы: *Quot linguas cales tot homines valet*. Послѣ этой сцены друзья мои совѣтовали мнѣ оставить Самаркандъ какъ можно скорѣе, не останавливаясь даже въ Карши, но какъ можно скорѣе переѣхать на противоположный берегъ Аму-Дарьи, гдѣ у гостепріимныхъ Эрзари - Туркменъ я могу спокойно дожидаться прибытія каравана, идущаго въ Герать.

Наступилъ часъ отъѣзда. Перо мое слишкомъ слабо, чтобы изобразить печальную сцену нашей разлуки; всѣ мы были глубоко тронуты. Шесть мѣсяцевъ мы дѣлили вмѣстѣ страшныя опасности степей, разбойниковъ и непогодъ. Неудивительно, что это сгладило всю разницу положенія, возраста и національностей и мы стали смотрѣть другъ на друга, какъ на членовъ одной семьи. Разлука въ этомъ случаѣ равносильна смерти. Иначе не можетъ быть въ этихъ странахъ, гдѣ положительно нельзя рассчитывать встрѣтиться другъ съ другомъ. Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ сердечной боли о томъ, что я не могъ сообщить тайну своего переодѣванья лучшимъ своимъ друзьямъ, что я долженъ былъ обманывать тѣхъ, кому былъ обязанъ жизни; но что же было дѣлать: религиозный фанатизмъ, встрѣчающійся порою еще и въ цивилизованной Европѣ, имѣетъ страшное вліяніе на жителей Востока и особенно на исламитовъ.

Мое превращеніе, само по себѣ уголовное преступленіе по законамъ Могаммеда, влекущее за собою избіеніе камнями, можетъ быть въ этомъ случаѣ не порвало бы между нами всѣхъ узъ дружбы; но какъ горько, какъ ужасно было бы разочарованіе друга моего Хаджи-Сали, такого честнаго въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ! Нѣтъ, я рѣшился избавить его отъ этаго горя и спасти себя отъ упрековъ неблагодарности, которыми онъ имѣлъ бы право меня осыпать.

Рекомендовавъ меня пилигримамъ, съ которыми я долженъ былъ ѣхать до Мекки, какъ своего брата и сына и самаго лучшаго друга, они проводили меня послѣ заката солнца за городскія ворота, гдѣ насъ дождалась повозка, нанятая моими новыми товарищами до Карши. Я

*) Это значить серъ-та-пай—съ головы до ногъ, то есть полная одежда, состоящая изъ турбана, верхняго платья и сапоговъ.

плакалъ какъ ребенокъ, когда вырвавшись изъ ихъ объятій, усьялся на свое мѣсто въ повозкѣ. Друзья мои тоже заливались слезами и я долго видѣлъ ихъ на томъ мѣстѣ — и вижу ихъ теперь съ руками, поднятыми къ небу, испрашивающихъ для меня благословеніе Аллаха. Я нѣсколько разъ оборачивался. Наконецъ они исчезли и не стало ничего видно, кромѣ куполовъ Самарканда, освѣщенныхъ слабымъ свѣтомъ восходящей луны.

ГЛАВА XII.

Отъ Самарканда до Карши черезъ степь. — Номады. — Карши, древній Нагзебъ. — Торговля и мануфактура. — Керки. — Аму-Дарья. — Бѣглый рабъ. — Ерзари—Туркмены. — Мезари Шерифъ—Балахъ. — Авторъ присоединяется къ каравану изъ Бухары. — рабство—зейдъ—Андеуи. — Гибетуть. — Хайрабадъ. — Маймене. — Аккале.

Non succurrit tibi quamdiu circum Baetra haereas?—Q. Curtii Rufi. lib. vii. 8.

Новые мои спутники были въ Оошъ-Мерголана и Наменгана (Кокандскаго ханства). Я не стану описывать ихъ каждаго отдѣльно. Они были для меня далеко не тѣмъ, чѣмъ тѣ добрые друзья, съ которыми я только-что разстался; да и не долго намъ придется быть виѣстѣ. Я особенно сошелся съ однимъ молодымъ моллой, изъ Кунграта, пріѣхавшимъ съ нами въ Самаркандъ и желавшимъ сопроводить меня до Мекки. Онъ былъ человекъ молодой, добрый и веселый и таковой же бѣдный, какъ и я. Онъ смотрѣлъ на меня, какъ на ученаго, и былъ готовъ всячески услужить мнѣ.

Отъ Самарканда до Карши ведутъ три дороги: первая черезъ Шегри-Сибзъ—самая длинная; вторая—черезъ Джамъ, всего въ пятнадцать миль, но зато идущая по каменистой и гористой мѣстности и поэтому очень тяжелая, если не невозможная для повозокъ; третья—черезъ степь, въ восемнадцать миль. По выѣздѣ изъ города, намъ пришлось ѣхать по Бухарской дорогѣ до холма, съ котораго впервые виднѣн Самаркандъ путешественнику, ѣдущему изъ Бухары. Тутъ мы повернули на лѣво. Тутъ дорога проходитъ между двухъ деревень, посреди хорошо обработанной мѣстности. Проѣхавъ три мили, мы остановились у каравансерая, Робати-Гаузъ, гдѣ дорога раздѣляется надвое; лѣвая ведетъ черезъ Джамъ, а правая черезъ степь. Мы избрали послѣднюю. Въ сравненіи съ степями, черезъ которыя я уже проѣзжалъ раньше, эту степь можно назвать небольшимъ полемъ. Въ нее очень часто за-

ходить пастухи, потому что она богата колодцами съ довольно хорошей водой; на ея окраины постоянно прикочевываютъ Узбеки. Колодцы по большей части глубоки и возлѣ каждого—немного возвышенный резервуаръ изъ камня или дерева, всегда четверугольный и въ который наливается вода изъ колодцевъ для животныхъ. Такъ какъ ведра малы и пастухи скоро бы уставали доставать воду посредствомъ ихъ, то употребляютъ ослонъ или еще чаще верблюдовъ: веревку привязываютъ къ сѣдлу и животное вытягиваетъ ведро, немного отходя отъ колодца. Въ этихъ колодцахъ, въ пьющихъ овцахъ и суетливо двигающихся пастухахъ въ эти тихіе, вечерніе часы—было что-то поэтическое; и меня поразило сходство этой части степи съ нашими пуштами въ Венгріи.

Вслѣдствіе строгости полицейскаго надзора, учрежденнаго повсюду Бухарскимъ эмиромъ, дороги такъ безопасны здѣсь, что не только маленькіе караваны, но и отдѣльные путешественники могутъ проходить черезъ степь безпрепятственно. На второй день, мы встрѣтили у одного изъ колодцевъ караванъ изъ Карши. Въ числѣ путешественниковъ была одна молодая женщина, измѣнически проданная мужемъ старому Таджики за тридцать тилла. Только въ степи она вполнѣ поняла, что она была жертвой гнуснаго обмана: несчастная кричала, плакала, рвала на себѣ волосы, подбѣжала ко мнѣ какъ сумасшедшая и вскричала: „Хаджи мой! ты читалъ книги,—скажи мнѣ, есть ли гдѣ написано, что мусульманинъ можетъ продать жену, которая ему рожала дѣтей?“ Я отвѣчалъ, что это считается грѣхомъ, но Таджики только засмѣялся въ отвѣтъ мнѣ:—вѣроятно у него есть сильная рука у кази-велана (верховнаго судьи) въ Карши и онъ увѣренъ въ своей безопасности отъ преслѣдованій.

Такъ какъ мы подвигались очень медленно, вслѣдствіе сильнаго жара, то добрались до Карши только черезъ два дня и три ночи. Мы увидѣли его съ плоской возвышенности, гдѣ дорога опять дѣлится надвое: правая ведетъ къ Кетте-Кургану, а лѣвая къ рѣкѣ, вытекающей изъ Шегри-Сабза и теряющейся въ пескахъ въ значительномъ разстояніи за Карши. Съ этаго пункта, весь путь до города, находящагося въ двухъ миляхъ отсюда, постоянно идетъ по обработанной землѣ и множеству садовъ, и такъ-какъ у Карши нѣтъ стѣнъ, то мы узнали, что мы въ городѣ, только тогда, когда переѣхали черезъ мостъ.

Карши, древній Нахшебъ, по положенію своему и по коммерческому значенію—второй городъ въ Бухарскомъ ханствѣ; онъ состоитъ изъ города и крѣпости (Курганчъ), находящейся на сѣверо-западной сторонѣ и плохо укрѣпленной. Въ Карши въ настоящее время десять каравансераевъ и довольно богатый рынокъ, и еслибы не препятствовали политическія смуты, онъ принималъ бы дѣятельное участіе въ транзитной торговлѣ между Буларой, Кабуломъ и Индіей. Жителей 25.000, по большей части Узбековъ. Они составляютъ ядро ханскаго войска. Сверхъ того народонаселеніе состоитъ изъ Таджиковъ, Индійцевъ, Афгановъ и Евреевъ. Евреи здѣсь пользуются правомъ въѣзда во внутрь города, чего имъ не позволено въ другихъ частяхъ ханства. Въ мануфактурномъ отношеніи Карши отличается ножевыми издѣліями разнаго рода, хотя не такого высокаго достоинства, какъ издѣлія Гиссара (неподалеку отсюда.) Издѣлія эти не только расходуются по

всей Средней Азии, но доставляются через хаджи в Персию, Аравию и Турцию, где имъ даютъ за нихъ втрое и даже вчетверо больше стоимости. Одинъ сортъ изъ Дамасской стали, съ рукоятками, выложенными золотомъ и серебромъ, въ самомъ дѣлѣ запечатлѣны большимъ вкусомъ и прочностью и закалкой могутъ пристыдить самыя знаменитыя издѣлія Шеффилда и Бирмингама.

Между рекомендательными письмами, которыми друзья мои снабдили меня на дорогу, одно было адресовано нѣкому Ишанъ - Гасану, пользовавшемуся большой извѣстностью въ Карши. Онъ принялъ меня очень ласково и посовѣтовалъ мнѣ, такъ какъ здѣсь всѣ животныя, и въ особенности ослы, очень дешевы, приобрести себѣ одного долгоухаго скакуна. Онъ совѣтовалъ мнѣ также, по примѣру другихъ хаджи, употребить небольшое количество оставшихся у меня денегъ на покупку ножей, иголокъ, нитокъ, бусъ, бухарскаго холста, но больше всего—сердолику изъ Бедахшана, который тоже очень дешевъ здѣсь; потому что намъ придется ѣхать мимо кочующихъ племенъ, и подобными товарами мы приобретаемъ себѣ немало барышей,—такъ какъ за одну иголку или нѣсколько бусинокъ—кочевники даютъ хлѣба и дынь столько, что на цѣлый день хватить. Я, по его совѣту, въ тотъ же день отправился съ муллою изъ Кунграта покупать нѣкоторыя изъ перечисленныхъ имъ статей, такъ что одна половина моего дорожнаго мѣшка была наполнена рукописями, а другая разными товарами. Такимъ образомъ я сдѣлался въ одно и то же время антикваріемъ, мелочнымъ торговцемъ, хаджи, муллою, не говоря уже о побочныхъ обязанностяхъ раздавателя благословеній, нефесовъ, амулетовъ и другихъ чудесъ.

Страшный контрастъ! Годъ тому назадъ я исполнялъ всѣ эти разнообразныя обязанности, а теперь сижу въ четырехъ стѣнахъ Англійской столицы и пишу по восьми и по десяти часовъ въ день. Тамъ я имѣлъ дѣло съ номадами, выбиравшими изъ моихъ степлышекъ непременно самыя яркія и пестрыя, а здѣсь—бесѣдую съ критикующей, разборчивой публикой, разнообразныя и противорѣчащія требованія которой гораздо труднѣе удовлетворить, чѣмъ ошеченбльные вкусы молодого Туркмена или молоденькой брнетки, дочери Джемшидовъ.

Къ крайнему моему удивленію, въ Карши оказалось публичное увеселительное мѣсто, чего я не видѣлъ ни въ Бухарѣ, ни въ Самаркандѣ, ни даже въ самой Персіи. Это былъ большой садъ, съ скромнымъ названіемъ калентерхана (дома нищихъ), простиравшійся вдоль берега рѣки и заключавшій въ себѣ нѣсколько дорожекъ и клумбъ съ цвѣтами. Тутъ beau monde Карши прогуливается съ двухъ пополудни до часу послѣ заката солнца. Въ различныхъ мѣстахъ дымятся гигантскіе Русскіе самовары, постоянно окруженные двойнымъ или тройнымъ рядомъ желающихъ; видъ веселой толпы представляетъ странное зрѣлище для путешествующаго по Средней Азии. Жители Карши отличаются безпечностью и веселостью: они по справедливости считаются Ширазцами Бухарскаго ханства.

Черезъ три дня мы отправились въ Керки, отстоящій всего въ четырнадцати миляхъ: къ нему ведетъ только одна дорога. Наша компанія состояла теперь лишь изъ Молла-Ишака (мулла изъ Кунграта), меня и двухъ другихъ хаджи. Въ двухъ миляхъ отъ Карши мы проѣхали черезъ большую и, кажется, богатую деревню, Фейзабадъ, и

провели половину ночи въ развалинахъ цистерны: тутъ ихъ очень много, еще со временъ Абдулла-Хана. Хотя вся окрестность славилась безопасностью, намъ совѣтовали быть насторожѣ, проѣхавъ за Карши, потому что тамъ начинаютъ уже бродить независимые Туркмены. Помѣстивъ ословъ въ одинъ уголь развалинъ, мы сами улеглись передъ ними, на своихъ мѣшкахъ, и спали по очереди до половины ночи. Тогда мы опять встали, чтобы достигъ слѣдующей станціи до полудня. Мы задолго еще до полудня добрались до цистерны Сенчсулакъ. Видъ ея, окруженной палатками и пасущимися стадами, очень обрадовалъ насъ, потому что мы были увѣрены, что найдемъ въ ней воду, въ чемъ прежде сомнѣвались. Куполообразный сводъ высокой цистерны стоитъ уже болѣе 200 лѣтъ и не смотря на то, довольно хорошо сохранился. Цистерна помѣщается въ нижней части долины и совершенно полна, вслѣдствіе тающихъ весеннихъ снѣговъ и дождей. Она была всего три фута глубиной и окружена 200 палатками Узбековъ, изъ племени Кунгратъ и Найманъ; ихъ стада и дѣти, совершенно нагія, брызгались и играли около воды и немало способствовали порчѣ ея. Такъ какъ отсюда до Керки считается шесть миль, то мы хотѣли, для удобства нашихъ животныхъ, сдѣлать эту длинную станцію ночью, а день употребить для сна. Но покой нашъ скоро нарушили, потому что кочующія дѣвицы почували, что у насъ есть разныя стекляныя побрягушки. Онѣ прибѣжали съ огромными деревянными чашками для верблюжьяго молока въ промѣнъ.

Мы пустились въ путь послѣ солнечнаго заката: была чудесная, лунная ночь. Не проѣхали мы еще четырехъ миль, какъ вдругъ всѣхъ насъ внезапно взяла непреодолимая дремота и мы заснули, держа инстинктивно поводья въ рукахъ. Насъ скоро однако разбудилъ всадникъ, упрекнувшій насъ въ неосторожности и приказавшій продолжать путь. Мы вскочили и частью пѣшкомъ, частью верхами, на восходѣ солнца добрались до Аму-Дарьи. На ближайшемъ берегу стояла маленькая цитадель, а на дальнемъ, на крутомъ холмѣ,—пограничное укрѣпленіе, около котораго разсыпанъ Керки.

Аму-Дарья, текущая между двумя вышеупомянутыми крѣпостями, почти вдвое шире Дуная между Офеномъ и Пештомъ. Теченіе очень сильно, тамъ и сямъ песчанья отмели. Нашъ переходъ продолжался три часа, потому что мы къ несчастію вдалились немножко далеко по теченію. При счастливыхъ условіяхъ, на примѣръ въ лѣтніе мѣсяцы, переходъ черезъ рѣку въ самомъ глубокомъ мѣстѣ требуетъ не болѣе получаса. Къ счастью, жаръ немного спалъ и намъ не пришлось много страдать. Перевозчики должны были идти въ водѣ и тащить паромъ за веревку въ мелкихъ мѣстахъ. Перевозчики были на столько обязательны и гуманны, что не потребовали съ насъ платы за перевозъ. Какъ только мы достигли противоположнаго берега, насъ остановилъ дерьябеги (смотритель парома), принявъ насъ за бѣглыхъ рабовъ, пробирающихся въ Персію, нашу еретическую родину. Онъ заставилъ насъ взойти въ крѣпость для лучшаго объясненія съ губернаторомъ Керки. Вообразите мое удивленіе! Мои спутники, лица, произношеніе и языкъ которыхъ явно говорили объ ихъ происхожденіи, вовсе не были встревожены, и въ самомъ дѣлѣ были очень скоро освобождены. Меня же они хотѣли во что бы ни стало задержать, но я вышелъ изъ себя, и говоря

то по Татарски, то по Турецки, вынулъ свой паспортъ, крикнулъ имъ, чтобы они показали его бю (губернатору) или пустили меня лично объясниться съ нимъ.

Тогда начальникъ крѣпостной артиллеріи, Персіянинъ по рожденію, тоже возведенный въ теперешнее свое званіе изъ рабовъ, шепнулъ что-то на ухо дерьябеги; тотъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что ѣздилъ самъ нѣсколько разъ въ Стамбуль изъ Тебриза, своей родины; что онъ очень хорошо умѣетъ различать Румовъ, что я могу быть покоенъ, что ничего со мною и съ моимъ багажемъ не приключится; что всѣ иностранцы здѣсь должны подвергаться осмотру, потому что всѣ освобожденные рабы на возвратномъ пути должны здѣсь, на границѣ, платить по два дуката и что они часто, чтобы избѣгнуть этаго, пускаютъ въ ходъ различныя переодѣванья. Вскорѣ затѣмъ слуга, ходившій съ моимъ паспортомъ къ губернатору, возвратился и отдалъ мнѣ его обратно съ пятью тенге, присланными мнѣ біемъ, и никакой пошлины съ меня не взяли.

Такъ какъ Керки — пограничная крѣпость и такъ сказать, влючъ Бухары со стороны Герата, то мы опишемъ его поподробнѣе. Какъ я уже говорилъ, укрѣпленія раздѣляются на двѣ части. Цитадель на правомъ берегу очень мала, защищена только четырьмя пушками и охраняется въ мирное время только нѣсколькими солдатами. Самая крѣпость, на лѣвомъ берегу, состоитъ изъ замка, построеннаго на возвышеніи, окруженнаго тремя стѣнами и, какъ я слышалъ, вооруженнаго двѣнадцатью желѣзными пушками и шестью мѣдными; стѣны земляныя и довольно крѣпкія, пять футовъ ширины и двѣнадцать высоты. Городъ, окружающій крѣпость, состоитъ изъ 150 домовъ, трехъ мечетей, маленькаго базара и каравансера; онъ также защищенъ высокой стѣной и глубокимъ ровомъ. Населеніе состоитъ изъ Узбековъ и Туркменъ, занимающихся отчасти торговлею, но болѣе земледѣліемъ. Около городскихъ стѣнъ могила знаменитаго имама Керки, автора многихъ коментарій. Провинція Керки простирается отъ Шарджуи до форта Хаджи-Салимъ (невѣрно называемаго Хожасалю), по берегамъ Аму-Дарьи и вдоль каналовъ этой рѣки. Мѣстность эта населена Эрзари-Туркменами, которые платятъ эмиру дань только для того, чтобы оградить себя отъ нападеній другихъ племенъ. Въ прежнія времена Бухарскіе государи имѣли еще и другія владѣнія по берегамъ Аму-Дарьи, но они были отняты побѣдоноснымъ Достъ-Мохаммедъ-Ханомъ, и теперь у эмира ничего не осталось тамъ, кромѣ Шарджуи и Керки. Я слышалъ, къ великому моему сожалѣнію, что Молла-Земанъ, предводитель каравана, отправлявшася изъ Бухары въ Гератъ, пріѣдетъ только черезъ семь или десять дней. Я поэтому счелъ болѣе полезнымъ провести этотъ промежутокъ времени въ поѣздахъ между Туркменами, чѣмъ въ Керки. Я посѣтилъ съ Молла-Ишакомъ племена Кизиль-Аякъ и Гасанъ-Менекли, между которыми были муллы, видѣвшіе меня въ Бухарѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Эрзари-Туркмены, переселившіеся сюда изъ Мангишлака всего только 200 лѣтъ тому назадъ и признавшіе владычество Бухарцевъ не болѣе какъ 40 лѣтъ, приобрѣли еще очень не много изъ національной характеристики Туркменъ. Ихъ можно назвать только полуномадами; большая часть ихъ обрабатываетъ землю, а остальные исключительно пастухи, впрочемъ утра-

тившіе всё первобытныя добродѣтели своего племени. Вліяніе Бухарцевъ цивилизовало ихъ отчасти, отняло у нихъ прежнюю отвагу и честность, давъ имъ взаимнѣ коранъ и лицемеріе. Никогда не забуду я сцену, при которыхъ я былъ свидѣтелемъ, какъ гость въ домѣ одного изъ самыхъ значительныхъ ишановъ этихъ Туркменъ. Хальфа-Ніазъ наследовалъ отъ своего отца: святость, познаніе и званіе. У него былъ текке (монастырь) съ небольшимъ числомъ воспитанниковъ, получавшихъ образованіе à la Бухара. Кроме того онъ получилъ изнѣ (поволеніе) изъ Мекки читать священныя поэмы (Касиде-Шерифъ). При этомъ чтеніи онъ обыкновенно ставилъ передъ собой чашку съ водою, въ которую плевалъ по окончаніи каждой поэмы; и этотъ составъ, въ который такимъ образомъ проникла святость текста, продавался желающимъ, какъ чудотворное лекарство.

У Туркменъ осталась только одна добродѣтель—гостепріимство, которое они обнаруживаютъ въ отношеніи всѣхъ иностранцевъ, хотя бы они у нихъ пробыли день или годъ; во всемъ Туркестанѣ, за исключеніемъ Таджиковъ, совершенно неизвѣстна пословица:

*Hôte et poisson,
En trois jours poison.*

Я ѣздилъ съ хозяиномъ своимъ также къ Мезари - Шерифу (благородная могила). Она отстоитъ всего только въ двухъ дняхъ отъ его ова и въ четырехъ или пяти отъ Керки и недалеко отъ Балха. Такъ какъ говорятъ, что Мезари-Шерифъ есть могила Али, то она пользуется въ Туркестанѣ очень большимъ почетомъ. Преданіе говоритъ, что чудотворный гробъ Шахи - Мерданъ - Али (короля героевъ), была открыта во времена Султана-Санджара. Такъ какъ Балхъ былъ весь покрытъ развалинами, то народъ предполагалъ, что въ немъ таятся несмѣтныя сокровища со временъ Дивовъ. Султанъ-Санджаръ приказалъ освидѣтельствовать эти развалины и въ одной изъ нихъ былъ найденъ каменный столъ чистѣйшаго бѣлаго цвѣта съ надписью: „это могила Али, сына Абуталиба, могущественнаго героя и сподвижника Пророка“. Обстоятельство это интересно только потому, что оно позволяетъ намъ утверждать, что развалины древняго Балха, называемаго жителями Востока „матерью городовъ“, покрывали прежде пространство въ пять миль. Теперь только небольшія возвышенія земли указываютъ намъ на положеніе древней Бактры, а въ развалинахъ ничего нѣтъ интереснаго, кромѣ полуразрушенной мечети, построенной Султаномъ Санджаромъ изъ племени Сельджукидовъ.

Въ средніе вѣка Балхъ былъ столицей исламитской цивилизаціи и прозывался Кюббетюль-Исламъ (куполь ислама). Странно, что кирпичи здѣсь такого же вида и свойства, какъ въ Юмутскихъ развалинахъ; но я не могъ отыскать между ними клинообразныхъ надписей. Рытье вѣроятно привело бы къ интереснымъ результатамъ, но оно невысказимо безъ рекомендательныхъ писемъ, скрѣпленныхъ двумя или тремя тысячами европейскихъ штыковъ.

Въ настоящее время Балхъ, какъ столица Афганской провинціи Туркестана и занятая сердаромъ съ его гарнизономъ,—только зимнее

мѣстопробываніе, потому что весною всё, даже самые бѣдные жители оставляютъ его для Мезара, лежащаго выше и гдѣ температура не такъ тяжела и воздухъ чище, чѣмъ на развалинахъ древней Бактры. Балхъ знаменитъ ядовитыми скорціонами, а Мезаръ славится удивительными красными розами. Цвѣты эти растутъ на мнимой могилѣ Али *) и такъ ароматны и красивы, что я никогда ничего подобнаго не видалъ. Суевѣрный народъ толкуетъ, что такія розы могутъ расти только на почвѣ Мезара и что всё попытки пересадить ихъ оказывались безуспѣшными. Послѣ утомительнаго ожиданія, намъ наконецъ сообщили о приѣздѣ Гератскаго каравана. Я отправился въ Керки и думалъ, что могу немедленно пуститься въ дальнѣйшій путь, но отъѣздъ нашъ былъ задержанъ споромъ о пошлинѣ съ освобожденныхъ рабовъ. У Молла-Земана въ караванѣ было около сорока освобожденныхъ рабовъ, частію изъ Герата, частію изъ Персіи. Они возвращались домой подъ его покровительствомъ, за которое несчастный долженъ былъ заплатить дороговую цѣною, потому что иначе они рисковали быть задержанными и проданными вторично. Хотя Земанъ былъ хорошо извѣстенъ пограничнымъ чиновникамъ, но при каждомъ переходѣ заводилъ съ ними споры, и не столько по поводу самой таксы, всегда опредѣленной, сколько по поводу числа находившихся при немъ рабовъ: онъ всегда старался уменьшить его, а начальство увеличить. Каждый не хорошо извѣстный путникъ задерживается какъ рабъ, и такъ какъ каждому хочется поскорѣе освободиться, то здѣсь происходятъ безконечные крики, споры и смятеніе. Наконецъ все-таки предоставляется все дѣло рѣшенію кербанбаши, который изъ своего каравана въ пятьдесятъ или сто путешественниковъ отдѣляетъ освобожденныхъ рабовъ, рельефно выдающихся своими лицами, языкомъ и другими примѣтами. Говоря вообще, подозрѣніе останавливается преимущественно на бродягахъ и другихъ путешественникахъ, ѣдущихъ безъ очевидной цѣли; и такъ какъ они по большей части присваиваютъ себѣ титулъ хаджи, то Земанъ старается собрать въ Бухарѣ какъ можно болѣе настоящихъ хаджи и въ числѣ ихъ спускаетъ и своихъ ех-рабовъ, мнимыхъ хаджи.

Цѣлый день прошелъ въ осмотрѣ товаровъ, лошадей и ословъ. Наконецъ мы пустились въ путь, сопровождаемые таможенными чиновниками, строго наблюдавшими, чтобы никакой другой путешественникъ не присоединился къ нашему каравану окольными дорогами. Когда мы доѣхали до необитаемыхъ мѣстъ, составляющихъ границу Бухары, онъ возвратился назадъ, а мы въѣхали въ степь. Черезъ два дня мы должны быть въ ханствѣ Андкуи.

Мой тяжело нагруженный оселъ бойко бѣжалъ въ ночной тишинѣ и въ душу мою въ первый разъ закралась радостная мысль о томъ, что я уже повернулся спиной къ Бухарскому ханству и теперь на пути къ дорогому Западу. Моя путевая опытность, думалъ я, не особенно велика, но я везу съ собой назадъ то, что мнѣ всего дороже, — жизнь свою. Я не могъ не радоваться мысли, что можетъ быть мнѣ удастся достигнуть Персіи — той Мекки моихъ горячихъ желаній. Нашъ кара-

111

*) Настоящая могила Али въ Неджесѣ.

ванъ состоялъ изъ 400 верблюдовъ, нѣсколькихъ лошадей и 190 ословъ и образовалъ длинную цѣпь. Пройдя безостановочно цѣлую ночь, мы рано поутру достигли станціи Зейдъ, состоявшей изъ нѣсколькихъ колодцевъ гадкой воды, въ шести миляхъ разстоянія отъ Керки. Я уже замѣтилъ съ первой станціи, что въ караванѣ кромѣ меня было еще нѣсколько желавшихъ достигъ поскорѣ южныхъ границъ Средней Азіи. То были освобожденные рабы, съ которыми были перемѣшаны хаджи, и я случайно былъ свидѣтелемъ очень печальнаго происшествія. Возлѣ меня шелъ старикъ—отецъ, согбенный лѣтами. Онъ выкупилъ въ Бухарѣ своего сына, человѣка лѣтъ тридцати, чтобы возвратитъ покровителя покинутой семьѣ, то-есть мужа невѣстки, отца дѣтямъ. Цѣна выкупа была пятьдесятъ дукатовъ, по уплатѣ которыхъ бѣдный старикъ принужденъ былъ взяться за нищенскую суму. „Но, сказалъ онъ мнѣ, лучше нищета, чѣмъ сынъ въ цѣпяхъ“. Онъ былъ родомъ изъ Хафа въ Персіи.

Изъ того же города, неподалеку отъ насъ, шелъ другой человѣкъ, еще не старый, но посѣдѣвшій отъ горя, потому что восемь лѣтъ тому назадъ Туркмены отняли у него жену, сестру и шестерыхъ дѣтей. Несчастный въ теченіе цѣлаго года изходилъ Хиву и Бухару, отыскивая мѣсто, гдѣ его семья томится въ плѣну. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ узналъ, что жена, сестра и двое младшихъ дѣтей пали жертвой рабства, и изъ четырехъ оставшихся дѣтей онъ могъ выкупить только двухъ, потому что сумма, требуемая за остальныхъ, превосходила его средства.

Немного дальше шелъ молодой человѣкъ изъ Герата, только-что выкупившій свою мать. Года два тому назадъ, эта женщина, теперь пятидесяти лѣтъ, была захвачена аламаномъ, вмѣстѣ съ мужемъ и старшимъ сыномъ. И мужъ и сынъ пали подъ копытами и мечами Туркменъ, и сама она терпѣла невыносимыя мученія, пока ее не выкупили за шестьдесятъ дукатовъ въ Бухарѣ. Владѣтель ея, узнавъ, что ее желаетъ выкупить сынъ, удвоилъ сумму, такимъ образомъ обративъ сыновнюю любовь въ свою выгоду.

Я не могу не упомянуть еще одного несчастнаго случая—съ однимъ жителемъ Теббеса. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ восемь лѣтъ тому назадъ и года черезъ два выкупленъ отцомъ своимъ. Оба они возвращались домой и были уже въ трехъ миляхъ отъ роднаго города, какъ вдругъ на нихъ напали Туркмены, взяли ихъ въ плѣнъ, увели назадъ въ Бухару и опять обратили въ рабство. Теперь имъ удалось вторично приобрести свободу и они возвращаются домой вмѣстѣ.

Но зачѣмъ долѣе печалитъ читателя описаніями этихъ злополучій. Къ несчастію, все вышесказанное только слабый очеркъ страшной заразы, обезлюдившей эти края, а собенно сѣверо-восточную часть Персіи.

Изъ Текке-Туркменъ въ настоящее время насчитываютъ болѣе 15.000 разбойниковъ, рыскающихъ день и ночь для того, чтобы грабить; и изъ этого количества не трудно вывести заключеніе о томъ, сколько эти жадные грабители опустошаютъ домовъ и деревень, сколько они разрушаютъ семейнаго счастья.

Мы выѣхали изъ Зейда около полудня. Весь край—сухая, обна-

женная равнина, только мѣстами производящая нѣчто въ родѣ терновника, любимаго корма верблюдовъ. Мы удивлялись, какъ эти животныя жуютъ растеніе, нестерпимо колющее самую грубую руку.

Мы продолжали путь въ юго-западномъ направленіи. Вдали видѣлось нѣсколько Туркменъ изъ племени Кари, готовыхъ напасть на нашъ караванъ, еслибы только размѣры его представляли къ тому возможность. Къ вечеру мы расположились станомъ. Разбойники стали приближаться къ намъ съ двухъ сторонъ. Мы пустили въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ и они не рѣшились напасть. Черезъ часъ послѣ заката солнца мы снова пустились въ путь, и проѣхавъ съ величайшей осторожностью всю ночь, на слѣдующее утро пріѣхали къ развалинамъ Андкуи.

Караванъ расположился на краю стариннаго города, а около него всѣ путешественники, боявшіеся отдаляться отъ керванбаши, зная хищническія свойства жителей. Керванбаши рѣшило, что мы останемся здѣсь на нѣсколько дней, потому что выполнение таможенныхъ правилъ всегда задерживаетъ караваны, такъ какъ за нимъ наблюдаетъ всегда или самъ ханъ или его визирь. Ханъ запрашиваетъ обыкновенно неслыханныя суммы за людей (то-есть освобожденныхъ рабовъ), за скотъ и тюки съ товарами; но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не прочь поторговаться, то окончательная такса зависитъ отъ ловкости керванбаши и отъ количества времени въ его распоряженіи. Чтобы избавиться отъ участія, хотя бы въ качествѣ свидѣтеля, въ этой скучной операціи, я вмѣстѣ съ другими хаджи отправился въ городъ, подъ тѣнь старой медресе, открывать лавку на базарѣ и превращать имѣющійся у меня товаръ въ насущную пищу и въ деньги. Я долго бродилъ по развалинамъ, отыскивая удобное мѣсто. Наконецъ я рѣшился помѣститься у резиденціи хана, на дворѣ мечети. Базаръ состоитъ всего только изъ двухъ или трехъ лавокъ, торгующихъ холстомъ и дешевымъ, готовымъ платьемъ. Наше присутствіе оживило рынокъ; насъ окружали женщины и дѣти съ утра и до вечера; но мы никакъ не могли выручить желаемой суммы, потому что намъ давали только фрукты и хлѣбъ, вмѣсто денегъ, а мы никакъ не могли рѣшиться на подобную мѣну тамъ, гдѣ на одну тенге (три четверти франка — 19 коп.) даютъ пятьдесятъ дынь. Впрочемъ эти дыни далеко не такъ хороши, какъ тѣ, которыя я видѣлъ на берегахъ Аму-Дарьи, но меня поражало огромное количество фруктовъ, хлѣбныхъ зеренъ и рису, собираемыхъ въ этой почти пустынной мѣстности, только благодаря маленькому соленому потоку, текущему сюда изъ Маймене. Лѣтомъ вода этаго ручья совершенно не годна къ употребленію, по крайней мѣрѣ для пріѣзжихъ, — туземцы же привыкли къ ея отвратительному вкусу. Хотя она не производитъ червей, подобно Бухарской водѣ, зато она вредна во многихъ другихъ отношеніяхъ. Самый климатъ пользуется очень дурной репутаціей и Персіане говорятъ не безъ основанія: „Въ Андкуи вода солона и горька, песокъ жгучъ, мухи и скорпіоны ядовиты. Похвалить его не за что. Это сущій адъ.“

И не смотря на все это, Андкуи, всего тридцать лѣтъ назадъ, былъ въ очень цвѣтущемъ состояніи. Говорятъ, что въ немъ было до 50,000 душъ населенія. Они вели торговлю въ значительныхъ размѣрахъ съ Персіей — тонкими черными овчинами, называемыми у насъ Астрахан-

нами, и даже серьезно соперничали съ Бухарой, гдѣ эти издѣлія отличаются высокимъ достоинствомъ. Андкуйскіе верблюды въ большомъ ходу въ Туркестанѣ, особенно одинъ ихъ сортъ, называемый Неръ и отличающійся обильнымъ волосомъ на затылкѣ и на груди, высокимъ стройнымъ ростомъ и чрезвычайной силой. Порода эта становится рѣдкостью здѣсь: отчасти вслѣдствіе смертности, отчасти вслѣдствіе эмиграціи.

У Молла-Ишака былъ здѣсь родичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ имамовъ, и такъ какъ онъ пригласилъ насъ къ себѣ, то я имѣлъ случай ознакомиться съ главными представителями духовнаго ордена. Меня поразили безпорядокъ въ управленіи юстиціи и религіи. Кази-келанъ (верховой судья), въ Бухарѣ и Хивѣ пользующій большимъ почетомъ, здѣсь играетъ роль шута. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ, и всѣ даже самыя вопіющія преступленія остаются ненаказанными. Вслѣдствіе этого жители говорятъ о Бухарѣ, какъ объ образцѣ справедливости, благочестія и земнаго величія, и считали бы себя крайне счастливыми, еслибы эмиръ согласился взять ихъ подъ свое покровительство. Одинъ старый Узбекъ сообщилъ мнѣ, что „даже Френги (Англичане) (да проститъ ему Богъ его прегрѣшенія) были бы лучше теперешняго мусульманскаго правительства.“ Онъ прибавилъ, что онъ еще помнитъ Хекимъ - Баши (Муркрафта), умершаго въ домѣ его дяди во времена эмира Хайдара; что онъ былъ умный знахарь и хорошій врачъ; что онъ могъ бы сдѣлаться богатымъ, еслибы захотѣлъ; но что не смотря на все это, онъ остался скромнымъ и снисходительнымъ ко всѣмъ, даже къ женщинамъ. Я наводилъ справки о смерти этаго путешественника и всѣ единогласно утверждали, что онъ умеръ отъ лихорадки; это въ самомъ дѣлѣ вѣроятнѣе предположенія объ его отравѣ.

Въ настоящее время въ Андкуи 2,000 домовъ, составляющихъ городъ, и около 3,000 палатокъ, разсыпанныхъ по окрестности или по оазисамъ въ степи. Число жителей простирается до 15,000. Они по большей части Туркмены, изъ племени Альели, съ примѣсью Узбековъ и меньшаго числа Таджиковъ. Прежде Андкуи, какъ Хулумъ, Кундузъ и Балхъ, составлялъ отдѣльное ханство, но его положеніе на пути къ Герату предоставляетъ его больше нападеніямъ эмировъ Бухарскаго и Афганистанскаго, чѣмъ другія, вышеупомянутыя мѣстности. Говорятъ, что въ 1840 году онъ былъ еще въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Тогда онъ былъ подчиненъ Бухарѣ и былъ призванъ противодѣйствовать побѣдоносному шествію Яръ-Мохаммедъ-Хана, который осаждалъ его въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и наконецъ взялъ штурмомъ. Городъ былъ разграбленъ. Большая часть жителей, не успѣвшая убѣжать, погибла подъ мечами безжалостныхъ Афгановъ. Теперешній владѣтель, Газанферъ-Ханъ, чтобы оградить себя отъ разоренія, бросился въ объятія Афгановъ и вмѣстѣ съ ними сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Бухары съ одной стороны и сосѣдняго Маймене съ другой. Даже во время нашего пребыванія въ Андкуи, онъ долженъ былъ присоединиться къ Балхскому сердару и сразиться съ Маймене, которые впрочемъ одержали блистательную побѣду надъ союзниками.

Между тѣмъ караванъ нашъ представлялъ совершенную безурядицу. Визирь, намѣревавшійся въ отсутствіе хана обогатить себя огромными налогами, все еще спорилъ и ссорился съ керванбаши. Отъ словъ

они скоро перешли къ ударамъ; ихъ примѣру готовы были послѣдовать и всѣ жители и сразиться съ караваномъ. Къ счастью ханъ, человекъ очень добрый, пріѣхалъ въ самый моментъ схватки, успокоилъ всѣхъ, уменьшивъ таксу, назначенную визиремъ, и отпустилъ насъ, совѣтуя быть осторожнѣе, потому что Туркмены, пользуясь общимъ смятеніемъ, рыскаютъ по окрестностямъ и грабятъ по дорогамъ. Но это нисколько не пугало насъ, потому что въ Андкуи число наше удвоилось, такъ что намъ нечего было бояться нападенія.

Мы отправились въ тотъ же вечеръ и расположились станомъ въ Андкуи, въ одной миля отъ Іекетута. Это было мѣсто, назначенное для нашего rendez-vous. Ночью мы опять пустились въ путь. Слѣдующая станція была на берегу ручья, вытекающаго изъ Маймене. Русло его, необыкновенно глубокое во многихъ мѣстахъ, густо поросло деревьями. Отъ Андкуи до Маймене насчитываютъ двадцать двѣ мили— три дня ѣзды для верблюдовъ. Мы сдѣлали уже восемь миль; оставалось еще четырнадцать, что въ сложности составляло весьма немного, еслибы намъ не было нужно тайкомъ пройти черезъ Хайрабадъ, вторую нашу станцію, и къ слѣдующему утру прибыть въ Маймене. Хайрабадъ принадлежит Афганамъ и керванбаши былъ правъ, идя мимо его съ особенною осторожностью, потому что Афганы даже въ мирное время не прочь отъ разбоя и не трудно представить себѣ, какъ военные власти обошлись бы съ караваномъ, еслибы онъ попалъ къ нимъ въ руки.

Нѣкоторые жители Хайрабада, бывшіе въ караванѣ, приблизившись къ своему родному городу, пожелали разстаться съ нами, но ихъ заставили продолжать путь, подозрѣвая измѣну; Афганы, открывъ насъ, не замедлили бы все конфисковать. Хотя верблюды были тяжело нагружены, мы ѣхали безостановочно отъ полудня до восьми часовъ слѣдующаго утра. Усталыхъ животныхъ мы оставляли назади и велика была наша радость, когда на слѣдующее утро мы безъ всякаго препятствія прибыли въ ханство Маймене. Послѣдняя станція была въ высшей степени утомительна, не только вслѣдствіе опасеній, но и вслѣдствіе физическихъ затрудненій. Миляхъ въ девяти отъ Андкуи, мѣстность становится все болѣе и болѣе холмистою и наконецъ около Маймене превращается въ настоящія горы.—Кромѣ того, намъ пришлось проходить черезъ часть опаснаго Баткака (состоящаго изъ болотъ), гдѣ, не смотря на жаркую пору, была грязь во многихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этаго верблюды и ослы сильно страдали. Я ѣхалъ на бойкой, маленькой лошади; но такъ какъ ея тонкія ноги часто вязли, то она скоро устала вытаскивать ихъ и мнѣ стоило не мало трудовъ погнать ее и заставить идти впередъ.

Мы расположились станомъ у подножія маленькой цитадели Аккале, въ четырехъ миляхъ отъ Маймене. Керванбаши подарилъ хаджи двухъ овецъ, въ знакъ благодарности Богу за избавленіе отъ всѣхъ опасностей, угрожавшихъ каравану. Я, въ качествѣ старшаго, долженъ былъ раздѣлить подарокъ. Мы ѣли этихъ овецъ цѣлый день, вмѣсто хлѣба, а вечеромъ пѣли телькины подъ аккомпаньементъ зикра— то есть мы прокричали изо всѣхъ силъ двѣ тысячи разъ: „Йа-хoo! Йа-хакъ!“

Вечером таможенный чиновник из Маймене—вѣжливый и честный Узбекъ—вышелъ къ намъ и написалъ свой рапортъ. Ночью мы двинулись дальше и къ утру были уже въ Маймене.

ГЛАВА XIII.

МАЙМЕНЕ.—Его политическое положеніе и важность.—Правительство.—Соперничество Бухары и Кабула.—Достъ-Мохаммедъ-Ханъ.—Ишанъ-Эйвезъ и Молла-Халимърадъ.—Хавство и крепость Маймене.—Бѣгле Русские преступники.—Рѣка Мургавъ и Бала-Мургавъ.—Джемшидъ и Афганъ.—Разорительный тарифъ на товары.—Лихонство и дурная администрація Афгановъ.

Wild warriors of the Turquoise hills, and those
Who dwell beyond the everlasting snows
Of Hindoo Kosh, in stormy freedom bred,
Their fort the rock, their camp the torrent's bed.
Moore, Veiled Prophet.

Прежде чѣмъ войти въ Маймене, я опишу политическое состояніе этого края. Такъ какъ этотъ городъ имѣетъ очень важное значеніе, то я считаю необходимыми нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Вся полоса земли по эту сторону Аму-Дарьи до Гиндукуша и Герата, съ древнихъ временъ была поприщемъ постоянныхъ споровъ и стычекъ, въ которыхъ принимали участіе не только маленькія государства, какъ напр. Кундузь, Хулумъ, Балхъ, Агче, Серепуль, Шиборганъ, Андкуи, Бедакшанъ и Маймене, но и сами эмиры Бухарскій и Кабульскій. Эти государи изъ завоевательныхъ цѣлей всегда были готовы зажечь пламя раздора; иногда они и сами принимали участіе въ этихъ междоусобіяхъ. Каждый изъ нихъ старался склонить на свою сторону какой нибудь изъ вышеупомянутыхъ городовъ и воспользоваться ихъ оборонительными и наступательными средствами для собственныхъ своихъ видовъ. Въ сущности главными соперниками были сами эмиры. До начала этого столѣтія преобладало вліяніе Бухары, потомъ взяли верхъ Афганскія племена Дурани, Садзуи и Барекзи, и наконецъ Достъ-Мохаммедъ-Хану удалось отчасти силою, отчасти хитростью подчинить своей власти всѣ вышеупомянутыя владѣнія, за исключеніемъ Бедакшана и Маймене. Онъ образовалъ провинцію Туркестанъ и назвалъ столицю Балхъ. Въ городѣ этомъ живетъ постоянно сердаръ съ 10,000 войска, состоящаго частію изъ регулярнаго, частію изъ на-

родной милиціи; сверхъ того въ его распоряженіи находятся три батареи полевыхъ орудій. Энергическому Достъ-Мохаммедъ-Хану не особенно хотѣлось завладѣть гористымъ Веракшаномъ; другое дѣло Маймене. Онъ лежитъ на полпути отъ Бухары и нѣсколько разъ былъ осаждаемъ безуспѣшно Достъ-Мохаммедъ-Ханомъ и Яръ-Мохаммедъ-Ханомъ. Въ 1862 году, когда сѣдой Барекзійскій владѣтель поднялъ мечъ, чтобы наказать измѣннической Герать, вся Средняя Азія затрепетала, но Маймене опять устоялъ и оказался побѣдителемъ. Тогда храбрость Узбековъ вошла въ поговорку, и можно себя составить нѣкоторое понятіе о гордости этого города изъ того, что онъ утверждалъ не безъ основанія предъ смертью Достъ-Мохаммедъ-Хана, что изъ всѣхъ соединенныхъ городовъ онъ одинъ отказалъ въ почести Афганскому знамени.

Смерть Достъ-Мохаммедъ-Хана — событіе высокой важности для Средней Азіи — угрожала большими переворотами и политическими революціями. Бухарскій эмиръ первый вздумалъ воспользоваться случаемъ, и не смотря на свое извѣстное безденежье, отправилъ 10,000 тилла въ маленькій воинственный Маймене. Это привело къ слѣдующему договору: эмиръ долженъ былъ перейти Аму-Дарью и соединивъ свои силы съ союзными, сдѣлать внезапное нападеніе на ихъ общаго врага, Афгановъ. Царствующій владѣтель Маймене, юноша необыкновенно пылкій, не имѣлъ терпѣнія дожидаться своихъ союзниковъ и началъ битву съ силами, бывшими въ его собственномъ распоряженіи. Ему удалось завладѣть нѣсколькими Афганскими мѣстечками и украсить ворота своей крѣпости тремястами длинноволосыхъ Афганскихъ череповъ.

Когда караванъ расположился здѣсь станомъ за городомъ, я послѣдилъ теке нѣкоего Ишана Эйюба, къ которому у меня были рекомендательныя письма отъ Хаджи-Сали. Я всячески старался приобрести его расположеніе, потому что онъ могъ быть мнѣ чрезвычайно полезенъ въ случаѣ одной гепсонтге, которой я опасался въ Маймене, такъ какъ она могла способствовать открытію моей личности и подвергнуть меня вслѣдствіе этого большой опасности. Личность, которую я такъ боялся встрѣтить, былъ нѣкто Молла-Халмурать, извѣстный мнѣ еще въ Константинополѣ и дававшій мнѣ уроки Турецко-Джагатайскаго языка въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Молла, очень хитрый малый, еще въ Воссорѣ замѣтилъ, что я не настоящій Решидъ-Эфенди. Узнавъ о моемъ намѣреніи проѣхать въ Бухару, онъ предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ чичероне, увѣряя меня въ то же время, что онъ служилъ Англійскому Молла-Юсуфу (доктору Вольфу) такимъ же образомъ. Такъ какъ я оставилъ его въ сомнѣніи относительно своихъ намѣреній, то онъ отправился въ Мекку. Я зналъ, что онъ былъ намѣренъ возвратиться назадъ черезъ Бомбей и Карачи, и боялся встрѣтить его, потому что былъ твердо убѣжденъ, что не смотря на ласку, оказанную мною ему, онъ былъ способенъ выдать меня, еслибы это хотя отчасти могло быть для него выгоднымъ.

Такъ какъ всѣ сообщенія между Маймене и Бухарой были прерваны вслѣдствіе Афганскаго похода, мнѣ удалось избѣгнуть этой злополучной встрѣчи до сихъ поръ; но въ Маймене я считъ необходимымъ обезпечить себя какимъ нибудь прочнымъ locus standi, въ родѣ распо-

ложения и милостей Ишана Эйюба, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Дня черезъ три я рискнулъ справиться о предметъ моихъ тревоженій. „Какъ! Халмуратъ? сказалъ Ишанъ съ удивленіемъ, — ты былъ знакомъ съ нимъ?—Миръ ему и долгая жизнь намъ! Онъ имѣлъ счастье умереть въ Меккѣ, и такъ какъ онъ былъ моимъ искреннимъ другомъ, то я принялъ дѣтей его къ себѣ въ домъ, и вотъ это (тутъ онъ указалъ на мальчика) одинъ изъ его сыновей.“ Я далъ ребенку дѣлать нитку стеклянныхъ бусъ, сказалъ три фатиха за упокой усопшаго и мои тревоженія такимъ образомъ окончились.

Теперь я сталъ всюду ходить съ большей свободой и вскорѣ устроилъ лавочку на углу улицы. Товаръ мой, къ крайнему моему огорченію, быстро уменьшался. „Хаджи-Решидъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ, ты теперь съѣлъ половину своихъ ножей, иглокъ и бусъ; скоро ты съѣшь и другую половину и осла, — что тогда ты будешь дѣлать?“ Онъ былъ правъ, — что мнѣ дѣлать? Безотрадность будущаго и приближеніе зимы пугали меня, потому что я все еще былъ далеко отъ Персидскихъ границъ и всѣ усилія поправить финансы оказывались безуспѣшными.“ Дервишъ или нищій, сказалъ я, не отойдетъ голоднымъ отъ дверей Узбека. Ему нигдѣ не откажутъ въ хлѣбѣ и фруктахъ, порою перепадетъ что нибудь и изъ одежды, а ему немного и нужно.“

Что я страдалъ и страдалъ много, нѣтъ надобности говорить читателю; но привычка и надежда возвратиться въ Европу — помогали мнѣ нести свои испытанія. Я спалъ на открытомъ воздухѣ, на голой землѣ, радуясь уже и тому, что нѣтъ надобности бояться постоянного изобличенія или мученической смерти, потому что никто больше не сомнѣвался въ томъ, что я хаджи.

Ханство Маймене — восемнадцать миль ширины и двадцать, длины. Кромѣ столицы, въ немъ десять деревень и округовъ, изъ которыхъ, самые значительные: Кайзаръ, Хафиръ-кале, Альваръ и Ходжакенду. Народонаселеніе дѣлится на кочевниковъ и осѣдлыхъ и простирается до 100,000 душъ; по національности, большая часть состоитъ изъ Узбековъ изъ племени Минъ, Ачмайли и Дазъ, доставляющихъ войско изъ пяти или шести тысячъ конницы, хорошо вооруженной и на хорошихъ лошадяхъ. Какъ я уже говорилъ, они отличаются храбростью. Теперешній правитель Маймене — Гусейнъ-Ханъ, сынъ Хукуметъ-Хана. Этого Хукуметъ-Хана, по приказанію его роднаго брата, еще теперь живущаго, и дяди нынѣ царствующаго государя, — сбросили съ крепостныхъ стѣнъ, „чтобы, какъ онъ самъ выразился, передать управление дѣлъ болѣе способному его сыну.“ Послѣ оказалось, что „болѣе способный“ — вовсе не способенъ царствовать и причина жестокаго убійства была совершенно другая. Мирза-Якубъ — какъ зовутъ любезнаго дядюшку — занимаетъ мѣсто визиря, и всѣмъ извѣстно, что Гусейнъ-Ханъ только его орудіе. Но не смотря на то, въ Маймене моледаго государя любятъ больше, чѣмъ его дядю. Онъ и въ Европѣ пользовался бы репутаціей человека съ пріятной наружностью; а въ глазахъ Узбековъ онъ — Адонисъ. Его считаютъ даже добрымъ люди, забывающіе, что онъ строго придерживается тиранническаго закона, на основаніи котораго ханъ, вмѣсто того чтобы подвергать тѣлесному наказанію или денежному штрафу, отправляетъ подданныхъ своихъ на продажу въ

Бухару. Ханъ каждый мѣсяцъ отправляетъ извѣстное количество этихъ несчастныхъ и это не считается страннымъ, потому что вошло въ обычай. Городъ Маймене стоитъ посреди горъ и видѣнъ только въ четверти или разстоянїа. Онъ чрезвычайно грязенъ, дурно построенъ и состоитъ изъ 1,500 глиняныхъ хижинъ и кирпичнаго базара, близкаго къ разрушенїю; въ немъ сверхъ того три мечети и двѣ медресе; первыя построены изъ глины, а послѣднїя—изъ кирпичей. Жители—Узбеки, съ небольшою примѣсью Таджиковъ, Гератовъ, Евреевъ, Индусовъ, Афгановъ. Всѣ они пользуются одинаковыми правами, безъ различїа вѣроисповѣданїи или національностей. На западномъ концѣ города высатся стѣны и рвы цитадели, выдержавшей атаку Афганской артиллерїи, устроенной на Англійскїй ладъ и не признавшей власти Достъ-Мохаммедъ-Хана. Стѣны, сдѣланныя изъ глины, имѣютъ двѣнадцать футъ высоты и около пяти ширины; рвы не особенно широки и глубоки; цитадель помѣщается на крутомъ, высокомъ холмѣ, но въ окрестности есть много другихъ, болѣе высокихъ холмовъ, съ которыхъ хорошая батарея могла бы превратить ее въ пепель въ нѣсколько часовъ. И потому весьма вѣроятно, что грозная сила Маймене скорѣе состоитъ въ храбрости его защитниковъ, чѣмъ въ его стѣнахъ или рвахъ. Въ жителяхъ съ перваго взгляда видны смѣлые, безстрашные наездники и поспорить съ ними могли бы только Узбеки изъ Шегри-Сабза. Смѣлый воинственный характеръ жителей этаго маленькаго ханства и гористое ущелье при Мургабѣ (рѣкѣ), всегда будутъ составлять немаловажное препятствїе для Афгановъ или какихъ нибудь другихъ завоевателей, которые вздумаютъ съ юга подойти къ Аму-Дарьѣ, и желающїе взять Бухару должны уничтожить Маймене или покрайней мѣрѣ быть увѣренными въ его дружескомъ расположенїи.

Въ Маймене кербавбаши и главныхъ купцовъ нашего каравана не долго задерживали таможенные формальности и они принялись за хлопоты о личныхъ своихъ интересахъ. Они перебивали на всѣхъ конныхъ, потому что здѣсь хорошия лошади очень дешевы. Отсюда ихъ развозятъ въ Герать, Кандагаръ и Кабуль и даже въ Индїю. Лошади, которыя въ Персїи стоятъ тридцать или сорокъ дукатовъ, здѣсь продаются за сто и за сто шестьдесятъ тенге (отъ четырнадцати до пятнадцати дукатовъ), и я никогда не видывалъ въ Бухарѣ, Хивѣ или Карши такихъ отличныхъ лошадей въ такой низкой цѣнѣ; но рынокъ въ Маймене богатъ не только лошадьми; естественныя и мануфактурныя произведенїа страны, какъ-то ковры и другїя матерїи изъ шерсти или верблюжьяго волоса, доставляются въ изобилїи Туркменскими и Джемшидскими женщинами. Необходимо замѣтить, что значительную долю вывоза отсюда въ Персїю и Багдадъ составляетъ мелкїй виноградъ (кишмишъ), анисъ и фишашки.

Дней черезъ восемь я возвратился къ каравану, стоявшему внѣ города, чтобы узнать, когда онъ намѣренъ снова пуститься въ путь. Тутъ я, къ удивленїю, услышалъ, что они цѣлый день искали меня, чтобы взять меня въ поруки четыремъ освобожденнымъ Руми, арестованнымъ по приказанїю дяди хана. Судья рѣшилъ, что освободить ихъ отъ подозрѣнїа въ томъ, что они бѣглые рабы, можетъ только поручительство кого нибудь знающаго достоверно, что они въ самомъ дѣлѣ Турецкаго происхожденїа. Прежде чѣмъ идти къ хану, позвольте мнѣ;

читатель, познакомить васъ съ этими новыми моими соотчичами и чрезвычайно интересными членами нашего каравана.

Это были ни болѣе, ни менѣ какъ русскіе преступники Кавказскіе горцы. Они были сосланы въ Сибирь, работали лѣтъ восемь на каторгѣ въ Тобольской губерніи, бѣжали черезъ необъятныя Киргизскія степи въ Бухару, надѣясь возвратиться на родину черезъ Герать, Мешгедъ, Тергеранъ и т. д. Исторія ихъ бѣгства и другихъ приключеній очень длинна. Я опишу ихъ только вкратцѣ.

Въ послѣднюю войну между Россіей и Турціей, они занимались грабежомъ на Кавказѣ. Въ это время они попали въ руки Русскому патрулю и были сосланы въ Сибирь. Тутъ они по цѣлымъ днямъ должны были рубить дрова въ Тобольскихъ лѣсахъ (?), а на ночь ихъ запирали въ тюрьму, но обращались съ ними не дурно, потому что кормили ихъ хлѣбомъ, супомъ и часто даже мясомъ. Прошли годы и они выучились по Русски отъ своихъ сторожей. Возможность сообщаться породила довѣріе; начались взаимныя подчиванья водкой, и прошедшей весной, однажды, когда сторожа выпили больше обыкновеннаго, — преступники воспользовались случаемъ, перемѣнили свои топоры на оружіе сторожей и проплутавъ много времени и претерпѣвъ много невзгодъ, наконецъ добрались до Киргизскихъ палатокъ, которыя для нихъ были якоремъ спасенія, потому что номады считаютъ добрымъ дѣломъ помогать побѣднѣ бѣглымъ. Изъ Киргизскихъ степей они прошли черезъ Ташкентъ въ Бухару, гдѣ имъ эмиръ далъ немного денегъ на путевыя издержки; хотя по дорогѣ ихъ неоднократно подозревали, какъ бѣглыхъ рабовъ, но только въ Майменѣ они подверглись дѣйствительной опасности быть остановленными.

По настоянію спутниковъ моихъ и керванбаши, я съ Ишанъ-Эйюбомъ, отправился въ тотъ же день въ цитадель. вмѣсто того чтобы увидѣть хана, мы были приняты его дядею: онъ удовлетворился моимъ свидѣтельствомъ и четырехъ бѣглецовъ освободили. Они благодарили меня со слезами на глазахъ; весь караванъ былъ очень обрадованъ и дня черезъ два мы продолжали путешествіе въ Герать.

Дорога шла постоянно по гористой мѣстности. Первая станція, въ юго-западномъ направленіи, была достигнута въ шесть часовъ. Ее называютъ Альмаръ. Это обыкновенное названіе деревень, разсыпанныхъ тамъ въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Какъ только караванъ остановился, появились таможенные чиновники изъ Майменѣ, съ нѣсколькими всадниками, и настаивали на вторичномъ осмотрѣ. Это вызвало крики, споры, переговоры, продолжавшіеся нѣсколько часовъ; но наконецъ мы должны были уступить; съ бѣднаго керванбаши и съ купцовъ еще разъ взяли пошлину съ товаровъ, скота и рабовъ и вечеромъ мы опять двинулись. Пройдя довольно значительное мѣсто, Кайсаръ, мы послѣ полуночи прибыли на станцію Наринъ. Мы ѣхали пять миль черезъ долины, маленькія, плодородныя, но совершенно заброшенныя; вся эта прелестная мѣстность неприступна по милости разбойниковъ Туркменъ, Джемшидовъ и Фирузкухи.

Въ Наринѣ мы отдохнули всего только нѣсколько часовъ, такъ какъ намъ предстояла станція въ семь часовъ. Пройдя цѣлый день безъ остановки, мы прибыли вечеромъ въ деревню и на станцію Чичекту, возлѣ которой есть еще деревня, называемая Фемгузаръ. Такъ какъ

у караванбаши и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ были дѣла въ деревнѣ Ходжакенду, лежащей на юго-востокѣ, въ трехъ миляхъ разстоянія, посреди горъ, то мы остановившись рѣшились остаться здѣсь на цѣлый день. Это мѣстечко считается границей Маймене и всего Туркестана. Юзбаши, по имени Девметъ-Мюрадь, исполняющій здѣсь обязанности пограничнаго стража, взимаетъ въ ханствѣ Маймене камчинъ-пулу (то же что въ Германіи Trinkgeld, на водку: въ Средней Азіи провожающему эскорту даютъ немного денегъ; этотъ козбашимѣлъ право требовать платы съ каждаго прохожаго, хотя бы онъ во все его не провожалъ и не защищалъ). Я выразилъ удивленіе свое по этому поводу и мнѣ отвѣчали: „Слава Богу, что только пошлину берутъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нельзя было проходить черезъ Маймене или Андкуй безъ риска, потому что караваны грабили по приказанію самаго хана и не оставляли намъ ничего.“ Здѣсь, въ Чичекту, я видѣлъ въ послѣдній разъ Узбековъ-кочевниковъ и, признаюсь, не безъ сожалѣнія распростился съ этимъ честнымъ, прямымъ народомъ, потому что номады этаго племени оставили во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія изъ всѣхъ уроженцевъ Средней Азіи.

Отсюда караванъ двинулся дальше подъ покровительство отряда Джемшидовъ, посланнаго на встрѣчу къ намъ изъ Бала-Мургаба, потому что дорога здѣсь лежитъ черезъ довольно широкую долину, по правую сторону которой живутъ Сарикъ-Туркмены, а по лѣвую—горпы-разбойники Фирузкухи. Мѣстность чрезвычайно плодородная, но совершенно пустая и необработанная. Какъ я слышалъ, караванъ во все время путешествія изъ Бухары не подвергался столькимъ опасностямъ, какъ здѣсь. Нашъ отрядъ состоялъ изъ тридцати Джемшидовъ, хорошо вооруженныхъ и верхами, изъ нѣсколькихъ десятковъ челоуѣкъ, входившихъ въ составъ самаго каравана, и не смотря на то, всѣ были въ величайшей тревогѣ. Не мудрено представить себѣ, въ какомъ состояніи духа были несчастные освобожденные рабы, съ такими издержками и затрудненіями добравшіеся сюда и теперь опять угрожаемые новымъ плѣномъ.

Численность каравана и принятыя нами предосторожности спасли насъ отъ нападенія. Мы провели цѣлый день посреди великолѣпныхъ пажитей, не смотря на позднее время года, покрытыхъ цвѣтами и травою, доходившею намъ до колуѣнъ. Отдохнувъ ночью, мы пріѣхали на слѣдующее утро къ развалинамъ крѣпости Кале-Вели: она была населена всего года два тому назадъ, потомъ взята и разорена Саригъ-Туркменами; жители были частью проданы въ рабство, частью перерѣзаны. Осталось только нѣсколько пустыхъ домовъ и крѣпостныя стѣны, которыя скоро совершенно разрушатся. Джемшидскіе всадники, провожавшіе насъ всего только въ теченіе одного дня, принялись просить у насъ денегъ, съ рабовъ вдвое больше, чѣмъ съ остальныхъ. Они увѣряли, что требованіе это совершенно основательно, такъ какъ они не получаютъ ничего изъ пошлинъ, собираемыхъ ханомъ въ Бала-Мургабѣ.

Около вечера, на второй день по выѣздѣ изъ Чичекту, мы добрались до конца этой прелестной долины. Дорога, ведущая къ рѣкѣ Мургабъ, проходитъ черезъ гористое ущелье, во многихъ мѣстахъ очень крутое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое узкое, что навьюченные верблюды шли

гуськомъ и съ большими затрудненіями; говорить впрочемъ, что это единственный доступный проходъ черезъ горы къ берегу рѣки. Желающие перебраться черезъ Мургабъ должны или идти черезъ степь и для этого быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Салорами и Сариками, или пуститься черезъ это ущелье, для чего необходимо дружеское расположеніе Джемшидовъ, потому что ихъ нападенія въ этихъ ущельяхъ могутъ быть опасны даже для самой сильной арміи.

Была полночь, когда мы пріѣхали на берегъ рѣки; измученные утомительнымъ переходомъ по горамъ, люди и животныя впади въ глубокий сонъ.

На сѣдующее утро я увидѣлъ, что мы—въ продолговатой долинѣ, окруженной высокими горами и перерѣзанной по срединѣ свѣтло-зелеными водами Мургаба. Картина была обворожительная.

Мы шли по берегу рѣки съ полчаса, ища брода, потому что течение очень сильно, и хотя рѣка не очень глубока, но не вездѣ можно перейти черезъ нее, по милости множества большихъ камней, разбросанныхъ по дну.

Первые пошли лошади, потомъ верблюды, и наши ослы заключали шествіе. Ослы, какъ извѣстно, ужасно боятся воды и грязи. Я счелъ необходимымъ переложить свой дорожной мѣшокъ съ манускриптами—самое драгоценное стяжаніе, зрѣлія оріша моего путешествія—на спину верблюда. Потомъ сѣвъ на пустое сѣдло, я заставилъ своего осла войти въ рѣку. Когда онъ сдѣлалъ первый шагъ по каменному ложу быстрого потока, я почувствовалъ, что произойдетъ что нибудь ужасное; я хотѣлъ сойти; но это оказалось ненужнымъ, потому что еще черезъ нѣсколько шаговъ мой оселъ повалился, при громкомъ хохотѣ товарищей нашихъ, стоявшихъ на берегу, и съ великими усиліями добрался наконецъ до противоположнаго берега. Эта утренняя холодная ванна въ свѣтлыхъ водахъ прозрачнаго какъ хрусталь Мургаба *) была только потому неприятна для меня, что у меня не было другой перемѣны платья, такъ что я долженъ былъ завертываться нѣсколько часовъ въ ковры и мѣшки, пока платье мое, промокшее насивозъ, не высохло на солнцѣ. Караванъ расположился станомъ возлѣ цитадели; внутри, вмѣсто домовъ, оказались просто палатки и въ нихъ-то помѣщаются ханы или предводители Джемшидовъ.

Эта часть Мургабской долины называется Бала-Мургабъ (верхній Мургабъ); впрочемъ нѣкоторые увѣряютъ, что это названіе относится только къ крѣпости. Прежде она была очень важнымъ пунктомъ, и многочисленныя развалины внутри и въ окрестности свидѣтельствуютъ о замѣчательной цивилизаци. Бала-Мургабъ простирается отъ окраинъ высокой горной цѣпи Хезара до Марчаха (зѣмный колодезь), гдѣ живутъ Салоръ - Туркмены; говорятъ, что прежде это было владѣніе Джемшидовъ, что они временно лишились его, потомъ опять возвратились на прежнія мѣста. На юго-западѣ крѣпости долина становится такою узкою, что ее скорѣе

*) Мургабъ начинается въ высокихъ горахъ на востокѣ, называемыхъ Гуръ (Ghur); онъ течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ Марчаха и Пенджидахъ и наконецъ впадаетъ въ песчаныхъ равнинахъ Мерва. Говорятъ, что прежде онъ соединялся съ Аму-Дарьей, но этого не можетъ быть.

слѣдуетъ называть ущельемъ. Посреди ея катится тѣнистый Мургабъ съ шумомъ и громомъ, и только пройдя Пендждехъ, гдѣ рѣка становится глубже и спокойнѣе, самая долина расширяется до одной или двухъ миль. Когда здѣсь были Мервы, была вѣроятна и цивилизація въ значительныхъ размѣрахъ; но теперь здѣсь хозяйничаютъ Туркмены и на пути своемъ все опустошаютъ и разоряютъ.

Джемшиды увѣряютъ, что они происходятъ отъ Джемшида, баснословнаго царя Пишдадскаго происхожденія, — претензія очень сомнительнаго свойства. Во всякомъ случаѣ, они Персидскаго происхожденія. Это видно еще не такъ изъ языка ихъ, какъ изъ чисто Иранскаго типа ихъ физиономій, сохранившагося лучше, чѣмъ гдѣ-либо, за исключеніемъ южныхъ провинцій Персіи. Живя издавна на окраинахъ Персидской національности, они мало-по-малу все уменьшались въ числѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ. Теперь они насчитываютъ не болѣе восьми или девяти тысячъ палатокъ. Жители живутъ въ большой нуждѣ, разсыпанные по вышеупомянутымъ долинамъ и горамъ. Какъ видно изъ исторіи Хивы, большая часть ихъ была выселена ханомъ для образованія колоніи въ его ханствѣ, гдѣ имъ былъ отведенъ плодородный участокъ въ Кекчегѣ, обильно орошаемомъ Аму-Дарьей. Переселеніе предоставляло очевидныя выгоды; но ихъ непреодолимая привязанность къ старымъ гористымъ жильямъ побуждала ихъ убѣжать назадъ. И они снова поселились на старыхъ своихъ пепелищахъ, далеко не въ такихъ блистательныхъ условіяхъ.

По одеждѣ, обычаямъ и образу жизни, Джемшиды походятъ на Туркменъ. Ихъ набѣги такъ же страшны, какъ набѣги Туркменъ; только они не могутъ быть такъ часты, вслѣдствіе ихъ малочисленности. Въ настоящее время ихъ ханы (у нихъ ихъ двое: Мегди-Ханъ и Аллахкули-Ханъ) — вассалы Афгановъ и получаютъ хорошее вознагражденіе отъ Гератскаго сердара. Афганы, даже во время Достъ-Мохаммедъ-Хана, всячески старались склонить Джемшидовъ на свою сторону, чтобы, во первыхъ, имѣть въ нихъ постоянную оборону противъ нападений со стороны Маймене; и во вторыхъ, для того чтобы парализовать власть Туркменъ, расположеніе которыхъ Достъ-Мохаммедъ-Ханъ не могъ пріобрѣсти никакими пожертвованіями. Мегди-Ханъ, предводитель Джемшидовъ, говорятъ, оказалъ замѣчательныя услуги при осадѣ Герата и пріобрѣлъ полное довѣріе не только покойнаго эмира, но и преемника его, теперешнаго государя, Ширъ-Али-Хана. Ширъ-Али-Ханъ простеръ довѣріе свое до того, что поручилъ ему опеку надъ своимъ сыномъ и наследникомъ, которому онъ поручилъ управленіе Гератомъ. Впрочемъ Афганскія владѣнія по Мургабу очень не прочны; Джемшиды готовы при первомъ случаѣ поднять открытый бунтъ, потому что они не признаютъ за Гератскимъ сердаромъ ни тѣни права на ихъ вѣрноподданничество, особенно въ случаѣ задержки платы за ихъ службу.

Здѣсь, какъ вездѣ, наши затрудненія начались и кончились таможенной процедурой. На лѣвомъ берегу Мургаба начинается Афганистанъ и прекращается взиманіе пошлины съ рабовъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорили намъ. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то. Джемшидскій ханъ, лично толковавшій съ керванбаши о пошлинѣ, взялъ съ товаровъ, скота и рабовъ больше, чѣмъ его пред-

шественники, и когда тарифъ былъ объявленъ, начались безконечныя жалобы и вопли. Онъ заставилъ даже хаджи заплатить по два франка за осла,—что было чрезвычайно трудно для всѣхъ, а особенно для меня. Но всего хуже была участь одного Индйца, купившаго въ Маймене нѣсколько тюковъ анису за тридцать тенге. Перевъздъ въ Гератъ стоилъ ему по двадцати тенге съ тюка. До сихъ поръ онъ переплатилъ уже, сверхъ этаго, до одинадцати тенге таможенныхъ пошлинъ, а теперь ему приходилось заплатить еще тридцать, стало-быть всего около шестидесяти одной тенге. Огромные налоги на торговцевъ, вошедшіе какъ будто въ законъ, положительно задерживаютъ, уничтожаютъ всѣ коммерческія сношенія, и страшныя злоупотребленія правительственной власти дѣлаютъ то, что народъ боится пользоваться дарами природы, разсѣянными повсюду, уходя за которыми далъ бы непременно обильную жатву и съ избыткомъ удовлетворилъ бы нуждамъ домашней жизни. Гористая отчина Джемшидовъ замѣчательна тремя различными родами произведеній великолѣпной природы, никому не принадлежащими и потому оказывающимися въ распоряженіи перваго пришельца. Это: 1) Фисташки. 2) Бузгунджъ—тоже родъ орѣха. Фисташки продаются по полфранка за батманъ, а бузгунджъ—по шести и восьми франковъ. 3) Теренджебинъ—родъ сахара, собираемаго съ кустарниковъ и употребляемаго для выдѣлки сахара въ Гератъ и Персію. Гора Бадхизъ (слово значитъ: гдѣ поднимается вѣтеръ) изобилуетъ этими тремя произведеніями. Жители собираютъ ихъ, но купцы, боясь огромныхъ налоговъ, могутъ давать за нихъ самую ничтожную плату, и такимъ образомъ бѣдные жители очень плохо вознаграждаются за свои труды. Джемшидскія женщины дѣлаютъ различные шерстяныя матеріи изъ козливой шерсти и пуху и особенно родъ одежды, называемой шаль и продаваемой въ Персію за хорошую цѣну.

Мы пробывли четыре дня на берегахъ Мургаба, около развалинъ. Не мало часовъ провелъ я, бродя около этой прекрасной, свѣтлозеленой рѣки, чтобы побывать въ палаткахъ, разбросанныхъ по ней группами, прикрытыхъ грубыми кусками стараго войлока, жалкихъ на видъ, полуразваливающихся. Вотще предлагалъ я свои бусы, свои благословенія и нефесы. Имъ нуженъ былъ хлѣбъ, а не подобные предметы роскоши. Религія здѣсь еще далеко не упрочилась, мнѣ нечего было рассчитывать на свое званіе хаджи и дервиша и я отложилъ попеченіе пробраться дальше до Марчаха, гдѣ, какъ говорятъ, существуютъ каменные развалины съ башнями и сводами, можетъ быть еще временъ Парсовъ. Показаніе это казалось мнѣ не совсѣмъ вѣроятнымъ; иначе Англичане, хорошо знающіе Гератъ и его окрестности, непременно предприняли бы какія нибудь изслѣдованія. Въ виду неизвѣстности, я не рѣшился подвергать себя опасности.

Отъ Бала-Мургаба до Герата считаютъ четыре дня ѣзды верхомъ на лошади. Верблюды идутъ вдвое дольше, потому что почва гориста. Наши верблюды въ собенности не могли идти скоро, потому что были чрезвычайно тяжело навьючены.

Двѣ высокія горныя точки появились на югъ Мургаба, и намъ объявили, что мы прибудемъ къ нимъ дня черезъ два. Обѣ называются Дербендами (проходами) и гораздо выше, уже, удобнѣе для защиты, чѣмъ ущелье, ведущее къ Маймене. По мѣрѣ приближенія, природа

принадлежность болѣе дикій и живописный характеръ. Высокія массы скалъ, образующія вервыи Дербендъ, увѣнчаны развалинами стараго укрѣпленія, предмета самыхъ разнородныхъ басенъ. Дальше, на второмъ Дербендѣ, на берегу Мургаба, виднѣются остатки стараго замка. Это—лѣтняя столица знаменитаго Султанъ-Русейнъ-Мирзы, по приказанію котораго былъ построенъ каменный мостъ (Пуль-Табанъ), оставившій слѣды еще до сихъ поръ. Во время этаго, самаго просвѣщеннаго государя Средней Азіи, вся окрестность процвѣтала, и по теченію Мургаба было нѣсколько общественныхъ заведеній.

За вторымъ проходѣмъ мы оставили Мургабъ. Дорога повернула на право, въ западномъ направленіи, къ плоской возвышенности, прилегающей къ части степи, заселенной Салорами. Тутъ начинается высокая гора Тельгузаръ, черезъ которую мы переходили цѣлыхъ три часа.

Около полуночи мы остановились въ мѣстечкѣ Могоръ, а на слѣдующее утро прибыли къ развалинамъ бывшаго города и крѣпости Кале-Но; теперь окруженнымъ нѣсколькими палатками Хезаровъ. Они кажутся еще бѣднѣе Джемшидовъ. Кале-Но, какъ я слышалъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ служилъ складочнымъ пунктомъ караванамъ, идущимъ изъ Персіи въ Бухару. Хезары, тогдашніе его владѣтели, стали невоздержны и самонадѣянны, вздумали предписывать законы Герату, и наконецъ вступивъ во вражду съ нимъ, были виновниками собственнаго своего паденія.

Здѣшніе Хезары, вслѣдствіе смѣшенія съ Иранами, не сохранили Монгольскаго своего типа въ такой чистотѣ, какъ братья ихъ въ Кабулѣ. Они, по большей части, Сунниты, а тѣ—Шіиты. Мы слышали, что сѣверные Хезары отдѣлились отъ южныхъ во времена Надиръ-Шаха; и окружающій народъ заставилъ ихъ признать ученіе Суннитовъ. Говорятъ еще, что Хезары были переведены Дженгизъ-Ханомъ изъ Монголіи, ихъ древняго мѣстопробыванія, въ южныя части Средней Азіи и что Шахъ-Аббасъ обратилъ ихъ къ Шіизму. Замѣчательно, что они замѣнили свой родной языкъ Персидскимъ, который вовсе не въ употребленіи въ ихъ сосѣдствѣ. Монгольское нарѣчіе, или правильнѣе его jargon, сохранилось только у небольшой части ихъ, именно у поселившихся въ горахъ, близъ Герата, гдѣ они издавна занимались жженіемъ древеснаго угля. Они называютъ себя, по мѣстности, въ которой живутъ, Гоби.

Баба-Ханъ, правитель Хезаровъ въ Кале-Но, по бѣдности и безсилію долженъ былъ бы признать наконецъ власть Герата, отстоящаго отсюда всего въ двухъ дняхъ пути. Но онъ предпочелъ тоже присвоить себѣ видъ независимаго государя.

Какъ только нашъ караванъ приблизился къ развалинамъ, на встрѣчу къ намъ вышло само величество и потребовало подати; это подало поводъ къ живому спору. Керванбаши угрожалъ отправить нарочнаго съ жалобой въ Гератъ; угроза подѣйствовала, и вмѣсто таможеннаго сбора, онъ запросилъ крупную подачу каминъ-пугу (на водку). Безбожный ханъ не избавилъ отъ платежа и хаджи, и я долженъ былъ снова заплатить за осла два франка.

Купцы запаслись здѣсь опіатами и берегомъ—легкой тканью,

которую славятся Хезарскія женщины и которая употребляется на семь сѣверъ Персїи и Афганистана для верхняго платья, называемаго чекменъ.

Изъ Кале-Но дорога опять идетъ черезъ высоня горы до Герата; разстояніе всего въ двадцать миль, но путешествіе очень утомительно и требуетъ не менѣе четырехъ дней. Первая остановка была въ деревнѣ Альваръ, возлѣ развалинъ разбойничьяго гнѣзда, гдѣ жилъ самъ Ширъ-Али - Гезарехъ. На второй день мы перешли черезъ вершину Серабендъ, покрытую вѣчными снѣгами и гдѣ мы сильно страдали отъ холода, хотя сжигали огромныя массы дровъ, чтобы согрѣться. На третій день мы постоянно спускались: тутъ много опасныхъ мѣстъ, дорога не болѣе фута ширины, идетъ по окраинѣ пропасти; одинъ невѣрный шагъ—и человекъ и верблюдъ могутъ полетѣть въ бездну. Мы, однако, безъ приключеній достигли долины Серчешме, гдѣ нагъ полагаютъ, начинается потокъ, орошающій Гератъ и съ сѣверной стороны впадающій въ Гери-Рудъ. На четвертый день мы прїѣхали въ Керружъ, принадлежащій Герату и отстоящій отъ него всего на четыре мили.

Гератъ былъ еще подъ осадой Достъ-Мохаммедъ-Хана, когда весною караванъ отправился въ Бухару. Теперь прошло шесть мѣсяцевъ, извѣстіе о взятїи и разоренїи роднаго города дошло до насъ только теперь, и читатель можетъ представить, себѣ тревогу уроженцевъ Герата о судьбѣ своихъ домовъ, собственности семей и друзей! Не смотря на то, всѣ должны были дожидаться слѣдующаго дня, пока не появился на сцену таможенный офицеръ, съ нахальной Афганскою миной, для составленія подробнаго отчета обо всемъ, что привезено. Я представлялъ себѣ Афганистанъ страною уже полуцивилизованной, гдѣ, вслѣдствіе долгаго столкновенія съ Западнымъ вліяніемъ, остались кой-какіе слѣды порядка и просвѣщенія. Я думалъ, что мнѣ наконецъ можно будетъ избавиться отъ мучительной моей роли. Но я жестоко ошибался. Афганскій чиновникъ, первый представитель націи, встрѣченный мною здѣсь, затмилъ своею безсовѣстностью и варварствомъ всѣхъ подобныхъ чиновниковъ въ Средней Азіи; всѣ ужасы, слышанные мною о таможенныхъ осмотрахъ въ Афганистанѣ, были только картинки „couleur de rose“ въ сравненїи съ тѣмъ, что я здѣсь видѣлъ. Тюки съ товарами, которыхъ владѣльцы не захотѣли развязывать, были отправлены въ городъ подъ стражей; багажъ путешественниковъ былъ пересмотрѣнъ и записанъ по статьямъ; не смотря на холодъ, всѣ должны были раздѣваться и за исключеніемъ рубашекъ, панталонъ и верхняго платья, всѣ предметы одежды были объявлены подлежащими пошлинѣ. Кровавый не пощадилъ даже мелочнаго товара хаджи и потребовалъ по пяти крановъ съ головы каждаго осла, за которыхъ мы уже столько переплатили до сихъ поръ разныхъ пошлинъ, что они намъ стоили отъ двадцати до двадцати пяти кранъ. Такъ какъ многіе были дѣйствительно такъ бѣдны, что не могли ничего платить, онъ заставилъ ихъ продать своихъ ословъ; этотъ возмутительный поступокъ отозвался на мнѣ очень тяжело,—онъ оставилъ меня въ полномъ смыслѣ слова безъ всякихъ средствъ.

Вечеромъ, когда мы сочли грабежъ оконченнымъ, губернаторъ Керруха, носящій чинъ межира (равносильное майору: въ Афганской арміи употребляютъ еще снова *эмжорнель* и *корнель*, произведенныя

изъ английскихъ general и colonel), явился за получениемъ „на водку“. Онъ былъ тоже довольно грубъ и требователенъ, но его чисто солдатская осанка, мундиръ, застегнутый на всѣ пуговицы,—произвели на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, какъ первый предметъ, напомнившій мнѣ Европейскія общества. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить о ребяческихъ чувствахъ, овладѣвшихъ мною при этомъ случаѣ, но я не могъ взглянуть равнодушно на конецъ своихъ приключеній. Баторъ-Ханъ (такъ его звали) замѣтилъ мой удивленный взглядъ и улыбку. Это побудило его посмотреть на меня пристальнѣе; онъ былъ удивленъ странными чертами моего лица и принялся спрашивать керванбаши; потомъ пригласилъ меня сѣсть возлѣ себя и сталъ со мною разговаривать съ особенной пріивѣтливостью и уваженіемъ. Разговоръ вертѣлся на Бухаръ и во все время его—онъ смотрѣлъ мнѣ въ лицо со смѣхомъ, какъ будто желая поздравить меня съ достиженіемъ цѣли, потому что онъ думалъ, что я былъ посланъ съ какимъ нибудь порученіемъ, и хотя я настойчиво продолжалъ играть свою роль, онъ на прощаньи протянулъ мнѣ руку à l'Anglaise; но замѣтивъ это, я подавалъ руки и готовъ былъ дать ему фатиха, отъ котораго онъ со смѣхомъ уклонился.

На слѣдующее утро нашъ караванъ долженъ былъ вступить въ Гератъ, проведя болѣе шести недѣль въ пути, который можно было бы, при другихъ условіяхъ, сдѣлать въ двадцать или двадцать пять дней.

Изъ переданныхъ мною подробностей очевидно, что торговля на этомъ пути далеко не въ блестящихъ условіяхъ. Мы постараемся выразить въ тенге сумму, переплаченную за рабовъ, товары и скоть на всемъ протяженіи пути

Заплочено тенге (по 75 центимовъ):

Названіа мѣсть.	За тую съ товарами.	За верблюда.	Лошадь.	Осла.	Раба.
Берки	20	5	3	1	22
Андики	26	5	3	2	20
Маймене	28	5	3	1	25
Альмаръ	—	3	2	—	—
Фемгуваръ	1	3	2	1	1
Кале-Вели	—	5	3	1	5
Мургабъ	30	5	3	2	15
Кале-Но	—	5	3	2	—
Беррухъ	—	15	10	5	—
	105	51	32	15	88

Если прибавить къ этому, что стоимость монеты въ Гератъ 20%, то можно представить себѣ, какова должна быть продажная цѣна, чтобы вознаградить купца, за его хлопоты и убытки.

ГЛАВА XIV

Герать.

Герать.—Его вѣдственное состояніе.—Базаръ.—Нишета анора.—Сердаръ Мехемедъ-Якубъ-Ханъ.—Парадъ Афганскихъ войскъ.—Свиданіе съ сердаромъ.—Поведеніе Афганцевъ во время штурма Герата.—Визирь Назиръ-Наимъ.—Майоръ Тоддъ.—Мозалла и могила Султанъ-Гусейнъ-Мирзы. — Могила Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Мохаммедъ-Хана.

Путешественникъ, ѣдущій съ сѣвера, обогнувъ гору Ходжа-Абдулла-Ансари, будетъ весьма пріятно пораженъ, увидѣвъ предъ собою прекрасную и необозримую равнину—Джелгай-Герать, съ многочисленными каналами и разсыпанными группами деревень. Хотя здѣсь вовсе нѣтъ деревъ, главнаго орнамента всякаго пейзажа, но путешественникъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ наконецъ достигъ границъ Туркестана: Герать называется вратами или ключемъ Средней Азіи. Не увлекаясь, какъ жители Востока, называющіе его Дженнетсифатъ (подобный раю), мы однако не можемъ не признать за окружающей мѣстностью несомнѣнной прелести и плодородія. Его естественныя преимущества, въ связи съ политическимъ значеніемъ, къ несчастію, сдѣлали изъ него яблоко раздора для различныхъ національностей, и если принять въ расчетъ войны и осады, которыя этотъ городъ вынесъ, нельзя не удивляться быстрому заживленію нанесенныхъ ему ранъ. Всего только два мѣсяца до нашего пріѣзда здѣсь хозяйничали орды дикихъ Афгановъ, всюду оставляя за собою разореніе и отчаяніе, а теперь снова поля и виноградники процвѣтаютъ и луга покрыты высокой травой, перемѣшанной съ цвѣтами.

Какъ во всѣхъ городахъ Востока, въ немъ много древнихъ и современныхъ развалинъ; и здѣсь, какъ и вездѣ, мы должны признаться, что древніе—и красивѣе и величественнѣе. Остатки памятниковъ на Мозалла (мѣсто для молитвы) напоминаютъ развалины древней столицы Тимура; круглыя башни, стоящія отдѣльно, напоминаютъ окрестности Испани; но самъ городъ и крѣпость въ томъ состояніи, въ какомъ я ихъ видѣлъ, представляютъ развалину, какой я еще не видалъ даже здѣсь, на Востокѣ.

Мы ѣхали черезъ ворота Дервазъ-Аракъ. Дома, мимо которыхъ мы ѣхали, начатыя работы и самыя ворота походили на груды мусора. Возлѣ воротъ и внѣ города находится аркъ, служившій цѣлью для Афганской артиллеріи; теперь онъ полуразрушенъ, двери и окна были

выбиты выстрѣлами, такъ что во время осады жителямъ пришлось не мало пострадать отъ недостатка топлива. Изъ-за стѣнъ выглядываютъ тамъ и самыя отчаянныя физиономіи Афгановъ или Индусовъ — достойныхъ стражей подобныхъ развалинъ. Съ каждымъ новымъ шагомъ мы видѣли все большіе слѣды разрушенія. Цѣлые кварталы города опустѣли и обезлюдѣли; базаръ, то-есть крытая его часть, вынесшая столько осадъ, и теперь была еще цѣла и не смотря на то, что новое населеніе водворилооь въ немъ всего только три мѣсяца тому назадъ, — представляла чрезвычайно интересный образчикъ Восточной жизни — ослѣпительное смѣшеніе Индусовъ, Персіянъ и жителей Средней Азіи. Начиная отъ каравансерая Хаджи-Ресуля, до каравансерая Но, волновалась толпа въ полномъ значеніи этого слова и поражала зрѣніе разнообразіемъ племенъ; тутъ были и Афганы, и Индусы, и Татары, и Туркмены, и Персіяне, и Евреи. Афганы играли главную роль или въ національномъ костюмѣ, состоящемъ изъ грязныхъ полотняныхъ рубашекъ и панталонъ, или въ военномъ мундирѣ, то-есть въ красномъ Англійскомъ кафтанѣ, къ которому они питаютъ особенное пристрастіе и не расстаются съ нимъ даже ночью. Они надѣваютъ его сверхъ своихъ длинныхъ рубашекъ, сохраняя при этомъ живописный Индо-Афганскій тюрбанъ. Beau monde здѣсь носить полу-Персидскій костюмъ, и всѣ постоянно вооружены. Чтобы быть совершенно à la mode, нужно носить съ собою цѣлый арсеналъ, состоящій изъ двухъ пистолетовъ, сабли, двухъ кинжаловъ, ружья и щита. Воинственнаго Афгана можно сравнить развѣ только съ Джемшидомъ. Ободранные Гератцы, совершенно нагіе Хезары и Теймуры теряются въ присутствіи Афгана. Онъ не встрѣчаетъ вокругъ себя ничего, кромѣ раболобнаго униженія; но никогда правитель или побѣдитель не былъ такъ ненавидимъ, какъ ненавидятъ Афгановъ Гератцы.

Базаръ, возникшій въ эпоху процвѣтанія Герата, въ царствованіе Султанъ-Гусейнъ-Мирзы, стало-быть 400 лѣтъ тому назадъ, даже теперь, будучи въ развалинахъ, заслуживаетъ эпитета прекраснаго. Говорятъ, что въ былыя времена онъ образовалъ цѣлую улицу отъ Дервазъ-Арака до Дервазъ-Кандагара *). Впрочемъ теперь лавки начинаютъ мало-по-малу отворяться. Последняя осада и разореніе города не могли не налугать жителей. Сверхъ того хищническая система налоговъ, введенная Афганами, уничтожаетъ всякую возможность развитія и процвѣтанія торговли и мануфактуры; необыкновенно, даже невѣроятно, какую пошлину взимаютъ съ каждой покупаемой и продаваемой статьи. Притомъ эта пошлина далеко не опредѣлена, а предоставлена произволу. Напримѣръ за пару сапогъ, стоящихъ пять франковъ, берутъ полтора франка пошлины; за шапку въ два франка — одинъ франкъ; за мѣхъ, который можно было бы купить за восемь франковъ, — три франка, и т. д. Каждая статья, ввозимая или вывозимая, проходитъ черезъ руки сборщиковъ, засѣдающихъ на самомъ базарѣ и въ различныхъ частяхъ города.

*) Въ противоположность другимъ воротамъ, эти ворота мало пострадали во время осады. Жители Герата увѣряютъ, что они никогда не разрушатся, потому что ихъ строил Англичанинъ, «кладущіе кирпичъ на кирпичъ, какъ указываетъ справедливость, а не такъ, какъ Афганы, которые мѣшаютъ цемента съ осами угнетенныхъ.»

Первобытные жители города были Персіане и принадлежали къ расѣ, происшедшей изъ Систана, на сѣверо-востоѣ. Они составляли древнюю провинцію Хорасанъ. Послѣднія переселенія, причиною которыхъ были Дженгизъ и Тимуръ, способствовали слиянію Турк-Тареккой крови съ древнимъ населеніемъ. Слѣдствіемъ этого было коллегитивное названіе Шаръ-Аймакъ и раздѣленіе народа на Джамшедовъ, Фирускуховъ, Тейменей или Тимуровъ. Это все расы различнаго происхожденія и на нихъ можно смотрѣть, какъ на одну націю, только съ политической точки зрѣнія.

Самая крѣпость населена по большей части Персіанцами, водворившимися здѣсь въ послѣднее столѣтіе, чтобы поддерживать и распространять вліяніе своей родины. Теперь они здѣсь главные купцы и ремесленники. Что же касается до Афгановъ, то ихъ не болѣе одного на пятерыхъ, да и тѣ болѣе похожи на Персіанъ и со времени послѣдней осады очель враждебно относятся къ собственнымъ своимъ соотечественникамъ. На Кабуловъ или Какеровъ изъ Кандагара они смотрятъ какъ на притѣснителей и ненавидятъ ихъ не меньше уроженцевъ Герата.

Разнообразныя толпы, встрѣчаемыя мною въ Гератѣ, производили на меня очень пріятное впечатлѣніе. Афганскіе солдаты въ Англійскихъ мундирахъ съ киверами—вопреки предписаніямъ Корана и введеніе которыхъ въ Турецкую армію признано незаконнымъ *),—все заставляло меня вѣрить, что я въ странѣ, гдѣ мусульманскій фанатизмъ уже утратилъ свой подавляющій характеръ и гдѣ я понемногу могу избавиться отъ своей несносной роли. И когда я увидѣлъ множество солдатъ, двигавшихся взадъ и впередъ съ усами и съ бакенбардами—принадлежность, признаваемая смертельнымъ грѣхомъ въ Исламѣ и на которую даже въ Константинополѣ смотрятъ, какъ на оступничество отъ религіи, — въ сердцѣ мое закралась надежда, что можетъ быть здѣсь я встрѣчу Англійскихъ офицеровъ. Какъ я былъ бы радъ найти здѣсь хоть одного сына Британіи, вліяніе котораго вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ было бы очень могущественно. Я на мгновеніе забылъ, что жители Востока никогда не бываютъ тѣмъ, чѣмъ они кажутся, и въ самомъ дѣлѣ горько разочаровался.

Я уже говорилъ, что финансы мои положительно истощились до нуля. По пріѣздѣ въ Гератъ, я долженъ былъ продать своего осла. Бѣдное животное, измученное путешествіемъ, доставило мнѣ всего только двадцать шесть крановъ, изъ которыхъ я долженъ былъ заплатить пошлину и другіе маленькіе долги. Затѣмъ я оказался въ весьма критическомъ положеніи. Голоду можно было бы помочь, но ночи становились холоднѣе, и не смотря на мою привычку къ лишениямъ, я очень много страдалъ отъ недостаточности одежды и отъ спанья на голой землѣ. Меня поддерживала только мысль, что черезъ десять дней я могу быть въ Персіи. Но оказалось, что это далеко не такъ легко сдѣ-

*) Османъ увѣряють, что по Суннету (преданію) сиперъ—заостренный головной уборъ, и зуннаръ—веревка, которую носятъ монахи вокругъ пояса, строго запрещены, какъ признаки Христіанства. Султанъ Махмудъ II, вводя въ Турцію въ первый разъ войско по Европейскому образцу, хотѣлъ замѣнить въ высшей степени непрактичную ееску—тисверомъ, но побѣдитель Янычаръ не рѣшился привести своего желанія въ исполненіе, потому что даже лучшіе друзья назвали бы его отступникомъ.

гать, какъ я думалъ. Одному идти невозможно, а караванъ, долженствовавшій отправиться въ Мешгедъ, вдалека прибавленія путешественниковъ и болѣе удобнаго случая, потому что Текке-Туркмены не только дѣлали путешествія крайне опасными, но грабили деревни и караваны и брали въ плѣнъ у самыхъ воротъ Герата. Въ первые дни по прѣздѣ я услышалъ, что Персидскій посоль, Мегеммедъ-Бакиръ-Ханъ, посланный Хорасанскимъ принцемъ поздравить молодаго Гератскаго сердара, намѣренъ скоро возвратиться въ Тегеранъ. Я немедленно отправился къ нему и просилъ его взять меня съ собою. Персиянинъ былъ очень любезенъ, но хотя я повторялъ ему безпрестанно о своемъ бѣдственномъ положеніи, онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и спросилъ у меня (страшно обезображеннаго хаджи), не привезъ ли я съ собою изъ Бухары хорошихъ лошадей! Каждое его слово какъ будто выражало желаніе проникнуть мою тайну. Видя, что мнѣ тутъ нечего ожидать, я ушелъ. Онъ выѣхалъ изъ Герата скоро послѣ этаго, взявъ съ собою нѣсколькихъ хаджи, ѣхавшихъ со мною изъ Самарканда и Керки. Всѣ покинули меня, всѣ кромѣ Молла-Ишака, моего вѣрнаго товарища изъ Куинграта, который повѣрилъ, что въ Тегеранѣ меня ждетъ лучшая участь, и не оставилъ меня. Онъ добывалъ нашу ежедневную пищу и топливо—нищенствомъ и сверхъ того почтительно отказывался ѣсть со мною изъ одного блюда. Молла-Ишакъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ моихъ знакомствъ. Онъ теперь живетъ въ Пештѣ, вмѣсто Мекки, и я впоследствии еще поговорю объ немъ.

Чтобы не упустить ни малѣйшаго случая продолжать путешествіе до Мешгеда, я отправился къ сердару Мехеммедъ-Ягубъ-Хану, сыну Афганистанскаго владѣтеля, мальчику лѣтъ шестнадцати, поставленному правителемъ въ покоренной провинціи, такъ какъ отцу его, немедленно по восшествіи на престолъ, необходимо было возвратиться въ Кабуль, чтобы предупредить старанія братьевъ завладѣть его престоломъ. Молодой правитель жилъ въ Шарбагѣ, во дворцѣ, въ которомъ когда-то помѣщался и майоръ Тоддъ. Дворецъ, правда, сильно пострадалъ во время осады, но все-таки былъ обитаемъ, чѣмъ цитадель, превратившаяся въ совершенную развалину. Одна часть квадратнаго дворца, садъ, какъ они его обыкновенно называютъ, хотя на немъ было всего нѣсколько деревьевъ,—служила ночлегомъ для правителя и его многочисленной свиты. Другую занимала длинная зала, въ которой давались аудиенціи по четыре и по пяти часовъ. Правитель обыкновенно сидѣлъ у окна, въ креслѣ, одѣтый въ военный мундиръ, со стоячимъ воротникомъ; такъ какъ многочисленные просители очень надоѣдали ему, то онъ приказывалъ отряду ризале (отборному Афганскому войску) парадировать у него подъ окнами и былъ въ восхищеніи отъ волнующихся колоннъ и громоносныхъ возгласовъ командира, отдававшаго приказанія чисто Англійскимъ акцентомъ.

Когда я, съ Молла-Ишакомъ, вошелъ во дворъ, ученье было въ самомъ разгарѣ. Солдаты были очень хорошо вышколены, гораздо лучше Оттоманской арміи, учащейся такимъ образомъ уже лѣтъ сорокъ. Ихъ можно было бы принять за Европейское войско, еслибы на ихъ босыхъ ногахъ не было Кабульскихъ башмаковъ и еслибы ихъ короткіе брюки не были стянуты ремнями такъ, что казалось были готовы ежеминутно лопнуть. Посмотрѣвъ немного на ученье, я направилъ-

ся къ дверямъ пріемной залы, наполненной множествомъ слугъ, солдатъ и просителей. Благодаря огромному тюрбану и отшельническому виду, приданному мнѣ утомительнымъ путешествіемъ, — всѣ уступали мнѣ дорогу и позволили немедленно войти въ залу. Я увидѣлъ правителя на креслахъ; вслѣдъ него сидѣлъ визирь, а вдоль стѣны другіе офицеры, муллы и жители Герата. Между ними былъ одинъ Персіанинъ, Имамверди-Ханъ, бѣжавшій изъ Мешгеда вслѣдствіе какой-то продѣлки. Передъ юношей стоялъ его хранитель печати и четыре или пять другихъ служителей. Сообразно съ своимъ званіемъ дервиша, я сдѣлалъ при входѣ обычные поклоны, потомъ направился прямо къ сердару и сѣлъ между нимъ и визиремъ, заставивъ еще послѣдняго, довольно тучнаго Афгана, подвинуться, толчкомъ ноги. Это вызвало смѣхъ, но не заставило меня ни мало измѣнить себѣ. Я поднялъ руки, чтобы произнести обычную молитву, по закону. Когда я ее повторялъ, сердаръ смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо. Я видѣлъ его удивленный взглядъ, и когда я произнесъ аминъ и всѣ присутствующіе, вслѣдъ за мною, дернули себя за бороды, сердаръ приподнялся на креслѣ, и указывая на меня пальцемъ, вскрикнулъ со смѣхомъ: „Валлагі, Биллагі, шюма Ингиліэ гестидъ“ (кланусь Богомъ, вы Англичанинъ!)

Слова эти сопровождались звучнымъ хохотомъ и онъ никакъ не хотѣлъ оставить своей фантазіи; онъ вскочилъ съ кресла, всталъ передо мною и хлопая ладошами, какъ ребенокъ, сдѣлавшій какое нибудь неожиданное и пріятное открытіе, онъ проговорилъ снова: „Воля твоя, хаджи, ты переряженный Англичанинъ?“ Говоря это, онъ смотрѣлъ такъ наивно, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ было жаль, что я не могъ оставить ему его иллюзіи. Но я боялся дикаго фанатизма Афгановъ, и сдѣлавъ видъ, что нахожу шутку неумѣстною, я сказалъ: „Полно! ты знаешь поговорку: кто, даже въ шутку, называетъ вѣрующаго — невѣрнымъ, — тотъ самъ невѣрный. Лучше дай мнѣ что нибудь за мое фатиха, чтобы я могъ продолжать свое путешествіе.“ Мой серьезный видъ и произнесенныя мною слова привели молодаго человѣка въ крайнее недоумѣніе; онъ опять сѣлъ, сконфузился и принялся извиняться, говоря, что онъ никогда не видывалъ хаджи изъ Бухары съ такимъ лицомъ. Я отвѣчалъ ему, я что не Бухарецъ, а Стамбулецъ; и когда я показалъ ему свой Турецкій паспортъ и заговорилъ съ нимъ о его двоюродномъ братѣ, сынѣ Акбаръ-Хана, Джелаль-эд-динъ-Ханъ, бывшемъ въ Меккѣ и Константинополѣ въ 1860 году и обласканномъ султаномъ,—онъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе. Мой паспортъ пошелъ по рукамъ и заслужилъ всеобщее одобреніе. Сердаръ далъ мнѣ нѣсколько крановъ и отпустилъ меня съ приказаніемъ посѣщать его почаще, что я и исполнилъ.

Не смотря на счастливый исходъ этаго свиданія, оно имѣло нѣкоторыя, не весьма пріятныя послѣдствія по отношенію къ дальнѣйшему моему пребыванію въ Гератѣ. Слѣдуя примѣру правителя, всѣ непремѣнно хотѣли видѣть во мнѣ Англичанина. Персіане, Афганы и Гератцы приходили ко мнѣ съ непремѣнною цѣлью убѣдиться и провѣрить свои подозрѣнія. Самымъ несноснымъ изъ нихъ былъ нѣкто Хаджи-Шейхъ-Мехеммедъ, старикъ, пользовавшійся репутаціей великаго астролога и астронома и въ самомъ дѣлѣ довольно хорошо читавшій по Арабски и по Персидски, на сколько я имѣлъ случай су-

Дать объ этомъ. Онъ объявилъ мнѣ, что онъ путешествовалъ съ г. Ханыповымъ и былъ ему чрезвычайно полезенъ въ Гератѣ, и что тотъ ему далъ письмо къ Русскому послу въ Тегеранъ, которое ему очень хотѣлось вручить мнѣ. Тщетно старался я убѣдить добраго старика въ томъ, что у меня ничего нѣтъ общаго съ Русскими; онъ простился со мною, оставшись при своихъ убѣжденіяхъ. Смѣшнѣе всего было поведеніе Афгановъ и Персіанъ; они видѣли во мнѣ человека, а Іа Эльдредъ Поттингеръ, который вѣхалъ въ Гератъ перереженный бараньимъ и впоследствии сдѣлался ихъ властелиномъ. Они увѣрили меня, что у меня здѣсь кредитъ на сотни, даже на тысячи дука-товъ, — и никто не далъ бы мнѣ и нѣсколькихъ крановъ на покуп-ку хлѣба!

Ахъ, сколько времени пришлось мнѣ ждать каравана въ Гератѣ! Городъ имѣлъ мрачный, встревоженный видъ; страхъ дикаго побѣди-теля былъ написанъ на лицахъ всѣхъ жителей. Событія послѣдней оса-ды, самое взятіе и грабежи, послѣдовавшіе за нимъ, были постоянными предметомъ разговора. Судя по словамъ жителей (въ сущности неосно-вательнымъ), Достъ-Мохаммедъ-Ханъ взялъ крѣпость не храбростью Кабуловъ, но измѣной гарнизона. Сверхъ того они увѣрили, что ихъ любимый государь Султанъ-Ахмедъ былъ отравленъ и что его сынъ Шанауазъ, до сихъ поръ боготворимый Гератцами, не зналъ объ из-мѣнѣ до тѣхъ поръ, пока большая часть солдатъ не взшла въ крѣ-пость. Борьба покореннаго государя съ разъяренными тестемъ, гово-рятъ, была ужасна, истезаньямъ не было конца. Нѣсколько дней послѣ взятія продолжался грабѣжъ и рѣзня. Между тѣмъ многіе изъ бѣ-жавшихъ изъ Герата возвращались назадъ, домой. Четыре тыщи Аф-ганскихъ солдатъ, нарочно выбранныхъ изъ различныхъ племенъ и пол-ковъ, ринулись въ городъ по одному сигналу на беззащитныхъ жите-лей и не только завладѣли всѣмъ, что нашли въ домахъ, но раздѣвали всѣхъ донага, сбрасывали больныхъ съ постелей, дѣтей изъ колыбелей, чтобы завладѣть и ихъ одеждами, въ сущности ничтожными по цѣнно-сти. Мулла, у котораго разграбили всѣ книги, сказалъ мнѣ, что у не-го было шестдесятъ отличнѣйшихъ манускриптовъ, но что ему всего больше жаль Корана, оставшагося ему отъ дѣда. Онъ умолялъ граби-теля оставить ему хотя одну эту книгу, и обѣщалъ за то вѣчно мо-литься за него. „Не безпокойся, сказалъ Кабулецъ, у меня есть дома маленькій сынъ, который по ней будетъ за тебя молиться. Давай-ка ее сюда!“

Надобно знать жадность и безсовѣстность Афгановъ, чтобы пред-ставить себѣ вполнѣ, какъ они вели себя въ поработленномъ городѣ. Они взимали контрибуцію съ города цѣлый день, а съ провинціи—цѣ-лый мѣсяцъ. Впрочемъ, это—естественныя послѣдствія войны, случаю-щіеся и въ цивилизованныхъ странахъ, и мы не станемъ упрекать за это Афгановъ. Но жаль, что вмѣсто того, чтобы стараться залечить ра-ны, нанесенныя ими, ихъ презрѣнное правительство какъ будто стре-мится къ тому, чтобы довести всю страну до нищенства; такъ что въ странѣ, гдѣ они были, безъ сомнѣнія, призваны играть очень важную роль, они сѣужали сдѣлать себя предметомъ всеобщей ненависти и жи-тели скорѣе готовы обречь себя на безнадежное междоусобіе, чѣмъ при-знать вѣчно владычество Афгановъ. Гератъ теперь предоставленъ упра-

вденію добреньнаго, неопытнаго ребенка. Опекунъ его, ханъ Джемшидовъ, въ стачкѣ съ Туркменами, тогда какъ въ сущности онъ долженъ былъ бы охранять страну отъ ихъ нападений. Аламаны грабятъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Герата; кругомъ грабятъ деревни и уводятъ жителей въ плѣны. Визирь, Назиръ-Наимъ, человекъ толстый и глупый, въ два мѣсяца разбогатѣлъ такъ, что купилъ себѣ два дома въ Кабулѣ съ виноградниками. Такъ какъ веденіе внутреннихъ дѣлъ въ городѣ и провинціи предоставлено ему, онъ постоянно окруженъ тяжущимися и искателями мѣстъ. Онъ очень скоро устаетъ и когда ему предлагаютъ вопросы и прошенія, относящіяся къ новому правительству, то чтобы отдѣлаться отъ докучныхъ, онъ всегда отвѣчаетъ стереотипною фразою: „Какъ прежде“ или „по прежнему“,—хотя бы этотъ отвѣтъ вовсе не соотвѣтствовалъ сдѣланному вопросу.

Поразительнымъ доказательствомъ путаницы въ дѣлахъ служить то, что, не смотря на неслыханные налоги, молодой сердаръ не въ состояніи доходами съ Герата платить жалованье гражданскимъ чиновникамъ и гарнизону въ тысячу четыреста человекъ. М-ръ Истикъ пишетъ, на основаніи смѣты, сдѣланной правителемъ Хорасана, что доходъ съ Герата простирается ежегодно до 80,000 томановъ (38,000 фунтовъ), но что эта сумма полагается на содержаніе гражданского штата, пяти полковъ пѣхоты и около 4,000 кавалеріи, и разумѣется оказывается недостаточной. Гератъ въ настоящее время не требуетъ большихъ издержекъ, напуганнымъ городомъ не трудно управлять и недостаточность средствъ слѣдуетъ приписать чисто дурной администраціи. Еслибы Достъ-Мохаммедъ прожилъ годомъ дольше, чтобы упрочить управленіе покоренной провинціи, сліяніе Герата съ Афганстаномъ можетъ быть и осуществилось бы. А теперь ихъ связываетъ только страхъ. Стоитъ только кому нибудь сдѣлать нападеніе на Гератъ, Гератцы первые поднимутъ оружіе на Афгановъ. Это замѣчаніе относится не только къ Шиитамъ, симпатизирующимъ Персіи, но и къ Суннитамъ, которые конечно предпочли бы Кизильбаша теперешнимъ своимъ притѣснителямъ; я нисколько не преувеличу, если скажу, что больше всего они рады были бы вмѣшательству Англичанъ, справедливость и гуманность которыхъ заставила туземцевъ забыть разницу исповѣданій и національности. Гератцы, во время управленія майора Тодда, видѣли гораздо больше серьезнаго участія къ выкупу рабовъ*), нежели когда-либо прежде при своихъ правителяхъ. Туземное правительство всегда ихъ грабило и убивало, и никогда не защищало и не награждало.

За два дня до отъѣзда, я отправился съ однимъ Афганомъ въ одну ближнюю деревню, Газергахъ, для поклоненія могилѣ Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Мохаммедъ-Хана, чтобы, какъ говорится, убить однимъ ударомъ двухъ мухъ. По дорогѣ я сдѣлалъ прощальный визитъ прекраснымъ развалинамъ Мозалла. Остатки мечети и надгробнаго памятника, построеннаго Султанъ-Гусейнъ-Мирзою за десять лѣтъ до смерти (901), представляли подражаніе Самаркандскимъ памятникамъ, какъ я

*) Въ Гератѣ всѣ единодушно утверждаютъ, что Стоддартъ былъ посланъ въ Бухару съ порученіемъ выкупить жителей Герата, томившихся тамъ въ плѣну.

уже говорилъ. Особенно много сходства въ надгробномъ памятникѣ съ памятникомъ Тимура. Украшенія и надписи удивительны въ скульптурномъ отношеніи. На многихъ камняхъ по три надписи, одна на другой, тонкимъ Сулускимъ почеркомъ, и всѣ три строки заключаютъ различные стихи. Время еще долго бы щадило эти произведенія искусства, но они страшно пострадали во время двухъ осадъ, когда тутъ былъ постоя Шитовъ-фанатиковъ. Жаль, что Европейскіе офицеры, генералы Боровскій и Биолеръ, первый Полякъ, а второй Эльзасецъ, оба участвовавшіе въ той компаніи, не сумѣли предотвратить подобныя проявленія вандализма. Въ самомъ Газергахъ, находящемся въ одной миле разстояніе отъ Герата, — много интересныхъ скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеній. Всѣ они относятся ко времени Шахрукъ-Мирзы, сына Тимура, и были описаны подробно Феррье, хотя съ нѣкоторыми погрѣшностями, вполне извинительными путешествующему офицеру. Святаго, покоящагося въ Газергахъ, зовутъ Ходжа-Абдулла-Ансари: послѣднее слово значить, что онъ былъ Арабъ и изъ племени, бѣжавшаго съ пророкомъ. Болѣе чѣмъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, онъ пришелъ изъ Багдада въ Мервь, а оттуда въ Гератъ, гдѣ и былъ признанъ святымъ. Онъ теперъ считается повровителемъ города и провинціи. Достъ-Мохаммедъ-Ханъ самъ пожелалъ быть похороненнымъ въ ногахъ Ходжа-Абдулла-Ансари. На его могилѣ, когда я ее видѣлъ, не было ни камня, ни украшеній. Его сынъ и преемникъ хотѣлъ сперва заложить прочное основаніе своему наслѣдью, а потомъ ужъ приняться за укрѣпленіе могилы того, кому онъ обязанъ этимъ наслѣдствомъ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Афганамъ ходить туда на поклоненіе. Святаго еще долго будетъ затмѣвать могущественный соперникъ; и по дѣломъ, потому что онъ вѣроятно — одинъ изъ многочисленныхъ Арабскихъ бродягъ, а Достъ-Мохаммедъ-Ханъ былъ основателемъ Афганской національности.

ГЛАВА XV.

Отъ Герата до Лондона.

Авторъ ѣдетъ въ Мешгедъ.—Купунъ, послѣдній Афганскій городъ.—Ложная тревога изъ-за дикихъ ословъ.—Спорная почва между Афганской и Персидской территоріей.—Раздвоеніе дороги.—Юсуфъ-Ханъ-Хезаръ.—Феримонъ.—Полковникъ Дольмаджъ.—Султанъ-Мурадъ-Мирза.—Авторъ открывається Гератскому Сердару.—Шахрудъ.—Тегеранъ и встреча съ Турецкимъ *CHARGÉ D'AFFAIRES* Изманлъ-Эфенди.—Радумный пріемъ и-фа Алсона и Англійскаго посольства.—Свиданіе съ шахомъ.—Бовращеніе черезъ Тривизондъ и Константинополь въ Пештъ.—Авторъ оставляетъ Хивинскаго мулла въ Пештъ и ѣдетъ въ Лондонъ.—Радумный пріемъ въ Лондонъ.

Tis sweet to hear the watch-dog's honest bark
By deep-mouth'd welcome as we draw nigh home.
BYRON.

15 ноября 1863, я выѣхалъ изъ Герата, предверія Средней Азіи или Индіи, какъ его обыкновенно называютъ, съ караваномъ, отправившимся въ Мешгедъ. Караванъ состоялъ изъ 2,000 человекъ; половина ихъ были Хезары изъ Кабула, оборванные и нищіе, съ женами и дѣтьми, отправлявшіеся на поклоненіе къ могиламъ Шиттскихъ святыхъ. Караванъ нашъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣловъ. Я попалъ въ отдѣлъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ Афгановъ изъ Кандагара, везшихъ въ Персію изъ Кабула индиго и кожи, и у всѣхъ насъ былъ одинъ жеждодаръ. Я убѣдилъ его позволить мнѣ сѣсть на легко навьюченнаго мула, съ условіемъ, что заплачу за него въ Мешгедѣ. Заявленіе о томъ, что въ Мешгедѣ я не буду въ такой нищетѣ, возбудило нѣкоторое сомнѣніе въ подлинности моего званія хаджи, но я не рѣшился совершенно снять съ себя маску, потому что Афганы еще большіе фанатики, чѣмъ Бухарцы, и непременно захотѣли бы отомстить за оскорбленіе ихъ религіи. Двусмысленность, которою я окружилъ себя, помужила поводомъ къ различнымъ толкамъ: одни принимали меня за настоящего Турка, другіе считали меня Англичаниномъ; вслѣдствіе таго возникали споры. По мѣрѣ приближенія къ Мешгеду смиреніе ервища мало-по-малу уступало мѣсто смѣлой независимости Европейца. Многіе изъ Афгановъ, агенты оптовыхъ торговыхъ домовъ Мул-

тана и Шиварпура, нисколько не были удивлены этой метаморфозой; они сами въ Гератской области прикидывались Гази (т. е. людьми, принимавшими участие въ войнѣ противъ Англичанъ) и хвастали самымъ нахальнымъ образомъ Кабульской побѣдой; но когда мы стали подъѣзжать къ Мешгеду, они сообщили мнѣ по секрету, что они Англійскіе подданные, и просили меня отрекомендовать ихъ Векиль-Довлету, Англійскому консулу, такъ какъ его вліяніе и покровительство могли имъ быть чрезвычайно полезными въ ихъ коммерческихъ дѣлахъ; необходимо прибавить, что все это было высказано ими безъ малѣйшей краски стыда. Житель Востока рождается и умираетъ въ маскѣ; чистосердечіе и откровенность не существуютъ на Востокѣ. Нашъ путь шелъ черезъ Нукре, Кале-Сеферъ-Ханъ, Рузенекъ, Шебешъ и Кугсунъ. Въ Шебешѣ начались лѣса, которые тянутся вдоль берега Гери и часто служатъ убѣжищемъ Туркменамъ. Въ Кугсунѣ, гдѣ оканчивается территория Герата, мы должны были остаться два дня для уплаты послѣднихъ Афганскихъ податей.

На второй день мы съ башни каравансерая увидѣли огромное облако пыли, приближавшееся къ деревнѣ. „Туркмены! Туркмены!“ закричали со всѣхъ сторонъ. Смятеніе въ караванѣ и деревнѣ превосходило всякое описаніе. Наконецъ облако приблизилось и шагахъ во ста мы увидѣли огромное стадо дикихъ ословъ; замѣтивъ насъ, они круто повернули назадъ и исчезли съ нашихъ глазъ по направленію къ степи.

Отъ Кугсуна и до Персидской границы, т. е. до Кагриса и Тайбада, находится пространство, никому не принадлежащее и по которому рыскаютъ аламаны Текке, Салоры и Сарики. Аламаны эти составляютъ обыкновенно нѣсколько сотенъ всадниковъ, нападаютъ въ распахъ на деревни и уводятъ въ плѣнъ жителей и стада. Не смотря на свою численность, караванъ нашъ взялъ изъ Кугсуна отрядъ, состоявшій изъ людей, способныхъ владѣть оружіемъ. Въ Кафиръ-Кале мы встрѣтили другой караванъ, шедшій изъ Мешгеда. Я узналъ, что полковникъ Дольмаджъ, Англійскій офицеръ, состоявшій на Персидской службѣ и съ которымъ я былъ знакомъ прежде, находился теперь въ Мешгедѣ, и это доставило мнѣ не малое удовольствіе. Послѣ Кафиръ-Кале мы прибыли въ каравансерай Дагару, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ: одна ведетъ черезъ Кагрисъ и Тюрбети-Шейхъ-Джамъ, а другая, чрезвычайно гористая, идетъ черезъ Тайбадъ, и потому менѣе опасна. Главная часть каравана отправилась по первой дорогѣ, а я съ Афганцами по второй. Нашъ путь шелъ отъ Тайбада черезъ пустынную страну Вахиръ, слабо населенную Сунитами Хезарами, переселившимися сюда изъ Кале-Но. Отсюда пять станцій до равнины Календерабадъ. Въ Шегриновѣ я встрѣтилъ сертиба (генерала) Юсуфъ-Хана, предводителя Хезаровъ, бывшаго на жалованьи у Персіи, но который, не смотря на то, —ся непримиримый врагъ. Назначеніе его на границу было хорошо въ томъ отношеніи, что Хезары единственные люди, способные вести дѣло съ Туркменами; но съ другой стороны едва ли разумно при опасностяхъ, угрожающихъ Персіи со стороны Афгана, употреблять враговъ для охраненія границъ.

Изъ Шегринова мы отправились дальше черезъ Химметабадъ и Кале-Мунаръ, гдѣ станція помѣщается на вершинѣ горы и состоитъ

только изъ одной башни, во избѣжаніе нападеній. Мы сильно страдали отъ холода, но на слѣдующій день прибыли въ Феримонъ, первое мѣсто, въ которомъ жители были Персіане. Здѣсь теплый хлѣвъ заставилъ меня забыть страданія предшествовавшихъ дней. Наконецъ на 12-й день по выходѣ изъ Герата, золотыя верхушки мечетей и могилы Имамъ-Ряза, показавшіяся вдаль, убѣдили насъ, что мы приближаемся къ Мешгеду, городу, къ которому я такъ давно стремился. Первый видъ этого города вызвалъ во мнѣ сильное волненіе, но все-таки я долженъ сознаться — далеко не такое сильное, какъ я ожидалъ. Не стараясь преувеличить опасностей, сопровождавшихъ мое предпріятіе, я не могу не признать все-таки, что вслѣдствіе ихъ вліянія я совершенно переродился, и поэтому неудивительно, что переходъ отъ крайней опасности къ полной свободѣ и независимости отозвался во мнѣ почти равнодушіемъ.

Черезъ полчаса по пріѣздѣ, я сдѣлалъ визитъ полковнику Дольмаджу, исправлявшему здѣсь обязанности губернатора и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ занятъ дѣлами, когда прислуга вызвала его ко мнѣ; ему доложили обо мнѣ, какъ о странномъ дервишѣ изъ Бухары. Онъ поспѣшилъ выйти ко мнѣ, пристально посмотрѣлъ на меня и только когда я заговорилъ, онъ узналъ меня, — и горячія объятія и глаза, полныя слезъ, убѣдили меня, что я нашелъ въ немъ не только Европейца, но и друга. Онъ предложилъ мнѣ свой домъ, я не отказался и благодаря его гостепримству, я такъ скоро оправился, послѣ всѣхъ лишеній, что черезъ мѣсяцъ могъ уже поѣхать въ Тегеранъ.

Полковникъ Дольмаджъ представилъ меня принцу регенту, Султанъ - Мурадъ - Мирзѣ, дядѣ шаха. Этого Султанъ - Мурада, особенно благосклоннаго въ Англичанамъ, какъ извѣстно, туземцы прозываютъ „обнаженнымъ мечемъ государства,“ и онъ вполне заслуживаетъ этого прозванія, потому что благодаря его постоянной внимательности и энергіи, Хорасанъ не страдаетъ больше отъ нападенія Туркменъ и всѣ окрестныя дороги начинаютъ мало-по-малу оживляться. Я былъ у него нѣсколько разъ и находилъ его всегда особенно добрымъ и пріятнымъ. Мы по цѣлымъ часамъ разговаривали о Средней Азій, которую онъ довольно хорошо знаетъ. Онъ былъ въ восхищеніи, когда я рассказалъ ему, какъ я благословлялъ подозрительнаго хавжу, Бухарскаго эмира, называющаго себя, къ крайнему негодованію всѣхъ Шитовъ, государемъ правовѣрныхъ. Къ похваламъ, справедливо расточаемымъ Султанъ-Мурадъ-Мирзѣ гг. Ханыковымъ и Иствиномъ, я прибавлю только то, что по энергіи, здравому смыслу и патриотизму — не много найдется подобныхъ ему людей въ Персіи и даже въ Турціи; но увы! одна ласточка еще не составляетъ лѣта, и его высокія достоинства не находятъ достойнаго поприща въ Персіи.

У меня вовсе не было никакой Европейской одежды и я поневолѣ долженъ былъ носить Восточное платье въ Мешгедѣ и во все время пути до Тегерана; но зато я распростился съ своей ролью дервиша. Мое знакомство съ Европейскимъ офицеромъ объяснило моимъ товарищамъ, кто я былъ. Мое переодѣванье и цѣль моего путешествія представили Афганамъ широкое поле для самыхъ разнообразныхъ умозаключеній. Такъ какъ я былъ увѣренъ, что они не преминутъ сооб-

щить молодому Гератскому принцу объ этомъ фактѣ, то я нашелъ болѣе умѣстнымъ предупредить ихъ и въ письмѣ къ молодому принцу поздравилъ его съ проникательностію и сказалъ ему, что хотя я и не Англичанинъ, но почти то же, потому что я Европейецъ; что онъ очень милый молодой человекъ, но что я совѣтую ему въ другой разъ, когда кому нибудь вслѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ случится проезжать инкогнито черезъ его страну, — не стараться публично и грубо срывать маску.

Проведя Рождество у гостепріимнаго полковника, я на слѣдующій день, 26 декабря, отправился въ Тегеранъ, но уже безъ каравана, а только съ однимъ другомъ моимъ Моллой. Мы оба были на хорошихъ лошадяхъ, собственныхъ, и сверхъ этаго со всѣми возможными дорожными предметами, способствовавшими комфорту. Не смотря на то, что намъ приходилось среди зимы сдѣлать двадцать четыре станціи, мнѣ невыразимо пріятно было сознать, что каждый шагъ приближаетъ меня къ Западу. Въ порывѣ увлеченія я даже безъ всякаго эскорта проѣхалъ четыре станціи отъ Мезинана до Шагруда, гдѣ Персіяне, боясь Туркменъ, ѣздить, сопровождаемые артиллерійскими орудіями. Въ Шагрудѣ я встрѣтилъ въ каравансераѣ Англичанина изъ Бирмингама, пріѣхавшаго туда покупать бумагу и шерсть. Какъ былъ удивленъ Бриттъ, когда человекъ въ одеждѣ дервиша, съ огромнымъ тюрбаномъ на головѣ, привѣтствовалъ его въ этой далекой странѣ роднымъ *How do you do!* Выраженіе удивленія на его лицѣ превосходитъ всякое описаніе. Онъ три раза принимался говорить: „Well“, — но больше ничего не могъ выговорить. Маленькое объясненіе съ моей стороны успокоило его. Онъ привѣтствовалъ меня очень радушно и мы провели пресвесело вечеръ и цѣлый день вмѣстѣ съ другимъ Европейцемъ, очень образованнымъ Русскимъ, агентомъ одного Кавказскаго торговаго дома.

Изъ Шагруда до Персидской границы я ѣхалъ десять дней. Вечеромъ 19 января 1864 года я былъ въ разстояніи двухъ миль отъ Тегерана и, странно сказать, заблудился въ темнотѣ около деревни Шахъ-Абдуль-Азимъ, и когда проискавъ настоящей дороги нѣсколько часовъ въ разныхъ направленіяхъ, я добрался до городскихъ воротъ, онѣ оказались уже запертыми и я долженъ былъ провести ночь въ каравансераѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города. На слѣдующее утро, не смотря на мой смѣшной и жалкій костюмъ, я поспѣшилъ въ Турецкое посольство.

Читателю не трудно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа я опять входилъ въ домъ, откуда десять мѣсяцевъ тому назадъ я вышелъ съ головою, полною такихъ неопредѣленныхъ и смѣлыхъ плановъ. Извѣстіе о томъ, что благодѣтель мой, Хайдаръ-Эфенди, уѣхалъ изъ Тегерана, чрезвычайно меня огорчило, хотя его преемникъ, Измаиль-Эфенди, *chargé d'affaires* при Персидскомъ дворѣ, принялъ меня не менѣе радушно и привѣтливо. Этотъ молодой Турецкій дипломатъ, извѣстный чрезвычайно тонкимъ обращеніемъ и прекраснымъ характеромъ, любезностью своею сдѣлалъ меня вѣчнымъ должникомъ. Онъ немедленно очистилъ для меня цѣлый рядъ комнатъ въ посольствѣ, такъ что комфортъ которымъ я пользовался въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ Тегеранѣ, заставилъ меня забыть всѣ страданія и лишенія утомительнаго путешествія. Я скоро сталъ чувствовать себя такимъ

сильнымъ, что былъ готовъ начать снова подобное путешествіе. Не менѣе ласково и радушно приняло меня Англійское посольство. Достойный представитель королевы м-ръ Алисонъ и его два секретаря, м-ры Томсонъ и Уатсонъ, искренно радовались счастливому окончанію моего путешествія, и ихъ доброму посредничеству обязанъ я тѣмъ, что по прибытіи въ Англію, намѣреніе мое напечатать результаты моей поѣздки было встрѣчено такимъ сочувствіемъ и нашло такую незаслуженную поддержку. Я не могу не упомянуть здѣсь также о любезности императорскаго *chargé d'affaires*, графа Рошуара. Шахъ изъявилъ желаніе видѣть меня и я былъ официально представленъ Измаиломъ-Эенди. Молодой Назръ-эдъ-Динъ-Шахъ принялъ меня въ саду. Я былъ очень удивленъ, увидѣвъ правителя Ирана съ лорнетомъ въ глазу и въ простомъ полу-Европейскомъ платьѣ *). Послѣ обычныхъ поклоновъ, разговоръ перешелъ къ моему путешествію. Шахъ спрашивалъ подробно обо всѣхъ своихъ царственныхъ собратахъ, и когда я упомянулъ о ничтожности ихъ политической власти, молодой шахъ не могъ удержаться отъ маленькой гасконнады и сказалъ сидѣвшему возлѣ него визирю: „Съ пятнадцатю тысячами человекъ мы бы справились со всѣми ими.“ Онъ забылъ восклицаніе послѣ катастрофы при Мервѣ: „Каввамъ! Каввамъ! *gedde mihi meas legiones.*“ **) Мы затронули также вопросъ о Гератѣ. Я рассказалъ, что Гератъ теперь гряда развалинъ и что Гератцы молятся за благоденствіе его величества Персидскаго государя. Онъ какъ будто понялъ смыслъ моихъ словъ, и говоря по обыкновенію очень скоро, отвѣчалъ: „Я не люблю такихъ разрушенныхъ городовъ“,—что мнѣ напомнило лисицу въ баснѣ. По окончаніи аудіенціи, продолжавшейся полчаса, его величество выразилъ удивленіе къ совершенному мною подвигу и въ знакъ особенной милости, пожаловалъ мнѣ орденъ Льва и Солнца четвертаго класса и просилъ дать ему краткое описаніе моего путешествія.

28 Марта, въ тотъ самый день, въ который я въ прошломъ году отправился въ Среднюю Азію, я выѣхалъ изъ Тегерана въ Требизондъ. До Тавриза у насъ была отличная весенняя погода и нѣтъ надобности говорить, что я чувствовалъ, припоминая соотвѣтствующіе дни прошедшаго года. Тогда каждый шагъ впередъ вводилъ дальше и глубже въ область варварства и невысказанныхъ опасностей, а теперь каждый шагъ приближалъ меня къ цивилизованнымъ странамъ и къ моему дорогому отечеству. Меня чрезвычайно умиляло сочувствіе, съ которымъ меня встрѣчали Европейцы въ Тавризѣ и Требизондѣ.

Какъ послѣ пребыванія въ Курдистанѣ я пересталъ находить черты Османлы Восточными, такъ и теперь Стамбулъ показался мнѣ только

*) Нижнее платье по большей части сохраняетъ національную форму и только верхнее слѣдуетъ Европейской модѣ,—настоящая картина цивилизаціи на Востокаѣ.

**) Несчастная кампанія противъ Мерва и Бухары была вѣдена неспособнымъ придворнымъ фаворитомъ, котораго прозывали Каввамъ-эд-Довлетъ (опорой трона). Несчастное пораженіе Персіянъ Текками приписывается единственно неспособности военнаго начальника. Онъ смотрѣлъ на Туркменъ при Мервѣ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ Варъ смотрѣлъ на Херусковъ въ Тевтонскихъ дѣсахъ; но Персіянннъ былъ слишкомъ трусливъ, чтобы рваться на смерть Римскаго генерала, да и государь его былъ не Августъ. Онъ, правда, воскликнулъ: „Каввамъ, возврати мнѣ мои легіоны!“ Но все-таки удовольствовался уплатою 24,000 дукатовъ; а жалкій трусъ до сихъ поръ занимаетъ важный постъ въ Персіи.

пышной пародіей на Восточную жизнь. Я пробылъ на берегахъ Вестфора не болѣе трехъ часовъ, но не смотря на то, я успѣлъ свидѣться съ неутомимымъ дипломатомъ барономъ фонъ-Прокешъ-Остеномъ, подавшимъ мнѣ нѣсколько очень дѣльныхъ совѣтовъ для составления моихъ записокъ. Затѣмъ я отправился въ Пештъ, гдѣ оставилъ друга моего, дервиша изъ Кунграта *), который не разставался со мною отъ самаго Самарканда. Мнѣ не удалось пробыть долго въ моемъ отечествѣ, потому что мнѣ хотѣлось до закрытія сезона доставить отчетъ о своемъ путешествіи въ Англійское Королевское Географическое Общество, входъ въ которое доставили мнѣ добрые мои друзья. Я пріѣхалъ въ Лондонъ 9 іюля 1864 года и съ невыразимымъ затрудненіемъ привыкъ къ внезапному, рѣзкому переходу отъ Вухары къ Лондону.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, вліяніе привычки на человека! Хотя я подходилъ къ максимуму этихъ совершенно противоположныхъ жизненныхъ формъ постепенно и шагъ за шагомъ, — все казалось мнѣ здѣсь поразительно новымъ, какъ будто бы все, что я прежде зналъ объ Европѣ, было только сномъ, и какъ будто я самъ былъ жителемъ Востока. Это путешествіе оставило глубокое впечатлѣніе на моемъ умѣ. И мнѣ порой случалось останавливаться съ удивленіемъ, какъ ребенку, въ Реджентъ-Стритъ или въ Британскихъ салонахъ, думая, иршони-ная степи Средней Азіи или палатки Киргизовъ и Турименъ.

*) Бѣдный Хивинецъ, привезенный мною въ Венгерскую столицу въѣсто Мекки, былъ крайне изумленъ, безъ умолку спрашивалъ и восклицалъ. Всего больше удивила его доброта Френга и то, что его не убили, чего онъ постоянно ожидалъ, судя объ насъ по своимъ соотечественникамъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XVI.

Границы и раздѣленіе на племена.—Нѣ правителей, ни подданныхъ. — Двѣ. — Исламъ.—Реформа, произведенная имъ, только въспня.—Вліяніе Мулла.—Постройка кочевыхъ палатокъ.—Аламаны.—Трусость Персіанъ. — Туркменскіе посты.—Трубадуры.—Свадебный обрядъ.—Лошади. — Плотины. — Когда и какъ онѣ образовались.—Похороны.—Нападенія Туркменъ.—Общія черты исторіи Туркменъ.—Ихъ политическое и географическое значеніе въ настоящее время.

Non se urbibus tenet et ne statis quidem sedibus. Ut invitavere pabula, ut cedens et sequens hostis exigit, ita res opesque secum trahens, semper castra habitant; bellatrix, libera, indomita.—Ром. Мелл, de Situ Orbis, l. ii. c. 4.

ТУРКМЕНИ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ОБЩЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Границы и раздѣленіе.

Туркмены или Тюркмены *), какъ они себя называютъ, живутъ на большей части пространства, занимаемаго степью, простирающейся по эту сторону рѣки Аму-Дарьи, отъ берега Каспійскаго моря до Балха и на югъ до Герата и Астрабада. Кромѣ небольшого количества производительной почвы вдоль Аму-Дарьи, Мургаба-Тедженда, Гергена и Этрека, гдѣ они немножко занимаются земледѣіемъ, Туркменскія владѣнія состоятъ изъ огромной, страшной степи. гдѣ путешественникъ можетъ идти по цѣлымъ недѣлямъ, не находя ни капли прѣсной воды, ни тѣни хотя бы одного дерева. Зимой чрезвычайные холода и обильные снѣга, лѣтомъ палящій зной и глубокіе пески въ одинаковой степи опасны, и бури этихъ двухъ различныхъ временъ года только въ томъ отношеніи разнятся однѣ отъ другихъ, что могилы, приготовляемыя ими, — сухи или мокры.

*) Это слово состоятъ изъ собственнаго имени *Тюрк* и суфикса *менъ*, соответствующаго английскому суфиксу *ship, dom*; оно приравниется къ цѣлой расѣ и значить, что народы называютъ себя *Турками по преимуществу*.

Чтобы болѣе точно передать раздѣленіе Туркменъ, мы воспользуемся собственными ихъ выраженіями. Сообразно съ нашими Европейскими понятіями, мы называемъ ихъ различными дѣленіями родами или племенами, потому что принимаемъ за исходную точку цѣлую національность. Но Туркмены, сколько видно изъ исторіи, никогда не составляли одного цѣлаго. Ихъ главные расы носятъ имя халькъ (по Арабски народъ) и суть слѣдующія:

I, Чодоръ.	IV, Кара.	VII, Текке.
II, Эрзари.	V, Салоръ.	VIII, Гёкленъ.
III, Альели.	VI, Саригъ.	IX, Юмуть.

Употребляя выраженія, принятыя самими номадами, и сопоставляя соотвѣтствующія слова и значенія у насъ, получимъ:

Туркменскія слова.	Первоначальный смыслъ.	Послѣдующій смыслъ.
Халькъ.	Народъ.	Племя.
Таифе.	Народъ.	Болѣно.
Таире.	Отрасль.	Родъ.

Халькъ раздѣляется на таифе, а таифе на таире. Мы скажемъ нѣсколько словъ обо всѣхъ этихъ различныхъ отрасляхъ, обративъ болѣе вниманія на Текке, Гёкленъ и Юмуть, съ которыми мнѣ пришлось чаще встрѣчаться и которые вслѣдствіе этаго лучше мнѣ извѣстны.

I, Чодоры.

Живутъ въ южной части области, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, и насчитываютъ до 12,000 палатокъ; ихъ главные таире или роды занимаютъ пространство отъ Каспійскаго моря до Бене-Ургенджа, Бульдумсаза, Поршу и Кекчегъ въ Хивѣ. Этотъ халькъ распадается на слѣдующіе таифе:

Абдагъ.	Боваджи.
Игдырь.	Бурунджукъ.
Эсенлу.	Шейкъ.
Карачодоръ.	

II, Эрзари.

Живутъ по лѣвому берегу Аму-Дарьи, отъ Чихардчуя до Балха. Они раздѣляются на двадцать таифе. Говорятъ, что у нихъ наберется до пятидесяти или шестидесяти тысячъ палатокъ. Такъ какъ они занимаютъ большую часть берега Аму-Дарьи и платятъ дань Бухарскому эмиру, ихъ часто называютъ Прибрежными Туркменами.

III, Альели.

По большей части живутъ въ Андуки, составляютъ только три маленкихъ таифе, не болѣе какъ изъ трехъ тысячъ палатокъ.

IV, КАРА.

Маленькое, но чрезвычайно дикое Туркменское племя, бродить около некоторых колодезь въ большой песчаной степи, между Анд-куи и Мервомъ. Это безжалостные грабители, наводящіе страхъ на всѣ окружающія племена.

V, САЛОРЪ.

Самое древнее изъ Туркменскихъ племенъ. Оно отличалось храбростью еще во времена Арабовъ; число ихъ вѣроятно было тогда значительно, потому что въ послѣдствіи они очень много пострадали отъ безпрерывныхъ войнъ. Теперь у нихъ всего восемь тысячъ палатокъ, хотя не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ они занимали важный пунктъ — Мервъ. Теперь изъ Марчаха и его окрестностей ихъ вытѣснили Текке. Они состоятъ изъ слѣдующихъ таифе и таире:

<i>Таифе.</i>	<i>Таире.</i>
1. Ялаваджъ	Яшъ, Тисси, Сакаръ, Ордуходжа.
2. Караманъ	Аламъ, Герджины, Бейбелеги.
3. Ана-Белеги	Ядши, Боккаръ, Бакашхере, Тимуръ.

VI, САРИКЪ.

Они не меньше Салоровъ славятся храбростью. И они значительно уменьшились въ числѣ. Теперь Сарики *) живутъ около Пендждеха, на берегахъ Мургаба. За исключеніемъ сосѣдей ихъ, Джемшидовъ, они враждуютъ со всѣми остальными Туркменами. Они распадаются на слѣдующіе таифе и таире:

<i>Таифе.</i>	<i>Таире.</i>
1. Хорасаны	Беденгъ, Ходжаны, Кизиль, Хуссейналы.
2. Бираджъ	Канлибашъ, Булча, Ссуджанъ.
3. Сохты	Ташыръ, Муматагъ, Курдъ, Кадыръ.
4. Алаша	Боджекъ, Богаджа, Хуссейнъ Кара, Ссаадъ, Окенсизъ.
5. Герзеги	Іерри, Джанибегъ, Бурама, Яганъ, Япаги.

У нихъ до десят и тысячъ палатокъ.

VII, ТЕККЕ.

Въ настоящее время они составляютъ самое большое и сильное Туркменское племя. Они раздѣляются на два главные стана — первый при Ахалъ (на востокъ Тедженда), а второй при Мервъ. Говорятъ, что у нихъ шестдесятъ тысячъ палатокъ. Такъ какъ у нихъ

*) Женщины этого племени, славятся выдѣлкой ткани, называемой агари. Она дѣлается изъ волоса молодыхъ верблюдовъ (трехъ или четырехъ-дневныхъ), который варятъ въ молокѣ дней пять, вслѣдствіе чего онъ приобретаетъ гнѣбкость и мягкость шелка. Ткань изъ этого волоса чрезвычайно красива и прочна и употребляется для верхняго платья. Она встрѣчается и въ Персіи и всегда стоитъ въ цѣнѣ.

очень мало продородной земли, то они, такъ сказать, принуждены самой природой разбойничать и служить сущимъ Божиимъ бичемъ сѣверо-восточной части Персїи, Герата и сосѣднихъ мѣстностей. Я имѣлъ случай познакомиться только со слѣдующими подраздѣленіями; но вѣроятно у нихъ есть еще много другихъ:

<i>Ташке.</i>	<i>Ташре.</i>
1. Отемышъ	Келлѣчо, Султановъ, Сычмазъ-Кара-Ахмедъ.
2. Бахша	Перренгъ, Топазъ, Керссагри, Аладжагезъ, Ташаякъ-Ахсеи-Гохъ, Марсы, Закиръ, Казыларъ.
3. Токтамышъ	Бокбурунъ-Аманшахъ, Гекче-Бегъ, Кара, Харъ, Кокгоръ, Юсууъ, Язы, Арикъ-Караджа.

VIII, Гвѣлвнъ.

По моему наблюденію, это самое мирное и наиболѣе цивилизованное племя изъ всѣхъ Туркменъ. Они занимаются земледѣіемъ и принадлежатъ къ подданнымъ Персидскаго государя. Они живутъ въ предѣльной мѣстности древняго Гургана (теперь развалины Шери-Джорджана). Подраздѣленія ихъ слѣдующія:

<i>Ташке.</i>	<i>Ташре.</i>
1. Чакиръ	Гечдишъ, Аламетъ, Торамеиъ, Хорта, Коравуль, Кессе, Кулгара, Байналъ.
2. Бегды	Панкъ, Аманходжа, Боранъ, Каришмазъ.
3. Кайи	Джанкурбанлы, Эркекли, Кизиль-Анладжикъ, Тиеджи Бегъ Ходжа Кодана Демекъ Капьясъ. Дари.
4. Карабалканъ	Чотуръ, Капанъ, Ссыгирсыки, Пашей, Аджибегъ.
5. Кирыиъ	Гинлыкъ Сеуъянъ, Дегене Каракузу, Чеке, Гекесе Кабассагалъ, Онгютъ, Кенгеръ.
6. Бажиндыръ	Калайджи, Керювъ, Япаги Яджи Кесыръ Язгалыкъ Теренгъ.
7. Геркессъ	Моллаларъ, Кессе Атаніазъ Мехремъ Берре.
8. Джангакъ	Керсютъ Маджиавъ, Кетю, Дизегри, Ссариче, Экизъ.
9. Ссенгрикъ	Карашуръ, Акшуръ, Кучи, Харъ, Шеихъ-беги.
10. Аж-Дервишъ	Очу, Коджамазъ, Дегли, Чикссари, Арабъ, Адшемъ, Канджикъ.

Эти десять отраслей составляютъ десять тысячъ палатокъ, — число, можетъ быть не преувеличенное.

IX, Юмутъ.

Юмуты живутъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и на нѣкоторыхъ изъ его острововъ. Ихъ первоначальное названіе было Гергенъ-Юмуду (Юмуты изъ Гергена). Кромѣ того есть еще Хива-Юмуду (Юмуты изъ Хивы), живущіе по другую сторону степи, по Аму-Дарьѣ.

Юмуты населяютъ слѣдующія мѣста:

1. *Ходжа Шефесъ*, у устья Гергена, станъ, состоящій изъ 40 — 50 палатокъ, убѣжище смѣлыхъ пиратовъ, нападающихъ на Персидскіе берега.

2. *Гемюштепе*, болѣе зимнее мѣстопробываніе, потому что лѣтомъ тамъ свирѣпствуютъ заразительныя лихорадки. Гемюштепе простираетъ

ся по верхнему устью Гергена, который здѣсь довольно глубоко и чрезвычайно изобилуетъ рыбою.

3. *Хасанкули*, на берегу залива того же имени. Онъ лѣтомъ бываетъ густо населенъ и извѣстенъ хорошими дынями.

4. *Этрекъ* лежитъ влѣво отъ Хасанкули, по берегамъ рѣки того же имени, которая въ шести миляхъ отсюда впадаетъ въ море.

5. *Чекишларъ*, также называемый *Яйлакъ* (лѣтнее мѣстопробываніе), на возвышенности около морскаго берега, называемой *Ак-Тепе*.

6. *Челекитъ* или *Черевенъ* — отъ Персидскаго *Чаръ-Кентъ*, четыре руды, — называется такъ вслѣдствіе четырехъ главныхъ произведеній острова. Островъ этотъ отстоитъ отъ твердой земли всего только на нѣсколько миль. Жители — мирные торговцы.

Юмуты раздѣляются на слѣдующіе колѣна и роды:

Тайфъ.

Тауръ.

1. Атабай Сехене, Дюнгирчи, Тана Кисарка, Кесса, Темекъ.
2. Джаербай съ двумя подраздѣленіями:
 - а) Ярамы Ири Томачъ, Билаль Сакаллы, Арягкессели, Чокманъ Борванъ, Онутъ Томачъ.
 - б) Нурамы Кельте, Баринджикъ, Газили Керъ, Хасанкудулу керъ Панкетекъ.
3. Шереъ Лжунн, изъ которыхъ одна часть живетъ въ Гергене, а другая въ Хивѣ.
 - а) Гергенъ Карабелке, Теведжи, Тельгай, Джаеръ.
 - б) Хива Окуль, Салакъ, Ушакъ, Коджукъ, Мешрикъ, Иирели.
4. Огурджали Семединъ, Гырай Терекме, Нединъ.

Огурджали занимаются грабежемъ и разбойничествомъ, не признаютъ себя принадлежащими къ Юмутамъ и имѣютъ съ Персіей постоянныя, очень дѣятельныя коммерческія сношенія, вслѣдствіе чего большая часть изъ нихъ перешла въ подданство шаха и платитъ ему ежегодно дань тысячу дукатовъ. Персіяне впрочемъ не вмѣшиваются въ ихъ внутреннее управленіе. Они насчитываютъ у себя отъ сорока до пятидесяти тысячъ палатокъ, но этотъ расчетъ такъ же мало достоверенъ, какъ цифры, показываемыя у большей части другихъ племенъ. Многочисленность палатокъ у этихъ номадовъ составляетъ вопрось національной гордости.

Теперь сложимъ количества палатокъ различныхъ племенъ.

<i>Племена.</i>	<i>Число палатокъ.</i>
1. Чодоръ	12,000
2. Эрзари	50,000
3. Альели	3,000
4. Бара	1,500
5. Саморъ	8,000
6. Сарикъ	10,000
7. Тевке	60,000
8. Гейленъ	12,000
9. Юмутъ	40,000

196,500

Полагая на каждую палатку по пяти человѣкъ, получимъ общую сумму въ 982,500 душъ; и такъ какъ я самъ уменьшалъ Туркменскія поведенія по крайней мѣрѣ на треть, то эту цифру можно считать самой малой мѣрой всего населенія.

ТУРКМЕНЫ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Всего больше удивило меня во время моего пребыванія въ Туркестанѣ—совершенное отсутствіе людей, желающихъ командовать, распоряжаться, и индивидуумовъ, склонныхъ къ послушанію и покорности. Сами Туркмены говорятъ: „Мы народъ безъ головы, да намъ ее и не надобно. Мы всѣ равны, у насъ всѣ короли“. Въ политическихъ учрежденіяхъ всѣхъ другихъ номадовъ мы встрѣчали нѣкоторые признани, болѣе или менѣе опредѣленные, правительственныхъ формъ, какъ на примѣръ у Аксакаловъ между Турками, у Рипъ-Сефидовъ между Персіянами или у Шейковъ между Арабами. У Туркменъ нѣтъ ничего подобнаго. У нихъ, правда, есть аксакалы, то-есть правители отдѣльныхъ округовъ, пользующіеся почетомъ и послушаніемъ до нѣкоторой степени. Но ихъ любятъ и терпятъ до тѣхъ поръ, пока они воздерживаются отъ неумѣстныхъ приказаній или чрезмѣрныхъ претензій.

„Какъ же, спроситъ читатель, могутъ эти извѣстные разбойники—при совершенной необузданности ихъ дикихъ натуръ—жить вмѣстѣ, не уничтожая другъ друга?“ Положеніе ихъ дѣйствительно удивительное, но еще болѣе удивительно то, что не смотря на всю кажущуюся анархію, на все ихъ варварство,—пока нѣтъ открытой вражды, у нихъ меньше убійствъ и разбоя, меньше проступковъ противъ справедливости и нравственности, чѣмъ у другихъ азіатскихъ націй, общественное устройство которыхъ основывается на исламской цивилизаціи. Жителями степи управляетъ часто тираннически могущественный властелинъ, невидимый и имъ самимъ, но присутствіе котораго ясно обнаруживается въ словѣ *дебъ*—обычай *).

Туркмены безусловно слушаются своего Деба. Все, что они дѣлаютъ или чего избѣгаютъ дѣлать,—основывается на его предписаніяхъ. Религіозное вліяніе проявляется только въ исключительныхъ случаяхъ. Религія, перешедшая къ нимъ изъ фанатической Бухары, далеко не такъ вліятельна у нихъ, какъ полагаютъ многіе. Принято говорить, что Туркмены нападаютъ на Персіянъ потому, что они принадлежатъ къ ненавидимой сектѣ Шіитовъ. Это грубая ошибка: я вполне убѣжденъ, что Туркменъ не отказался бы отъ грабежа, освящаемаго дебомъ, если бы даже его сосѣдами были Сунниты Турки, вмѣсто Персіянъ. Я могу это подтвердить даже примѣрами—частыми нападеніями Туркменъ на страны, принадлежащія Суннитамъ, на Афганистанъ, Маймене, Хиву и даже Бухару. Впослѣдствіи я убѣдился, что большая часть рабовъ въ Средней Азіи принадлежитъ къ религіозной сектѣ Суннитовъ. Я однажды спросилъ одного разбойника, извѣстнаго своей набожностью, какъ онъ рѣшается продавать своихъ Суннитскихъ собратьевъ въ рабство, послѣ того какъ пророкъ сказалъ: каждый мусульманинъ свободенъ? „Эхъ, отвѣчалъ Туркменъ съ необыкновеннымъ равнодушіемъ, Коранъ—Божья книга—конечно дороже челоуѣка, да и ее продаютъ и покупаютъ за нѣсколько крановъ. Что же вы послѣ этаго говорите?

*) Арабское *эдебъ*—нравственность.

Мало того: Иосифъ, сынъ Іакова, былъ пророкъ и тоже былъ проданъ. Развѣ онъ отъ этаго сталъ хуже?“

Замѣчательно, какъ мало дебъ пострадалъ въ борьбѣ съ Махомеданствомъ въ теченіе восьми вѣковъ. Многіе обычаи, преслѣдуемые исламомъ, существуютъ во всей древней самобытности; и измѣненіе, произведенное исламомъ не только у Туркменъ, но и у всѣхъ номадовъ Средней Азіи, ограничилось только внѣшними религіозными формами. Что они прежде находили въ солнцѣ, огнѣ и другихъ явленіяхъ природы, то теперь они видятъ въ Аллахѣ и Мохаммедѣ: номадъ все тотъ же, теперь какъ и двѣ тысячи лѣтъ назадъ; да и никакая перемѣна не мыслима въ немъ, пока онъ не замѣнитъ своей легкой палатки прочнымъ домомъ, — другими словами, пока онъ не перестанетъ быть номадомъ.

Чтобы возвратиться къ вопросу о вліяніи аксакаловъ, я позволю себѣ замѣтить, что они, на сколько я видѣлъ Іомутовъ, во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ, напримѣръ съ Персіей, Россіей и другими Туркменскими племенами, — въ самомъ дѣлѣ служатъ представителями желаній своего отдѣльнаго племени; но они никогда не имѣютъ полномочія, и Россія и Персія не разъ имѣли случай узнать, какъ ничтожна въ сущности ихъ власть. Обѣ эти страны съ большими издержками старались склонить аксакаловъ на свою сторону, чтобы посредствомъ ихъ прекратить грабежи и разбой, но эти старанія до сихъ поръ имѣли очень мало успѣха.

Мушлы пользуются большимъ уваженіемъ не потому собственно, что они исламиты, но вслѣдствіе глубокаго уваженія вообще къ религіи и таинственности, составляющимъ предметъ страха для суевѣрныхъ номадовъ. Мушлы, воспитанные въ Хивѣ и Бухарѣ, хитрый народъ. Они съ самаго начала прикидываются святыми и набивъ мѣшки, уважаютъ.

Но главной опорой общественнаго строя служить твердая связь не только отдѣльныхъ подраздѣленій, но и всего племени. Каждый Туркменъ — даже ребенокъ четырехъ лѣтъ — знаетъ тайное и таинное, къ которому принадлежитъ, не безъ нѣкоторой гордости толкуетъ о силѣ или о численности своего племени и рода, потому что дѣйствительно это щитъ, охраняющій его отъ произвола другихъ; и въ самомъ дѣлѣ, если одинъ членъ пострадаетъ отъ чьего-либо насилія, цѣлое племя обязано требовать удовлетворенія.

Что же касается до частныхъ отношеній Іомутовъ къ сосѣднимъ племенамъ и странамъ, то я нашелъ, что они живутъ въ непримиримой и постоянной враждѣ съ Гекленами. Когда я былъ въ Этрекѣ, шли переговоры о мирномъ трактатѣ съ Текке, что было бы особенно благоприятно для нашего путешествія. Но вслѣдствіи я узналъ, что миръ не былъ никогда заключенъ. Въ сущности Персія должна быть очень рада, что соединеніе племенъ, столь воинственныхъ, — оказывается невозможнымъ; и безъ того Персидскія провинціи, особенно Мазандеранъ, Хорасанъ и Сигистанъ, постоянно страдаютъ отъ нападений отдѣльныхъ племенъ, — а соединеніе Текке съ Іомутами повлекло бы къ еще большей враждѣ. Туркмены избалованы постоянными успѣхами въ Иранѣ и только посмѣиваются при угрозахъ этой страны. Положеніе Россіи совершенно другое, и Русскую власть Іомуты научи-

лись созавать и бояться ея даже въ маленькомъ Ашурадѣ. Мыгъ говорили, что года четыре тому назадъ Русоніе сдѣлали нападеніе на Гемюштепе въ числѣ 120 человекъ—и Туркмены, хотя гораздо численнѣе ихъ, пустились въ бѣгство, предоставивъ непріятелю жечь и грабить свои палатки. Причину этого слѣдуетъ искать не въ „адскихъ орудіяхъ“, приписываемыхъ Русскимъ номадами, а въ ихъ отличной дисциплинѣ.

Общественныя сношенія.

Теперь послѣдуемъ за Туркменомъ въ его домъ, въ его домашній кругъ. Мы начнемъ съ самаго номада, съ его одежды и палатки.

Туркмень — Татарскаго происхожденія; но типъ его племени сохранился только тамъ; гдѣ обстоятельства препятствовали смѣшенію съ Иранцами. Это замѣтно на Текке, Гекленахъ и Юмутахъ, потому что у нихъ чисто Татарскія фizioноміи встрѣчаются только въ такихъ семьяхъ и родахъ, которые не посылали аламановъ въ Персію и вслѣдствіе этого не ввели въ свою среду черноволосыхъ рабовъ. Во всякомъ случаѣ, Туркмены постоянно отличаются смѣлымъ, проникательнымъ взглядомъ и гордой, воинственной осанкой. Одежда у нихъ та же, что и у Хивинцевъ, съ прибавкой нѣкоторыхъ предметовъ роскоши изъ Персіи. Самая главная часть одежды—красная шелковая рубашка, запрещаемая Кораномъ, но въ большомъ употребленіи у обоихъ половъ; Туркменскія женщины кромѣ этихъ рубашекъ больше ничего и не носятъ дома. Въ этихъ длинныхъ рубашкахъ по пяты ходятъ рѣшительно всѣ: и старыя матроны и матери семействъ, и дѣвушки и дѣвочки. На годовъ мужчины носятъ мѣховыя шапки, легче и изящнѣе неуклюжихъ Узбекскихъ шапокъ или широкихъ, башнеобразныхъ Персидскихъ. Они употребляютъ также чапанъ, верхнее платье, въ родѣ нашего халата, заимствованнаго изъ Хивы. Отправляясь на грабежъ, они ожорачиваютъ его значительно. По праздникамъ женщины повязываютъ сверхъ длинныхъ рубашекъ шали вокругъ пояса и спускаютъ двумя длинными концами внизъ; при этомъ неизбѣжны сапоги красивые или желтые, на высокихъ каблукахъ; но всего больше онѣ любятъ — разныя украшенія, кольца на шею, въ уши или въ носъ, медальоны для талисмановъ, похожіе на патронташи и висящіе у нихъ съ правой или съ лѣвой стороны на лентахъ, которыя у нихъ, какъ и у насъ, означаютъ различныя кавалерственныя ордена. Вслѣдствіе этого, каждое ихъ движеніе сопровождается звономъ, какъ будто колокольчиковъ.

Туркмены очень любятъ это бряцанье и непремѣнно навѣнчиваютъ разныя побрякушки на своихъ женъ или лошадей; а если у него нѣтъ ни жены, ни лошади, то на раба, которому впрочемъ, вмѣсто побрякушекъ, надѣвается цѣпь. Полный дамскій костюмъ требуетъ еще гусарской кочточки (Венгерскаго долмана) на плечи, которая должна покрывать косы до самыхъ концовъ, украшенныя лентами.

Туркменскія палатки въ большомъ ходу во всей Средней Азійи и даже до Китая. Онѣ очень красивы и вполне соотвѣтствуютъ образу жизни номадовъ. За исключеніемъ деревянной основы, всѣ остальные части палатки — произведенія рукъ Туркменокъ. На ихъ обязанности лежитъ и постройка ихъ въ случаѣ надобности и потомъ разборка раз-

личныхъ частей, при переходѣ на другое мѣсто. Онѣ даже укладываютъ ихъ сами на верблюдовъ и во все время переходовъ идутъ возлѣ этихъ возовъ пѣшкомъ. Палатки богатыхъ и бѣдныхъ разнятся только большей или меньшей затѣйливостью внутренней отделки. Палатки бываютъ двухъ сортовъ: 1) Караой (черная палатка, т. е. палатка, потемнѣвшая или почернѣвшая отъ времени); 2) Акой (бѣлая палатка, т. е. покрытая внутри снѣжно-бѣлымъ войлокомъ; такія палатки дѣлаютъ для новобрачныхъ или для почетныхъ гостей). Всѣ палатки, которыя мнѣ случалось видѣть въ Средней Азій, оставили во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Онѣ прохладны лѣтомъ, чрезвычайно теплы зимою, и какъ отрадно пріютиться въ нихъ, когда по безиредѣльнымъ степямъ свирѣпствуетъ ураганъ! Иностранецъ часто боится, что бѣшеная стихія изорветъ на тысячу кусковъ это хрупкое жилище, но Туркмены надѣются на свои крѣпкія веревки и спятъ спокойно подъ вой бури, убаюкивающей ихъ, какъ пѣсня убаюкиваетъ дѣтей въ колыбели. Обычай, нравы и занятія Туркменъ такъ разнятся отъ нашихъ, что описаніемъ ихъ можно было бы наполнить цѣлыя томы. Но я долженъ ограничиться только нѣкоторыми чертами ихъ характеровъ и затрогивать только то, что необходимо для связи моего разсказа. Главныя черты жизни Туркмена составляютъ аламаты (разбой) или чапао (нападенія). Приглашеніе на подобное предпріятіе, сопряженное съ выгодой, находить его всегда готовымъ вооружиться и вспрыгнуть на сѣдо. Самая цѣль всегда хранится въ тайнѣ, даже отъ ближайшихъ родственниковъ; и какъ только сердарь (избранный предводитель) получитъ остиха (благословеніе) отъ какого нибудь муллы, всѣ отправляются вечеромъ различными путями къ извѣстному мѣсту, назначенному для rendez-vous.

Нападенія дѣлаютъ всегда въ полночь на населенныя мѣстности, и на восходѣ солнца на караваны или на враждебныя племена. Обыкновенно раздѣляются на нѣсколько группъ и дѣлаютъ два, много три кристуга, — потому что Туркменская пословица говоритъ: попробуй разъ, попробуй два, а на третій ступай назадъ. Жертвамъ подобнаго нападенія нужно имѣть много твердости и рѣшимости, чтобы противостоять; у Персіянъ не оказывается ни того, ни другаго. Часто одинъ Туркменъ идетъ на пятерыхъ Персіянъ или даже больше, — и предпріятіе оканчивается успѣхомъ. Не рѣдко одинъ Туркменъ беретъ четырехъ или пятерыхъ Персіянъ въ пѣнѣ. „Часто, говоритъ мнѣ одинъ изъ номадовъ, Персіяне, подъ вліяніемъ паническаго страха, бросаютъ оружіе, спрашиваютъ веревочъ и начинаютъ сами вязать другъ друга, такъ что намъ не для чего и съ сѣделъ слезть“. Не говоря уже о недавнемъ разбитіи 22 тысячъ Персіянъ 5 тысячами Туркменъ, — громадное превосходство сыновъ степи надъ Иранцами — фактъ несомнѣнный. Мнѣ кажется, что самыхъ смѣлыхъ Персіянъ пугаетъ грозная историческая слава сѣверныхъ Татаръ, а между тѣмъ они дорого платятъ за свою трусость. Сопротивляющихся рубятъ нацопаль; трусовъ вяжутъ и всадники или берутъ ихъ на сѣдла (и въ такомъ случаѣ ноги ихъ привязываютъ подъ животъ лошади), или привязываютъ несчастныхъ къ хвосту лошади и часами — да иногда днями — воломутъ по степи домой. Кто не можетъ бѣжать вслѣдъ за всадникомъ, тотъ по большей части погибаетъ. А что ихъ ожидаетъ дома, читателю уже

отчасти известно. Я прибавлю кстати еще случай, при которомъ я самъ былъ свидѣтелемъ. Дѣло было въ Гемюштепе. Возвратились аламанъ съ богатой добычей рабовъ, лошадей, ословъ, быковъ и другой движимости. Приступили къ дѣлежу добычи между участниками въ предпріятіи. Сверхъ того по срединѣ была оставлена одна отдѣльная доля, для удовлетворенія всѣхъ, какъ я замѣтилъ послѣ. Разбойники подошли поочереди разсматривать свои доли. Первый остался доволенъ; второй также; третій посмотрѣвъ въ зубы Персіянкѣ, выпавшей ему на долю, и замѣтилъ, что ему досталось слишкомъ мало; тогда предводитель поставилъ возлѣ бѣдной Персіянки осленка: разбойникъ остался доволенъ. Дѣлежъ этотъ продолжался довольно долго, и хотя меня возмущала безчеловѣчность этой процедуры, я не могъ не улыбаться порою странному и смѣшному сопоставленію различныхъ частей награбленной добычи.

Главнымъ и лучшимъ орудіемъ Туркменъ въ грабежахъ, безъ сомнѣнія, служатъ ихъ лошади, въ самомъ дѣлѣ существа удивительныя, цѣнныя сынами пустыни дороже женъ, дороже дѣтей, дороже собственной жизни. Любопытно видѣть, какъ номады обращаются съ ними, какъ они укрываютъ ихъ отъ холода и зноя, какъ роскошно они убираютъ свои сѣдла и какъ смѣшны и странны ихъ жалкія лохмотья на этихъ выхоленныхъ, нарядныхъ коняхъ. Да, правду сказать, эти красивыя животныя стоятъ всѣхъ потраченныхъ на нихъ трудовъ. Рассказы объ ихъ быстротѣ бѣгѣ и сносливости вовсе не преувеличены. Туркменскія лошади—Арабскаго происхожденія, и до сихъ поръ лошади чистой крови извѣстны подъ названіемъ Бедери (Бедуиновъ). Лошади Текеи очень хороши и легки на бѣгу, но далеко не такъ сносливы и стойки, какъ маленькія Юмукскія лошади.

Прибыль, добываемая номадами ихъ отвратительной привычкой къ грабежу, далеко не вознаграждаетъ ихъ за опасности, которымъ они при этомъ подвергаются. Очень рѣдко сыны пустыни выходятъ этимъ способомъ изъ нищеты, въ которой рождаются. Да они и не стремятся къ улучшенію своего быта. Я зналъ многихъ Туркменъ, которые не смотря на значительное улучшеніе своего состоянія, продолжали ѣсть сухую рыбу, позволяли себѣ употреблять хлѣбъ только разъ въ недѣлю, какъ бѣдняки, которымъ хлѣбъ недоступенъ вслѣдствіе дороговизны пшеницы.

Въ домашнемъ быту, номады представляетъ картину самой абсолютной праздности. По его понятіямъ, мужчине не прилично заниматься какою бы то ни было домашнимъ дѣломъ. Онъ только ухаживаетъ за лошадей; накормивъ и напоивъ ее, онъ отправляется къ сосѣду или присоединяется къ одной изъ группъ, сидящихъ на землѣ передъ палатками и разсуждающихъ о политикѣ или о конинѣ. Между тѣмъ неизбѣжный чилмиъ, родъ Персидской трубки, въ которой табакъ не смачивается, переходитъ изъ рукъ въ руки.

По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать волшебныя сказки и разныя исторіи; удовольствіе возвышается на нѣсколько градусавъ, когда выступаетъ впередъ бахши (трубадуръ) и подъ аккомпанементъ дутары (двухструннаго инструмента) поетъ пѣсни Кероглу, Аманъ-Моллы или національнаго поэта Махдумъ-Кули, которому они поклоняются какъ святому. Онъ былъ Туркменъ изъ племе-

ни Геллена, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. Махдумъ-Кули умеръ, какъ мнѣ сказывалъ Кизиль-Ахондъ, во время гражданскихъ войнъ между Юмутами и Гелленами: — его великодушная душа не могла видѣть братьевъ, убивающихъ другъ друга, отнимающихъ другъ у друга дѣтей и продающихъ ихъ въ рабство.

Преданіе говоритъ объ немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, который не бывъ никогда въ Бухарѣ или Хивѣ, зналъ какъ нельзя лучше всѣ книги и всѣ науки. Однажды, сидя на лошади, онъ крѣпко заснулъ и во снѣ увидѣлъ себя въ Меккѣ, въ кругу, гдѣ сидѣлъ пророкъ съ калифами. Онъ осмотрѣлся съ благоговѣйнымъ трепетомъ и замѣтилъ, что его манитъ къ себѣ Омаръ, патронъ Туркменскій. Онъ воспѣвшиль подойти къ нему, тотъ благословилъ его и ударилъ слегка въ лобъ, послѣ чего онъ тотчасъ же проснулся. Съ этой минуты самая сладкая поэзія полилась съ его устъ и сочиненія его долго занимали первое мѣсто послѣ Корана. Въ другихъ отношеніяхъ собраніе поэмъ Махдумъ-Кули также чрезвычайно интересно. Во первыхъ потому, что мы въ немъ видимъ чистый образецъ Туркменскаго нарѣчія, а во вторыхъ потому, что оно сообщаетъ различныя подробности, которыя мы рѣдко находимъ въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ Восточныхъ писателей.

Какъ памяты и отрады мнѣ сцены, когда въ праздники или по вечерамъ бахши принимались читать стихотворенія Махдумъ-Кули! Когда я былъ въ Этрекѣ, палатка одного изъ этихъ трубадуровъ была рядомъ съ нашей и онъ не разъ приходилъ къ намъ по вечерамъ, принося съ собою инструментъ свой. Вслѣдъ за нимъ появлялось множество окрестной молодежи, окружали его и съ большимъ вниманіемъ слушали его героическія пѣсни. Пѣніе его состояло изъ гортанныхъ звуковъ и болѣе напоминало трели жаворонка, чѣмъ пѣніе человѣка. Онъ акомпанировалъ себѣ сначала легкимъ прикосновеніемъ къ струнамъ, потомъ мало-по-малу воодушевляясь, начиналъ сильно и порывисто бить по инструменту. При описаніи сраженій онъ особенно воодушевлялся. Его энтузіазмъ заражалъ и молодыхъ слушателей; сцена становилась въ высшей степени драматичной: молодые номады, испуская глухіе стоны, бросали шапки на землю, рвали на себѣ волосы, какъ будто бы имъ страстно хотѣлось вступить въ бой другъ съ другомъ.

И это не должно насъ удивлять. Все воспитаніе молодаго Туркмена настраиваетъ его на этотъ тонъ. Только одинъ изъ тысячи умѣетъ читать и писать: лошади, оружія, сраженія и разбои — единственные предметы, наполняющіе воображеніе молодежи. Я однажды слышалъ даже, какъ честный и добрый Хавджанъ, желая наставить сына своего на путь истинный, рассказывалъ при немъ, что одинъ молодой Туркменъ только-что взялъ въ плѣнъ двухъ Персіянъ, „а изъ него прибавилъ онъ, указывая на сына, едва ли выйдетъ что нибудь путное“.

Многіе обычаи Туркменъ очень любопытны, тѣмъ болѣе что они не встрѣчаются у другихъ номадовъ Средней Азіи. Брачная церемонія на примѣръ состоитъ въ томъ, что молодая дѣвушка, одѣтая невѣстой, сидя на отличномъ рысакѣ, беретъ черезъ сѣдло овцу или козла и пускается во весь галопъ; за нею гонятся женихъ и его приятели тоже на лошадяхъ. Она должна ловкими поворотами избѣгать преслѣдо-

вагелей и не дать ни одному изъ нихъ возможности приблизиться на столько, чтобы схватить овцу. Игра эта, называемая кейбери (зеленый волкъ), въ большомъ ходу въ Средней Азии. Другой странный обычай состоитъ въ томъ, что черезъ два, а иногда и четыре дня послѣ свадьбы, молодыхъ разлучаютъ и позволяютъ имъ сойтись снова не раньше какъ черезъ годъ.

Страннымъ обычаемъ сопровождаютъ смерть любимыхъ членовъ семьи: въ палаткѣ умершаго, въ теченіе цѣлаго года, каждый день безъ исключенія, въ тотъ самый часъ, когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, появляются плакальщицы и начинаютъ плачевное похоронное пѣніе, въ которомъ непременно должны принимать участіе все члены семьи. При этомъ они продолжаютъ свои обычныя дневныя занятія, и смѣшно видѣть, какъ Туркменъ чиститъ оружіе или куритъ трубку, или обѣдаетъ подъ акомпанементъ этихъ страшныхъ воплей скорби. Женщины тоже плачутъ и воютъ, не переставая въ то же время чистить шерсть, прастъ или исполнять другія хозяйственныя обязанности. Друзья и знакомые покойнаго тоже обязаны присутствовать при этихъ изъявленіяхъ печали, если даже извѣстіе о кончинѣ друга дошло до нихъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда умираетъ какой нибудь замѣчательный предводитель, заслужившій названіе батурса (храбраго), на могилу его набрасываютъ большой холмъ и каждый Туркменъ *) обязанъ бросить не менѣе семи горстей земли, такъ что эти возвышенія часто бываютъ шестидеять футовъ въ окружности и отъ двадцати до тридцати футовъ высоты. Эти холмы очень замѣтны на большихъ равнинахъ; Туркмены знаютъ ихъ всѣхъ по имени, то-есть по имени тѣхъ, которые лежатъ подъ ними.

Позвольте мнѣ заключить этотъ коротенькій рассказъ о Туркменахъ еще болѣе краткимъ очеркомъ ихъ исторіи, при чемъ я буду строго придерживаться преданій, пользующихся у нихъ большимъ кредитомъ.

„Мы все происходимъ, говорилъ мой ученый другъ, Кизиль-Ахондъ, изъ Мангишлака. Наши предки были Шенъ-Ханъ и Эссенъ-Или. Юмуть и Текке были сыновьями перваго, Чодоръ и Гекленъ—втораго. Мангишлакъ въ древности назывался Мингъ-Киплакъ (тысяча зимнихъ квартиръ) и это была родина не только тѣхъ изъ нашего племени, которые отдѣлились и переселились въ Персію, но и Эрзари, Салоровъ и другихъ племенъ. Наши древніе святые, какъ на примѣръ Ирегъ-Ата ** и Сари-Эръ, покоятся въ Мангишлакѣ, и счастливы тотъ, кому придется побывать на ихъ могилахъ!“

Ханджанъ рассказывалъ мнѣ тоже, что лѣтъ полтораста тому назадъ, Туркмены одѣвались въ овечьи шкуры и кожи лошадиныя или ослиныя; но теперь все измѣнилось и единственный предметъ, напоминающій древній національный костюмъ, есть мѣховая шапка.

Враждебныя отношенія между различными племенами часто подаютъ поводъ къ взаимнымъ оскорбительнымъ упрекамъ въ происхожденіи

*) Этотъ обычай существовалъ и у древнихъ Гунновъ и существуетъ до сихъ поръ въ Венгріи. Въ Бамая (въ Верхней Венгріи) былъ сдѣланъ холмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по внушенію графа Эдуарда Кароли въ память высокочтимаго графа Сечени.

***) Ирегъ-Ата значить по Венгерски дядя; ерегъ ати—старый отецъ.

отъ рабовъ. »Время, когда они оставили свою первобытную отчизну, невозможно опредѣлить съ точностью. Эрзари, Сарикъ и Салоръ жили уже въ времена Арабовъ въ восточной части степи, по эту сторону Аму-Дарьи. Тенке, Гекленъ и Юмуть заняли свое теперешнее мѣсто-пробываніе позже, можетъ быть во время Чингисхана и Тимура. Перемѣна мѣстопробыванія этихъ племенъ происходила небольшими отдѣльными эмиграціями и до сихъ поръ еще не совсѣмъ окончилась, потому что многіе Юмуть и Геклены бродятъ до сихъ поръ по своимъ пещерамъ. Въ Средніе вѣка Туркменскіе всадники состояли по большей части на службѣ у хановъ Хивинскаго и Бухарскаго, а иногда и подъ Персидскими знаменами. Ихъ храбрость пользовалась повсюду громкой извѣстностью и нѣкоторые изъ ихъ предводителей, напримѣръ Кара-Юсуфъ, принимавшій участіе съ племенемъ Салоръ въ походахъ Тимура, стяжали историческую извѣстность. Туркмены много способствовали *отурченію* сѣверной Персіи, во время правленія Атабеговъ въ Иранъ; и безъ всякаго сомнѣнія, они составили большую часть Туркменскаго населенія по ту сторону Кавказа, въ Азербиджанъ, Мазандеранъ и Ширазъ. *)

Замѣчательно, что не смотря на постоянно враждебныя отношенія Туркменъ къ ихъ Шитскимъ собратіямъ въ Персіи, они считаютъ Азербиджанъ центромъ высшей цивилизаціи, и если бахчи просятъ сѣтъ что нибудь особенно хорошее, то недремѣнно являются на сцену Азербиджанскія пѣсни: даже Иранскіе пѣвники, Туркменскаго происхожденія, пользуются сравнительно лучшимъ обращеніемъ, потому что Туркмены говорятъ: „Онъ намъ братъ, этотъ невѣрный!“

Послѣднія возстанія Туркменъ массами происходили при Надиръ-Шахъ и Ага-Мехеммедъ-Ханъ. Надиръ, съ помощью ихъ и Афгановъ, въ началѣ послѣдняго столѣтія, пробудилъ Азію отъ дремоты; а Ага-Мехеммедъ-Ханъ воздвигъ свою династію при помощи Туркменскихъ мечей. Номады очень хорошо сознаютъ этотъ фактъ и часто ропщутъ на неблагодарность Каджара, который, со временъ Фетхъ-Али-Шаха, совершенно забылъ объ нихъ и даже не платитъ узаконенныхъ пенсій нѣкоторымъ изъ ихъ предводителей.

Чтобы составить себѣ понятіе о политическомъ значеніи номадовъ, стоитъ только бросить взглядъ на карту Средней Азіи. Тутъ мы увидимъ во первыхъ, что благодаря своему географическому положенію, они суть хранители южныхъ границъ всей Азіатской горной возвышенности, или Туркестана, какъ они сами его называютъ. Туркменъ, безспорно, близокъ Кипчаку, самому дикому и воинственному племени Средней Азіи. Въ его аррьергардѣ, въ Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ,—мы уже встрѣчаемъ трусость и извѣженность; и если бы не желѣзная изгородь Туркменъ, эти три страны теперь не остались бы въ томъ поло-

*) До сихъ поръ четыре или пять небольшихъ Туркменскихъ племенъ ведутъ кочевую жизнь около Шираза. Ихъ наханы (предводители), съ которыми я познакомился въ Ширазѣ въ 1862 году, сказывалъ мнѣ, что у него есть до 30.000 всадниковъ и что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Кашкай и Аллахъ-Верди, были переселены сюда Чингисханомъ. Въ Европѣ фактъ этотъ неизвѣстенъ, и даже Берне полагаетъ, что въ окрестностяхъ Самарканды есть *Турки Ширазы*, упоминаемые Халезомъ въ его пѣсняхъ.

женин, въ которомъ онѣ были еще во времена Кутейба и Абу-Мус-лима *).

Цивилизація, какъ многіе думаютъ, избираетъ дороги, ведущія съ юга на сѣверъ; но можетъ ли проникнуть хоть одна искра ея въ Среднюю Азію, пока Туреманы угрожаютъ путешественникамъ и караванамъ тысячами опасностей?

ГЛАВА XVII

Хива, столица, главное раздѣленіе, ворота и кварталы города, — базары — мечети — медресе или училища. — Какъ они основываются, организуются и чѣмъ существуютъ. — Полиція. — Ханъ и его правительство. — Таксы — суды. — Ханство. — Каналы. — Политическое раздѣленіе. — Произведенія почвы. — Мануфактура и торговля. — Дороги. — Населеніе Ханства — Узбеки — Туреманы — Каракалпаки — Касаки (Биргизы) — Сарты — Персияне. — Исторія Хивы въ пятнадцатомъ столѣтіи. — Ханы и ихъ генеалогія.

Les principaux Tartares firent asseoir le Khan sur une pièce de feutre et lui dirent: „Honneur les grands, sois juste et bienfaisant envers tous; sinon tu seras si misérable que tu n'auras pas même le feutre sur lequel tu es assis“.

Voltaire, Essai sur les mœurs, c. lx.

А. Хива Столица.

Такъ какъ рѣчь идетъ о Восточномъ городѣ, нѣтъ надобности говорить, что внутренность Хивы вовсе не отвѣчаетъ понятію, составленному нами по ея внѣшности. Если вы видѣли, читатель, Персидскіе города низшаго разряда, то вы уже знаете, что такое Хива; но необходимо прибавить, что она — несравненно хуже ихъ. Представьте себѣ три или четыре тысячи глиняныхъ домовъ, разбросанныхъ въ различныхъ направленіяхъ и самымъ неправильнымъ образомъ, съ неровными, грязными стѣнами, — вообразите все это огороженнымъ стѣною въ десять футъ высоты, тоже изъ глины, — и тогда вы поймете, что такое Хива.

*) Кутейбъ покорилъ Туркестанъ во времена халифа Омара; Абу-Муслимиъ былъ сперва губернаторомъ въ Мервѣ, долго сражался за независимость, вѣнчалъ съ Туркменами и Харезмцами, противъ своего государя, владѣтеля Багдадскаго.

Городъ раздѣляется на двѣ части: а) собственно Хиву и б) Ичь-Кале, крѣпость, окруженную стѣною, въ которую изъ города ведутъ четверо воротъ. Крѣпость состоитъ изъ слѣдующихъ магале (кварталовъ): Пегливанъ, Улуиогудъ, Ахмеджидъ, Ипекчи, Кошбегимагалези.

Городъ раздѣляется на десять магале съ девятью воротами: *)

Базары.

Базаровъ или лавокъ, подобныхъ тѣмъ, какіе мы видѣли въ Персіи и другихъ Восточныхъ странахъ, въ Хивѣ нѣтъ вовсе; и изъ существующихъ тамъ, только слѣдующіе заслуживаютъ упоминовенія: Тимъ—маленькій, хорошо выстроенный базаръ, съ довольно высокими, сводчатыми помѣщеніями для 120 лавокъ и каравансерая. Здѣсь выставлены полотна, сукна, медочные желѣзные товары, льняныя и бумажныя произведенія, доставляемые Русскими; тутъ же помѣщается и незначительная доля произведеній Персіи и Бухары. Тимъ окруженъ нанбазари (хлѣбными рынками) бакальбазари, (бакалейными лавками), шембазари (свѣчными лавками) и сертрашбазари (отъ десяти до двѣнадцати цирудень, гдѣ брѣютъ головы: я говорю головы, потому что обрить бороду значить или прослыть сумасшедшимъ или обречь себя на смертную казнь).

Къ базарамъ слѣдуетъ также отнести Кичикъ-каравансерай, гдѣ продаются рабы, доставляемые Текке и Юмутами. Безъ этой отрасли торговли, существованіе самой Хивы было бы не мыслимо, такъ какъ земля исключительно обрабатывается рабами. Говоря о Бухарѣ, мы еще разъ поговоримъ подробнѣе объ этомъ предметѣ.

Мечети.

Въ Хивѣ не много мечетей старинной или художественной постройки. Изъ нихъ только слѣдующіе заслуживаютъ вниманія: 1) Газрети-Пегливанъ, зданіе, существующее уже четыре столѣтія и состоящее изъ одного большаго и двухъ маленькихъ храмовъ; въ немъ помѣщается могила Пегливанъ-Ахмедъ-Земчи, святаго покровителя Хивы. Внѣшность его не особенно изящна; внутри верхнія части отличаются большимъ

*) На сѣверѣ: Ургенджъ-дервазеси, (1) Гендумгя-дервазеси, Имареть-дервазеси; на востокъ: Исмагмудата-дервазеси, Газареспъ-дервазеси; на югъ: Шихларъ-дервазеси, Пашкеникъ-дервазеси, Разанекъ-дервазеси, а на западъ Бедрханъ-дервазеси. Кварталы носятъ слѣдующія названія:

1. Оръ.	зервуаръ воды, окруженный деревьями и служащій мѣстомъ для собраній.
2. Кеотерхане.	
3. Мивесгамъ, гдѣ продаются фрукты.	7. Нанемезорама (2).
4. Мехтерабадъ.	8. Нуруллахбай.
5. Иенкале.	9. Багче.
6. Бала-Гавузъ, гдѣ есть большой ре-	10. Разанекъ.
1.) Дервазъ—Персидское слово, значить ворота.	
2.) Т. е. деревня, не употребляющая хлѣба.	

звучать; къ сожалѣнью, мечеть темна и многое внутри ея недоступно глазу. Въ самомъ храмѣ и на дворахъ его толпятся поклонники шейхія тешпаса, знающіе Коранъ наизусть вслѣдствіе частаго повторенія, и постоянно повторяютъ отрывки изъ него. 2) Джума-Месджиди, гдѣ бываетъ по пятницамъ ханъ и гдѣ читаются официальные хутбы (молитвы за царствующаго государя). 3) Хаммесджиди въ крѣпости. 4) Шалекеръ. 5) Атамурадъ-Кушбеги. 6) Карайюзмесджиди.

Медресе (Училища).

Число училищъ и ихъ матеріальное обезпеченіе служатъ въ Средней Азіи критеріумомъ степени процвѣтанія и религіозной образованности населенія; и принимая въ расчетъ ограниченныя средства, нельзя не подивиться усердію и готовности къ пожертвованіямъ всякаго рода со стороны хана и подданныхъ на устройство и обезпеченіе училищъ. Бухара, древнѣйшій центръ Исламической цивилизаціи въ Средней Азіи, можетъ служить образцомъ въ этомъ отношеніи; но и въ Хивѣ есть нѣсколько училищъ и изъ нихъ мы упомянемъ слѣдующія:

1) Медемивъ-Ханъ-Медресеси, построенная въ 1842 г. Персидскимъ архитекторомъ, по образцу Персидскаго первостатейнаго караван-серая. Съ права возвышается массивная башня, немного выше двухъ-этажной медресе, но недоконченная, вслѣдствіе смерти строителя. Въ этомъ училищѣ 130 келлій, на 260 студентовъ; оно получаетъ до 12.000 Хивинскихъ батмановъ пшеницы и до 5.000 тилла (2.500 ф. стерл.) деньгами. Чтобы дать читателю понятіе объ этихъ медресе, я передамъ способъ распредѣленія доходовъ, перечисливъ и личный составъ ихъ.

	Батманы.	Тилле.
5 Аходовъ (профессора) получаютъ ежегодно	3.000.	150.
1 Имамъ	2.000.	40.
1 Муэззинъ (призывающій къ молитвѣ)	200.	0.
2 слугъ	200.	0.
1 циркульникъ	200.	0.
2 Муттевали или инспектора получаютъ десятую долю всего дохода; остальные дѣлятся между студентами, которые раздѣляются на три класса:		
1-й классъ	60	4.
2-й "	30	2.
3-й "	15	1.

2) Аллахкули-Ханъ-Медресеси, съ 120 келлями. Ученики получаютъ въ годъ по 50 батмановъ и по 2 тилла (1 ф. стерл.).

3) Кутлугъ-Мурадъ-Инагъ-Медресеси. Каждая келья получаетъ по 55 батмановъ и по 3 тилла.

4) Арабъ-Ханъ-Медресеси, съ небольшимъ числомъ келій, но съ значительнымъ доходомъ.

5) Ширгази-Ханъ-Медресеси.

Эти медресе—единственныя зданія посреди глиняныхъ хижинъ, заслуживающія названія домовъ. Дворы ихъ по большей части чисты,

*) Сокращеніе изъ Махеммедъ-Эмиръ.

усажены деревьями или превращены въ сады. Мы послѣ поговоримъ о предметахъ преподаванія, теперь же замѣтимъ мимоходомъ, что самыя чтенія производятся въ кельяхъ профессоровъ, отдѣльнымъ группамъ учениковъ, распределеннымъ сообразно со степенью ихъ умственныхъ способностей.

Полиція.

Въ каждомъ кварталѣ города есть мирабъ, отвѣчающій въ теченіи дня за общественный порядокъ въ своемъ участкѣ. Послѣ солнечнаго заката онъ передаетъ свою обязанность четыремъ пашебамъ (главнымъ сторожамъ), обязаннымъ проводить всю ночь у крѣпостныхъ воротъ. У каждого изъ нихъ по восьми помощниковъ, исполняющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности палачей. Всѣ они, числомъ до тридцати двухъ, обходятъ городъ и арестуютъ всѣхъ, кто показывается на улицахъ послѣ полуночи. Особенное ихъ вниманіе устремлено на воровъ и героев интригъ, запрещенныхъ закономъ: горе застигнутымъ въ *flagrante delicto!*

В. Ханъ и его правительство.

Едва ли нужно пояснять, что Хивинскій ханъ можетъ распоряжаться деспотически, произвольно, собственностью и жизнью своихъ подданныхъ. Какъ полновластный владѣлецъ страны, онъ то же что отецъ въ семьѣ. Какъ глава семьи иногда выслушиваетъ раба, такъ ханъ иногда выслушиваетъ министровъ своихъ; но капризному произволу его власти нѣтъ преградъ и предѣловъ. Только иногда улемы, замѣчательной ученостью и примѣрной жизнью снискавшіе себѣ любовь народную, держатъ хана въ нѣкоторомъ страхѣ. Таковы впрочемъ всѣ правительства въ Азіи, но этаго не слѣдуетъ приписывать неудовлетворительности или совершенному отсутствію правительственныхъ формъ. Безхарактерности и недостаточности благородныхъ чувствъ, что всегда, на всемъ Востокѣ, было и будетъ поводомъ къ преступленіямъ правителей.

Въ составъ Хивинской конституціи, Монгольскаго происхожденія, входятъ:

1. Ханъ или падиша, избираемый изъ побѣдоноснаго племени.
2. Четыре инага *), изъ которыхъ два—ближайшіе родственники государя, а два другіе тоже изъ одного съ нимъ племени. Одинъ изъ первыхъ—непремѣнно управляетъ провинціей Гезареспомъ.
3. Накибъ, духовный владыка, непремѣнно изъ сеидовъ (потомковъ пророка). Онъ состоитъ въ одномъ званіи съ шейхъ-уль-исламомъ въ Константинополѣ **).

*) Булвальный смыслъ слова: младшій братъ.

***) Въ Константинополѣ накибъ-уль-шрефъ, глава сеидовъ, ниже званіемъ шейхъ-уль-ислама.

4. Би, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ беимъ; би въ сраженіяхъ долженъ непремѣнно быть по правую руку хана.

5. Аталикъ, родъ совѣтниковъ, число которыхъ опредѣляется ханомъ.

6. Кушбеги *).

7. Мехтеръ, родъ чиновника внутреннихъ дѣлъ. Мехтеръ всегда долженъ быть изъ Сартовъ (древняго, Персидскаго населенія Хивы).

8. Два есаулбаши, обязанныхъ вводить желающихъ на аудіенціи въ арзъ. Диванъ, родъ секретаря и вмѣстѣ съ тѣмъ счетчикъ, состоитъ въ томъ же званіи.

9. Два мехрема—каммергеры и довѣренныя лица, всегда пользующіеся большимъ вліяніемъ на хана и его правительство.

10. Минбаши, командиръ 1,000 всадниковъ **).

11. Юзбаши, командиръ 100 всадниковъ.

12. Онбаши, командиръ 10 всадниковъ.

Эти двѣнадцать подраздѣленій составляютъ оффиціальныя классы лицъ и называются сипаги. Они сверхъ того раздѣляются на такихъ, которыхъ ханъ не можетъ смѣнить, и на имѣющихъ постоянную стипендію. Остальные состоятъ на службѣ во время войны.

Высшихъ чиновниковъ награждаютъ землями, а регулярныя войска получаютъ отъ хана лошадей и оружіе и изъяты отъ податей и налоговъ.

Улема или духовенство, подъ начальствомъ накиба, состоитъ изъ:

1. Кази-келана, верховнаго судьи и юриста всего ханства.

2. Кази-орду, сопровождающаго хана въ походахъ въ качествѣ верховнаго судьи.

3. Алема, главы пяти муфти.

4. Реиса, инспектора школъ, и наблюдающаго за исполненіемъ законовъ религіи.

5. Муфти, по одному въ каждомъ значительномъ городѣ.

6. Ахондовъ—элементарныхъ учителей.

Первые три принадлежатъ къ высшему оффиціальному классу и получаютъ большое жалованье отъ хана. Остальные получаютъ стипендіи изъ вакфовъ (благотворительныхъ учрежденій) деньгами и сырыми матерьялами; сверхъ того ханъ дѣлаетъ имъ различные подарки въ теченіи года, въ праздники курбана и норуза. Хивинскіе улема не такъ славятся ученостью, какъ улема Бухарскіе, но зато они не такъ надменны и заносчивы. Многіе изъ нихъ искренно желаютъ улучшенія своихъ соотечественниковъ, на сколько возможно, и стараются смягчить грубость нравовъ, произведенную постоянными войнами.

Подати.

Подати въ Хивѣ раздѣляются на два разряда:

а) Сальгитъ, соотвѣствуетъ нашему поземельному налогу. Съ

*) Визирь или первый министръ хана, зависящій безусловно отъ его произвола.

***) Всего войска въ распоряженіи Хивинскаго хана—до 20,000 человекъ, но въ случаѣ надобности это число можетъ быть удвоено.

каждаго участка земли, годнаго для обработки, въ десять танабъ (одинъ танабъ равенъ шестидесяти квадратнымъ аршинамъ), ханъ получаетъ восемнадцать тенге (около десяти шиллинговъ). Отъ этаго налога изъяты воины (нукеръ или атли), улема и ходжа (потомки пророка).

б) Зекать (таможенный сборъ), на основаніи котораго съ каждого ввозимаго предмета взимается по 2½ процента стоимости. Съ воловъ, верблюдовъ и лошадей—по тенге съ головы *), а съ овецъ по полу-тенге; и эта подать взимается ежегодно съ постоянныхъ жителей ханства.

Сборъ салгыта предоставленъ кушбеги и мехтеру, которые съ этою цѣлю ежегодно объѣзжаютъ главные округа и поручаютъ яшолу (старикамъ) сборы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Сборъ салгыта контролируется любимымъ мехремомъ хана, обязаннымъ вмѣстѣ съ секретаремъ кочевья племена; и такъ какъ нѣтъ возможности считать скотъ, то онъ каждый годъ устанавливаетъ известную сумму по условію съ яшолу. Въ сущности, большая часть этаго сбора идетъ въ карманъ мехтера; и хана въ прошломъ году увѣрили, что у Каракалпаковъ всего только 6,000 воловъ, у Юматовъ и Чодоровъ—3,000 овецъ, что составляетъ не болѣе трети дѣйствительной наличности.

Судопроизводство.

Судопроизводство производится въ мечетяхъ и на дому у кази и муфти, на отвѣтственности которыхъ лежатъ судейскія обязанности. Но каждый можетъ приносить просьбу губернатору города или провинціи, который произноситъ рѣшеніе по урфу (то-есть какъ ему вздумается). Каждый губернаторъ и даже самъ ханъ долженъ имѣть ежедневно публичный приемъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ часовъ; отъ исполненія этой обязанности можетъ уволить только одна болѣзнь; и такъ какъ никому не должно быть отказываемо въ доступѣ, то государь часто принужденъ выслушивать и разбирать самыя ничтожныя семейныя распри своихъ подданныхъ. Мнѣ сказывали, что ханъ очень любитъ выслушивать споры женатыхъ людей и самъ старается при случаѣ подзадоривать ихъ. Отецъ подданныхъ часто держится за бока отъ хохота, смотря, какъ мужъ и жена таскаютъ другъ друга по двору, до тѣхъ поръ пока въ наноможеніи не упадутъ на землю.

С. Хивинское Ханство.

Хивинское ханство, известное въ исторіи подъ именемъ Харезма **) и называемое сосѣдями Ургенджемъ, окружено со всѣхъ сторонъ.

*) Съ лошадей, впрочемъ, платятъ только тѣ, у которыхъ больше десяти лошадей, что составляетъ стадо.

**) Харезмъ—слово Персидское, значить военственный.

степями; на юго-востокъ оно граничитъ съ Фитневоиъ, на сѣверо-западѣ съ Куингратоиъ и Кѣне-Ургенджеиъ, на югѣ съ Медениноиъ и Кекчегоиъ. Я не стану сообщать поверхностнаго измѣренія земель, населенныхъ осѣдлыми жителями, или точно опредѣлять число ихъ и ограничусь только сообщеніемъ по возможности полныхъ топографическихкихъ свѣдѣній о ханствѣ, предоставляя географу, если ему заблагоразсудится, выводить географическія данныя.

Здѣсь я считаю возможнымъ упомянуть о необыкновенной плодородности почвы, происходящей не столько отъ употребляемыхъ способовъ обработки, сколько отъ отличной ирригаціи и плодотворныхъ водъ Аму-Дары.

Каналы.

Въ Хивѣ два рода каналовъ: а) арна или каналы, образуемые самой рѣкой, и б) япъ или каналы шириной въ одну или двѣ сажени и по большей части наводняемые арнами. Этими янами вся обрабатываемая земля покрыта какъ сѣтью. Изъ арна особенно замѣчательны: 1) Хазрети-Пегливанъ-Арнаси, который начинается между Фитневоиъ и Хезареспоиъ, проходитъ по Хивѣ и теряется въ пескахъ, пройдя Зей и Иомутскую область.

2) Газаватъ-Арнаси, между Ханкой и Енги-Ургенджеиъ, проходитъ на западъ до Газавата и теряется въ Иомутской области.

3) Шахбатъ-Арнаси начинается выше Енги-Ургенджа, проходитъ черезъ Шабатъ-Ташъ-хаузъ и Иллали, и пропадаетъ въ Кекчегѣ.

4) Ярмышъ-Арнаси начинается противъ Шахбаза-Вели и течетъ Кіатъ-Куингратоиъ и Енги-Ургенджеиъ.

5) Киличбай-Арнаси раздѣляетъ Хитай и Герленъ, проходитъ черезъ Иллали и исчезаетъ въ пескахъ за Кекчегоиъ.

6) Ходжайлы-Арнаси. На другомъ берегу находятся:

7) Шураханъ-Арнаси, начинается въ мѣстности того же имени и пройдя черезъ Икенари и Аккамышъ, исчезаетъ на сѣверо-востокѣ.

8) Итгазаръ-Ханъ-Арнаси, протекающій черезъ землю Каракалпаковъ.

Раздѣленіе.

Политическое раздѣленіе Хивы соответствуетъ числу городовъ, имѣющихъ отдѣльныхъ баявъ или губернаторовъ. Каждый таиой городъ носить одно названіе съ своимъ округомъ. Въ настоящее время существуетъ слѣдующее раздѣленіе. Самый интересный городъ—Хива какъ столица, затѣмъ Енги-Ургенджъ, замѣчательный мануфактурами. Кѣне-Ургенджъ, прежде столица ханства, а теперь жалкая деревушка; теперь отъ прежняго ея великолѣпія остались только: а) двѣ разрушенныя башни, въ томъ же самомъ массивномъ видѣ, какъ и всѣ зданія Средней Азии; преданіе говоритъ, что башни эти разрушены Калмыками; б) храмъ Теребегъ-Хана, построенный изъ очень красивыхъ, кирпичей, и с) Мазлумъ-Ханъ-Солугу.

Главные города или джамия съ деревнями, принадлежащими къ нимъ, и ихъ разстояніе отъ Аму-Дарыи.

Имена.	Разстояніе отъ Аму-Дарыи.	Деревни.
	Ташъ или мля.	
1. Хива	6	На западъ: Бедрханъ, Книникъ, Агъ-ляпъ, Хасіанъ, Ташаякъ, Тейесичти. На югъ: Оаршани, Шибларъ, Ра-еенекъ, Энгериакъ, Пескеникъ, Пер-наказъ, Аммедидъ. На востокъ: Сайбатъ, Къатъ, Ших-баги, Кестебагъ. На сѣверъ: Гендумгагъ, Переше, Халиль, Нейзахасъ, Гаукъ, Чарах-шинъ, Зиршейтъиъ Ордунванъ. Дженгетъ, Шихарикъ, Ходжаларъ, Химедбаба, Битъякчи, Ишантешепе, Вагагъ, Ногманъ, Вешарикъ.
2. Газареспъ	1	Гайбулу Шабатбою, Бучиларъ, Оросларъ, Сабунджи, Ахонбаба, Ка-рамаза Кипчакларъ.
3. Бяги-Ургендикъ	1	Кіетъ, Ногай, Сарсаръ, Самаръ.
4. Кунградъ	На берегу	Камышли Кукъ, Конгрудларъ, Кар-заларъ Ярымшбою, Бастирмали.
5. Ташъ-Хаузъ	6	Джелларъ, Ионушкали, Ошнимъ, Ве-зиръ, Алчинъ, Башкиръ, Ташкали, Каргали.
6. Герленъ	1	Кетменджи Ата, Джарнике Найман-ларъ, Кемпшала, Дервинъ Ходжа.
7. Ходжа-Или	2	
8. Чиббай,	На другомъ берегу.	
9. Шагбагъ	4	Ходжаларъ, Кестерхане, Кекла-мкинъ.
10. Шураханъ	На другой сторонѣ.	
11. Бягиджъ-бай	4	Халиибегъ Вагалагъ Альели-бою, Бозаяпбою.
12. Мангидъ	1/2	Перманача, Кіатларъ, Кенегезъ.
13. Кипчакъ	На берегу.	Басуяпбою, Ногай ишанъ, Банд-жиргали, Калыларъ.
14. Хитай	1 1/2	Алкумъ, Иомурлугомъ, Булауду.
15. Андербенданъ-Джамли	7	
16. Кіетъ	2	
17. Ханна	1	Медеръ, Годше, Ходжаларъ, Ша-галларъ.
18. Фитнекъ	2	
19. Шабазъ-Вели	2	
20. Джагатай	4 1/2	
21. Амбаръ	5	Бастирмали, Вейсганка джессы.
22. Тенги-Я	} На противо-положномъ берегу.	
23. Нокъ		Алчинъ, Везиръ.
24. Кенекъ	9	
25. Кене-Ургендикъ	6	
26. Кіатъ-Кунградъ (между Герленомъ и Бяги-Ургендикомъ)	2	
27. Нахланъ (между Ханной и Газареспомъ)	2	

Имена.	Расстояніе отъ Аму-Дарьи.
28. Рахметъ-бирдибегъ (возлѣ горы Овейсъ Караайтъ)	На противо-положномъ берегу.
29. Кангли	1
30. Илали	8
31. Кошкепюръ	—
32. Газавать	6

В. Произведенія, Мануфактура и Торговля Хивы.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о плодородіи Хивинской почвы; теперь мы прибавимъ, что она особенно замѣчательна: хлѣбомъ, рисомъ, шелкомъ, хлопчатой бумагой, руяномъ — родъ корня, изъ котораго добывается отличная красная краска. Хивинскіе фрукты такъ хороши, что подобные имъ едва ли можно найти не только въ Персіи и Турціи, но даже въ самой Европѣ; особенно замѣчательны яблоки изъ Гезареспя; груши и гранаты изъ Хивы и несравненные, восхитительныя дыни, извѣстныя до отдаленнаго Пекина, такъ что владыка Небесной имперіи никогда не забываетъ при случаѣ попросить нѣсколько Ургенджскихъ дынь. Эти дыни стоятъ въ высокой цѣнѣ даже въ Россіи и за возъ зимнихъ дынь даютъ возъ сахара.

Что касается до Хивинскихъ мануфактуръ, то особенно замѣчательны родъ одежды изъ Ургенджа; ее ткуть изъ двухъ нитокъ шерстяныхъ или шелковыхъ, двухъ различныхъ цвѣтовъ. Хива славится мѣдными издѣліями, Гезареспъ всякаго рода одеждой, особенно женской, а Ташъ-Хаузъ — полотномъ. Главная торговля ведется съ Россіей. Караваны изъ одной до двухъ тысячъ верблюдовъ отправляются въ Оренбургъ весной и въ Астрахань осенью съ хлопкомъ, шелкомъ, кожами, разнымъ платьемъ для нагайскихъ Татаръ, шагреновой кожей и фруктами (для Нижняго къ Макарью). Обратныя они привозятъ: котлы и другую посуду изъ чугуна, ситцы, сорта, употребляемые у насъ на обивку мебели, а здѣсь на переда женскихъ рубашекъ, тонкую кисею, коленкоръ, сахаръ, желѣзо, ружья низшаго достоинства и незначительное количество модныхъ товаровъ. Значительную статью вывоза составляетъ рыба, которой впрочемъ много и у самихъ Русскихъ. Они охраняютъ ее тремя пароходами, стоящими на Аральскомъ морѣ и спускающимися до Кунграта на основаніи трактата, заключеннаго послѣднимъ Русскимъ посольствомъ, бывшимъ въ Хивѣ. Съ Персіей и Гератомъ торговля незначительная, потому что дороги, ведущія туда, заняты Туркменами. Сообщение между Хивою и Астрабадомъ совершенно въ рукахъ Юматовъ, которые отправляютъ туда ежегодно отъ 100 до 150 верблюдовъ, нагруженныхъ самшитомъ (для выдѣлки гребенокъ) и нефтью. Съ Бухарой напротивъ торговля сношенія очень дѣятельныя. Туда везутъ платья и полотна и получаютъ обратно чай, пряности, бумагу и разные модные товары тамошняго издѣлія. Для внутренней торговли въ каждомъ городѣ и каждую недѣлю бываетъ по одной и по двѣ ярмарки; даже въ мѣстностяхъ, предоставленныхъ исключительно номадамъ и гдѣ домовъ вовсе не существуетъ, есть мѣста для базара

(базарли-джай), состоящаго изъ одной или нѣсколькихъ глиняныхъ хижинъ. Ярмарки здѣсь всегда имѣютъ видъ праздниковъ. На нихъ съѣзжаются за десять и двѣнадцать миль, чтобы купить нѣсколько иглокъ и тому подобныя пустяки, но въ сущности всѣхъ влечетъ стремленіе показать себя и посмотреть людей, потому что въ подобныхъ случаяхъ всѣ являются на отличныхъ лошадяхъ, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ и увѣшанные самымъ лучшимъ оружіемъ.

Е. Населеніе Ханства.

Хива населена Узбеками, Турменами, Каракалпаками, Касаками или Киргизами, Сартами и Персіянами.

1. Узбеки.

Тагъ называется народъ, по большей части осѣдлый и занимающійся земледѣліемъ. Они живутъ на югѣ Аральскаго моря до Комула (сорокъ дней разстоянія отъ Кашгара) и считаются преобладающимъ племенемъ во всѣхъ трехъ ханствахъ. Они раздѣляются на тридцать два главныхъ таифе *).

Это дѣленіе старо, но замѣчательно, что всѣ эти отдѣльныя племена или колѣна и роды безразлично населяютъ вышеупомянутыя пространства, и удивительно, и даже невѣроятно, что Узбеки въ Хивѣ, Боканѣ и Яркандѣ, различные по языку, обычаямъ и физіономіи, считаютъ себя не только членами одной и той же націи, но одного и того же племени или рода.

Я замѣчу здѣсь только, что большая часть племенъ имѣетъ представителей въ Хивѣ и что Хивинцы справедливо гордятся чистотою древней Узбекской національности, противопоставляя ее Бухарѣ и Кашгару. Съ перваго взгляда, въ Хивинскомъ Узбекѣ очевидна примѣсь Иранскихъ элементовъ; у него напримѣръ есть борода, представляющая своей формой иноземную особенность въ жителѣ Туркестана, но зато лицо и тѣлосложеніе чисто Татарскаго происхожденія. Даже по характеру, Хивинскій Узбекъ лучше своихъ соплеменниковъ. Онъ честенъ и откровененъ, у него дикая простая натура окружающихъ его номадовъ, безъ утонченнаго лукавства Восточной цивилизаціи. Его можно поставить рядомъ съ чистымъ Туркменскимъ Османли и про обоихъ можно сказать, что изъ нихъ выйдетъ чтонибудь путное.

Хива не такъ посвящена въ Исламъ, какъ Бухара; вслѣдствіе этого Хивинскіе Узбеки сохранили не только многіе языческіе обычаи, но многіе и изъ религіозныхъ обрядовъ Парсовъ. Страсть къ музыкѣ

*) 1. Кунгратъ; 2. Кипчакъ; 3. Хитай; 4. Мангытъ; 5. Ноксъ; 6. Найманъ; 7. Куланъ; 8. Кіеть; 9. Азъ; 10. Тазъ; 11. Сайятъ; 12. Джегатай; 13. Уйгуръ; 14. Айбетъ; 15. Дормень; 16. Ошунъ; 17. Канджигалы; 18. Нагай; 19. Балгаан; 20. Мителъ; 21. Джеламуръ; 22. Кенегезъ; 23. Канан; 24. Ичкили; 25. Багурлю; 26. Алчинъ; 27. Ачмайли; 28. Каракурсакъ; 29. Вирмулакъ; 30. Тыркишъ; 31. Кеттесеръ; 32. Мингъ.

и народной Тюркской поэзіи гораздо сильнѣе развита въ номадахъ Средней Азіи, чѣмъ въ другихъ націяхъ, и здѣсь сохранилась полнѣе, чѣмъ въ Кокандѣ, Бухарѣ и Кашгарѣ. Хивинскіе музыканты на джугарѣ (двухструнной гитарѣ) и на кобозѣ (лютнѣ) въ большой славѣ по всему Туркестану; и не только Невадъ, величайшій изъ Узбекскихъ поэтовъ, завѣстенъ всѣмъ и каждому, но не проходитъ десяти лѣтъ безъ того, чтобы не появился какой нибудь лирикъ втораго или третьяго разряда. Я познакомился въ Хивѣ съ двумя братьями; одинъ, Мунисъ, писалъ отличныя поэмы (я намѣренъ издать нѣкоторыя изъ нихъ), а другой, Мирабъ, имѣлъ необыкновенное терпѣніе перевести на Узбеко-Тюркское нарѣчіе большое историческое произведеніе Мирхонда, чтобы сдѣлать его болѣе доступнымъ сыну, не смотря на то, что тотъ былъ знакомъ съ Персидскимъ языкомъ. Переводъ продолжался двадцать лѣтъ, но ему было стыдно сознаться въ этомъ кому нибудь, потому что человѣкъ, занимающійся какой нибудь другой научной отраслью, а не религіей,—считается тамъ очень поверхностнымъ.

Прошло много вѣковъ со времени ихъ перваго поселенія, а на Хивинскихъ обычаяхъ еще ясны слѣды первыхъ, героическихъ временъ. У нихъ не рѣдки мимическія сраженія, ратоборства, состязанія и конскія скачки; выигравшаго ожидаетъ блестящая награда. Каждая знатная свадьба сопровождается скачкой на 9, 19, 29, т. е. выигравшій получаетъ отъ учредителя празднества, со всего его имущества или части его: 9, 19, 29—напримѣръ 9 овецъ, 19 козловъ, и т. д. Это частѣе составляетъ значительную сумму. Менѣе значительны состязанія въ такъ называемомъ кербери (зеленомъ волкѣ), о которомъ мы упоминали, говоря о Туркменахъ. Въ Хивѣ есть праздники и состязанія, устроенныя первобытными жителями—поклонниками огня. Они были и въ другихъ частяхъ Средней Азіи до введенія Ислама, но теперь совершенно исчезли и забыты.

2. Туркмены.

Объ нихъ мы говорили подробно. Въ Хивѣ изъ нихъ находятся:
а) Томуты, живущіе по окраинамъ степи, отъ Кене до Газавата, въ области Караильгинъ, Кекчечъ, Узбегіяпъ, Бедркендъ и Медеминъ.
б) Чодоры, кочующіе тоже около Кене, но болѣе на западъ, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, Гекленовъ здѣсь не много.

3. Каракалпаки.

Живутъ по ту сторону Аму-Дарьи, противъ Герлена, въ мѣстности чрезвычайно лѣсистой, и занимаются скотоводствомъ. Каракалпаки хвастаютъ красотой своихъ женщинъ, но съ другой стороны, сами они слывятся совершенными идиотами и я слышалъ много анекдотовъ, подтверждающихъ этотъ фактъ. У нихъ десять главныхъ племенъ и до 10,000 палатокъ. Они съ незапамятныхъ временъ въ подданствѣ у Хивы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ они возстали подъ предводительствомъ Айдоста, осадили Кунградъ, но были наконецъ разбиты Мехеммедъ-Регимъ-Ханомъ. Не прошло восьми лѣтъ, какъ они

снова возстали съ предводителемъ своимъ Зарлигомъ, у котораго, говорятъ, было до 20,000 всадниковъ. Это возстаніе сопровождалось страшнымъ грабежомъ и наконецъ было подавлено и уничтожено Кутлугъ-Мурадомъ. Последнее возстаніе было три года тому назадъ, при Эръ-Назаръ, который построилъ себѣ крѣпость и не смотря на то былъ побѣжденъ.

4. Касаки (Киргизы).

Изъ нихъ весьма немногіе остались въ подданствѣ Хивы, а остальные подпали подъ власть Россіи. Мы еще поговоримъ объ нихъ, когда рѣчь дойдетъ до Бухары.

5. Сартъ.

Въ Бухарѣ и Коканѣ ихъ называютъ Таджикиами. Это потомки древне-Персидскаго населенія Харезма. Число ихъ весьма ограничено. Они мало-по-малу перемѣнили свое Персидское нарѣчіе на Тюркское. Сартъ, такъ же какъ Таджики, отличается силой и изяществомъ пріемовъ. Они не особенно ладятъ съ Узбеками и не смотря на то, что жили вмѣстѣ пять столѣтій, очень немного браковъ устраивается между ними.

6. Персіяне.

Они или рабы, которыхъ здѣсь до 40,000, или вольноотпущенные, кромѣ небольшой колоніи въ Акдербандѣ и Джамли. Въ матеріальномъ отношеніи рабамъ въ Хивѣ не дурно. Они скоро богатѣютъ и многіе изъ нихъ, выкупившись на волю, предпочитаютъ селиться на мѣстѣ и не возвращаются въ Персію. Въ Хивѣ рабовъ называютъ догма, а потомковъ ихъ — ханезадами (въ домѣ рожденными). Клеймо рабства изглаживается только въ третьемъ поколѣніи.

Г. Матеріалы для исторіи Хивы въ XIX столѣтіи.

1. Мехеммедъ-Эминъ-Инагъ.

Когда Надиръ Шахъ, безъ боя овладѣвшій ханствомъ, внезапно удался отъ дѣлъ, Киргизы Малой орды или Касаки съ Верхняго Юрта, какъ они сами себя называли, — взяли за управленіе дѣлами въ Хивѣ. Они правили до конца послѣдняго столѣтія, когда возсталъ Узбекскій предводитель изъ племени Конрада и заявилъ притязанія на престолъ. Его звали Мехеммедъ-Эминъ-Инагъ (1792—1800) и въ этомъ названіи выражалось происхожденіе его отъ послѣдней, Узбекской царской фамилии. Ему удалось собрать небольшую армію и выступить противъ Касакаго предводителя. Онъ впрочемъ былъ разбитъ сильнѣйшимъ соперникомъ и принужденъ бѣжать въ Бухару, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ уединеніи. Партизаны его продолжали борьбу и имѣли успѣхъ; тогда къ нимъ снова присоединился Мехеммедъ-Эминъ и на этотъ разъ успѣлъ прогнать Касаковъ. Взойдя на престолъ, онъ сдѣлался основателемъ нынѣ царствующей фамиліи, какъ видно изъ прилагаемой генеалогической таблицы. (См. на оборотѣ).

ГЕНЕАЛОГИЯ ЦАРСТВУЮЩЕЙ ДИНАСТИИ ВЪ ХИВЬ.

I. Мехмендъ - Эминъ - Инагъ.
1792—1800.

II. Илгааръ-Ханъ.
1800—4.

III. Мехмендъ-Регентъ-Ханъ.
1804—26.
У него 6 сыновей.

Кутлугъ-Муратъ-Инагъ.
У него 3 сына.

Регентъ-бэрдъ-Тере.

Рахманъ-бэрдъ-Тере.

Абулла-Бегъ.
Правилъ несколько дней.

Мехреть-Юсуфъ-Бегъ.

Ивадуллахъ-Бегъ.

Сынъ, наследовавшій престолъ.

IV. Аллахъ-Були-Ханъ.
1826—41.
Сенгъ-Махмудъ-Тере,
отказался въ пользу млад-
шаго брата Сенгъ-Мехмеда.

Сенгъ-Эссадъ-Тере.

Тагрикунъ.

IX. СЕНИДЪ-МЕХЕММЕДЪ-ТЕРЕ,
нынь царствующій Ханъ.

Рахманъ-Куль.

Мехмендъ-Ходжа-Тере.

Султанъ-Гаян-Тере.

Султанъ-Мехмедъ-Тере.

Абуллазизъ-Тере.

VI. Мехмендъ-Эминъ-Ханъ.
1843—55.
У него 2 сына.

V. Регентъ-Були-Ханъ.
1841—43.

VII. Абулла - Ханъ.
1855.

VIII. Бутлугъ-Муратъ-Ханъ. 3 сына.

2. Илгазарь-Ханъ (1800—1804).

Велъ войну съ Бухарой, которая поддерживала падающую власть Касаковъ. Пока онъ былъ около Чарджуи, Юмуты, по внушенію Бухарцевъ, бросились на Хиву, завладѣли ею и разграбили ее. Илгазара на возвратномъ пути преслѣдовали Бухарцы и онъ погибъ въ водахъ Аму-Дарьи. Ему наследовалъ сынъ его:

3. Мехеммедъ-Регимъ (1804—1826.).

Называемый также Медрегимъ. Онъ немедленно поднялъ оружіе на Юматовъ, выгналъ ихъ изъ столицы и заставилъ горько помнаться за взятую ими добычу. Такъ же успѣшна была его встрѣча съ Каракалпаками. Онъ ихъ заставилъ подчиниться своей власти. Онъ не былъ такъ счастливъ въ Кунградѣ, гдѣ права его на престолъ оспаривалъ одинъ изъ его родственниковъ. Борьба продолжалась 17 лѣтъ. Замѣчательно, что во все это время Кунградъ былъ въ осадномъ положеніи; и упрямый защитникъ, смѣясь надъ тщетными усиліями врага, закричалъ ему однажды съ вершины башни: „Три мѣсяца кислаго молока, три мѣсяца дыни, три мѣсяца тыквы, три мѣсяца рыбы“, — являя такимъ образомъ, что онъ имѣетъ пищу на всѣ четыре времени года, не выходя изъ предѣловъ города; что ему вовсе не нужно голода и что онъ можетъ еще долго выдерживать осаду, не страдая отъ голода.

Чтобы отомстить за смерть отца, Медрегимъ пошелъ на Бухару, гдѣ въ то время бразды правленія держалъ Эмиръ-Сеидъ, слабоумный государь, корчившій изъ себя дервиша. Хивинцы разорили множество городовъ, взяли очень многихъ въ плѣнъ и подошли къ самой Бухарѣ. Эмиръ, въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ, сказалъ: „У меня есть Регистанъ *) и мнѣ бояться нечего.“ Медрегимъ возвратился домой съ огромной добычей. Въ концѣ правленія, онъ поработилъ себѣ въ Астрабадѣ Текке и Юматовъ.

4. Аллахъ-Кули-Ханъ (1826—1841).

Наслѣдовалъ отъ отца полную казну (казну) и значительное вліяніе на всѣхъ сосѣдей. Старанія сохранить то и другое вовлели его въ нѣсколько войнъ. Въ Бухарѣ слабому Сеиду наследовалъ энергическій Насръ-Улла и началъ войну, чтобы отомстить за поражение отца. Въ этой войнѣ Хивинскій государь былъ разбитъ на голову.

*) Мѣсто общественныхъ сходокъ въ Бухарѣ.

Въ это время пришло извѣстiе, что Русскiе двинулись изъ Оренбурга къ Хивѣ и что Бухарскiй эмиръ дѣйствовалъ враждебно только вслѣдствiе внушенiй невѣрныхъ. Говорили, что у Московитовъ болѣе восьмидесяти тысячъ войска и до ста пушекъ. Всѣ были въ ужасномъ смятенiи, долго ждали помощи отъ „Инглизовъ“ изъ Герата и наконецъ ханъ рѣшился отправить десять тысячъ всадниковъ, подъ предводительствомъ Ходжа-Нязбая, противъ Русскихъ, которые уже пробрались до озера Антіолу, въ шести миляхъ отъ Кунграта. Хивинцы рассказываютъ, что они напали на непрiятеля въ расплохъ и что восплѣдовала давно невиданная и неслыханная рѣзня. Множество было взято въ плѣнъ; и мнѣ показывали въ Кунгратѣ двухъ Русскихъ, которые остались плѣнниками послѣ этаго сраженiя, перешли въ исламъ и вслѣдствiе этаго были освобождены ханомъ, который осыпалъ ихъ подарками; они даже вступили тамъ въ бракъ. *)

Послѣ побѣды, въ благодарность Богу за счастливое окончанiе войны съ Русскими, Аллакули основалъ медресе (училище) и щедро его обезпечилъ.

Война съ Бухарой продолжалась; Геллены были тоже побѣждены и значительное число ихъ было отправлено въ Хиву, для увеличенiя населенiя. Старинный и странный обычай этой страны состоитъ въ томъ, что цѣлые племя или колѣно заставляютъ переселяться въ Хиву; здѣсь ихъ всячески обезпечиваютъ, но такъ такъ какъ враждебныя имъ чувства не исчезаютъ, то они остаются подъ близкимъ и постояннымъ надзоромъ.

5. Регимъ-Кули-Ханъ (1841—1843).

Наслѣдовалъ своему отцу и немедленно сразился съ Джемшидами, Персидскимъ племенемъ, живущимъ на восточномъ берегу Мургаба. Отъ взялъ у нихъ 10.000 палатокъ съ предводителями и составилъ изъ нихъ додоню на берегу Аму-Дарьи, около Килиджбая. Съ другой стороны, Сарики, въ то время господствовавшiе въ Мервѣ, начали враждовать съ Узбеками. Младшiй братъ хана, Медеминъ-Инагъ, былъ посланъ противъ нихъ съ 15.000 всадниками; но страшный переходъ отъ Хивы до Мерва стоилъ жизни многихъ солдатъ. Такъ какъ Бухарскiй эмиръ въ это время осаждалъ Гезареспъ, Инагъ повернулъ оружіе противъ него, разбилъ его и затѣмъ заключилъ миръ. Между тѣмъ Регимъ-Кули-Ханъ умеръ и бразды правленiя перешли къ

6. Мехеммедъ-Эминъ-Хану (1843—1855),

не по закону престолонаслѣдiя (потому что у покойнаго хана были сыновья), а по личнымъ заслугамъ. Мехеммедъ-Эминъ-Ханъ счелъ

*) Такъ рассказываютъ это событіе сами Хивинцы. Впрочемъ извѣстно, что экспедиція, отправленная противъ Хивы, подъ начальствомъ генерала Перовскаго, состояла всего изъ десяти или двѣнадцати тысячъ человекъ. Главная причина пораженiя Русскихъ заключалась безъ сомнѣнiя въ сильномъ холодѣ; измученное войско не въ силахъ было противостоять натиску свѣжихъ силъ Узбековъ.

2. *Илтазаръ-Ханъ* (1800—1804).

Велъ войну съ Бухарой, которая поддерживала падающую власть Касаковъ. Пока онъ былъ около Чарджуи, Юмуты, по внушенію Бухарцевъ, бросились на Хиву, завладѣли ею и разграбили ее. Илтазара на возвратномъ пути преслѣдовали Бухарцы и онъ погибъ въ водахъ Аму-Дарьи. Ему наслѣдовалъ сынъ его:

3. *Мехеммедъ-Регимъ* (1804—1862.),

Называемый также Медрегимъ. Онъ немедленно поднялъ оружіе на Юматовъ, выгналъ ихъ изъ столицы и заставилъ горько поплатиться за взятую ими добычу. Такъ же успѣшна была его встрѣча съ Каракалпаками. Онъ ихъ заставилъ подчиниться своей власти. Онъ не былъ такъ счастливъ въ Кунгратѣ, гдѣ права его на престолъ оспаривалъ одинъ изъ его родственниковъ. Борьба продолжалась 17 лѣтъ. Замѣчательно, что во все это время Кунгратъ былъ въ осадномъ положеніи; и упрямый защитникъ, смѣясь надъ тщетными усиліями врага, закричалъ ему однажды съ вершины башни: „Три мѣсяца кислаго молока, три мѣсяца дыни, три мѣсяца тыквы, три мѣсяца рыбы“,—заявляя такимъ образомъ, что онъ имѣетъ пищу на всѣ четыре времени года, не выходя изъ предѣловъ города; что ему вовсе не нужно хлѣба и что онъ можетъ еще долго выдерживать осаду, не страдая отъ голода.

Чтобы отомстить за смерть отца, Медрегимъ пошелъ на Бухару, гдѣ въ то время бразды правленія держалъ Эмиръ-Сеидъ, слабоумный государь, корчившій изъ себя дервиша. Хивинцы разорили множество городовъ, взяли очень многихъ въ плѣнъ и подошли къ самой Бухарѣ. Эмиръ, въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ, сказалъ: „У меня есть Регистанъ *) и мнѣ бояться нечего.“ Медрегимъ возвратился домой съ огромной добычей. Въ концѣ правленія, онъ поработилъ себѣ въ Астрабадѣ Текке и Юматовъ.

4. *Аллахъ-Кули-Ханъ* (1826—1841).

Наслѣдовалъ отъ отца полную казну (казну) и значительное вліяніе на всѣхъ сосѣдей. Старанія сохранить то и другое вовлекли его въ нѣсколько войнъ. Въ Бухарѣ слабому Сеиду наслѣдовалъ энергическій Насръ-Улла и началъ войну, чтобы отмстить за поражение отца. Въ этой войнѣ Хивинскій государь былъ сначала разбитъ на голову.

*) Мѣсто общественныхъ сходокъ въ Бухарѣ.

Но въ послѣдствіи Геклены были побѣждены и значительное число ихъ было отправлено въ Хиву, для увеличенія населенія. Старинный и странный обычай этой страны состоитъ въ томъ, что цѣлое племя или колено заставляютъ переселяться въ Хиву; здѣсь ихъ всячески обезпечиваютъ, но такъ такъ какъ враждебныя ихъ чувства не исчезаютъ, то они остаются подъ близкимъ и постояннымъ надзоромъ.

5. Регимъ-Кули-Ханъ (1841—1843).

Наслѣдовалъ своему отцу и немедленно сразился съ Джемшидами. Персидскимъ племенемъ, живущимъ на восточномъ берегу Мургаба. Онъ взялъ у нихъ 10.000 палатокъ съ предводителями и составилъ изъ нихъ колонію на берегу Аму-Дарьи, около Килиджбая. Съ другой стороны, Сарики, въ то время господствовавшіе въ Мервѣ, начали враждовать съ Узбеками. Младшій братъ хана, Медеминъ-Инагъ, былъ посланъ противъ нихъ съ 15.000 всадниками; но страшный переходъ отъ Хивы до Мерва стоилъ жизни многихъ солдатъ. Такъ какъ Бухарскій эмиръ въ это время осаждалъ Гезареспъ, Инагъ {вернулъ оружіе противъ него, разбилъ его и затѣмъ заключилъ миръ. Между тѣмъ Регимъ-Кули-Ханъ умеръ и бразды правленія перешли къ

6. Мехеммедъ-Эминъ-Хану (1843—1855),

не по закону престолонаслѣдія (потому что у покойнаго хана были сыновья), а по личнымъ заслугамъ. Мехеммедъ-Эминъ-Ханъ считается знаменитѣйшимъ Хивинскимъ государемъ новѣйшаго времени; онъ возвратилъ Харезму древніе его предѣлы, утраченные имъ 400 лѣтъ тому назадъ, и въ то же время подчиненіемъ всѣхъ окрестныхъ номадовъ возвысилъ репутацію ханства и значительно увеличилъ его доходы.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ его поднимали на *блгомо войлокъ*—церемонія, равносильная возшествію на тронъ въ Хивѣ и Коканѣ,—какъ онъ уже отправился лично противъ Сариковъ, храбрѣйшаго племени изъ всѣхъ Туркменъ; ему хотѣлось поработить себѣ плодородныя Мервскія равнины. Послѣ шести походовъ ему удалось завладѣть Мервскою крѣпостью и Иолотеномъ, другою близкою крѣпостью. Но какъ только онъ возвратился въ Хиву, опять взбунтовались Сарики и перерѣзали весь гарнизонъ, оставленный въ Мервѣ. Ханъ предпринялъ новый походъ, въ которомъ приняли участіе Джемшиды, старые враги Сариковъ. Они одержали побѣду, и къ великой досадѣ всѣхъ Узбекскихъ героевъ, съ триумфомъ вступили въ Хиву.

Поработивъ Сариковъ окончательно, Мехеммедъ или Медеминъ обратилъ оружіе на Текке, которые въ это время отказались платить ежегодную дань. Послѣ трехъ походовъ, въ которыхъ множество людей и животныхъ погибло въ степи, хану удалось все-таки завладѣть частью инсургентовъ. Онъ оставилъ ихъ подъ присмотромъ гарнизона, состо-

льшаго изъ Юматовъ и Узбековъ. Къ несчастью старшины перессорились, Юмутскій старшина возвратился въ Хиву и былъ, по приказанію разгнѣваннаго хана, сброшенъ съ высокой башни.

Всѣ Юмуты возстали противъ Мехеммедъ-Эмина за этотъ поступокъ; тайно согласившись съ Текке, они, немного позже, были виновниками его смерти. Между тѣмъ Мехеммедъ-Эминъ собралъ 40.000 всадниковъ изъ различныхъ номадовъ; часть ихъ отправилъ противъ Русскихъ, приближавшихся тогда къ Хивѣ по восточному берегу Аральскаго моря. Самъ же онъ отправился съ остальными въ Мервъ, чтобы однимъ ударомъ покончить нескончаемыя распри Туркменъ. Онъ взялъ Караяпъ и былъ готовъ осадить Сарахсъ (древній Сиринксъ), какъ вдругъ однажды, когда онъ сидѣлъ въ палаткѣ близъ Мерва, въ самой серединѣ своего стана, на него наскочило нѣсколько всадниковъ и несмотря на его крики: „я ханъ!“ ему отрубили голову, прежде чѣмъ кто-либо изъ его приближенныхъ успѣлъ придти на помощь. При видѣ грозной головы. (отосланной потомъ Туркменами въ подарокъ Персидскому шаху) *) войсками его овладѣла паника и они поспѣшно отступили.

7. Абдулла-Ханъ (1855—6).

Этаго государя встрѣтилъ на престолѣ раздоръ изъ-за правъ на царствованіе. Сейдъ-Махмудъ-Тере, претендентъ, по старшинству имѣвшій нѣкоторыя права на престолъ, обнажилъ саблю при всѣхъ сановникахъ и муллахъ и изъявилъ намѣреніе убить хана, чтобы немедленно воспользоваться своими правами. Его усмирили и заперли въ темницу. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Абдулла-Хана, начали волноваться Юмуты. Ханъ собралъ 2.000 всадниковъ и бросился на бунтовщиковъ. Дѣло кончилось неудачей. Узбеки были обращены въ бѣгство, а хана нашли въ числѣ первыхъ павшихъ и схоронили всѣхъ вмѣстѣ, въ одной общей могилѣ. Преемникомъ его былъ его младшій братъ:

8. Кутлугъ-Мурадъ-Ханъ,

правившій всего три мѣсяца. Онъ сражался рядомъ съ покойнымъ ханомъ и возвратился покрытый ранами. Онъ, не смотря на это, былъ готовъ продолжать войну, но Юмуты просили мира, обѣщая явиться съ повинными головами въ Хиву и выдать бывшего у нихъ въ плѣну двоюроднаго брата хана.

Кутлугъ-Мурадъ повѣрилъ ихъ обѣщаніямъ. Они дѣйствительно явились, но съ 12.000 войска. Ханъ принялъ брата, и тотъ обнявъ

*) Шахъ, имѣвшій основанія бояться Мединна—послѣ паденія Сарахса онъ вѣроятно пошелъ бы въ Мешгедъ,—отнесся съ почтеніемъ къ головѣ врага и построилъ для нея маленькую часовню у воротъ (Довлетъ). Но потомъ эта часовня была уничтожена, потому что благочестивые Шіиты принимали ее за могилу Имамзаде, святаго Шіита, и впадали нечаянно въ грѣхъ такимъ образомъ.

его,—пронзилъ его кинжаломъ. Ханъ упалъ, а Туркмены бросились на окружающихъ его.

Во время этой свалки, мехтеръ вышелъ на стѣну крѣпости и объявивъ народу о страшномъ преступленіи,—убѣждалъ Хивинцевъ перерѣзать всѣхъ Юматовъ. Разъяренная толпа ринулась на неприятелей. Они падали не только подъ саблями мужчинъ, но и подъ ногами женщинъ. Улицы были обогрены кровью и нужно было шесть дней, чтобы убрать трупы.

Съ недѣлю послѣ этой рѣзни Хива оставалась безъ государя. Выборъ толпы остановился на Сеидъ-Махмудъ-Тере, но онъ отказался въ пользу своего младшаго брата:

9. Сеидъ-Мехеммедъ-Хива (1856—до послѣдняго времени).

Неспособность этого государя слишкомъ извѣстна и читатель имѣлъ случай и самъ убѣдиться въ ней. Во время его правленія, Хиву разоряли междоусобныя войны съ Юмутами и колоніи, устроенныя предшествовавшими ханами, были уничтожены и опустошены. Пока Юмуты и Узбеки разоряли другъ друга и уводили у другъ друга женъ и дѣтей въ рабство, Джемшиды, руководствуясь пословицей: *Inter duos litigantes tertius est gaudens*, напали на невооруженное населеніе, разорили всю Хиву, отъ Килиджъ-бая до Фитнека, и съ богатой добычей, съ 2.000 Персидскихъ рабовъ, освободившихся въ общемъ смятеніи, возвратились на берега Мургаба.

Нищета, холера, чума, безлюдье поневолю привели къ миру. Но вскорѣ новый претендентъ на престоль, поддерживаемый Русскимъ вліяніемъ, по имени Мехеммедъ-Пенагъ, поднялъ знамя революціи и отправилъ посольство въ Астрахань умолять о покровительствѣ Русскаго Императора. Но когда Русскія субсидіи были истрачены, Мехеммедъ-Пенага убили собственные его партизаны, зачинщиковъ перевязали и отправили въ Хиву, гдѣ ихъ ожидала жестокая казнь.

ГЛАВА XVIII.

БУХАРА.

Городъ Бухара.—Ворота.—Кварталы.—Мечети.—Училища.—Училище царицы Екатерины.—Базары.—Политическая система.—Бухарское ханство.—Жители Узбеки, Таджики, Киргизы, Арабы, Мервы, Персияне, Индусы, Евреи.—Правительство.—Различные сановники.—Политическое раздѣленіе.—Армія.—Краткій очеркъ исторіи.

—
Ваstra regnata Cyro
Tanaisque discors.
НОВАСЪ, Ode iii. 29, 27—8.

—
Бухару можно объѣхать только развѣ въ день, говорили мнѣ, но на двѣй оказалось, что въ ея окружности не болѣе четырехъ миль. Окрестности, хотя довольно порядочно обработанныя, далеко уступаютъ окрестностямъ Хивы.

Въ Бухарѣ одинацать воротъ: Дервазъ-Имамъ, Д.-Мезаръ, Д.-Самаркандъ, Д.-Огланъ, Д.-Талпачъ, Д.-Ширгиранъ, Д.-Каракель, Д.-Шейхъ-Джелаль, Д.-Намазгягъ, Д.-Салахане, Д.-Карши.

Городъ раздѣляется на двѣ главныя части: Деруни-Шегръ (внутренній городъ) и Веруни-Шегръ (внѣшній городъ), и на нѣсколько кварталовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе: Магаллеи-Джуйбаръ, Хиабанъ, Миреканъ, Малькушанъ, Сабунгиранъ. Хотя въ предшествовавшей главѣ мы уже дали читателю нѣкоторое понятіе о большихъ зданіяхъ и публичныхъ мѣстахъ, сообщимъ здѣсь еще нѣсколько личныхъ нашихъ замѣчаній.

Мечети.

Бухарцы увѣряютъ, что въ ихъ столицѣ 365 мечетей, включая въ это число и маленькія и большія, такъ что благочестивый мусульманинъ можетъ всякій день перемѣнять мечеть. Но я, не смотря на всѣ старанія, могъ насчитать только половину этаго числа. Изъ нихъ только слѣдующія заслуживаютъ вниманія.

1. Мечеть Келанъ, построенная Тимуромъ, но возстановленная

Абдула-Ханомъ. Ее посѣщаютъ по пятницамъ, преимущественно потому, что тамъ въ эти дни бываетъ эмиръ.

2. Мечеть Диванбеги, съ резервуаромъ и медресе того же имени, построенная Незромъ въ 1029 году (1629). Этотъ Незеръ былъ диванбеги, т. е. статсъ секретаремъ эмира Иманкули-Хана.

3. Миреканъ.

4. Мечеть Могагъ, подземная, въ которой, судя по преданію, сходились первые мусульмане, какъ говорятъ одни, или послѣдніе поклонники огня, какъ говорятъ другіе. Первое свѣдѣніе кажется болѣе вѣроятнымъ, потому во первыхъ, что Гебры могли бы найти болѣе приличное мѣсто въ города, на открытомъ воздухѣ; а во вторыхъ множество куфическихъ надписей свидѣтельствуютъ объ Исламскомъ происхожденіи подземелья.

Медресе (училища).

Бухарцы славятся многочисленностью своихъ училищъ и по любимой своей привычкѣ—насчитываютъ ихъ до 365. Но въ сущности ихъ не болѣе 80. Самыя знаменитыя изъ нихъ слѣдующія:

1. Медресе Кокельташъ, построенная въ 1426 году; въ ней 150 келій и каждая стоитъ отъ 100 до 120 тилла *). Студенты перваго класса получаютъ ежегодно по пяти тилла.

2. М. Мирарабъ, построенная въ 1529 году, со 100 кельями, изъ которыхъ каждая стоитъ отъ 80 до 90 тила и приноситъ 7%.

3. Кошмедресе Абдулла-Хана, построенная въ 1372 году. Въ ней около 100 келій, но не такихъ дорогихъ, какъ предыдущія.

4. М. Джуйбаръ была построена въ 1582 году внукомъ знаменитаго ученаго и аскета того же имени. Она очень богата, каждая келья даетъ до 25 тилла, но въ ней много пустыхъ келій, потому что она находится на самомъ краю города.

5. М. Турсинджанъ, каждая келья приноситъ 5 тилла въ годъ.

6. М. Эрназаръ, основанная Императрицей Екатериной чрезъ ея посла. Въ ней 60 келій и каждая даетъ три тилла.

Мы должны замѣтить вообще, что Бухарскія и Самаркандскія училища служатъ причиной той громкой ученой извѣстности, которою пользуются высшія школы Средней Азіи, не только во всемъ Исламѣ, но и въ Европѣ. Готовность къ пожертвованіямъ, необходимымъ для созданія подобныхъ заведеній, можетъ быть ложно перетолкована поверхностнымъ наблюдателемъ и приписана какой нибудь высококонравственной побудительной причинѣ. Къ сожалѣнію, въ основаніи всего этаго лежитъ просто слѣпой фанатизмъ; и здѣсь теперь происходитъ то же, что было въ Средніе вѣка: за исключеніемъ немногихъ книгъ о логикѣ и философіи, все обученіе вертится на Коранѣ и религиозной казустикѣ. Порой находятъ люди, готовые заняться поэзіей или исторіей, но подобныя занятія должны быть сохраняемы въ тайнѣ, потому что ихъ относятъ къ пустякамъ, которыми заниматься грѣхъ. Студентовъ

*) При основаніи медресе, кельи отдаются даромъ, но вносладствіи ихъ можно пріобрѣтать только за опредѣленную плату.

насчитываютъ здѣсь до 5,000. Они стекаются сюда не только со всѣхъ сторонъ Средней Азіи, но и изъ Индіи, Кашмира, Афганистана, Россіи и Китая. Самые бѣдные получаютъ ежегодно пенсію отъ эмира, потому-то благодаря средствамъ этихъ медресе и ихъ строгому исламитскому направленію, Бухара пользуется духовнымъ вліяніемъ на окружающія страны.

Базары

Здѣсь совсѣмъ не такіе, какъ въ большихъ городахъ Персіи. Очень немногіе изъ нихъ со сводами, или построены изъ камня, самые большіе крыты или деревомъ или камышевыми циновками, растянутыми на высокихъ кольяхъ *). У каждаго базара есть свой особенный аксакалъ, отвѣчающій эмиру за порядокъ и за сборъ податей. Кромѣ базаровъ здѣсь есть около тридцати небольшихъ каравансераевъ, служащихъ или оптовыми складами, или для приѣма путешественниковъ.

Полиція.

Полицейское управленіе въ Бухарѣ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ городахъ Азіи. Днемъ рейсъ самъ обходитъ базары и публичныя мѣста или посылаетъ своихъ многочисленныхъ чиновниковъ и шпионовъ. Черезъ два часа по закатъ солнца никто не смѣетъ показываться на улицѣ. Сосѣдъ не смѣетъ посѣтить сосѣда и большой рискуетъ умереть отъ недостатка медицинской помощи, потому что эмиръ объявилъ, что миршебы (ночные сторожа) должны арестовать всѣхъ и даже его самага, если встрѣтятъ его на улицѣ въ запрещенные часы.

Бухарское Ханство.

Ханство граничитъ на востокъ съ Коканомъ и Бедахшанскими горами; на югъ съ Аму-Дарьей, областями Керки и Чарджуй; на западъ и сѣверъ съ Великой Степью. Положительной демаркаціонной линіи опредѣлить невозможно, точно также какъ невозможно опредѣлить число жителей. Не заходя слишкомъ далеко, можно предположить, что ихъ два съ половиной милліона, включая въ это число и осѣдлыхъ жителей и кочевниковъ, или если придерживаться принципа національности, то: Узбековъ, Таджиковъ, Киргизовъ, Арабовъ, Мервовъ, Персіанъ, Индусовъ и Евреевъ.

Узбеки,

раздѣляющіеся на 32 племени, были уже описаны нами въ статьѣ

*) Они построены Абдулла-Ханомъ по Персидскому образцу, по его возвращеніи изъ Персіи въ 1582 году, и раздѣляются на различныя части: Рестек-Сузенгиранъ — мелочные торговцы; Р.-Сарааъ, гдѣ помѣщаются мѣялы и книжные торговцы; Р.-Зергеравъ —

о Хивѣ, но здѣшніе Узбеки значительно разнятся отъ Узбековъ Хазарема и складомъ лица и характеромъ. Бухарскіе Узбеки жили ближе съ Таджикими, чѣмъ Хивинскіе съ Артами, и вслѣдствіе этого утратили національный типъ и врожденное Узбекамъ прямодушіе и честность. Узбеки преобладаютъ въ арміи (самъ эмиръ—Узбекъ изъ колѣна Мангитовъ), но высшіе сановники рѣдко выходятъ изъ ихъ рядовъ.

Таджики.

Таджиковъ, первобытныхъ обитателей всѣхъ городовъ Средней Азіи, здѣсь очень много. Бухара единственная мѣстность, гдѣ Таджики еще хвастаетъ своимъ происхожденіемъ, увѣряя что границами его первобытнаго отечества были на востокъ Китай, на западъ Каспій, на сѣверѣ Ходжентъ, на югѣ Индія. Жаль, что этотъ народъ, не смотря на высокую древность своего происхожденія и своего прежняго величія, достигъ теперь такой высокой степени ничтожества и порока: если ихъ слѣдуетъ считать сынами древней Азіи, то колыбель нашего рода окажется очень жалкою и прискорбною.

Киргизы.

Киргизовъ или Касаковъ *), какъ они себя называютъ, не много въ Бухарскомъ ханствѣ, но не смотря на то, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ народѣ, самомъ значительномъ по числу и самомъ оригинальномъ по особенностямъ кочевой жизни, изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи.

Я часто въ странствованіяхъ своихъ встрѣчалъ отдѣльныя становища, и въ отвѣтъ на мой вопросъ о ихъ числѣ, они всегда смѣялись и говорили: „Сочти сперва песокъ въ степи, а потомъ насъ Киргизовъ“. Точно такъ же невозможно опредѣлить ихъ границы. Мы знаемъ только, что они живутъ въ Большой Степи, между Сибирью, Китаемъ, Туркестаномъ и Каспійскимъ моремъ, и эти пространства, въ связи съ ихъ общественнымъ строемъ, ясно доказываютъ, что ошибочно было бы относить Киргизовъ къ чьимъ бы то ни было владѣніямъ: Русскимъ или Китайскимъ. Россія, Китай, Коканъ, Бухара и Хива владѣютъ Киргизами, только пока ихъ таможенные чиновники живутъ посреди номадовъ, Киргизы смотрятъ на всю эту процедуру, какъ на *gazzia* въ гигантскихъ размѣрахъ. Перевороты, происходившіе въ мірѣ въ теченіе сотенъ, можетъ быть тысячъ лѣтъ, внесли очень мало из-

золотыхъ дѣлъ мастера, Р.-Чилингеранъ—слесаря; Р.-Аттари—торговцы пряниками; Р.-Кавнади—кондитеры; Р.-Чайфуруши—чайные торговцы; Р.-Чятеуруши—торговцы ситцами; Базари-Дашта—полотняныя лавки, и т. д.

*) Киръ значитъ поле, гизъ или геазъ—корень слова гизмельтъ (странствовать). Слово Киргизъ значитъ по Турски: человекъ, странствующій по полямъ, номадъ, и употребляется для обозначенія народовъ, ведущихъ пастушескую жизнь. Этими именами опредѣляютъ также нѣкоторыя колѣна, но это только подраздѣленія Касаковъ, встрѣчающіяся въ Коканѣ и въ области Хазнети въ Туркестанѣ.

мнѣній въ бытъ Киргизовъ. Въ этой націи сохранилась вѣрная картина обычаевъ и нравовъ древнихъ Туранскихъ племенъ, составляющая такое странное смѣшеніе недостатковъ и добродѣтелей.

Мы были чрезвычайно удивлены открытіемъ въ нихъ большаго расположенія къ музыкѣ и поэзіи, съ одной стороны, и съ другой — ихъ аристократической гордостью. Когда встрѣчаются два Киргиза, первый вопросъ непременно: „Кто твои семь отцовъ-предковъ?“ И у спрашиваемой личности, если она хоть ребенокъ по осьмому году, всегда готовъ отвѣтъ, иначе можно прослыть неблаговоспитаннымъ.

Киргизы далеко не такъ храбры, какъ Узбеки или Туркмены. Исламизмъ тамъ тоже на очень шаткихъ основаніяхъ. Весьма немногіе изъ нихъ, кромѣ богатыхъ беевъ, ищутъ въ городахъ муллъ и приглашаютъ ихъ исправлять обязанность учителей, священнослужителей или секретарей за извѣстное вознагражденіе, выплачиваемое всегда баранами, лошадьми и верблюдами.

Киргизы даже послѣ частыхъ встрѣчъ, кажутся Европейцамъ удивительными существами; и въ самомъ дѣлѣ странны люди, неутомимо переходящіе съ мѣста на мѣсто, въ палаткахъ зной и глубокіе снѣга, люди, не знающіе хлѣба даже по имени и живущіе только молокомъ и мясомъ. Киргизы смотрятъ на людей, живущихъ въ городахъ или деревняхъ, какъ на больныхъ или сумасшедшихъ, и смотрятъ съ состраданіемъ на всѣ лица не чисто Монгольскаго склада. По ихъ эстетическимъ понятіямъ, Монгольское племя составляетъ зенитъ красоты, потому что у нихъ выдающіяся скулы, на подобіе лошадиныхъ, а лошади по ихъ понятіямъ—вѣнецъ созданія.

Арабы.

Эти Арабы потомки тѣхъ воиновъ, которые во время третьяго халифа принимали участіе въ покореніи Туркестана, гдѣ впоследствии поселились. У нихъ, кромѣ фizioноміи, почти не осталось сходства съ ихъ братьями въ Геджасѣ или Аракѣ. Даже весьма немногіе изъ нихъ говорятъ по Арабски. Ихъ, говорятъ, до 60.000; они преимущественно населяютъ окрестности Варданзи и Важенда.

Мервы.

Эти Мервы—потомки 40.000 Персіянъ, переселенныхъ изъ Мерва въ Бухару Эмиръ-Саидъ-Ханомъ, когда онъ въ 1810 году взялъ этотъ городъ при помощи Сариковъ. Это племя происходитъ отъ Турковъ изъ Азербиджана и Карабага, которыхъ Надиръ-Шахъ переселилъ отсюда въ Мервъ. Послѣ Таджиковъ, Мервы самые умные изъ жителей Бухары и далеко не такъ трусливы.

Персіяне.

Персіяне въ Бухарѣ—или рабы, или откупившіеся на свободу и

потомъ поселившіеся въ ханствѣ. Тутъ не смотря на религіозный гнетъ—потому что Шиты могутъ исполнять свои религіозные обряды только въ тайнѣ—они съ успѣхомъ занимаются торговлею и ремеслами, такъ какъ жизнь здѣсь дешевле и прибыльнѣе, чѣмъ въ ихъ отечествѣ. Персіяне, превосходящіе умственнымъ развитіемъ жителей Средней Азіи, нерѣдко переходятъ изъ рабовъ на высшія государственныя ступени. Самые главные сановники ханства принадлежатъ къ этой націи. Ихъ считаютъ наиболѣе способными для сношеній съ Френги—людьми, обладающими дьявольской ловкостью и тонкостью; и эмиру пришлось бы плохо, еслибы Персія вздумала угрожать ему нападеніемъ: съ арміей, въ теперешнемъ ея положеніи, онъ едва ли бы могъ оказать ей какое нибудь сопротивление:—главные командиры—Шахрукъ-Ханъ, Мехемедъ-Гасанъ-Ханъ—Персіяне, также какъ и начальники артиллеріи: Зейнель-Бей, Мегди-Бей и Дескеръ-Бей.

Индусы.

Индусовъ здѣсь всего 500. У нихъ нѣтъ отдѣльныхъ семей и родовъ, они разбѣяны по столицѣ и провинціямъ, и дѣла сложились какъ-то такъ, что всѣ денежные обороты въ ихъ рукахъ. Нѣтъ рынка, нѣтъ деревни, гдѣ бы не было индуса - ростовщика. Они съ виду—покорнѣйшіе слуги, какъ Армяне въ Турціи, но это нисколько не мѣшаетъ имъ обирать Узбековъ; и если благочестивый кади вступаетъ въ дѣла съ поклонникомъ Вишну, — рѣдко первый не остается жертвой послѣдняго.

Евреи.

Евреевъ въ ханствѣ 10.000, они по большей части населяютъ города Бухару, Самаркандъ и Карши и занимаются преимущественно ремеслами. Всѣ они по большей части изъ Персіи и переселились сюда изъ Казвина и Мерва, около 150 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь они подъ страшнымъ гнетомъ и въ величайшемъ презрѣніи. Они могутъ только стоять на порогѣ, когда являются съ „визитомъ“ къ вѣрующему, и даже, когда къ нимъ приходятъ гости, они должны какъ можно скорѣе выйти изъ своихъ домовъ и остановиться у двери. Городу Бухарѣ они приносятъ ежегодно по 2.000 тилла податей. Эту сумму доставляетъ глава всей общины и получаетъ въ замѣнъ два небольшихъ удара по щекѣ, предписываемыхъ Кораномъ, какъ знакъ покорности. Слухъ о привилегіяхъ, данныхъ Евреямъ въ Турціи, привлекъ многихъ изъ нихъ въ Дамаскъ и другія мѣста Сиріи; но эти переселенія происходили подъ величайшимъ секретомъ, иначе ихъ постигли бы лишеніе имущества или смерть. Корреспонденція ихъ производится черезъ хаджи, переходящихъ ежегодно изъ Туркестана въ Мекку. У моихъ товарищей было тоже много писемъ, и они доставили всѣхъ ихъ по адресамъ.

Правленіе.

Форма правленія въ Бухарѣ сохранила очень немногое изъ первобытнаго Персидскаго или Арабскаго элемента. Турко-Монгольскій элементъ преобладаетъ и придаетъ всему извѣстный тонъ. Его можно скорѣе назвать военнымъ деспотизмомъ. Во главѣ его стоитъ эмиръ— какъ генералиссимусъ, государь и глава религіи.

Военные и гражданскіе чины раздѣляются на а) кетте-сипаги (высшихъ чиновниковъ), б) орта-сипаги (среднихъ чиновниковъ, и с) ашаги-сипаги. Въ первые два класса принимаютъ только урукдаровъ (членовъ хорошихъ семей); впрочемъ, обычай принимать освобожденныхъ Персидскихъ рабовъ на службу—уже очень давно укоренился.

Слѣдующій списокъ чиновъ можетъ дать понятіе о различныхъ ступеняхъ чиновничества, начиная съ эмира и до самаго низа:

а) Кетте-сипаги	{	1. Аталигъ.2. Диванбеги (статсъ-секретарь).3. Перванеджи — челоуѣкъ - бабочка, какъ его называютъ при дворѣ, потому что эмиръ посылаетъ его въ разные стороны съ различными порученіями.
б) Орта-сипаги	{	4. Тохсабай или Тугсагиби, у котораго вмѣсто знамени лошадиный хвостъ.5. Инагъ.6. Міахоръ (констебль).
с) Ашаги-сипаги	{	7. Чорагаси или Чегре-агаси— „лицевой“, потому что во время аудіенцій онъ стоитъ лицомъ къ эмиру.8. Мирзабаша (главный писарь).9. Ясаулбеги и Каргаулбеги.10. Юзбаша.11. Пенджабаша.12. Онбаша.

Сверхъ этаго, необходимо еще упомянуть объ офицерахъ, состоящихъ собственно при особѣ эмира и при дворѣ. Во главѣ ихъ находится кушбеги или визирь, мехтеръ, дестурханджи (экономы) и зеятчи (таможенный сборщикъ). Зеятчи исправляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности министра финансовъ и завѣдуетъ домашними расходами эмира. Затѣмъ слѣдуютъ мехремы (каммергеры), число которыхъ измѣняется по обстоятельствамъ. Ихъ посылаютъ съ разными порученіями въ различныя провинціи. Всякій недовольной рѣшеніемъ губернатора можетъ жаловаться эмиру, ему назначаютъ мехрема, какъ атторнея, который ѣдетъ съ нимъ въ его провинцію, рассматриваетъ дѣло и излагаетъ его эмиру для окончательнаго рѣшенія. Есть еще: одаджи (придверники), бакаулы

(провіантмейстеры) и селамгази, которые во время публичныхъ процессій отвѣчаютъ за хана на привѣтствіа: „Ве-алейкумъ-ес-селямъ.“ Всѣ эти чины и званія существуютъ только номинально при теперешнемъ эмирѣ, который терпѣть не можетъ никакихъ помпъ и парадовъ.

Политическое раздѣленіе ханства.

Политическое раздѣленіе ханства основывается на числѣ большихъ городовъ, какъ въ Хивѣ, и Бухара теперь состоитъ изъ слѣдующихъ округовъ: 1) Каракель, 2) Бухара, 3) Карши, 4) Самаркандъ, 5) Керки, 6) Гиссаръ, 7) Міянкаль или Керминегъ, 8) Кетте-Курганъ, 9) Чарджуй, 10) Джиззакъ, 11) Оратепе, 12) Шегри-Себзь. Эти послѣдніе округи равны по величинѣ Самарканду; но вслѣдствіе постоянныхъ распрій съ эмирами, ихъ нельзя назвать настоящими подданными ханства. Въ каждомъ округѣ есть свой, особый губернаторъ, у každого губернатора есть тохсабой, мирзабаши, ясаулбеги и нѣсколько мирахоровъ и чограгаси.

Армія.

Постоянная армія ханства состоитъ изъ 40,000 всадниковъ, но можетъ быть увеличена до 60,000. Большую часть этаго числа составляетъ Бухара и Карши. Особенно первые славятся своею храбростью. Это число впрочемъ приводится самими Бухарцами и едва ли оно не преувеличено. Эмиръ въ походѣ противъ Кокана, гдѣ его армія состояла не болѣе какъ изъ 30,000 человекъ, — долженъ былъ содержать добавочное войско съ значительными расходами, которыхъ скупой Мозафаръ-эд-динъ ни за что не позволилъ бы себѣ, еслибы приведенное выше вычисленіе было вѣрно. Плата, производимая только въ военное время, состоитъ изъ 20 тенге (около 11 ш.) въ мѣсяцъ, на что всадники обязаны содержать и себя самихъ и лошадей. Сверхъ этаго, половина добычи принадлежитъ солдатамъ.

Странно, въ самомъ дѣлѣ, что при такомъ огромномъ числѣ подданныхъ, ханъ не имѣетъ больше готовыхъ военныхъ силъ въ своемъ распоряженіи; странно, что онъ не пользуется 50,000 Эрзари, платящихъ ему дань, а предпочитаетъ Текке или даже Сариковъ, что ему стоитъ ежегодно до 4.000 тилла.

Краткій очеркъ исторіи.

Ферзавіабъ, великій Туранскій завоеватель и одинъ изъ величайшихъ героевъ древняго Ирана, считается основателемъ Бухары. Начало исторіи зиждется на самыхъ невѣроятныхъ басняхъ. Изъ всѣхъ ихъ, мы принимаемъ слѣдующій фактъ, что набѣги Туркскихъ ордъ были съ древнѣйшихъ временъ ужасомъ этихъ областей, Персидское

населеніе которыхъ отдѣлилось отъ братьевъ своихъ Ирановъ еще во времена Пишдадыяна. Настоящая историческая нить начинается со времени завоеванія Арабами и намъ остается только сожалѣть, что смѣлые искатели приключеній оставили только скудныя, отрывочныя свѣдѣнія, находимыя нами на страницахъ Тарихи-Табири и нѣкоторыхъ другихъ Арабскихъ авторитетовъ. Исламъ не такъ легко пустилъ корни въ Мавераун-Нагръ (странѣ между Аму-Дарьей и Яксартомъ), какъ въ другихъ странахъ, и Арабы нашли, по возвращеніи въ различные города послѣ нѣкотораго отсутствія, что дѣло прозелитизма нужно начать снова. До Дженгисъ-Хана (1225) Бухара, Самаркандъ и въ то время значительный городъ Мервъ (Мерви-Шахъ-Джиганъ или Мервъ „даръ міра“), Карши (Нахшебъ) и Балхъ (Ум-уль-Биладъ, мать городовъ) считались принадлежностью Персіи. Вторженіе Монголовъ совершенно подавило Персидскій элементъ, Узбеки взяли за бразды правленія и Тимуръ, хромой завоеватель Шегри-Себза (зеленаго города), сдѣлалъ изъ Самарканда столицу всей Азіи. Но эта фантазія умерла вмѣстѣ съ нимъ и собственно исторія Бухары начинается съ дома Шейбани, основатель котораго, Эбульхайръ-Ханъ, отвергъ права потомковъ Тимура на ихъ наслѣдственные владѣнія. Внукъ Шейбани, Мехеммедъ-Ханъ, расширилъ предѣлы Бухары отъ Ходжента до Герата; но при осадѣ Мешгеда былъ разбитъ Шахомъ-Измаиломъ и погибъ въ сраженіи въ 916 (1510). Однимъ изъ даровитѣйшихъ его преемниковъ былъ Абдулла-Ханъ (род. въ 1544). Онъ покорилъ Бедахшанъ, Гератъ и Мешгедъ и заботился объ успѣхахъ цивилизаціи и торговли съ такимъ рвеніемъ, что заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ великимъ Персидскимъ шахомъ, Аббасомъ II. Въ его время по дорогамъ въ Бухарѣ были каравансераи и хорошіе мосты, на дорогахъ черезъ степи были устроены цистерны съ водой; и развалины его построекъ до сихъ поръ носятъ его имя. Его сынъ, Абдуль-Муминъ-Ханъ, 1004 (1595), не сумѣлъ долго продержаться на тронѣ; его зарѣзали. Нашествіе Киргизовъ опустошило весь край, послѣдовала продолжительная гражданская война. Изъ кандидатовъ на престолъ взялъ верхъ Вели-Мехеммедъ-Ханъ и основалъ династію. Изъ послѣдовавшихъ государей замѣчательнѣе всѣхъ были Имамкули-Ханъ и Назиръ-Мехеммедъ-Ханъ. Они много способствовали развитію религіознаго фанатизма щедрымъ содержаніемъ класса ишановъ, такъ что въ Бухарѣ и во всемъ Туркестанѣ фанатизмъ достигъ неслыханныхъ размѣровъ.

Исторія послѣднихъ государей была недавно изложена Малькольмомъ, Берне и Ханьковымъ, и такъ какъ мы не имѣемъ ничего новаго прибавить къ сообщеннымъ ими свѣдѣніямъ, то не затронемъ больше этаго періода. Но въ слѣдующей главѣ мы поговоримъ о войнѣ Бухары съ Коканомъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ.

ГЛАВА XIX.

Коканъ.

Жители.—Раздѣленіе.—Коканъ Ташкендъ.—Ходжендъ.—Мерголанъ.—Эндиганъ.—Газавти Туркестана.—Оопъ.—Политическое положеніе.—Последныя войны.

Коканъ или Фергана, какъ его звали въ древности, граничитъ къ востоку съ Китайской Татаріей, къ западу съ Бухарой и Ясартомъ, къ сѣверу съ великой ордой номадовъ, а къ югу съ Каратегномъ и Бедахшаномъ. Мы не можемъ точно опредѣлить его протяженія; но онъ безъ сомнѣнія больше территоріи Бухары или Хивы. Да и гораздо лучше ихъ населенъ.

Судя по числу городовъ и другимъ обстоятельствамъ, въ Коканъ въ настоящее время больше трехъ милліоновъ жителей, состоящихъ изъ слѣдующихъ племенъ:—1) Узбеки составляютъ большинство осѣдлыхъ жителей и совершенно не похожи на Узбековъ Хивинскихъ или Бухарскихъ. Такъ какъ Узбеки были нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ преобладающимъ племенемъ въ Туркестанѣ, и приняли ученіе Ислама раньше всѣхъ другихъ номадовъ въ этихъ краяхъ, то самое названіе „Узбекъ“ приняло нѣкоторый отбѣнокъ бонъ-тона, такъ что Киргизы, Кипчаки и Калмыки, обжившись въ городахъ, отрѣкаются отъ своихъ національностей и называютъ себя Узбеками.

Судя по внѣшности, по грубой широкой одеждѣ, Коканскій Узбекъ—очень жалкая личность. Мы не разъ имѣли случай убѣдиться въ ихъ безпримѣрной трусости, и еслибы не номады, то этотъ край давно бы подпалъ подъ власть Китая, Россіи или Бухары.

2) За Узбеками слѣдуютъ Таджики, которые хотя не составляютъ здѣсь болѣе многочисленнаго населенія, чѣмъ въ Бухарѣ, зато поселены болѣе плотно, часто, и чего нигдѣ нѣтъ, населяютъ цѣлыя деревни и города. Ходжендъ, деревни Велекендазъ и Кисакузъ (близъ Ходженда) исключительно населены первобытнымъ Персидскимъ племенемъ, и города Наменганъ, Эндиганъ и Мерголанъ,

говорять, принадлежали имъ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ.

Что касается до національнаго характера ихъ, то Коканскіе Таджики не многимъ лучше представителей этаго же племени въ Бухарѣ. Я замѣтилъ только то, что ихъ языкъ, и по выговору и по грамматическимъ формамъ, чище языка всѣхъ другихъ Таджикивъ. Это особенно замѣтно въ Ходжендѣ, гдѣ говорятъ языкомъ, въ которомъ сохранилось много формъ въ родѣ тѣхъ, какія употреблялъ древнѣйшій Персидскій поэтъ Рудеки, родомъ Бухарець. Въ другихъ городахъ Кокана, особенно на границахъ Китайской Татаріи, Таджикивъ гораздо меньше. 3) Касаи составляютъ большую часть населенія ханства. Они ведутъ кочевую жизнь въ гористой области, между озеромъ Чаганакомъ и Ташкендомъ, и платятъ своему государю столько же, сколько и хану. Многие изъ Коканскихъ Киргизовъ люди очень достаточные и имѣютъ въ Хаарети-Туркестанѣ или другихъ мѣстностяхъ дома, въ которыхъ, впрочемъ, они сами не живутъ. Въ другихъ отношеніяхъ, при ихъ численности и храбрости, Киргизы пользуются очень незначительнымъ вліяніемъ въ ханствѣ. 4) Киргизы въ настоящемъ значеніи этаго слова — отрасль большой Касацкой орды, — живутъ въ южной части ханства, между Коканомъ и Сарикъ-Келемъ. У нихъ насчитываютъ до 50,000 палатокъ, стало-быть ихъ столько же, сколько Текке-Туркменъ. 5) Кипчаки, по моему убѣжденію, первобытный типъ Туркской расы. Изъ всѣхъ отраслей этой большой семьи, простирающейся отъ Комула до Адриатическаго моря, Кипчаки по физіономіи, характеру, языку и обычаямъ остались вѣрнѣе другихъ древнему своему типу. Не смотря на малочисленность, Кипчаки пользуются большимъ вліяніемъ на политическія дѣла въ Коканѣ. Они назначаютъ хановъ и иногда свергаютъ ихъ съ престола. Я никакъ не могъ различить ни одного Персидскаго или Арабскаго слова въ ихъ Туркскомъ нарѣчій, и ихъ языкъ можно считать лучшимъ переходнымъ пунктомъ отъ языка Монгольскаго къ Джагатайскому. То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и о типѣ ихъ физіономіи: они соединяютъ особенности въ себѣ той и другой расы Средней Азіи. По узкимъ глазамъ, безбородымъ лицамъ и выдавшимся скуламъ, они похожи на Монголовъ, но при этомъ они по большей части малы ростомъ, хотя необыкновенно стройны и ловки. По храбрости они, какъ мы уже говорили, стоятъ выше всѣхъ другихъ націй Средней Азіи и составляютъ, несомнѣнно, чистѣйшій остатокъ громадныхъ ордъ, когда-то перевернувшихъ всю Азію.

Ханство Коканъ раздѣляется на разные округа, которые мы называли здѣсь именами наиболѣе замѣчательныхъ городовъ. Столица его Коканъ или Коканди-Лятифъ — очаровательный Коканъ, какъ называютъ его туземцы, расположенъ въ прекрасной долинѣ, окружность которой въ шестеро больше Хивы, въ трое больше Бухары и въ четверо больше Тегерана. Южная часть города, въ которой построенъ дворець хана, съ недавняго времени обведена стѣною, сѣверная же сторона совершенно открыта. Число жителей и домовъ сравнительно съ мѣстностью — мало; жилища окружены большими фруктовыми садами, и для того чтобы обойти нѣсколько домовъ, нужно по крайней мѣрѣ, четверть часа времени. Въ архитектурномъ отношеніи Коканъ признаетъ превосход-

ство Бухары, а потому не трудно представить себѣ, какъ онъ долженъ быть хорошъ. Изъ камня построено только четыре мечети и часть объёмистаго базара, на которомъ продаются за дешёвую цѣну по большей части Русскіе товары, но кромѣ того выставляютъ и туземныя шелковыя и шерстяныя издѣлія. Изящныя издѣлія изъ кожи: разные сѣдла, кнуты и различные предметы упряжи, выдѣлываются въ столицѣ съ большимъ вкусомъ и пользуются большою извѣстностью.

Послѣ Кокана болѣе другихъ замѣчательнъ Ташкентъ, который считается первымъ торговымъ городомъ въ ханствѣ и какъ говорятъ, служитъ въ настоящее время мѣстопробываніемъ многихъ богатыхъ купцовъ, имѣющихъ значительныя торговыя сношенія съ Оренбургомъ и Кизильджаромъ (или Петропавловскомъ). Ташкентъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Средней Азіи и ведётъ транзитную торговлю съ Бухарой, Коканомъ и Китайской Татаріей.

Послѣ Ташкента болѣе замѣчательны: Ходкентъ, имѣющій около 3,000 домовъ, много фабричныхъ заведеній, на которыхъ выдѣлывается аладжа (бумажная матерія), 18 медресе и 36 мечетей. Мерголанъ, главный городъ Коканскаго просвѣщенія и мѣстопробываніе Ходжа-Бузурка, начальника ордена Махдумъ-Аазамъ. Этотъ достойный савонникъ отказалъ въ благословеніи нынѣшнему Бухарскому эмиру, во время торжественнаго въѣзда въ городъ, за что тотъ не дерзнулъ отомстить ему и даже не имѣлъ никакой возможности къ этому. Еще замѣчательны: Эндиджанъ, гдѣ выдѣлывается атрессъ, лучший въ ханствѣ (атрессъ — плотная, тяжелая шелковая матерія), и Наменганъ, около котораго находится поселеніе Кипчаковъ. Надо упомянуть о Хазреті-Туркестанъ, гдѣ находится гробница знаменитаго Ходжа-Ахмедъ-Йсави, автора книги (Мешребъ *) о нравственности и религіи; это до сихъ поръ любимое сочиненіе какъ у номадовъ, такъ и у осѣдлыхъ жителей Кокана. Въ городахъ Шегри-Мензилъ и Джустъ выдѣлываются ножи, самые лучшіе послѣ Хиссарскихъ, и продаются въ Туркестанъ за высокую цѣну. Шегриханъ замѣчательнъ превосходнымъ шелкомъ, а Ушъ, или Оошъ, на восточной границѣ ханствъ и называемый Тахти-Сулейманъ или Сулейманскимъ трономъ, посѣщается ежегодно множествомъ богомольцевъ; пилигримы собираются на горѣ въ самомъ городѣ Ушѣ, гдѣ между развалинами стараго зданія, построеннаго изъ квадратнаго камня и украшеннаго колоннами, взорамъ ихъ представляется не только тронъ, высѣченный изъ мрамора, но даже то мѣсто, гдѣ Адамъ (первый пророкъ по ученію Ислама), воздѣлывалъ землю. Басня эта очень хорошо придумана изобрѣтателемъ ея, потому что онъ посредствомъ религіи хотѣлъ приучить номадовъ къ земледѣлію. Какъ бы то ни было, Ушъ имѣетъ много интереснаго для любителей древности. Развалины его, въ особенности колонны, судя по рассказамъ, должны быть Греческаго происхожденія, и еслибы пришлось отыскивать самую восточную колонію, основанную Александромъ, то можно предположить, что именно Ушъ и есть то мѣсто, на которомъ смѣлый Македонянинъ

*) Я привезъ съ собой копію съ этой оригинальной книги, на Турецкомъ языкѣ, и надеюсь со временемъ издать ее вѣстѣ съ переводомъ.

обозначилъ посредствомъ какого нибудь памятника самую восточную границу своей гигантской имперіи *).

Политическое и независимое положеніе ханства Коканскаго равняется съ давнихъ временъ независимости Бухары и Хивы; нынѣ царствующій домъ имѣетъ притязаніе на прямое происхожденіе отъ Дженгисъ-Хана, но это не правдоподобно, потому что родъ его былъ низвергнутъ Тимуромъ, и послѣ Бабера, послѣдняго потомка его въ Коканѣ, Шейбани и другіе начальники изъ племени Кипчаковъ и Киргизовъ попеременно завладѣвали браздами правленія. Домъ, царствующій въ настоящее время, или лучше сказать, оспаривающій у Бухары права свои на царствованіе, — Кипчакскаго происхожденія и находится только въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ во главѣ правленія. На учрежденіяхъ Кокана едва замѣтны слѣды Арабскаго и Персидскаго элементовъ и Яссао-Дженгисъ (Уложеніе Дженгиса) считается у нихъ законнымъ авторитетомъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ странномъ обрядѣ. Хана во время коронаванія поднимаютъ на воздухъ на бѣломъ войлокѣ; онъ въ это время пускаетъ стрѣлы на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ *).

А.

Война между Бухарой и Коканомъ во время царствованія эмира Насруллы.

Между Бухарой и Коканомъ уже съ давнихъ временъ существуетъ вражда. Когда домъ Шейбани завладѣлъ правленіемъ Туркестана, тогда весь Коканъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, оставшихся подъ властью Кипчаковъ, былъ присоединенъ къ Бухарскому ханству, но чрезъ нѣсколько времени снова освободившись отъ власти Буха-

*) Аррианъ упоминаетъ (*De Rebus Syriacis*, lvii) о многихъ городахъ, основанныхъ реками и Селевкомъ, и между прочими объ одномъ, Александрехатъ, о которомъ Плиній (vi. 16) говоритъ: „Ultra Sogdiana, oppidum Tarada, et in ultimis eorum finibus Alexandria ab Alexandro magno conditum“. Мѣсто это какъ бы полагало предѣлы дальнѣйшему движенію обидителя классической древности, потому что какъ говоритъ Плиній, тамъ были жертвенники Геркулесу, Бахусу, Сириусу, Семирамидѣ и Александру (*Finis omnium eorum ictus ab illa parte terrarum, includente flumine Jaxarte, quod Scythae Silin vocant.*) Что касается до города Александрехата, то Аррианъ (*Exped. Alexand. l. iv. c. i. 3, и l. iv. 10*), соглашается съ Плиніемъ въ томъ отношеніи, что Александръ Великій, желая сдѣлать этотъ городъ преградой жителямъ противоположнаго берега, заселилъ его Македонскими ветеранами, Греческими наемщиками и охотниками изъ сосѣднихъ варваровъ. Городъ этотъ построенъ на берегахъ Яксарта, и многіе говорятъ, что онъ былъ на мѣстѣ ильшинскаго Ходжента. А что если колонны въ Ушѣ принадлежали когда нибудь Александру? редположеніе, что Александру не принадлежала ни одна земля по ту сторону Яксарта, съ гудомъ согласуется съ рассказами Арриана. Курцій (vii. 6) описываетъ остатки жертвенниковъ Бахусу, какъ памятники, состоящіе изъ нѣсколькихъ грудъ камней, расположенныхъ на нѣкоторомъ протяженіи, и изъ восьми высокихъ деревь, покрытыхъ плетнемъ.

*) Странно, что этотъ обычай до сихъ поръ еще существуетъ при коронаціи въ Индіи; тамъ король възвѣшаетъ верхомъ на гору коронаванія, въ полномъ царскомъ облаченіи, и потомъ съ важностію взмахиваетъ саблей на всѣ четыре румба компаса.

ры, онъ присоединился къ своимъ тоже независимымъ сосѣдямъ: Кашгару, Ярканду и Котену; а когда они были присвоены Китайскимъ императоромъ, тогда Коканъ, утрашась силы восточныхъ враговъ своихъ, счелъ нужнымъ снова начать раздоры съ Бухарой; война эта, продолжавшаяся во время нашего пребыванія въ Средней Азій, была только продолженіемъ борьбы, начатой Мехеммедомъ-Али, Коканскимъ ханомъ, и врагомъ его, эмиромъ Насруллой.

Коканцы считаютъ хана Мехеммеда-Али самымъ великимъ монархомъ новѣйшихъ временъ; правда, что онъ расширяя внѣшнія владѣнія и споспѣшествуя внутреннему благосостоянію, много украсилъ ханство и тѣмъ все болѣе и болѣе возбуждалъ алчность злаго Эмиръ-Насруллы. Болѣе всего не нравились эмиру пріязненныя отношенія хана къ Хивѣ, бывшей главнѣйшимъ врагомъ Бухары, и хорошій пріемъ сдѣланный Мехеммедомъ-Али родному дядѣ и врагу его, бѣжавшему въ Коканъ искать защиты. Говорятъ, что гостепріимный пріемъ капитану Конолли также отчасти былъ поводомъ къ разрыву, долженствовавшему возникнуть между эмиромъ и ханомъ.

Въ 1839 году Мехеммедъ-Али рѣшился напасть на эмира и пошелъ къ границѣ Бухары, находившейся близъ Оратепе; онъ угрожалъ уже взятіемъ Джиззака и Самарканда, когда эмиръ, тщетно стараясь выпутаться посредствомъ различныхъ интригъ, пошелъ на него съ большей силой Узбекскихъ всадниковъ и 300 новобранной милиціи (сербазъ), подъ предводительствомъ Абдуль-Самедъ-Хана. Противъ такой силы Мехеммедъ-Али не рѣшился дѣйствовать и отступилъ; Насрулла между тѣмъ осадилъ городъ Оратепе и спустя три мѣсяца, взялъ его. Жестокою обращеніе его съ жителями этаго города до того ожесточило ихъ, что какъ только онъ уѣхалъ въ Бухару, они, до сихъ поръ ведшіе тайные переговоры съ Мехеммедомъ-Али, воспользовались случаемъ и напавъ на Бухарскій гарнизонъ, умертвили всѣхъ офицеровъ и солдатъ его.

Какъ только вѣсть объ этомъ происшествіи достигла слуха Насруллы, онъ съ большою поспѣшностью и еще съ большимъ гнѣвомъ собралъ всѣ силы свои и пошелъ противъ Оратепе. Мехеммедъ-Али опять отступилъ, и не одинъ, а съ большей частью жителей Оратепе, боявшихся раздраженного эмира; на этотъ разъ хану убѣжать было невозможно, потому что врагъ преслѣдовалъ его шагъ за шагомъ. Въ битвѣ при Ходжентѣ ханъ былъ разбитъ и городъ сдѣлался добычей побѣдителя; Мехеммедъ снова пробовалъ отступать, но боясь вторженія непріятеля въ столицу свою, остановился и послалъ побѣдоносному врагу своему флагъ примиренія; послѣ этаго они заключили въ Копъ-Бадемъ миръ, съ условіемъ, чтобы Мехеммедъ обязался уступить Ходжентъ и нѣкоторыя другія мѣста. Понятно, что миръ съ такими условіями не можетъ быть искрененъ; злобный эмиръ, желая какъ можно больше оскорбить своего побѣжденного врага, назначилъ губернаторомъ покоренной провинціи брата и соперника Мехеммеда-Али, недавно бѣжавшаго въ Бухару; но планъ Насруллы не удался, потому что мать помирила обоихъ Коканскихъ принцевъ, и прежде нежели эмиръ узналъ объ этомъ, Ходжентъ и другіе города присоединились къ Кокану. Эмиру теперь предстояло бороться съ двумя непріятелями вмѣсто одного.

Гнѣву Бухарскаго тирана не было предѣловъ, и потому не трудно представить себѣ, что жажда мщениа заставила его вооружиться какъ можно лучше; кромѣ обыкновенной арміи, состоящей изъ 30,000 конницы и 1,000 сербазъ, онъ взялъ 10,000 наемныхъ Туркменъ изъ племени Текке и Салоръ. Съ этимъ многочисленнымъ войскомъ Насрулла быстро пошелъ къ Кокану и совершенно неожиданно явился передъ Мехеммедомъ-Али. Мехеммедъ бѣжалъ изъ своей столицы, но достигнувъ Мерголана былъ схваченъ, взятъ въ плѣнъ и чрезъ десять дней казенъ въ собственной столицѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и двумя сыновьями *). Большая часть приверженцевъ его также пала отъ руки палача, а имущество ихъ было конфисковано. Эмиръ, оставивъ въ покоренной столицѣ Ибрагима-Ви, Мерва по происхожденію, и гарнизонъ изъ 2,000 человекъ, отправился въ Бухару, отягченный добычею.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Кипчаки, до сихъ поръ державшіеся нейтралитета, вооружились противъ Бухарцевъ, завладѣли Коканомъ и взяли въ плѣнъ весь гарнизонъ, возвели на тронъ Ширъ-Али-Хана. **) Чтобы не быть опять застигнутыми въ распlochъ, Коканцы вознамѣрились обвести стѣною часть города, гдѣ помѣщался ханъ; планъ ихъ былъ скоро осуществленъ, съ помощію военноплѣнныхъ, составлявшихъ часть гарнизона эмира. Можно было предвидѣть, что эмиръ снова будетъ мстить, и потому не удивительно, что въ скоромъ времени передъ Коканомъ явилось войско, состоящее изъ 15,000 Бухарцевъ, подъ предводительствомъ Коканца, искателя престола и давнишняго protégé Насруллы. Во время похода, Мусульманъ-Куль (такъ звали Коканца) какъ бы примирился съ своими соотечественниками, потому что городскіе ворота были ему отворены, и не смотря на обѣщаніе Насруллы сдѣлать его ханомъ по взятіи Кокана, первымъ дѣломъ его было обратить оружіе противъ него же и съ помощію соотечественниковъ заставить бѣжать Бухарцевъ, сопровождавшихъ его.

*) Чтобы извинить себя въ этомъ постыдномъ поступкѣ, Насрулла распустилъ слухъ, что Мехеммедъ-Али женился на своей матери и потому получилъ должное наказаніе.

**) Родословная таблица Коканскаго царствующаго дома, начиная съ Мехеммеда-Али.

Не смотря на четвертую неудачу, эмиръ опять послалъ въ Коканъ армию подъ предводительствомъ Шахрухъ-Хана, имѣвшаго уже званіе главнокомандующаго *); но этотъ, дошедши до Оратепе, вернулся въ Бухару, узнавъ, что эмиръ во время пребыванія своего въ Самаркандѣ захворалъ и чрезъ нѣсколько дней умеръ, освободивъ такимъ образомъ свѣтъ отъ одного изъ злѣйшихъ тирановъ.

Я слышалъ изъ вѣрнаго источника, что смерть Эмира-Насрулла произошла отъ припадка гнѣва, овладѣвшаго имъ послѣ постоянно неудачныхъ походовъ въ Коканъ, и отъ несмыканнаго упорства, съ которымъ Шегри-Себзъ *) противостоялъ тридцати сраженіямъ и шести мѣсячной осадѣ. Противникомъ его въ этомъ составаніи былъ нѣкто Велинамъ, на сестрѣ котораго онъ женился, съ тѣмъ чтобы найти въ ея братѣ вѣрнаго приверженца. Надо было случиться, что вѣсть о вѣсти Шегри-Себза дошла до него тогда, когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ; находясь почти въ безпамятствѣ, онъ имѣлъ духу приказать умертвить шурина со всѣми дѣтьми его. Такъ какъ обстоятельства не позволяли ему лично присутствовать при кровавомъ зрѣлищѣ этой казни, то нѣсколько часовъ спустя, онъ призвалъ жену свою (сестру Велинама) и приказалъ казнить ее возлѣ своей постели; видъ несчастной женщины, родившей ему двоихъ дѣтей, не смягчилъ его, уже умирающаго. Гнусный тиранъ испустилъ послѣдній вздохъ, устремивъ потускнѣвшій взглядъ на льющуюся кровь сестры ненавистнаго врага своего.

В.

Война между Бухарой и Коканомъ, продолжаемая эмиромъ Мозаффаръ-эд-Диномъ.

Между тѣмъ дѣла въ Коканѣ приняли новый оборотъ. Муссельманъ-Куль былъ убитъ а Худаяръ-Хана подняли на бѣломъ войлокѣ. При восшествіи на престолъ онъ показалъ большое усердіе и дѣятельность и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ Русскими, тѣснѣвшими его со стороны Яксарта. Но въ то время какъ онъ былъ занятъ на границахъ, въ столицѣ его былъ провозглашенъ ханомъ Молла-Ханъ; не имѣя достаточной силы идти противъ Молла-Хана, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Бухару и съ помощью эмира Мозаффаръ-эд-Дина искать возвращенія своего престола. Мозаффаръ же тотчасъ послѣ смерти отца отправился осаждать городъ Шегри-Себзъ, который

*) Между тѣмъ безчестный Абдуль-Самедъ-Ханъ, убійца Конолли, Стоддарта и На селли, получилъ должное наказаніе; эмиръ, пославшій его къ Шегри-Себзу, убѣдился наконецъ въ измѣнѣ его, и такъ какъ не могъ завладѣть имъ силою, то употребилъ хитрость. Абдуль-Самедъ долго увертывался, но наконецъ попалъ въ приготовленную ему ловушку. и зная, что вблизи его ждетъ уже папачъ, онъ пронзилъ себя кинжаломъ, желая раздражить своею смертію государя, такъ много походившаго на него характеромъ.

*) Шегри-Себзъ, прежде называемый Кенгъ, родина Тимура и извѣстенъ воинственнымъ духомъ жителей.

не смотря на мѣсть Насруллы, пролившую столь крови въ стѣнахъ его, снова возсталъ. Эмиръ былъ подѣ стѣною крѣпости Чирагчи, принадлежащей Шегри-Сабзу, когда узналъ новость, что губернаторъ Оратепе, родомъ изъ Шегри-Сабза, присоединился къ Коканцамъ и что Молла-Ханъ съ войскомъ идетъ уже на Джиззакъ.

Эмиръ Мозафаръ-эд-Динъ, побуждаемый гостемъ и protégé своимъ Худаяръ-Ханомъ, не выдержалъ и покинувъ выгодное положеніе свое при Шегри-Сабзѣ, бросился съ 15,000-мъ войскомъ къ Кокану, ханъ котораго Молла, имѣвшій большія способности, былъ грознымъ противникомъ. Эмиръ, руководствуясь безсовѣстной политикой отца своего, способствовалъ убійству его въ заговорѣ, составленномъ самимъ эмиромъ, и потомъ воспользовавшись смятеніемъ, овладѣлъ столицей и назначилъ Худаяра правителемъ ея, законный же наследникъ престола, Шаль-Мурадъ, бѣжалъ къ Кипчакамъ.

Худаяръ-Ханъ всего только четыре мѣсяца исправлялъ обязанности правителя, столь для него новыя, какъ вдругъ Шахмурадъ, предводительствуя Кипчаками, напалъ на него и заставилъ вторично бѣжать въ Бухару. Эмиръ, покровитель Худаяра, видя такое неуваженіе къ себѣ, собралъ всѣ силы свои и чтобы какимъ нибудь образомъ вымѣстить гнѣвъ на Коканѣ, послалъ впередъ Шахрукъ-Хана съ 40,000 людей и Мехеммедъ-Хасанъ-Бея съ артилеріей, состоявшей изъ тридцати пушекъ, а самъ, сопровождаемый нѣсколькими сотнями Текке, поспѣшилъ за ними, съ твердымъ намѣреніемъ покорить своей власти все, до самыхъ Китайскихъ границъ.

Коканцамъ было извѣстно какъ намѣреніе молодаго эмира, такъ и алчность его, а потому они встрѣтили его съ самымъ отчаяннымъ упорствомъ. Улема объявили, что эмиръ, разоряющій ихъ край, — кафиръ (не вѣрующій), и стали проповѣдывать противъ него джигадъ (войну за вѣру). Всѣ взялись за оружіе; но не смотря на это, эмиръ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ не только Коканъ, но и всѣ земли до самой Китайской границы. Самый сильный отпоръ онъ встрѣтилъ у Кипчаковъ, которые были подъ начальствомъ Алемъ-Кула; на нихъ напали Туркмены и битва между ними была чрезвычайно интересна, потому что въ ней участвовали два изъ самыхъ дикихъ, первобытныхъ Татарскихъ племенъ. Когда Алемъ-Кулъ палъ въ сраженіи, жена его появилась во главѣ войска; война продолжалась долго и кончилась на конецъ миромъ. Ханство, изъ котораго побѣдитель выславъ въ Бухару всѣ пушки, запасное оружіе и сокровища, раздѣлилось на двѣ части: Коканъ выпалъ на долю Шахмурада, любимца Кипчаковъ, а Ходжентъ достался Худаяръ-Хану. Мозафаръ-эд-Динъ отправился въ свою столицу. Я встрѣтилъ его на возвратномъ пути 15 августа 1863 года.

Хотя времени послѣ этой войны прошло очень мало, но вѣроятно въ Коканѣ опять произошли перемѣны. Подобные раздоры часто бывали между Кашгаромъ, Хотеномъ и Яркандомъ и продолжались до тѣхъ поръ, пока эти владѣнія не были присвоены Китаемъ; вѣроятно междоусобнымъ войнамъ ханствъ положить конецъ владычество Россіи.

ГЛАВА XX.

Китайская Татарія.

Привлечение къ ней съ запада. — Администрация. — Жители. — Города.

Если путешественникъ отправится отъ города Уша на востокъ, то черезъ двѣнадцать дней онъ достигнетъ того мѣста Китайскихъ владѣній, гдѣ стоитъ Кашгаръ. Дорога, ведущая въ этотъ городъ, проходитъ по горѣ, на которой вочують Кипчаки съ своими стадами. При Дженгисъ-Ханѣ здѣсь нерѣдко встрѣчались деревушки, но теперь не замѣтно и слѣдовъ ихъ; въ иныхъ мѣстахъ можно увидѣть груды закоптѣлыхъ камней, означающихъ мѣста отдыха путешественниковъ и ихъ каравановъ.

Кипчаки, не смотря на дикость и воинственность свою, никогда не нападаютъ на одинокихъ путешественниковъ; они никого не беспокоятъ, кромѣ большихъ каравановъ, идущихъ изъ Китая и обязанныхъ платить умѣренную дань. На разстояніи дневнаго пути изъ Кашгара, построена крѣпостца, первая станція Китайцевъ, имѣющая 10 солдатъ и одного секретаря. Дальше этаго мѣста никому не позволено вѣхать безъ паспорта, даннаго аксакаломъ въ Наменганѣ, который исполняетъ должность наемнаго агента Китайцевъ. Показавъ паспортъ, путешественникъ долженъ рассказать все, что видѣлъ и слышалъ въ чужихъ земляхъ; секретарь составляетъ два списка и одинъ изъ нихъ посылаетъ на слѣдующую станцію, чтобы сравнить отвѣты; потомъ бумага эта отправляется къ губернатору. Хаджи-Билаль и другіе мои друзья сообщили мнѣ, что самое лучшее отвѣчать въ этихъ случаяхъ известной формулой: „Бельмеи-менъ“ (не знаю *). Секретарь не имѣетъ обыкновенія принуждать кого нибудь къ подробному разсказу и даже бываетъ очень доволенъ короткимъ отвѣтомъ, облегчающимъ обязанность его.

Подъ именемъ Китайской Татаріи мы подразумѣваемъ уголь, при-

*) Китайцы имѣютъ пословицу, которая вполнѣ согласуется съ этимъ правиломъ. Они говорятъ: „Я не знаю—одно слово, а я знаю — десять словъ“. Это значить, что сказавъ: Я не знаю, вы объясните все. тогда такъ послѣ словъ: Я знаю, вамъ придется объяснить многое.

мыкающей западной стороною своею къ Средней Азии, граничащей къ сѣверу съ Киргизской степью, а къ югу съ Бедашаномъ, Капемиромъ и Тибетомъ. Говорятъ, что страна отъ Или до Коне-Турфана находилась въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій подъ властію Китая; что же касается до Кашгара, Ярканда, Аксу и Котена, то они только 150 лѣтъ тому назадъ сдѣлались подвластны ему. Города эти безпрестанно враждовали и потому нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ, преимущественно Ибрагимъ-Бей, глава Ярканда, желая положить конецъ междоусобнымъ раздорамъ, пригласили Китайцевъ, которые послѣ продолжительныхъ сопротивленій, утвердили владычество надъ безпокойными городами и стали управлять ими по системѣ, совершенно противоположной управленію остальной Небесной Имперіи.

а) *Администрація:*

Я слышалъ изъ достовѣрнаго источника (и именно отъ вышеупомянутаго губернаторскаго священника Хеджи-Билала, моего друга), что каждая изъ этихъ провинцій имѣетъ двухъ начальниковъ, военнаго и гражданскаго; мѣсто перваго занимаетъ Китаецъ, а мѣсто втораго — Татаринъ-мусульманинъ. Хотя начальники эти и равны чиномъ, но Татарскій до того подчиненъ Китайскому, что только чрезъ него можетъ имѣть какое нибудь сообщеніе съ высшимъ правительствомъ въ Пекинѣ.

Китайскіе чиновники живутъ въ укрѣпленной части города и состоятъ изъ:

1) Анбаня, отличающагося рубиновой пуговкой на шапочкѣ и перышкомъ индѣйскаго пѣтуха. Его годовое жалованье состоитъ изъ 36 ямбю *), около 800 ф. Подъ его начальствомъ находятся всѣ другіе чиновники.

2) Далюи — секретари, числомъ четыре: одинъ завѣдываетъ корреспонденціей, другой управляетъ расходами, третій — уголовнымъ уложеніемъ и четвертый — полиціей.

3) Джи-зо-фангъ — хранитель архивовъ.

Судъ верховнаго чиновника именуется я-мунъ и доступенъ во всякое время каждому желающему подать жалобу на неисправное управленіе какого нибудь подвластнаго ему чиновника или вообще на какую бы то ни было несправедливость. Здѣсь можно встрѣтить черту, характеризующую Китайское управленіе: при самомъ входѣ въ судилище, стоитъ огромный барабанъ, въ который всякій истецъ имѣетъ право ударить разъ, если ему нуженъ секретарь, и ударить два раза, если онъ имѣетъ надобность въ самомъ анбанѣ. Голосу печали всегда внимаютъ, днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой, и чрезвычайно рѣдко случается, что какая нибудь просьба остается безъ вниманія. Мнѣ кажется, что не худо бы и въ Европѣ устроить такого рода вызовъ — для многихъ сонныхъ чиновниковъ правосудія.

*) Ямбю — большой кусокъ серебра съ двумя ушками или ручками, въ видѣ нашихъ гирь. Въ Бухарѣ она эта принимается за сорокъ талла.

Татаро-мусульманскіе чиновники завѣдываютъ отправлениемъ правосудія въ гражданскихъ дѣлахъ; собраніемъ податей и пошлинъ и исполненіемъ другихъ внутреннихъ дѣлъ, не передаваемыхъ Китайскимъ властямъ, и распадаются на слѣдующіе разряды:

- 1) Вангъ или хакимъ, одного чина съ анбанемъ и на одинаковомъ жалованьи.
- 2) Хазнаджи завѣдываетъ доходами и повѣряетъ ихъ.
- 3) Ишкага (слово это означаетъ—привратникъ)—родъ церемоній-мейстера, камергера и главнаго интенданта.
- 4) Шангъ-беги—родъ секретаря, переводчика и посредника между Китайскимъ и Татарскимъ правительствомъ.
- 5) Кази-Бегъ—кади или судья.
- 6) Ортенгбеги—директоръ почты, отвѣчающій за всѣ почтамты въ округѣ. — Почтовая система въ этой странѣ походитъ на Персидскій чапаръ. Правительство беретъ въ свое вѣдѣніе нѣкоторыя дороги и директоръ почты обязанъ смотрѣть, чтобы чиновники, назначенные на нихъ, держали для употребленія публики хорошихъ лошадей. Ортенгъ проѣзжаетъ разстояніе отъ Кашгара до Комула, имѣющее 40 станцій, въ 16 дней, а въ крайнихъ случаяхъ въ 12 и даже 10 дней. Отъ Комула до Пекина считается 60 станцій, которыя также дѣлаютъ въ 15 дней, слѣдовательно все разстояніе отъ Кашгара до Пекина состоитъ изъ 100 станцій, которыя курьеръ проѣзжаетъ въ мѣсяцъ *).
- 7) Ваджгиръ—сборщикъ податей.

б) Жители.

Большая часть народонаселенія Китайской Татаріи, т. е. четырехъ провинцій, ведутъ жизнь осѣдлую и занимаются хлѣбопашествомъ; что же касается ихъ народности, то хотя они и называютъ себя Узбеками, но съ перваго взгляда очевидно Калмыцкое происхожденіе ихъ. Узбеки, въ смыслѣ, подразумѣваемомъ въ Бухарѣ и Хивѣ, никогда не существовали въ Китайской имперіи. Здѣсь подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ племя, происшедшее отъ смѣшенія Калмыковъ, нападавшихъ на страну эту съ сѣвера, и Киргизовъ, — съ прежними обитателями ея Персидскаго племени; и особенно замѣчательно то, что тамъ гдѣ древнее Персидское народонаселеніе было гуще (теперь оно вовсе исчезло), Иранскій типъ господствуетъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ этихъ ложныхъ Узбековъ, населеніе состоитъ изъ Калмыковъ и Китайцевъ; первые изъ нихъ—воины или номады, а вторые торговцы или ремесленники, встрѣчающіеся только въ столицахъ, и то

*) Замѣчательно, что почталыоны почти всегда бываютъ изъ Калмыковъ, способныхъ нѣсколько разъ въ годъ совершать верхомъ эти быстрые переззды, продолжающіеся до тридцати сутокъ. У насъ такая быстрая ѣзда верхомъ показалась бы необыкновенной. Верховые переззды Карла XII изъ Демотики въ Стральзундъ и Турецкаго курьера изъ Ссагетвара (въ Венгріи, гдѣ умеръ Солиманъ Прекрасный) къ Кутайю, совершенные въ восемь дней, считаются знаменитыми въ исторіи. Описание первой поѣздки посмотрите въ книгѣ: „Жизнь Карла XII“, соч. Вольтера, а для второй прочитайте „Саддедин-Тадж-ет-Теварихъ“.

въ очень маломъ числѣ. Въ заключеніе должно упомянуть о Тунганахъ или Тенгенахъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, начиная отъ Или до Комула. Этотъ народъ Китайскаго происхожденія, мусульманской вѣры и принадлежитъ къ сектѣ Шафеи *). На Китайскомъ языкѣ Тунганы или Тенгены значатъ обращенные (по Османско-Турецки—Денме). Говорятъ, что ихъ насчитываютъ до милліона и что они обращены во времена Тимура, Арабскимъ искателемъ приключеній, прибывшимъ съ вышеупомянутымъ завоевателемъ изъ Дамаска въ Среднюю Азію и бродившимъ по Китайской Татаріи въ качествѣ чудотворца и святаго. Тунганы отличаются грубымъ фанатизмомъ и страшной ненавистью къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые не мусульмане. Не смотря на то что они занимаютъ самый отдаленный постъ Ислама на Востокѣ, они ежегодно посылаютъ значительное число хаджи въ Мекку.

Что касается до общаго характера народа, то я нахожу, что Китайскій Татаринъ честенъ и застѣнчивъ или лучше сказать — глупъ; отношенія его къ жителямъ другихъ городовъ Средней Азіи подобны отношеніямъ Бухарцевъ къ Парижанамъ или Лондонцамъ. Спутники мои, чрезвычайно невзыскательные въ требованіяхъ, удивляли меня увлеченіемъ своимъ при воспоминаніи о бѣдныхъ хижинахъ. Имъ не нравится великолѣпіе и расточительность Рума, Персіи и даже Бухары; хотя ими управляетъ народъ, не одной съ ними религіи и языка, но они предпочитаютъ его мусульманскимъ правительствамъ въ трехъ ханствахъ. Какъ видно, имъ не за что быть недовольными Китайскимъ правительствомъ; каждый изъ нихъ, достигши пятнадцати лѣтъ, исключая хаджа (потомковъ пророка), долженъ платить правительству ежегодно по пяти тенге поголовной подати (три шиллинга). Солдаты *) хотя и вербуются, но не по принужденію, и мусульманское войско составляетъ совершенно отдѣльный отрядъ и кромѣ нѣкоторыхъ, чисто внѣшнихъ сторонъ, у нихъ даже ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ войскомъ **).

Высшіе чиновники также подчинены постановленіямъ о внѣшности; они должны носить платье, сообразное съ чиномъ, и имѣть усы и косу; хуже всего для нихъ то, что во время праздниковъ они должны появляться въ пагодахъ и трижды припадать къ землѣ передъ раскрытымъ портретомъ императора. Мусульмане увѣряютъ, что соотечественники ихъ, занимающіе важные посты, обыкновенно держатъ въ подобныхъ случаяхъ въ рукахъ бумажку, на которой написано: „Мекка“, и такимъ образомъ воображаютъ, что колѣнопреклоненіе ихъ от-

*) Сунниты насчитываютъ у себя четыре мезгеба (секты), а именно: Ханиеси, Шафеи, Малеки и Хамбали; всѣ они одинаково чтимы и предпочтеть которую нибудь считается грѣхомъ.

***) Такъ напримѣръ у всѣхъ ихъ платье доходитъ до колѣнъ и сшито изъ синяго холста—костюмъ, глубоко презираемый мусульманами, потому что его носятъ и Китайцы; а во вторыхъ они должны отпускать усы, тогда какъ по ученію Ислама — верхняя губа должна быть чисто выбрита.

*) Говорятъ, что въ настоящее время въ четырехъ округахъ Китайской Татаріи находится около 120,000 солдатъ, составляющихъ гарнизоны четырехъ главныхъ городовъ. Одни изъ нихъ, вооруженные шпагой и копьемъ, называются чанъ-пинъ, а другіе, вооруженные ружьями, известны подъ названіемъ шюа.

носятся не къ властелину Поднебесной имперіи, а къ священному городу Арабскаго пророка.

Зная большую разницу между Китайцами и мусульманами, не легко можно представить себѣ ихъ общественныя отношенія. Базалось бы, что при такой обстановкѣ теплыя, дружескія отношенія не мыслимы; но сколько я видѣлъ, между ними не существуетъ ни малѣйшей вражды. Китайцы, составляющіе въ ханствѣ меньшинство, никогда не даютъ Татарамъ чувствовать, что они владѣютъ ими, и начальство отличается величайшимъ безпристрастіемъ. Такъ какъ Китайцы вовсе не стоятъ за распространеніе и преобладаніе своей религіи, то они всѣми силами стараются смотрѣть за точнымъ исполненіемъ всѣхъ мусульманскихъ обрядовъ, строго наказывая тѣхъ, кто сколько нибудь пренебрегаетъ ими. Если случится что Мусульманинъ забудетъ помолиться, Китаецъ непременно замѣтитъ: „Какъ ты неблагодаренъ! У насъ нѣсколько сотенъ боговъ—и мы удовлетворяемъ ихъ всѣхъ; ты же говоришь, что у тебя Богъ одинъ, а не находишь времени помолиться ему“.

При безжалостной взыскательности Китайскаго правительства относительно религіи, муллы восхваляютъ добросовѣстность его, а всѣ Татары не могутъ нахвалиться искуснымъ правленіемъ и джонгъ-кафирами (великими невѣрующими) т. е. гениальными Китайцами *).

Странно, что всѣ послѣдователи Ислама, даже и тѣ, которые ходятъ на дальнемъ западѣ и на самыхъ восточныхъ границахъ, Турки, Арабы, Персы, Татары и Узбеки, насмѣхаются надъ своими недостатками столько же, сколько восхваляютъ достоинства и добродѣтели народовъ не Магометанскихъ. Такого рода рассказы я слышалъ со всѣхъ сторонъ. Они приписываютъ кафирамъ (невѣрующимъ) вкусъ въ искусствахъ, человѣколюбіе и безпримѣрную любовь къ справедливости, но не смотря на это, иногда мусульманинъ съ пылающимъ взоромъ высказываетъ пословицу, подобную той, какую сказалъ одинъ Французъ послѣ битвы при Росбахѣ: „Хвала Богу за то, что я мусульманинъ!“

с) Города.

Изъ городовъ, перечисленіе которыхъ находится при описаніи дорогъ въ Китайской Татаріи, самыми цвѣтущими считаются Котенъ и Яркандъ. По величинѣ замѣчательны: Турфанъ-Или и Комуль; а города Аксу и Кашгаръ пользуются особеннымъ почитаніемъ у жителей ханствъ. Въ Кашгарѣ насчитываютъ до 105 мечетей (вѣроятно грязныхъ хижинъ, назначенныхъ для молитвы) и двѣнадцать медресе; тамъ же находится гробница Хазрети-Афака, покровителя Китайской Татаріи (Хазрети-Афакъ значитъ: его высочество горизонтъ; эта фраза вы-

*) Взятіе Пекина Англо-Французской арміей было известно имъ. Когда я спросилъ у Хаджи-Бизала, какъ это примирить съ хваленнымъ могуществомъ Китая, онъ отвѣчалъ, что Французы употребили хитрость и безъ всякаго труда взяли столицу, напавъ предварительно жителей ея опомомъ.

ражаетъ безконечность талантовъ, которыми былъ одаренъ святой). Настоящее имя его было Ходжа-Садыкъ; онъ много способствовалъ развитію набожнаго духа Татаръ. Говорятъ, что въ былое время Кашгаръ былъ значительнѣе и имѣлъ гораздо болѣе жителей, чѣмъ теперь. Упадкомъ онъ обязанъ ежегоднымъ вторженіямъ Коканцевъ. Китайцы имѣютъ обыкновеніе, когда нападаютъ на нихъ, просить въ Пекинѣ официального разрѣшенія на защиту; и почти всегда, въ ожиданіи этаго разрѣшенія, ихъ успѣваютъ разорить и ограбить. Но не смотря на то, что Коканскіе ходжа (толпа жадныхъ бродягъ) нѣсколько лѣтъ къ ряду нападаютъ на этотъ городъ, Китайцы не перестаютъ быть Китайцами.

ГЛАВА XXI.

Сообщеніе Средней Азій съ Россіей, Персіей и Индіей.— Дороги въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи.

Россія имѣетъ съ Средней Азіей гораздо больше сношеній, чѣмъ всѣ другія иностранныя державы.

а) Караваны, идущіе изъ Хивы, проходятъ въ Астрахань и Оренбургъ, откуда многіе богатые купцы отправляются въ Нижній Новгородъ и даже въ Петербургъ.

б) Между Бухарой и Оренбургомъ бывають непрерывныя сношенія и въ особенности лѣтомъ; это путешествіе считается самымъ обыкновеннымъ и дѣлается въ пятьдесятъ или шестьдесятъ дней. Оно бываетъ продолжительнѣе или быстрѣе, смотря по надобности или по какому нибудь особенному случаю. Если между Киргизами нѣтъ особенныхъ волненій, то самые маленькіе караваны смѣло пускаются по этому пути.

в) Изъ Ташкента караваны отправляются въ Оренбургъ и Кизиль-Джаръ (Петропавловскъ). Въ Оренбургъ они доходятъ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ дней, а въ Петропавловскъ въ семьдесятъ. Такъ какъ переходъ этотъ очень опасенъ, то и караваны отправляются туда обыкновенно очень многолюдные.

г) Путь отъ Намангана и Аксу до Пулата (Семипалатинска) чаще другихъ совершаютъ Коканскіе караваны, сопровождаемые конвоемъ; они проходятъ его въ сорокъ дней. Одинокіе путешественники могутъ

безопасно проходить мимо Киргизовъ, но только въ такомъ случаѣ, если они путешествуютъ въ видѣ дервишей. Многие изъ путниковъ моихъ совершали путешествіе въ Мекку черезъ Семипалатинскъ, Оренбургъ, Казань и Константинополь.

До сихъ поръ я говорилъ о сообщеніяхъ сѣверной части Средней Азіи, теперь перейду къ южной части, гдѣ дорогъ гораздо меньше. Хива имѣетъ обыкновеніе отправлять нѣсколько маленькихъ каравановъ въ Персію черезъ Астрабадъ и Дерегезъ. Въ Бухарѣ нѣсколько больше дѣятельности, и въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, благодаря Теккамъ, пресѣкшимъ всякое сношеніе, ни одинъ караванъ не проходилъ изъ Мерва въ Мешгедъ. Самый бойкій путь черезъ Герать; по немъ караваны расходятся въ Персію, въ Афганистанъ и Индію. Дорога черезъ Карши и Балхъ считается второстепенной, потому что переходъ черезъ Гиндукушъ представляетъ множество очень серьезныхъ препятствій, и въ послѣдніе два года передвиженіе по этой дорогѣ было самое незначительное.

Кромѣ выше названныхъ значительныхъ путей сообщенія, слѣдуетъ упомянуть о тонкой нити сношеній, поддерживаемой отдѣльными пилигримами и нищими, между самыми уединенными частями Туркестана и отдѣльными уголками Азіи. Ничто не можетъ быть интереснѣе этихъ праздношатающихся бродягъ, бросающихъ свою родину для тысячеверстнаго путешествія, къ народамъ, отличающимся отъ нихъ въ различныхъ отношеніяхъ; отправляющихся безъ гроша въ страны, которыхъ ни названій, ни языка они не знаютъ, не говоря уже о нравахъ и обычаяхъ. Не думая о послѣдствіяхъ, бѣдный житель Средней Азіи *), слѣдуя внушенію какого нибудь сна отправляется въ Аравію и даже въ самую западную часть Турецкой имперіи. Ему терять нечего. Онъ хочетъ посмотрѣть на свѣтъ и слѣпо повинуется инстинкту. Свѣтъ, говорю я, и свѣтъ лично *его*, начинающійся Китаемъ и оканчивающійся Турецкой Имперіей. Что же касается до Европы, то онъ не отвергаетъ прелестей ея, но считаетъ ее переполненной до такой степени всякой чертовщиной, что ни за что не рѣшился бы вступить въ такой опасный лабиринтъ, даже съ самой вѣрной нитью въ рукахъ. Я убѣдился на опытѣ, что чѣмъ болѣе углубляешься въ Туркестанъ, тѣмъ болѣе замѣтно въ жителяхъ расположеніе къ этимъ ежегоднымъ, тяжкимъ путешествіямъ. Хаджей, ежегодно отправляющихся изъ Хивы, насчитываютъ среднимъ числомъ отъ десяти до пятнадцати человекъ; изъ Бухары—отъ тридцати до сорока, а изъ Кокана и Китайской Тартаріи—отъ семидесяти до восьмидесяти человекъ. Если къ этому прибавить страсть Персовъ къ странствованіямъ ко святымъ мѣстамъ Мешгеда, Кербеля, Кома и Мекки, то нельзя не удивляться благочестію и религіозному усердію Азіатцевъ.

Сѣмя переселенія древнихъ племенъ еще существуетъ, и еслибы не просвѣщеніе и сильное вліяніе Запада, напирающее со всѣхъ сто-

*) Я говорю бѣдный, потому что богатые рѣдко подвергаются такому безпокойству и труду; они посылаютъ представителей своей особы, которые отправляются въ Мекку и тамъ въ молитвахъ употребляютъ вмѣсто своего имени — имя пославшаго ихъ; сами же пользуются только тѣмъ, что послѣ смерти къ имени ихъ прибавляется названіе хаджи.

ронъ на Азію, то почемъ знать, какіе перевороты могли бы еще произойдти тамъ въ настоящее время?

Дороги въ трехъ Ханствахъ.

А.

Дороги въ Хивинскомъ ханствѣ и его окрестностяхъ.

1) Изъ Хивы до Гемюштепе.

а) Орта-Йолу—средній изъ трехъ путей, означенныхъ въ началѣ этого сочиненія и избранный мной самимъ, имѣеть слѣдующія станціи:

1) Акъ-япъ.	9) Дженавъ.
2) Медеминъ.	10) Улу-Балканъ.
3) Шорт.-Гель (озеро).	11) Кичигъ-Балканъ.
4) Капланкиръ.	12) Корень-Таги (горный хребетъ).
5) Дегли-Ата.	13) Кизиль-Такиръ.
6) Кариманъ-Ата.	14) Богдайла.
7) Койматъ-Ата.	15) Этрекъ.
8) Ети-Сври.	16) Гемюштете.

Переходъ этотъ можно совершить верхомъ въ 14 и 15 дней.

б) Дорогу, называемую Текке-Йолу, можно пробхать верхомъ въ 10 дней; она имѣеть слѣдующія станціи:

1) Медеминъ.	6) Чиргаларъ.
2) Дедаъ.	7) Чинъ-Могаммедъ
3) Шахсенемъ.	8) Сазликъ.
4) Ортакую.	9) Этрекъ.
5) Алты-Куйрукъ.	10) Гемюштепе.

Дорогу эту, говорятъ, опустошаютъ Туркменскіе аламаны; причина этому та, что по обыкновенному пути они могутъ быстро пробѣгать большія пространства.

2) Изъ Хивы до Мешеда.

Дорогъ двѣ: одна идетъ черезъ Хезареспъ и Дерегезъ къ югу, черезъ степь (путешественникъ можетъ совершить это путешествіе въ 12 дней); другая проходитъ черезъ Мервъ и имѣеть слѣдующіе станціи или колодцы:

1) Дари. *)	5) Шуръ-кенъ.
2) Сагри.	6) Акъяпъ.
3) Немекабадъ.	7) Мервъ.
4) Шахшакъ.	

*) Дари можно достигнуть въ первый же день.

3) *Изъ Хивы въ Бухару (большая дорога).*

Отъ.	До.	Фарсахи или парсаанги.
Хива	Ханка	6
Ханка	Шураханъ	5
Шураханъ	Ал-Камышъ	6
Ал-Камышъ	Тойебойюнъ	8
Тойебойюнъ	Тюнюкю	6
Тюнюкю	Учь-уджакъ	10
Учь-уджакъ	Каракель	10
Каракель	Бухара	9
		60

4) *Изъ Хивы въ Коканъ.*

Есть путь черезъ степь, мимо Бухары. Въ Шураханъ кончается Хивинское ханство и начинается Ходжендъ; чтобы дойти до него, нужно десять или двѣнадцать дней; черезъ Джиззакъ еще ближе. По этой дорогѣ ѣхалъ Конолли съ Коканскимъ княземъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ Хивѣ.

5) *Изъ Хивы въ Кунратъ и на берега Аральскаго моря.*

Отъ	До.	Таши или фарсахи.
Хива	Енги Ургенджъ	4
Енги-Ургенджъ	Герленъ	6
Герленъ	Енги-Япъ	3
Енги-Япъ	Хитай	3
Хитай	Мангитъ	4
Мангитъ	Бипчака	1
Бипчака	Комлы	2
Комлы	Ходжа-Или	22 (степь)
Ходжа-Или	Кунградъ	4
Кунградъ	Хекимъ-Ата	4
Хекимъ-Ата	Чортангель	5
Чортъ	Бозатавъ	10
Бозатавъ	Берегъ моря	5

Составляющія вмѣстѣ 73 ташъ; разстоянiе это, при хорошей дорогѣ, можно проѣхать въ 12 переходовъ.

6) *Изъ Хивы въ Кунратъ, черезъ Кене.*

Отъ.	До.	Таши или фарсахи.
Хива	Газавать	3
Газавать	Ташхаусъ	7
Ташхаусъ	Кекчегъ	2
Кекчегъ	Кизиль-Такиръ	7
Кизиль-Такиръ	Порсу	6
Порсу	Кене-Ургенджъ	9
Кене-Ургенджъ	Ходжа-Или	6

Отсюда въ Кунградъ 4 таша, всѣхъ же 44 таша; слѣдовательно этотъ путь короче, нежели черезъ Герденъ. Онъ менѣе въ ходу во первыхъ потому, что не безопасенъ, и во вторыхъ потому, что утомителенъ, такъ какъ большая часть его лежитъ черезъ степь.

7) *Изъ Хивы въ Фитнекъ.*

Отъ.	До.	Таши или фарсахи.
Хива	Шейхъ-Муктаръ	3
Шейхъ-Муктаръ	Багать	3
Багать	Ишавчене	2
Ишавчене	Хезареспъ	2
Хезареспъ	Фитнекъ	6
		16

Прибавивъ къ этому числу 73 таша, уже означенные подъ № 5, мы увидимъ, что самое большое разстоянiе, пробѣгаемое Аму-Дарьей въ ханствѣ, составляетъ не болѣе 89 ташей или фарсаховъ.

В.

Дороги въ Бухарскомъ ханствѣ и его окрестностяхъ.

1) *Изъ Бухары въ Герать.*

Отъ.	До.	Таши или фарсахи.
Бухара	Хошробатъ	3
Хошробатъ	Текендеръ	5
Текендеръ	Черчи	5
Черчи	Барагинди	5
Барагинди	Керки	7
Керки	Зендъ (колодезь).	8
Зендъ	Андгуй	10
Андгуй	Баткакъ	5
Баткакъ	Маймене	8
Маймене	Кайсаръ	4
Кайсаръ	Наринъ	6
Наринъ	Чичекту	6
Чичекту	Кале-Вели	6
Кале-Вели	Мургабъ	4
Мургабъ	Дербендъ	3
Дербендъ	Кале-Но	8
Кале-Но	Серчешме	9
Серчешме	Герать	6
		108

Разстоянiе это можно проѣхать верхомъ въ 20 или 25 дней.

2) *Изъ Бухары въ Мервъ.*

Здѣсь путешественникъ прежде всего долженъ отправиться въ Чарджуй, гдѣ начинаются три дороги:

- а) Черезъ Рафатакъ; тамъ есть одинъ колодезь и длина этого пути въ 45 фарссаховъ.
 б) Черезъ Учъхаджи. Два колодца на разстоянн 40 фарссаховъ.
 в) Черезъ Йолкую; это самая восточная дорога и имѣеть 50 фарссаховъ.

3) *Изъ Бухары въ Самаркандъ (обыкновенный путь).*

Отъ.	До.	Фарсахи, парсаанги.
Бухара	Мезаръ	5
Мезаръ	Кермине Р. . . .	6
Кермине Р. . . .	Миръ	6
Миръ	Кетте-Курганъ	5
Кетте-Курганъ	Дауль	6
Дауль	Самаркандъ	4
		32

Этотъ путь дѣлается въ телѣжкѣ о двухъ колесахъ въ 6 дней; на хорошей же лошади и верхомъ можно проѣхать его въ 3 дня. Курьеры проѣзжаютъ это разстоянн въ два дня, потому что ѣдутъ день и ночь.

4) *Изъ Самарканда въ Керки.*

Отъ.	До.	Фарсахи.
Самаркандъ	Робати-хаусъ	3
Робати-хаусъ	Найманъ	6
Найманъ	Шуркудукъ	4
Шуркудукъ	Карши	5
Карши	Фейзабадъ	2
Фейзабадъ	Сенгсулакъ	6
Сенгсулакъ	Керки	6
		32

5) *Изъ Самарканда въ Коканъ, черезъ Ходжендъ.*

Отъ.	До.	Фарсахи.
Самаркандъ	Енги-Курганъ	3
Енги-Курганъ	Джиззагъ	4
Джиззагъ	Заминъ	5
Заминъ	Джамъ	4
Джамъ	Савать	4
Савать	Оратепе	2
Оратепе	Нау	4
Нау	Ходжендъ	4
Ходжендъ	Карахчикумъ	4
Карахчикумъ	Мехремъ	2
Мехремъ	Бешарикъ	5
Бешарикъ	Коканъ	5
		46

Чтобы совершить это путешествиe въ телѣжкѣ (двухколесной), нужно 8 дней, но оно можетъ быть сокращено переѣздомъ изъ Оратепе

прямо въ Мехремъ, что потребуеть 8 часовъ времени; такимъ образомъ путешествіе сокращается на 6 ташей.

6) *Изъ Самарканда въ Ташкентъ и до Русской границы.*

Отъ.	До.	Таш.
Самаркандъ . . .	Енги-Бурганъ . . .	3
Енги-Бурганъ . . .	Джиззагъ	4
Джиззагъ	Джиннасъ	16
Джиннасъ	Зенги-Ата	4
Зенги-Ата	Ташкентъ	6
		<hr/> 33

Отсюда, судя по рассказамъ, можно прибыть въ 5 дней къ первому Русскому казацкому укрѣпленію или посту.

В.

Дороги въ Коканскомъ Ханствѣ.

1) *Изъ Кокана въ Ушъ (прямая дорога).*

Отъ.	До.	Таш.
Коканъ	Караултеше	5
Караултеше	Мерголанъ	3
Мерголанъ	Шериханъ	4
Шериханъ	Эндиганъ	3
Эндиганъ	Ушъ	4
		<hr/> 19

Въ двухколесной тележкѣ разстояніе это проѣзжаютъ въ 4 дня.

2) *Изъ Кокана въ Ушъ (черезъ Наменганъ).*

Отъ.	До.	Таш.
Коканъ	Библ-Увейда	3
Библ-Увейда	Сегри-Мензиль	2
Сегри-Мензиль	Киргизъ-Бурганъ	4
Киргизъ-Бурганъ	Наменганъ	4
Наменганъ	Ушъ-Курганъ	3
Ушъ-Курганъ	Гемюштепе	5
Гемюштепе	Ушъ	4
		<hr/> 25

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ дорогъ, есть еще одна дорога изъ Ташкента въ Наменганъ, представляющая много опасностей и трудностей для перехода. Хотя разстояніе ея простирается всего на 45 миль, но на переѣздъ требуется 10 дней. Она проходитъ по слѣдующимъ мѣстамъ: Той-Тепе, Карахитай-Тилавъ, Кошробать, Молламиръ, Баба-

тарханъ, Шигиданъ Камышкурганъ, Пунганъ, Харемсрай, Уйгуръ, Пошъ, Сенгъ, Джустъ, Терекурганъ и Наменганъ.

Г.

Дороги въ Китайской Татаріи.

Разстояніе отъ Кашгара до Ярканда считается въ 36 миль (ташъ); его можно пройти караванами или переѣхать въ телѣжкѣ въ 7 дней. На третій день путешественникъ достигаетъ мѣста, называемаго Енги-Хиссаръ, занятаго большимъ гарнизономъ солдатъ.

Изъ Кашгара въ Аксу считаютъ 70 миль, и для перехода этого пути караваномъ требуется 12 дней.

На переходъ изъ Аксу въ Уштурбанъ, лежащій къ югу, нужно только 2 дня.

Подвигаясь далѣе къ востоку, черезъ 28 дней мы достигнемъ Комула слѣдующимъ образомъ:

Отъ.	До.	Дневные переходы.
Аксу	Бай	3
Бай	Сарамъ	1
Сарамъ	Куча	2
Куча	Шіаръ	2
Шіаръ	Бегюръ	4
Бегюръ	Курлы	3
Курлы	Коне-Турѣанъ	8
Коне-Турѣанъ	Комулъ	3
		26

Если прибавить 12 дней ѣзды изъ Кашгара въ Аксу, то окажется, что изъ Аксу въ Комулъ можно доѣхать въ 40 дней.

ГЛАВА XXII.

Общее обозрѣніе земледѣлія, мануфактуръ и торговли.

Земледѣліе.—Разныя породы лошадей.—Овцы.—Верблюды.—Осли.—Мануфактуры.—
Торговля и коммерческое вліяніе Россіи на Среднюю Азію.

а) Земледѣліе.

Трудно повѣрить, какъ плодородна обрабатываемая земля этихъ трехъ ханствъ, раскинувшихся подобно оазисамъ въ огромныхъ степяхъ Средней Азіи. Не смотря на первобытную систему обработки земли, принятую въ ханствахъ, урожаи хлѣба и плодовъ чрезвычайно обильны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже слишкомъ обильны. Я упоминалъ уже о превосходствѣ Хивинскихъ плодовъ, и хотя Бухара и Коканъ не могутъ въ этомъ отношеніи сравняться съ Хивой, но слѣдующія произведенія ханствъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: виноградъ чрезвычайно высокаго достоинства (десяти сортовъ), великолѣпныя гранаты и въ особенности абрикосы, отправляемые въ большомъ количествѣ въ Персію, Россію и Афганистанъ. Хлѣба много во всѣхъ трехъ ханствахъ и онъ бываетъ пяти сортовъ, а именно: пшеница, ячмень, джугери (*Holcus saccharatus*), пшено (тарикъ) и рисъ. Лучшая пшеница и джугери въ Бухарѣ и Хивѣ, такъ какъ тамъ земля плодороднѣе; Коканъ же славится пшеномъ. Ячмень родится не совсѣмъ хорошаго качества, а потому его мѣшаютъ съ джугери и употребляютъ для корма лошадей.

Что касается до скотоводства, то обитатели Туркестана сосредоточиваютъ вниманіе свое только на лошади, овцѣ и на верблюдѣ.

Жители Средней Азіи смотрятъ на лошадь, какъ на свое alter ego. Лошади встрѣчаются здѣсь разныхъ породъ и отличаются разными качествами, описаніемъ которыхъ можно было бы наполнить цѣлые томы; но такъ какъ это не мой предметъ, то я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Породы лошадей, принадлежащихъ номадамъ, такъ же безчисленны, какъ племена и отрасли ихъ самихъ. Слѣдующая классификація заслуживаетъ вниманія:

1) Туркоманская лошадь, которой породы: Теккская и Юмутская, рѣзко отличается одна отъ другой. Изъ Теккскихъ самыя любимыя Керогли и Ахаль, замѣчательныя необыкновенной вышиной (отъ шестнадцати до семнадцати ладоней), очень стройныя, съ красивыми голо-

вами и величественной осанкой, но безъ хорошаго зада. Иомутская порода меньше ростомъ, прекрасно сложена и отличается большимъ терпѣніемъ и силою *). Вообще Туркоманскія лошади стройны, съ тонкимъ хвостомъ, красивой головой и шеей (жаль, что ей обрѣзають гриву) и съ необыкновенно гладкой и лоснящейся шерстью, которая сохраняется тѣмъ, что лѣтомъ и зимой бываетъ постоянно покрыта нѣсколькими войлочными чапраками. Что касается до цѣны хорошей Туркоманской лошади, то ее можно приобрести за сумму отъ ста до трехсотъ дукатовъ, и никакъ не менѣ тридцати.

2) Узбекская лошадь похожа на Иомутскую и отличается отъ нея только болѣе стройнымъ и плотнымъ станомъ; она нѣсколько смирнѣе и шея ея толще и короче; вообще она походитъ на нашихъ простыхъ лошадей, болѣе годныхъ для ѣзды, нежели для войны или аламановъ.

3) Касацкая лошадь находится въ полудикомъ состояніи; она мала ростомъ и отличается длинной гривой, толстой головой и тяжелыми ногами. Она лѣтомъ и зимой ищетъ себѣ пищу на пастбищахъ и ее рѣдко кормятъ домашнимъ кормомъ.

4) Коканская вьючная лошадь или ломовая—смѣсь Узбекской породы съ Касацкой; она замѣчательна необыкновенной силой.

Изъ этихъ четырехъ породъ лошадей вывозятся: Туркоманскія въ Персію и Узбекскія въ Афганистанъ и Индію.

Овцы вездѣ одной породы, съ толстыми хвостами; самыя лучшія въ Бухарѣ; на Востокѣ я не ѣдалъ болѣе вкуснаго бараньяго мяса.

Верблюды трехъ сортовъ: одnogорбые, двугорбые, называемые бактрианами и встрѣчаемые только у Киргизъ, и верблюдъ неръ, о которомъ мы упоминали при описаніи Андкуи.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть объ ослахъ. Самые лучшіе находятся въ Бухарѣ и Хивѣ; хаджи вывозятъ ихъ во множествѣ въ Персію, Багдадъ, Дамаскъ и Египеть.

б) Мануфактуры.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда Турція была менѣ доступна Европейской торговлѣ, туземныя произведенія Енгюрю (Ангоры), Бруссы, Дамаска и Алеппа были болѣе въ ходу. Средняя Азія даже теперь еще отдалена отъ насъ болѣе, чѣмъ Турція въ вышеупомянутое время. Наша торговля тамъ еще очень мало развита и вслѣдствіе этого предметы одежды и домашняго обихода дѣлаются преимущественно изъ туземныхъ произведеній, о которыхъ мы постараемся дать здѣсь маленькое понятіе.

Главные мѣста Средне Азіатскихъ мануфактуръ суть: Бухара, Карши, Енги-Ургенджъ, Коканъ и Наменганъ; тамъ выдѣлываются ткани: бумажная, шелковая и холщевая, и кожанья издѣлія, удовлетворяющія вполнѣ туземнымъ требованіямъ. Въ самомъ большемъ употребленіи такъ называемая аладжа, употребляемая для мужскаго и женскаго платья. Въ Хивѣ ее ткуть изъ бумаги и сырцеваго шелка,

*) Мы случалось видѣть лошадей, несущихъ Туркомана и раба его, сидящаго по задъ сѣдла, въ продолженіи тридцати часовъ и притомъ быстрымъ галопомъ.

а въ Бухарѣ и Коканѣ изъ одной бумаги. Такъ какъ тамъ нѣтъ отдѣльныхъ портныхъ, то фабрикантъ продаетъ произведеніе свое уже готовымъ платьемъ.

Во время пребыванія нашего въ Бухарѣ, жители жаловались на высокія цѣны платья; онѣ были слѣдующія:

Платья.	1-й сортъ.	2-й сортъ.	3-й сортъ.
Хивинскія	30 тенге.	20 тенге.	8 тенге.
Бухарскія	20 "	12 "	8 "
Коканскія	12 "	8 "	5 "

Кромѣ аладжи, выдѣлываются: шелковыя матеріи, шерстяныя шали для тюрбановъ и полотно, по большей части грубаго достоинства, изъ котораго дѣлается нѣчто въ родѣ коленкора съ темно-красными разводами, употребляемаго въ Туркестанѣ и Афганистанѣ для постельныхъ покрываль.

Жители Средней Азии особенно отличаются кожаными издѣліями; они далеко превосходятъ насъ въ выдѣлкѣ шагрена (по Татарски сагри), зеленого цвѣта и съ маленькими выпуклостями въ видѣ пузрырьковъ. За исключеніемъ мѣшковъ для воды, которые выдѣлываются изъ Русской кожи, всѣ предметы упряжи и т. п. приготовляются изъ туземной кожи. Бухара и Коканъ особенно славятся выдѣлкой этихъ предметовъ. Въ Хивѣ выдѣлывается только одинъ сортъ толстой кожи, употребляемой для башмаковъ и сапоговъ. Изъ болѣе тонкихъ полостей они готовятъ месхи (нѣчто въ родѣ чулокъ, которые носятъ подъ башмаками), а изъ самой толстой—кушь или галоши.

Бумага, приготовляемая въ Бухарѣ и Самаркандѣ, пользуется высокою славой по всему Туркестану и въ смежныхъ съ нимъ странахъ. Она дѣлается изъ сырцеваго шелка, гладка, тонка и хорошо приспособлена къ Арабскому письму.

Желѣзные и стальные издѣлія, за неимѣніемъ матеріала, выдѣлываются въ маломъ числѣ. Только винтовыя ружья, вывозимыя изъ Хезареспы, шашки и ножи изъ Хиссара, Карши и Джуста, славятся своимъ особеннымъ достоинствомъ.

Одно изъ главныхъ произведеній Средней Азии—ковры, есть единственная отрасль труда и искусства Туркоманскихъ женщинъ; мы получаемъ ихъ чрезъ Персію и Константинополь. Кромѣ удивительной чистоты красокъ и прочности ткани, поразительно въ этихъ кочующихъ полудикихъ женщинахъ умѣнье соблюсти симметрію фигуръ, часто отличающихся бѣлымъ вкусомъ, нежели у многихъ Европейскихъ фабрикантовъ. За однимъ ковромъ работаетъ обыкновенно нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, которыми руководить старуха; она чертитъ узоръ на песокъ остроконечной палкой и потомъ смотря на него, выкликаетъ число и цвѣта нитокъ, нужныхъ для узора.

Слѣдующее мѣсто за этой отраслью промышленности по достопримѣчательности принадлежитъ войлочнымъ издѣліямъ, которыми отличаются Киргизскія женщины.

в) *Торговля.*

Мы уже упоминали въ главѣ о способахъ сообщенія, что Россія ведетъ самыя обширныя и постоянныя сношенія съ Средней Азіей, а потому Русскую торговлю должно считать самой древней и значительной. Эта торговля, постоянно увеличивающаяся, не имѣетъ тамъ соперника; необыкновенныя успѣхи ея можно видѣть изъ слѣдующаго достовѣрнаго источника. Г. Ханыковъ въ сочиненіи своемъ, напечатанномъ въ 1843 году, утверждаетъ, что для транспортной торговли ежегодно употребляется отъ пяти до шести тысячъ верблюдовъ и что товаровъ вывозятъ изъ Средней Азіи въ Россію на сумму отъ трехъ до четырехъ милліоновъ руб. сереб.; сумма же, выручаемая за товары, вывозимые изъ Россіи, и доходившая въ 1828 году до 23,620 фунтовъ стерлинговъ, увеличилась въ 1840 году до 65,675 ф. стерл. Эта сумма относится къ годамъ 1828—1845. Секретарь Британскаго посольства въ С.-Петербургѣ, мистеръ Т. Савиль Ломлей, сообщаетъ въ отчетѣ своемъ, составленномъ съ большимъ знаніемъ дѣла, нѣкоторыя свѣдѣнія о Русской торговлѣ съ Средней Азіей и говоритъ, что въ періодъ отъ 1840 до 1850 года вывозъ поднялся до 1,014,237 фунтовъ стерлинговъ, а ввозъ до 1,345,741 ф. стер.

Вотъ составленная м-ромъ Ломлеемъ таблица торговли между Россіей и Средней Азіей, въ десятилѣтній періодъ, отъ 1840 до 1850 г.

	Вывезено:			
	Въ Бухару.	Въ Хиву.	Въ Кокань.	Всего.
	ф. стер.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Монеты золот. и сереб.	213,959	15,210	375	229,554
Мѣдной	45,776	1,856	2,043	49,675
Желѣза, мелочныхъ жезлѣзныхъ товаровъ, металловъ	82,127	9,331	10,979	102,437
Бумажныхъ издѣлій	156,707	58,915	7,559	223,181
Шерстяныхъ	50,467	25,869	1,976	78,312
Шелковыхъ	10,550	4,799	71	15,420
Кожаныхъ	81,543	37,921	4,069	123,533
Деревянныхъ изд.	8,595	460	826	9,881
Краснаго товара и красокъ	48,635	17,904	693	67,232
Разныхъ товаровъ	85,416	27,567	2,031	115,012
Итого	783,785	199,830	30,622	1,014,237

	Ввезено.			
	Изъ Бухары.	Изъ Хивы.	Изъ Кокана.	Всего.
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Бумаги хлопчатой и крученой	333,177	76,255	2,718	412,150
Бумаги въ издѣл.	496,622	88,960	14,180	601,802
Шелка сырцеваго и въ издѣліяхъ	17,443	3,088	160	20,691
Шерсти въ изд.	428	1,322	52	1,802
Мерены	7,351	26,201	7	33,559
Мѣховъ бараньихъ шкуръ	151,773	6,297	1,995	160,065
Драгоценныхъ камней и жемчуга	17,856	703	—	18,559
Сушеныхъ плодовъ	27,784	2,147	16,883	44,814
Шалей, кашемира	24,242	—	—	24,242
Разныхъ товаровъ	19,664	4,452	3,941	28,057
Итого	1,096,380	209,425	39,936	1,345,741

Даже и безъ этихъ цифръ, одинъ взглядъ на базары Бухары, Хивы и Карши убѣдилъ бы насъ въ значительности этой отрасли Русской торговли, и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что нѣтъ ни одного дома, ни одной палатки въ Средней Азiи, въ которыхъ не было бы какого нибудь Русскаго издѣлiя. Одинъ изъ значительнѣйшихъ предметовъ торговли—чугунъ, привозимый изъ южной Сибири и Уральскихъ горъ, по большей части въ видѣ котловъ и сосудовъ для воды, и только для одной этой торговли съ Бухарой, Ташкентомъ и Хивой употребляется болѣе 3,000 верблюдовъ.

Послѣ чугуна болѣе замѣчательны: желѣзо, желтая мѣдь, Русскiя бумажныя произведенiя, батистъ, кисей, мѣдные чайники, оружіе и разный ножевой товаръ. Сувна же, по своей большой дороговизнѣ, мало покупаются и слѣдовательно рѣдко встрѣчаются. Вышеупомянутые предметы вывозятся изъ Бухары и Карши въ остальную часть Туркестана, въ Маймене, Герать и даже въ Кандагаръ и Кабуль. Послѣдніе два города хотя ближе къ Пешавуру и Карачи, но Русскимъ товарамъ отдается предпочтеніе, не смотря на то, что они гораздо хуже Англійскихъ.

Обстоятельство это можетъ показаться читателю страннымъ, но причины его очень ясны. Оренбургъ на такомъ же разстояніи отъ Бухары, какъ Карачи, который находясь на индiйской территорiи Великобританiи, могъ бы служить форпостомъ Англійской коммерціи. Дорога черезъ Герать въ Среднюю Азiю гораздо удобнѣй для ѣзды, чѣмъ дорога, ведущая черезъ степь въ Россiю,—и все-таки Англійская торговля стоитъ здѣсь ниже Русской. Но на это есть много причинъ. Во первыхъ, торговыя сношенiя Россiи съ Татарiей существуютъ уже нѣсколько столѣтiй, Англійскую же торговлю, сравнительно, можно назвать новой; а извѣстно, какъ Восточные жители упорно придерживаются старыхъ обычаевъ и привычекъ. Во вторыхъ, Русскіе, занимая земли сосѣднiя съ Средне-Азiатцами, болѣе знакомы съ вкусомъ и потребностями ихъ, нежели Англійскіе фабриканты Бирмингэма, Манчестера, Глазгова и проч.,—ало, которому могло бы помочь только устраненіе неудобствъ, сопряженныхъ въ настоящее время съ проѣздомъ не только въ Бухару, но и по Афганистану. Въ третьихъ, дорога черезъ Герать, не смотря на всѣ удобства свои, сильно отвращаетъ иностранныхъ купцовъ вслѣдствіе системы правленiя, которую можно назвать разбойнической, какъ мы уже говорили выше (см. главу XIV).

Кромѣ коммерческихъ сношенiй съ Россiей, Туркестанъ имѣетъ еще другiя, почти безпрерывныя сношенiя съ Персiей черезъ Герать; туда высылаются изъ Средней Азiи: овечья шерсть, сушеные плоды, матеріалы для краски въ красный цвѣтъ и нѣкоторыя туземныя матеріи, взаимъ которыхъ получаютъ: большое количество опиума *) изъ Мешгеда, Англійскіе товары изъ дома Ралли и К^o, сахаръ и кожевен-

*) Опиумъ, называемый здѣсь теріакъ, готовится въ юго-восточной Персiи слѣдующимъ образомъ: на полузрѣломъ макѣ дѣлаютъ вечеромъ въ трехъ мѣстахъ насѣчки, изъ которыхъ на слѣдующее утро показывается жидкость, въ родѣ росы; снявъ эту жидкость до солнечнаго восхода и потомъ сваривъ ее, получаютъ теріакъ. Странно, что изъ трехъ отверстiй текутъ разные вещества, изъ которыхъ среднее считается самымъ лучшимъ.

ный товаръ. Изъ Мешгеда въ Бухару есть дорога, которую можно проѣхать въ десять дней; но караваны принуждены ѣхать втрое дальше, окольной дорогой черезъ Герать. Изъ Кабула вывозятся въ Бухару бумажныя шали, съ синими и бѣлыми полосами, которыя по Татарски называются пота, а по Афганистански—лунги. Ихъ употребляютъ на лѣтніе тюрбаны и выдаютъ за Англійское издѣліе, что очень можетъ быть, и въ такомъ случаѣ это единственный удачно продаваемый товаръ, такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ національному вкусу Средне-Азіатцевъ. Кромѣ того Кабульцы вывозятъ индиго и разнаго рода пряности, получая взаменъ Русскій коленикоръ, чай и бумагу.

Съ Китаемъ Средняя Азія ведетъ самую незначительную торговлю чаемъ и фарфоромъ, но эти предметы тамъ совсѣмъ не тѣ, что въ Европѣ. Китайцы рѣдко переступаютъ за границу и торговыя сношенія поддерживаются почти исключительно Калмыками и мусульманами.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть о торговлѣ, которую ведутъ хаджи въ Персіи, Индіи, Аравіи и Турціи. Читатель можетъ принять это за шутку, но я по опыту знаю, что сношенія, поддерживаемыя ими, заслуживаютъ названія торговли. Пятдесятъ или шестдесятъ хаджей, прибывшихъ со мной изъ Средней Азіи въ Герать, привезли съ собой около сорока дюжинъ шелковыхъ платковъ изъ Бухары, около двухъ тысячъ ножей, тридцать кусковъ шелковой матеріи изъ Наменгана, большое количество Коканскихъ даппи (шапочки, на которыя наворачиваются тюрбаны) и проч. Это только хаджи, отправившіеся по одной дорогѣ. Чтобы опредѣлить количество ввозимаго ими товара, надо знать число хаджей; не трудно понять, что большая часть Европейскаго ножеваго товара, распространеннаго въ Средней Азіи, проходить туда съ помощію хаджи.

ГЛАВА XXIII.

Внутреннія и внѣшнія политическія отношенія Средней Азіи.

Внутреннія отношенія между Бухарой, Хивой и Коканомъ.—Внѣшнія отношенія къ Турціи, Персіи, Китаю и Россіи.

а) Внутреннія отношенія.

Изъ сказаннаго мною на предыдущихъ страницахъ по поводу недавнихъ событій въ Хивѣ и Коканѣ, можно составить довольно вѣрное

сужденіе объ отношеніяхъ между различными ханствами. Я хочу прибавить къ этому нѣсколько фактовъ, чтобы удобнѣе было сдѣлать всестороннюю оцѣнку настоящаго положенія дѣлъ.

Начнемъ съ Бухары. Это ханство еще до введенія Ислама играло главную роль; не смотря на перевороты, бывшіе съ тѣхъ поръ, оно сохраняло всегда превосходство и даже въ настоящее время его считаютъ колыбелью проевѣщенія Средней Азіи. Коканъ, Хива и другія маленькія ханства, лежащія къ югу, даже самъ Афганистанъ, не перестаютъ признавать нравственное превосходство Бухары. При всемъ томъ, хотя они постоянно восхваляютъ музль и Исламское ученіе „Благородной Бухары“, любовь ихъ ограничивается только этимъ, потому что не смотря на попытки Бухарскихъ эмировъ воспользоваться духовнымъ вліяніемъ своимъ и увеличить политическую власть надъ своими сосѣдями, старанія ихъ остались безуспѣшны не только въ ханствахъ, но и въ столицахъ ихъ. Близорукіе политики могутъ заключить изъ войнъ, веденныхъ эмиромъ Насруллою съ Хивой и Коканомъ, что Бухара, изъ опасенія Русскаго нападенія, расположена заключить дружественный союзъ съ своими сосѣдями на довольно унижительныхъ основаніяхъ. Но они были бы неправы, потому что подобныхъ плановъ никогда не было у Бухары. Походы эмира были не болѣе, какъ хищническія нападенія, и я увѣренъ, что три ханства не только не подадутъ взаимной помощи другъ другу, но напротивъ раздорами снабдятъ всякаго врага вѣрнымъ оружіемъ противъ себя. И такъ Хива и Коканъ считаются постоянными врагами Бухары, хотя она и не боится ихъ. Въ Средней Азіи она имѣетъ только одного соперника, дѣлающагося съ каждымъ днемъ для нея страшнѣе, а именно—Афганистанъ.

Считаю лишнимъ упоминать, что страхъ этотъ дошелъ до высшей степени во время побѣдоноснаго похода Достъ-Мохаммедъ-Хана по направленію къ Аму-Дарьѣ. Эмиръ Насрулла хорошо зналъ, что престарѣлый Афганъ никогда не проститъ ему позорной шутки, сыгранной съ нимъ или лучше сказать съ сыномъ его, когда послѣдній просилъ убійства въ Бухарѣ *); и такъ какъ утверждали, что Достъ-Мохаммедъ не только примирился съ Англичанами, но даже былъ на жалованьи у нихъ, то опасенія эмира увеличились и онъ сталъ считать себя уже жертвой въ рукахъ Англичанъ, которые хотятъ отмстить за кровавую смерть Конолли и Стоддарта. Мрачна должно быть была картина будущности ханства, унесенная Татарскимъ тираномъ съ собой въ могилу. Сынъ и наслѣдникъ его, царствующій эмиръ, по вступленіи на престолъ тоже не переставалъ опасаться Афганистана.

Мозафаръ-эд-Динъ былъ въ Коканѣ, когда дошла до него вѣсть о смерти Достъ-Мохаммеда; посланный, явившійся съ этой новостью, получилъ отъ эмира подарокъ въ 1000 тенге, и въ тотъ же день было импровизировано пиршество; вечеромъ Мозафаръ, чтобы пополнить число законныхъ женъ своихъ, принялъ въ четвертыя супруги мень-

*) См. Ферриера „Исторію Афганъ“, стр. 336.

шую дочь Худаярь-Хана. Со смертію Достъ-Мохаммеда ужась миноваль, но чувство уваженія осталось, потому что Афганы, благодаря своему союзу съ Англіей, приобрѣли нѣсколько тысячъ хорошо устроенныхъ регулярныхъ войскъ.

Сознавая превосходство Афгановъ и свое собственное безсиліе, Бухара приняла политику, цѣлью которой было какъ можно болѣе вредить имъ интригами. Такъ какъ Афганы были въ союзѣ съ Англичанами, то Бухарцы стали славить ихъ по всему Туркестану, какъ отступниковъ отъ ученія Ислама, а потому въ послѣдніе годы коммерческія сношенія съ Кабуломъ значительно уменьшились. Я говорю выше, что Текке и Салоры находятъ постоянно на жалованьи у Бухары. При осадѣ Герата, престарѣлый Достъ не могъ не удивляться тому, что Туркоманы, которымъ онъ дѣлалъ подарки, не переставали беспокоить его и уводить плѣнниками людей, принадлежавшихъ къ его собственной арміи. Онъ совсѣмъ потерялъ изъ виду своего дѣйствительнаго врага — золото Бухары, такъ какъ Туркоманы имѣютъ привычку стоять за тѣхъ, кто лучше платитъ. Этого достаточно о внутренней политикѣ Бухары.

Хиву значительно ослабили постоянныя войны, которая она должна было поддерживать съ своими собственными данниками: Юмугами, Чодорами и Касаками, всегда готовыми возобновить состязаніе. Преимущество численности на сторонѣ Бухары, и если эмиръ до сихъ поръ не могъ покорить Хивы, то единственная причина этому храбрость Узбекскаго населенія. Я слышалъ, что Ахлахкули первый отправилъ посланника въ Бухару и Коканъ (вѣроятно по наущенію Конолли), чтобы организовать союзъ противъ Россіи. Бухара не только отказалась отъ такого союза, но даже изъявила готовность войти въ сношенія съ Россіей; Коканъ же, вмѣстѣ съ Шегри-Себзомъ и Хиссаромъ (города, находившіеся въ то время въ войнѣ съ эмиромъ), объявили, что они принимаютъ предложеніе Хивы; но союзъ этотъ навсегда остался однимъ предположеніемъ, никогда не приведеннымъ въ исполненіе. Чтобы показать трудность осуществленія такого союза, мы приведемъ здѣсь древнюю Арабскую пословицу, принятую Средне-Азіятцами за характеристику собственной своей національности: „Въ Румѣ — блаженство, въ Дамаскѣ — благотворительность, въ Багдадѣ — ученость, а въ Туркестанѣ — ничего кромѣ злобы и вражды.“

Коканъ, подобно Хивѣ, жертва постоянныхъ распрей Кипчаковъ, Киргизовъ и Касаковъ; если прибавить къ этому безпримѣрную трусость его Узбекскихъ жителей, то не удивительно, что Коканъ бывалъ всегда побѣждаемъ Бухарой, не смотря на его большое народонаселеніе и пространство, гораздо значительнѣйшее остальныхъ ханствъ.

б) Вышшія отношенія.

Въ политическихъ отношеніяхъ съ иностранными державами Средняя Азія приходитъ въ столкновеніе только съ Турціей, Персіей, Китаемъ и Россіей.

Константинопольскій султанъ считается главнымъ представителемъ религіи и калифомъ. Въ Средніе вѣка было завсдено, чтобы правитель каждаго изъ трехъ Туркестанскихъ ханствъ получалъ нѣчто въ родѣ придворной должности, въ знакъ подчиненія Вогдадскимъ калифамъ; и эта старая система этикета продолжастся и до сихъ поръ, такъ что князья при восшествіи на престолъ имѣють обыкновение иснать въ Стамбулѣ почетныхъ отличій посредствомъ особенныхъ посольствъ. Хивинскій ханъ носитъ званіе мундшенка, Бухарскій эмиръ — реиса (блюстителя религіи), а Коканскій ханъ — конетабля. Придворныя званія эти всегда были въ большомъ почетѣ; впоследствии я узналъ, что сановники исполняютъ съ точностію соотвѣтственныя имъ должности одинъ разъ въ годъ. Надо прибавить, что связь жителей ханствъ съ Константинополемъ этимъ и ограничивается. Султаны не имѣють никакого политическаго вліянія на три ханства; жители Средней Азии привыкли соединять съ словомъ Румъ (какъ здѣсь называется Турція) всю власть и величіе древняго Рима, съ которымъ народное мнѣніе смѣшиваетъ его; но князья, какъ видно, не увлекаются этотъ иллюзіей и не признають верховной власти султана, пока Порта не присоединитъ къ своему фирману объ инвеститурѣ или къ „свободѣ молитвы“ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ піастровъ. Въ Хивѣ и Коканѣ продолжаютъ читать эти Константинопольскіе фирманы съ почтеніемъ и благоговѣніемъ. Первое изъ этихъ ханствъ въ теченіи десяти лѣтъ имѣло въ Константинополѣ представителемъ Шюкрулла-Бея; второе же во время царствованія Молла-Хана, имѣло при дворѣ султана, въ продолженіи только четырехъ лѣтъ, посланника Мирзу-Джана. Сообразно съ древними обычаями, этихъ посланниковъ часто содержали подолгу насчетъ государства; такое бремя было не совсѣмъ удобно для бюджета, назначеннаго на расходъ по иностраннымъ державамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было необходимо для доказательства духовнаго превосходства Азии.

Оттоманская имперія только тогда могла бы приобрести дѣйствительное политическое вліяніе на эти отдаленныя области Востока, когда она сама была разбужена отъ Восточной сонливости Петромъ Великимъ. По характеру Турецкой династіи, домъ Османовъ могъ бы изъ разныхъ сходныхъ элементовъ, соединенныхъ общимъ языкомъ, религіей и исторіей, основать имперію, простирающуюся отъ берега Адриатическаго моря далеко въ Китай; имперію, могущественнѣе той, для соединенія разнородныхъ матеріаловъ которой Великій Романовъ долженъ былъ употребить не только силу, но и искусство. Анатолийцы, Азербиджане, Туркмены, Узбеки, Киргизы и Татары могли бы быть членами могущественнаго Турецкаго колосса, который тогда могъ бы состязаться съ своимъ сѣвернымъ соперникомъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ нынѣшняя Турція.

Съ ближайшей сосѣдкой своей, Персіей, Хива и Бухара только изрѣдка обмѣниваются посланниками. Признаніе Персіей правилъ Шитской секты составляетъ стѣну разьединенія для этихъ двухъ фанатическихъ націй, подобную той, какую 300 лѣтъ тому назадъ воздвигъ протестантизмъ между двумя огромными частями Европейскихъ Христіанъ. Если къ этой религіозной враждѣ прибавить неприязнь между Иранскимъ и Туранскимъ племенами, основанную на преданіи и исторически извѣстную, то легко можно составить себѣ идею о безднѣ,

раздѣляющей симпатіи націй, которымъ природа назначила жить въ смежныхъ земляхъ.

Персія, которая по естественному ходу событій должна была бы образовать русло для перелива въ Туркестанъ преимуществъ современной цивилизаціи, — не пользуется тамъ ни малѣйшимъ вліяніемъ. Не имѣя силы защищать даже границы свои отъ Туркменъ, она претерпѣла постыдное пораженіе при Мервѣ, о которомъ мы уже упоминали, и это окончательно разрушило послѣдніе слѣды ея авторитета. Три Татарскія ханства вовсе не боятся ея; они утверждаютъ, что Богъ далъ Персіанамъ голову (разумъ) и глаза, но не далъ сердца (храбрости).

Что касается до Китая, то его политическія сношенія съ Средней Азіей такъ рѣдки и ничтожны, что объ нихъ не стоитъ упоминать. Сношенія между ними бывають не чаще, какъ одинъ разъ въ столѣтіе. Эмиры посылають иногда посланниковъ своихъ въ Кашгаръ; Китайцы же никогда не покушаются вѣхать въ Туркестанъ дальше Бухары. Съ Коканомъ переговоры бывають чаще, но къ мусульманскимъ варварамъ обыкновенно отправляють чиновниковъ низшаго разряда.

Политическія сношенія съ Россіей совершенно другаго рода. Владѣя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій странами, лежащими къ сѣверу отъ Туркестанскихъ степей, Россія вела самыя большія коммерческія сношенія съ тремя ханствами, болѣе другихъ сосѣдей наблюдала за ходомъ дѣлъ тамъ, что привело ее къ ряду усилій, которыя могутъ окончиться не иначе, какъ совершеннымъ покореніемъ этихъ ханствъ. Естественныя препятствія, замедлявшія успѣхъ Россіи, служатъ можетъ быть къ тому, чтобы сдѣлать успѣхъ этотъ болѣе вѣрнымъ. Три ханства — единственные члены, которыхъ не достаетъ огромному царству, созданному Іоанномъ Васильевичемъ (1462 — 1506 г.) и сплоченному въ одно цѣлое съ его русскими владѣніями.

Въ самихъ ханствахъ Русская политика была замѣчена; князья и народъ очень хорошо знаютъ опасность, угрожающую имъ, но Восточное равнодушіе и религіозный энтузіазмъ убаюкивають ихъ въ пріятномъ усыпленіи безопасности. Большинство Средне-Азіатцевъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, довольствовались замѣчаніемъ, что Туркестанъ имѣетъ двѣ сильныя защиты: во первыхъ, огромное число святыхъ, покоящихся въ ихъ земляхъ, при непрестанномъ покровительствѣ „благородной Бухары“, и во вторыхъ, обширныя степи, окружающія ихъ. Многіе изъ нихъ, и особенно купцы, долго жившіе въ Россіи, посмотрѣли бы на перемѣну правленія равнодушно, потому что хотя они и питають ненависть къ не Магометанамъ, но восхваляють ихъ за любовь къ правдѣ и порядку, которымъ отличаются „невѣрные“.

ГЛАВА XXIV.

Соперничество Русскихъ съ Англичанами въ Средней Азiи.

Положенiе Россiи и Англии въ отношенiи къ Средней Азiи. — Успѣхи Россiи на Яксартѣ.

По возвращенiи въ Англiю я слышалъ, что соперничество Англии съ Россiей въ Средней Азiи сущiй вздоръ. „Не будемъ, говорятъ, болѣе повторять вопросъ, уже устарѣлый и вышедшiй изъ моды. Туркестанскiя племена дики и грубы, и если Россiя возьметъ на себя тяжкiй и достойный трудъ просвѣщенiя этихъ варваровъ, то мы не только не позавидуемъ ей, но будемъ очень рады. Англии нѣтъ причины завидовать такой политикѣ“.

Преисполненный отвращенiя къ сценамъ жестокости, видѣннымъ мною въ Туркестанѣ и о которыхъ я старался дать маленькое понятiе на предшествовавшихъ страницахъ, я долго разсуждалъ самъ съ собою о томъ, основательны ли во всѣхъ отношенiяхъ подобныя политическiе взгляды.

Мнѣ давно уже казалось яснымъ, что Христiанская цивилизацiя, безспорно благороднѣйшая и прекраснѣйшая принадлежность человѣческаго общества, была бы благодѣянiемъ для Средней Азiи. Но политическую сторону вопроса я не могъ бы разрѣшить такъ скоро. Разсматривая предметъ этотъ со всѣхъ точекъ зрѣнiя и вывода свои заключенiя, я никакъ не могу допустить мысли, чтобы Англiя могла быть равнодушна къ приближенiю Россiи къ ея Индiйскимъ владѣнiямъ.

Эпоха политической утопiи уже прошла. Мы далеко не такъ увлечены руссофобiей, чтобы мечтать о приближенiи времени, когда Русскiй казакъ столкнется носъ къ носу съ Англiйскимъ сипаемъ, стоя на своихъ взаимныхъ границахъ. Драмма стычки въ Средней Азiи двухъ колоссовъ, о которой политическiе мечтатели думали много лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ еще не разыгралась. Однако вопросъ этотъ, хотя медленно, но двигается впередъ, и потому я, слѣдя за естественнымъ теченiемъ обстоятельствъ, постараюсь безъ излишняго жара познакомить читателя съ причинами, побудившими меня порицать равнодушiе Англичанъ къ политикѣ Русскихъ въ Средней Азiи.

Во первыхъ спросимъ: подвигается ли Россiя, въ полномъ смыслѣ этого слова, къ Югу, и если это такъ, то на сколько она до сихъ поръ подвинулась? На политику Россiи въ Средней Азiи обратили серьезное вниманiе не болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ. Занятiе Афганистана Англичанами и Русско-Персидскiй союзъ и экспедицiя про-

тивъ Хивы были первыми причинами, возбуждвшими вопросъ о Туркестанѣ въ дипломатической перепискѣ кабинетовъ С.-Петербургскаго и Лондонскаго. Послѣ того наступило молчаніе; Англія, обезкураженная неудачею своихъ плановъ, отступила, но Россія молча продолжаетъ дѣлать успѣхи и въ послѣднее время на границахъ ея, ближайшихъ къ Туркестану, произошло много перемѣвъ, напримѣръ: въ западной части Средней Азіи, на Аральскомъ морѣ и берегахъ его, вліяніе Россіи значительно увеличилось. Вся западная часть Аральскаго моря, исключая устьевъ Аму-Дарьи, признана Русскимъ владѣніемъ. На этомъ морѣ въ настоящее время находятся три парохода, которымъ Хивинскій ханъ позволилъ дойти до Кунграта *). Говорятъ, что пароходы эти стоятъ тамъ для охраненія рыболовли, но цѣль ихъ вѣроятно другая, потому что въ Хивѣ всякій знаетъ недавнія возмущенія въ Кунградѣ и частыя схватки Касаковъ съ Узбеками, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ этимъ рыбацкимъ судамъ.

Но это все втростепенные планы. Настоящая же линія дѣйствій находится по лѣвой сторонѣ Яксарта. Здѣсь мы находимъ Русскіе форпосты, поддерживаемые непрерывной цѣпью укрѣпленій и стѣвъ, простирающихся до Кале-Регима, находящагося на разстояніи тридцати двухъ миль отъ Ташкента, который, какъ я уже замѣтилъ, можно назвать ключемъ всѣхъ завоеваній въ Средней Азіи. Дорога эта, проходящая чрезъ меньшее пространство степей, хорошо выбрана, потому что хотя армія въ этомъ мѣстѣ подвергается болѣе неожиданнымъ нападенимъ, но имъ легче противустоять, нежели ярости стихій. На восточныхъ границахъ Кокана, по ту сторону Наменгана, Русскіе также подвигаются все ближе и ближе; и во время Худаяръ-Хана уже было нѣсколько схватокъ между Русскими и Коканцами.

И такъ нечего сомнѣваться въ успѣхѣхъ предпріятій Русскихъ въ Средней Азіи. Я говорилъ уже, что интересы цивилизаціи должны заставитьъ насъ пожелать полного успѣха Русскому оружію; но послѣдствія такого пріобрѣтенія возбуждаютъ сложный вопросъ: будетъ ли Россія довольствоваться Бухарой? и ограничить ли она свои стремленія Аму-Дарьей? Не вдаваясь въ глубокія политическія размышленія, мнѣ кажется очень возможнымъ, что С.-Петербургскій дворъ пожелаетъ получить за свои продолжительныя издержки и утомительные труды лучшее вознагражденіе, чѣмъ Туркестанъ съ его оазисами. Желалъ бы я встрѣтить политика, который осмѣлился бы утверждать, что Россія, однажды завладѣвъ Туркестаномъ, будетъ въ состояніи устоять противъ соблазна подвинуться дальше, въ Афганистанъ или сѣверную Индію, гдѣ, какъ говорятъ, политическія интриги всегда найдутъ плодотворную почву. Въ то время, когда Русскія колонны, подъ предводительствомъ Перовскаго, набросили зловѣщую тѣнь свою отъ западнаго берега Аральскаго моря до Кабула, и когда Витковичъ *) появился въ Ка-

*) Причина тому, что Русскія суда не могутъ идти выше по Аму-Дарьѣ, приписывается песчанымъ отмелямъ его, часто мѣняющимъ свои мѣста. Меня удивляетъ, что Бернсъ говоритъ такъ поверхностно о судоходствѣ этой рѣки. Лодочники, прожившіе цѣлую жизнь на Аму-Дарьѣ, увѣряютъ, что отмели ея такъ часто мѣняютъ свое положеніе, что наблюденія одного дня оказываются бесполезными для слѣдующаго.

*) Это имя Русскаго агента, посланнаго въ 1838 году С.-Петербургскимъ дворомъ въ Афганистанъ.

булъ и Кандагаръ, — уже можно было предвидѣть возможность та-кого рода усложненій. И развѣ то, что случилось однажды, не можетъ, при удобномъ случаѣ повториться снова? *)

И такъ, не придавая вопросу пристрастнаго колорита зависти или ревности, я считаю себя въ правѣ порицать равнодушіе Англій къ планамъ Россіи въ Средней Азій. Таково мое скромное мнѣніе. Но вступить ли Британскій Левъ, въ прямыя враждебныя сношенія съ Русскимъ Медвѣдемъ въ этихъ странахъ, или они побратски, поровну раздѣлять свою добычу, — это вопросъ, къ которому я, соображаясь съ правиломъ: „Ne sutor ultra crepidam“, и въ качествѣ дервиша, посвятившаго себя филологическимъ изслѣдованіямъ, — не осмѣливаюсь подходить ближе.

К О Н Е Ц Ъ.

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

*) Въ то время какъ я это пишу, С.-Петербургскій корреспондентъ Daily Telegraph (10 октября 1864 г.) извѣщаетъ, что Русскіе уже взяли Ташкентъ. Въ достовѣрности этого извѣстія можно сомнѣваться, но что Русскіе тамъ дѣйствуютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

Картографическое Заведение А. Илизина у Николаев. моста д. № 23.